

Ярослав Гашек

ЯРОСЛАВ
Гашек

5

Ярослав Ташек

Собрание
сочинений
в пяти
томах

5

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА ● 1966

**Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
П. Богатырева.**

**Оформление и иллюстрации
художника И. Семенова.**

Рассказы,
статьи
и
фельетоны

РАССКАЗЫ

1914 — 1915

ПЕРЕД УХОДОМ НА ПЕНСИЮ

Преподаватель естествознания Вотруба встретил свою ученицу — бывшую воспитанницу женского лицея — барышню Гансгиркову. Эта встреча совсем не обрадовала педагога, потому что Гансгиркова далеко не преуспевала в естественных науках. На уроках зоологии она путала африканского слона с индийским, на занятиях по минералогии всегда говорила вместо «октаэдр» «октаван»¹. Не проявляла она никакого интереса и к простейшим и низшим организмам, а когда однажды преподаватель Вотруба попросил ее в лаборатории показать, правильно ли она списала с доски химическую формулу роданистого калия, к своему ужасу, он нашел такую запись:

Карел₃ Н Рихард₅ Н

Другими словами, она назначила свидание Карелу в 3, а Рихарду в 5 часов.

Наконец, выплыло наружу, что в одно из воскресений она не могла присутствовать на богослужении из-за того, что выступала в некоем непристойном кабаре и пела там различные шансонетки под псевдонимом Лили Витти.

Это был ужасный удар по престижу лицея. На допросе в дирекции, когда ей сказали, что у нее слишком короткие юбки для воспитанницы старшего класса лицея, она отвечала с удивительно простодушной развязностью, а в ответ на предложение показать свой

¹ О к т а э д р — восьмигранник; о к т а в а н — восьмиклассник.

репертуар спела фривольную шансонетку, сопровождая ее сладострастными движениями. Результат этого выступления воспитанницы шестого «Б» оказался значительно менее привлекательным: законоучитель упал в обморок и опрокинул чернильницу на директора. Совещание педагогов представляло собой весьма печальную картину.

Преподаватель Вотруба голосовал за исключение Гансгирковой обеими руками.

Только один молодой член педагогического совета, внештатный преподаватель, начал было что-то болтать о юной опрометчивости, но вместо слова «опрометчивость» употребил слово «распущенность». После этого и он подписал приговор.

К решению об исключении из лицея Гансгиркова отнеслась совершенно спокойно.

В дверях она показала важным педагогам язык, а когда Свободная ассоциация артистов кабаре устроила очередное выступление, на афишах красовалось: «Среди других выступает Лили Витти-Гансгиркова, бывшая воспитанница женского лицея». На представлении присутствовали младшие члены педагогического совета и получили выговор за нарушение правил благопристойного учебного заведения. Хотя после этого ничего не последовало, но преподаватель чешского языка, ранее нечего делать переводивший отрывки из индийских поэтов, бросил это занятие и, раздав задания воспитанницам, начал сочинять на своих уроках легкомысленные песенки.

Рифмы сами приходили ему в голову при виде стольких улыбающихся девичьих лиц, ибо девушки работали над сочинением «Значение ремесел в Чехии в средние века» страшно небрежно.

Прошло уже довольно много времени после исключения Гансгирковой, и о ней почти перестали вспоминать. Тут ничего уже нельзя было изменить: Гансгиркова стала известной актрисой кабаре.

— Удивительно,— говаривал лишь иногда директор,— что она стала знаменитостью, ведь она не знала аориста * и ни одного неправильного греческого глагола.

А преподаватель Вотруба обыкновенно добавлял:

— И африканского слона не отличала от индийского.

И вот сейчас он встретил ее в вагоне трамвая. Она бесцеремонно подсела к господину Вотрубe и протянула ему маленькую ручку, такую маленькую, что Вотруба даже подумал: «Такая нежная ручка отлично справилась бы с препаратами для микроскопа».

Ему показалось также, что появление этой элегантной дамы в трамвае произвело сенсацию среди пассажиров. Каким-то приятным запахом, ароматом нежных духов веяло от ее костюма.

«Да-а,— подумал Вотруба,— духи — это вещества, действующие на наши органы обоняния и возбуждающие приятные ощущения. Запахи делятся на естественные и искусственные. Естественные могут быть как растительного, так и животного происхождения».

Пока она тараторила, он обратил внимание на мех вокруг ее шейки.

«Мех похож,— решил он,— на поддельный бобер. Возможно, что это какое-то млекопитающее из семейства сумчатых. Если я не ошибаюсь, это тасманский вомбат. Как же он называется по-латыни?»

— *Phascolomys!* — громко произнес Вотруба, обращаясь к своей красивой соседке, которая все время повторяла:

— Ах, какая приятная неожиданность, мы так давно не виделись! Что же вы подделываете?

— *Phascolomys!*— ответил он.— Ах, pardon, я хотел сказать, что мои ученицы доставляют мне столько забот. Ваша одноклассница, барышня Машинова, работает у нас внештатным преподавателем. Она написала такую прекрасную диссертацию о ленточных глистах.

— Она и сама-то всегда была ужасно тощая,— небрежно бросила барышня Гансгиркова.— А как поживает господин Коутнер? Я слышала, что он сошел с ума.

— Коллега просто переутомился,— поспешно ответил господин Вотруба.— Мы хотели с ним вдвоем покончить с Менделеевым.

Какой-то пассажир, сидевший напротив, испуганно уставился на Вотрубy.

— Да,— продолжал тот,— мы хотели на основе новейших изысканий о висмуте опровергнуть Менделеева с его таблицей. Признаюсь, мы стали на ложный путь.

Висмут остается висмутом. Назовите его химический символ, барышня.—«Как и прежде, все то же невнимание»,— вздохнул он, когда Гансгиркова ничего не ответила, продолжая улыбаться.— Вы беспричинно улыбаетесь. Химический символ висмута—Bi. Какие соединения висмута вы знаете? Ах, pardon, извините, я всегда мысленно со своими ученицами.

— Как это приятно слышать от вас!— сказала она, шурясь, что показалось педагогу несколько странным, но не произвело на него дурного впечатления.

— У меня вообще сейчас много забот,— сказал он, дружелюбно поглядывая на нее.— Я занимаюсь вопросами анабиоза некоторых видов животных. Как вам известно, барышня, жабы впадают в зимнюю спячку, от которой они просыпаются весной, когда появляется возможность снова свободно двигаться. Но мне удалось сохранить жабу в состоянии анабиоза в течение двух лет. В прошлом году, когда я посетил Египет с научными целями в поисках следов известного грызуна тушканчика египетского, я случайно столкнулся с анабиозом при вскрытии одного погребения в пирамиде: из склепа выпрыгнула жаба. Я знаю многие виды египетских жаб, и тут мне пришло в голову, что, может быть, это одна из тех библейских жаб, которые во времена Иосифа Прекрасного так досаждали Египту*. Возможно также, что она могла быть еще старше и относилась к эпохе первых фараонов, при которых она забралась в склеп в пирамиде и пробыла тысячелетия в состоянии анабиоза, столь похожего на спячку. Жаба в возрасте четырех тысяч или шести тысяч лет!

Все вокруг засмеялись.

— Мы можем выйти,— сказал он, растерявшись.— Куда вам угодно?

Когда они вышли из вагона, барышня Гансгиркова заметила, что лучше всего зайти куда-нибудь поужинать. Она сказала это с такой милой улыбкой, что преподаватель Вотруба предложил пльзенский ресторан, куда он хаживал в юности, будучи еще практикантом. Сидя с изящной дамой за ресторанным столиком, некоторое время он молча глядел перед собой и затем, словно его подгоняли какие-то упреки совести, заговорил о том, что когда-то пушки отливали из бронзы.

— Восемь процентов олова, сколько-то марганца и остальное медь,— завел он дружеский разговор.— Твердость сплава была 98,75 килограмма на квадратный миллиметр, упругость — 2,5 процента.

Тут подали телячьи почки с картофелем.

— Смотрите, барышня,— говорил он, глядя на Гансгиркову необыкновенно дружелюбно.— В Южной Америке аборигены делают гарнир к телячьим почкам не из картофеля, а из съедобных клубней растения, называемого «ульоко», или «мельюко», принадлежащего к семейству портулаковых.

И, запивая кусок почки пльзенским пивом, добавил:

— Вы были очень слабы в ботанике. Как жаль!

Он сказал это так мягко и грустно и посмотрел на нее так жалобно, что не возникало никакого сомнения, как все это кончится и что теперь очередь за бывшей ученицей господина Вотрубы найти способ его развлечь.

Этот труд был для нее привычным делом. Она предложила пойти в кабаре. Под утро преподаватель учинил большой скандал в баре при кабаре. Он чуть не избил тростью одного господина, который оказался другом барышни Лили Витти-Гансгирковой. При этом Вотруба кричал:

— Убирайтесь отсюда, милостивый государь, это моя бывшая ученица. Я преподаватель лицея Йозеф Вотруба!

Затем он впал в состояние полного оцепенения, которое так восхищало его у жаб.

Проснулся он поздним утром, опоздав на уроки, вспомнил все, что произошло, и подал прошение об уходе на пенсию, совершив этот решительный шаг после удивительных походов со своей бывшей ученицей, которую исключил из учебного заведения.

ПОСТНЫЙ ДЕНЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ДОМЕ

Случилось это как раз в день великого поста, когда воспитанники исправительного дома, одетые в свои арестантские костюмы, должны были стоять внизу, в зале, на коленях и восхвалять господа бога. Надзиратель Отченашек влетел в столовую, где вместе с директором и тремя учителями капеллан Кавка набивал себе рот разными сортами рыбы, жареными и в соусе, и запивал все это вином.

— Пан директор,— отбарабанил Отченашек,— прошу прощения, но этот хулиган Колета съел таракана.

Обеду пришел конец. Капеллан сунул обратно в миску кусок жареного карпа, а директор, который в этот момент поливал рыбным соусом камсу, с отчаянием вылил его на тарелку и отбросил вилку.

Известие это произвело примерно такое же впечатление, как если бы при дворе короля Людовика XIV во время пиршества было обнаружено, что сладости, которые гости съели, были отравлены, или, попросту говоря, когда в сосиске, которую вы едите, окажется кусок ногтя, о происхождении которого невольно начнут приходить в голову самые невероятные истории.

Первым пришел в себя директор.

— А как ведут себя остальные воспитанники?

— Они спорят, проглотит этот хулиган второго таракана или нет, а Колета дерется со Сватеком, потому что Сватек хвастается, что однажды в школе он разжевал лягушку.

Капеллан встал, встал и пан директор. Из трех учителей только один продолжал еще есть, но, услышав о разжеванной лягушке, тоже прекратил еду и блаженно уставился на сутану капеллана.

— Сделайте им внушение, пан законоучитель,—предложил директор капеллану,— объясните им их хулиганские выходы.— И он исчез в коридоре, ведущем к уборным, куда вслед за ним устремились и два учителя, в то время как третий направился к открытому окну...

Капеллан Кавка спустился вниз, в зал. Оторванный от земных дел, его дух охотно вернулся бы в божественное лоно, если бы не сопровождавший капеллана надзиратель Отченашек, обратившийся к нему со словами:

— Не успел я оглянуться, как этот хулиган уже засунул таракана в свой противный рот, преподобный отец. Он притащил его из кухни, где мы ловим их, преподобный отец, на пиво.

И, видя печальное лицо капеллана, надзиратель попытался сострить:

— Он, негодяй, еще опьянеет от этого таракана.

Но угрюмое лицо капеллана не прояснилось, и с таким же печальным и трагическим выражением он вошел в зал, где воспитанники при его появлении принялись бормотать в унисон какую-то молитву, придав по возможности благопристойное выражение своим развеселившимся лицам.

И когда капеллан был уже на середине, они затянули «Слава тебе, господи», украдкой поглядывая назад, где за скамейками Колета, наклонясь над Сватеком, что-то совал ему в рот. Он был так увлечен своими манипуляциями, что его детский голос резко ворвался в «Слава тебе, господи».

— Я тебе покажу лягушку, а это не хочешь проглотить, уродина? Ребята, дайте мне щепку, я ему раздвину зубы.

— Бритый тут,— ткнул его Знаменачек.

Колета вскочил, когда капеллан уже приближался к нему. Сватек вскочил тоже. Надзиратель Отченашек схватил обоих за воротники и держал их, как подвешенных, перед лицом пана капеллана.

Но эти разбойники так искренне смотрели в глаза капеллану и предстарялись такими невинными...

— Вы что здесь делали?

— Мы, простите, молились, преподобный отец.

— Хорошо же вы молились,— перебил надзиратель говорящего,— а что у тебя в кулаке, Колета?

— Я поймал таракана,— сказал невинно Колета,— он полз по Сватеку.

Мальчик раскрыл ладонь, и большое черное насекомое, раздавленное в тот момент, когда он всовывал его в рот Сватеку в это священное время поста, представало перед глазами капеллана, желудок которого начал подступать к горлу.

Он опустил на стул и закричал:

— Негодяи! В такое святое время развлекаться таким мерзким образом и в то время...

Все его мысли волей-неволей начали кружиться вокруг этого предмета...

— ...И в то время, когда церковь предписывает самые строгие нормы в принятии еды и питья, здесь этот прохвост Колета глотает тараканов. О горе, трижды горе такому негодяю, и горе вам, которые вместо того, чтобы во время молитвы...

Мысли пана капеллана вновь обратились к желудку, и он продолжал:

— ...Вместо того, чтобы во время молитвы сокрушаться о своих грехах, вы думаете только о развлечениях и смотрите, как этот негодяй Колета ради потехи, ради никчемного желания развеселить всех вас и опозорить наш приют глотает тараканов. И вам не стыдно, что именно в такое святое время, когда душа должна возноситься высоко...

Он показал на грязный потолок.

— ...Высоко, туда, к блаженству рая, вы глотаете тараканов. Ведь это смертный грех, который вы не искупите, вы его не искупите! Я удивляюсь, чем вы занимаетесь в такое святое время...

Его желудок продолжал бунтовать.

— В такое святое время, когда нельзя принимать ни еду, ни питье, вы набросились на здорового таракана... Эти поросята, эти свинтусы в такое святое время жрут тараканов! Вам, негодяям, не становится плохо, когда вы смотрите на это, когда в такое святое время... Фу, черт...

Он побледнел еще больше, но чувствовал, что говорить он должен именно об этом. Он сопротивлялся, но что было делать несчастному капеллану, если желудок заполнил все его мысли!

— Такое мерзкое насекомое, неужели у вас не вывертывается желудок, господи Иисусе...

Он не мог остановиться.

— В такое святое время вы набиваете желудок тараканами, о милосердный боже... На колени! На колени!— крикнул он еще раз грозным голосом, и тут его, окруженного встающими на колени воспитанниками, начало рвать. Он вытошнил все: рыбу всех сортов, сдобную булку с начинкой и остатки колбасы от завтрака. Шатаясь, он бросился к двери, крикнув напоследок:

— Так стоять два часа!

И они стояли вокруг этого два часа.

Это был самый замечательный и самый веселый постный день в исправительном доме.

БУКЕТИК НЕЗАБУДОК НА МОГИЛУ НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПАРТИИ

I

Меня упрекали, что я до сих пор ничего не написал о национально-социальной партии. Брат Шефрна *, редакционный рассыльный газеты «Ческе слово» *, оценил это такими словами:

— Мы все тебе благодарны, ты вел себя по-джентльменски. А ведь знаешь ты о нас немало, правда?

Однако, чтобы меня не упрекали, будто я, подобно газете «Народни листы», уже два года кое-что знал и не довел этого до сведения общественности, с легким сердцем делаю это сейчас. Да, я кое-что знаю об этой злополучной партии полицейских шпиков. Я не хочу, конечно, утверждать, что, например, и брат Шефрна, этот необычайно скромный человек, также относится к тем восемнадцати членам национально-социальной партии, которые в своем радикализме зашли так далеко, что очутились даже на службе в полиции. Но одна вещь бросилась мне в глаза. Однажды д-р Швига *, находясь в редакции, послал Шефрну купить на 60 геллеров ветчины и дал ему за услугу 40 геллеров.

Кажется, и в этом случае речь шла о попытке привлечь Шефрну на службу государству.

Не могу также утверждать, что у редактора газеты «Ческе слово» Матею были связи с полицией, подчер-

киваю только, что, когда мы однажды ночью шли вместе с ним и я громко кричал, полицейские арестовали лишь меня, а его оставили в покое. Не хочу решительно никого подозревать без оснований, но знаю — и у меня есть под рукой доказательства, — что редактор местной хроники Новый заходит в полицию, чтобы узнать о происшествиях, которые случились за день.

Но если я соберу вместе все свои наблюдения и впечатления, которые накопились за время моего сотрудничества в «Ческом слове», могу только с чистой совестью заявить: ничего хорошего о национально-социальной партии я не знаю!

Ведь в то время я был в полиции, как дома, и один полицейский чиновник как-то даже сказал мне:

— Вот видите, опять вас оштрафовали на 10 крон. А ведь ваше финансовое положение было бы куда лучше, если бы вы не сталкивали извозчиков с козел. Ведь они тоже «братья».

II

Сейчас мне остается только радоваться, что я уже не состою сотрудником газеты «Ческе слово». Мне часто не везло, но в конце концов судьба смилостивилась надо мною, и два с половиной года назад меня выгнали из редакции после того, как я на ночном собрании служащих электрических предприятий обозвал брата Войну болваном за то, что он водил за нос трамвайных служащих так же, как и его «достойные» дружки Стршибрный и Фресл.

С той поры «братья» на меня злятся за то, что в различных статейках, а случается, и на афишах, я всегда подчеркиваю, что я бывший сотрудник газеты «Ческе слово», добавляя при этом совершенно невинно: «а также бывший редактор журнала «Свет звиржат»*».

Эта комбинация — вообще-то очень правильная и закономерная — страшно возмущает «братьев», хотя я и не понимаю, почему же, собственно говоря.

В редакции журнала «Свет звиржат» мы тоже воспитывали полицейских собак. А на псарне у нас всегда были в запасе шпицы, тогда как национально-социаль-

ная партия содержала шпигов куда более крупной породы¹.

Решительно мы должны бы открыть при секретариате институт собаководства, что мы однажды уже и обсуждали.

III

В редакции я наблюдал одну любопытную вещь, которая сейчас, в связи с делом Швиго, выступила еще заметнее в моих воспоминаниях об этой злосчастной партии.

Когда братья-депутаты находились в редакции и кто-либо приходил к ним, спрашивая о чем-нибудь, они всегда шаблонно отвечали: «Сейчас не могу тебе это объяснить, я опаздываю на поезд». И совершенно так же два с половиной года назад сказал д-р Швиго: «С удовольствием бы все объяснил, но я опаздываю на поезд»*. Это уж в крови у членов национально-социальной партии. Все они поступают подобным образом, и у всех своя особая, типичная физиономия. По наблюдениям одного антрополога, члена национально-социальной партии можно узнать сразу, не успеет он и рта открыть.

IV

Д-р Швиго посещал редакцию не часто, поскольку, находясь в Праге, он должен был в это же время быть еще где-то. В редакцию он обычно приходил под вечер и спрашивал, кто пойдет с ним в винный погребок «Мысливна» в «Златой гусе»*. Обычно с ним ходил депутат Клофач. Д-р Швиго говорил, что у него нет более близкого друга, чем Клофач, и что с ним он больше всего любит беседовать. Обычно они сидели в отдельном кабинете, и д-р Швиго держал на коленях красивую черноглазую девушку — барышню из бара. Впоследствии он увез ее в Вену и там выгодно сбыв с рук. Знаю еще, что вниз в «Мысливну» ходил один полицейский комиссар. В то время все национально-социальное движение

¹ Здесь по-чешски игра слов: «špiclík» — шпиц и «špicl» — шпик, сыщик.

сосредоточивалось в «Златой гусе». Кто из главарей партии не был в «Рыхте» или не играл наверху в карты, тот сидел в «Мысливне». Это было время, когда некоторые господа, по-видимому, в связи с чрезвычайными расходами и ограниченным кредитом охотно поддавались соблазну и, как иуды, за жалкие гроши продавали полиции тайные планы национально-социальной партии о разгроме Австрии с помощью учащих ремесленных школ. Выдавали они и другие дела.

Однажды в «Мысливне» зашла речь о том, что в Национальном совете * произошел крупный конфликт. Д-р Подлипный послал за паприкой, а когда ее принесли, она оказалась холодной.

— Это любопытно,— сказал присутствовавший при этом разговоре д-р Швига, вынимая из кармана записную книжку.— Я должен взять это на заметку.

Затем он удалился. Сейчас мы знаем, что он поехал сообщить о происшествии с паприкой в Национальном совете полицейскому комиссару д-ру Климе. И тогда уже его совесть была нечиста. Но он не был таким циником, как думают некоторые. Об этом свидетельствует следующий факт: когда депутаты от национально-социальной партии * собирались посетить в Панкраце арестованного Гатину * и хотели, чтобы в этом участвовал д-р Швига, тот отговорился тем, что такой визит очень его взволнует. В нем заговорила совесть. Конечно, это нервы! Он проделывал все это по своей нервозности. Однажды из Вены пришло на его имя письмо. Главный редактор Пихл по ошибке распечатал его, показал д-ру Гюбшману и взволнованно сказал:

— Швига должен объяснить нам и это.

Пихл, конечно знает, что там было написано. В конце концов, зачем это отрицать: «Народни листы» знали об этом два года назад, а «Ческе слово» — уже четыре года.

V

В то время в числе сотрудников редакции был и Скорковский, который наряду с Шефрной играл роль редакционного шута. Ныне ради своей славы в «Буде» * на Целетной улице он помещает в «Вечернике»

газеты «Ческе слово» непроходимые глупости как в разделе фельетонов, так и в других разделах. Он уже и тогда считал себя политиком международного масштаба. Это, конечно, нездоровое явление, ибо он был и остается лишь фотографом, и только им. А фотограф он и в самом деле превосходный и умел готовить в своем фотоателье замечательные ликеры. Международная политика, платинохромия и ликеры — вот основы, которые взрастили Скорковского.

Когда бы Клофач ни шел мимо, он всегда забегал в фотоателье выпить водки, и мы встречались там очень часто. Решали различные политические проблемы, и, насколько мне известно, лучше всего это получалось за мятным ликером.

Хаживал туда также красноносый Симонидес, о котором Хоц сострил, что Симонидесу достаточно в петличке и белой гвоздики, а красная у него на носу.

Симонидес с Богачем * в то время вершили политику магистрата тоже в «Златой гусе». Мы вообще все время выпивали. Выпивали, занимаясь внутренней политикой, выпивали, занимаясь международной политикой. Выпивали мы и в редакции, и Пихл каждый день бредил каким-то зельцем из Панкраца.

А во время редакционных совещаний мы посылали наверх, в игорный зал «Златой гуси» за депутатом Стршибрным.

Вернувшись, Шефрна всегда докладывал, что брат Стршибрный сейчас же придет, как только закончит еще одну партию в карты.

VI

Помнится, что Стршибрный бывал всегда взволнован, когда его неожиданно отрывали от карт. Он посылал Шефрну за дебрецинскими сосисками с паприкой и говорил о плохом кредите. Находясь в Праге, он, как правило, ежедневно проигрывал от 50 до 100 крон, а иногда и больше. Однажды он пошел ходатайствовать по какому-то делу к полицейскому советнику Зербони и

долго не возвращался, хотя мы ждали от него передовую статью.

— Слава богу,— сказал он, входя,— наконец-то я договорился с одним господином, чтобы он подписал мне этот вексель.

А с финансовыми делами меньшего масштаба Стршибрный всегда обращался к брату Трегеру, торговцу и коммерции советнику.

В конце концов терпение Трегера однажды лопнуло, и он воскликнул:

— Что же это такое! Триста крон! Когда вся наша партия и гроша ломаного не стоит!

После крупного карточного проигрыша Стршибрный всегда говорил в редакции:

— Проклятое невезенье! Сегодня опять отыграюсь на правительстве.

Однажды он проиграл большую сумму, и по его инициативе в парламенте была устроена обструкция.

Возможно, он опять хотел добыть денег. Впрочем, поговаривали, что если бы откуда-нибудь что-то ему перепало, так он заплатил бы все долги.

Говорили, что будто кто-то одолжил Стршибрному двадцать тысяч крон. Я этому не верю — он тогда не захотел дать мне в долг даже крону. Или, возможно, он поступил так из предусмотрительности, чтобы не выдать себя?

VII

И так они дефилируют один за другим. Бросается в глаза и то обстоятельство, что в государственной тайной полиции есть Славичек и национально-социальная партия также имеет Славичка *. Депутат Лысый интересен тем, что страдает навязчивой идеей особого рода: если политические враги закричат ему вслед: «Куда идешь, Лысый?» — то их сожрут медведи, как библейского пророка Елисея. Редактор Свозил никогда не скрывал своего поповского фарисейства и вечно занимался сомнительными операциями с банками и страховыми кассами. Кроме того, у него всегда были запасы первоклассной словацкой сливовицы, с помощью которой он приобретал себе приверженцев. Редактор Шпат-

ный больше всего любил показывать фотографию своей спины, которую ему однажды исполосовали немцы в Карловых Варах. Как-то раз он спросил меня:

— Послушай, брат, а как называется столица Бельгии?

И так один за другим...

И все эти заправки вместе с братом Пихлом — безвредным в других отношениях, кроме, разве того, что из года в год он ездит по одним и тем же местам Чехии и все с одной и той же лекцией о Яне Гусе,—всегда спрашивали в редакции:

— Не было ли с почтой чего-нибудь на мое имя?

Видимо, их интересуют такие же письма, как и те, швиговские, которые не дошли по адресу и которые так великолепно характеризуют эту злосчастную партию.

КОЕ-ЧТО О СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТАХ

Когда я слышу речь судебного эксперта, то всякий раз вспоминаю господина Шпалу, судебного эксперта по керосину и крупам.

Что по сравнению с ним представляли собой все те, кто ходил в то же кафе, что и он? Господин Шпала смотрел на них свысока, презрительно. Люди были для него жалкими смертными, ничтожными червячками, потому что ничего не смыслили в керосине. А поскольку никто из них не разбирался также и в крупах, они казались ему ограниченными полудиотами.

Господин судебный эксперт считал всех людей круглыми нулями, пигмеями, над которыми он возвышался, словно Гималаи над Ржипом.

Будучи очень щепетилен в своих отношениях с окружающими, состоявшими из массы невежд, среди которых он блистал, подобно солнцу, он смотрел на них холодно, полагая, что столь замечательный человек, стоящий выше своей среды, не может дарить дружеские общительные улыбки кому попало вокруг себя. Ведь на его визитных карточках было напечатано: «Вацлав Шпала, судебный эксперт, специалист по керосину и крупам, коммерции советник и рантье».

А что такое науки и искусства в сравнении с керосином и крупами?!

Когда в зале судебного заседания он читал свое заключение, голос его звучал восторженно: «Предъявленный мне керосин имел вид чистой, прозрачной жид-

кости и при пробе на язык ощущался горький привкус нефти».

После этого мне стал понятен его меланхолический взгляд. Если человек в интересах справедливости должен лизать керосин, то...

А какой восторг звучал в громком голосе господина Шпалы, когда он читал в зале судебного заседания свое заключение о крупах:

«Предъявленные мне крупы маслянисты на ощупь, что можно объяснить лишь недостаточной их просушкой. При ближайшем рассмотрении мною установлено, что крупы были размельчены и раздроблены, что свидетельствует об их преднамеренной порче».

Таков был господин Шпала. С возрастом он потерял память и однажды, производя экспертизу круп, сказал: «Предъявленные мне крупы имели вид чистой, прозрачной жидкости, при пробе на язык ощущался горький привкус нефти».

Славный суд, конечно, ничего не заметил, и обвиняемого осудили за фальсификацию пищевых продуктов.

А господин Шпала чем дальше, тем все больше терял память, и его последнее заключение звучало так:

«Эти крупы хранились в незапечатанных бутылках и без надписи «для освещения»...

Другой судебный эксперт, которого я хорошо знал, был господин Гавел. Волею судеб он стал экспертом в области кинологии. То есть он принадлежал к тем людям, которые собаку съели в науке о собаках. Этот господин был из так называемых экспертов-прорицателей и ясновидящих. В Беле под Бездезом это свойство господина Гавела проявилось необыкновенно ярко, к величайшему изумлению всех присутствующих. Речь шла о тяжбе двух соседей. Они играли в карты, и по несчастной случайности у одного из них из рукава выпала карта.

На этом кончилась их дружба, и дело зашло настолько далеко, что бывший партнер застрелил на своем земельном участке собаку незадачливого игрока. Пострадавший заявил, что собака эта стоила 300 крон, и господин Гавел через три года после происшествия был приглашен для экспертизы. Он приехал на место и распорядился выкопать собачьи кости. Искали их довольно долго, пока действительно не наткнулись на место, где,

возможно, пес был зарыт. Судебный эксперт окинул беглым взглядом собачьи останки и сказал:

— Собака была крупной породы, чистокровный сенбернар, белый с желтыми пятнами, звали его, как я вижу...

— Благодарю вас,— сказал судья,— это уже записано в протоколе...

Но, конечно, есть среди судебных экспертов и не столь пылкие энтузиасты. Один эксперт—«специалист по поджогам»,— как шутливо говорится в суде, сделал такое заключение:

«Не могу с чистой совестью утверждать, что эта рига была подожжена через поливание соломы предполагаемым керосином, ибо, как установлено, не было найдено ни одной пустой бутылки из-под керосина; во-вторых, было установлено также, что в риге никакой соломы не лежало, а в-третьих, как я слышал, в ригу ударила молния».

Таковы, следовательно, эксперты, которые не желают молчать и считают своим долгом во что бы то ни стало поговорить вволю перед славным судом и публикой.

На одном судебном процессе с участием присяжных заседателей эксперт по почеркам доказывал, что обвиняемый, несомненно, подписал вексель, потому что у буквы «б» кругленькое брюшко.

— У вас тоже кругленькое брюшко, а вы не буква «б»! — воскликнул в ответ на это обвиняемый, отягощая тем самым свою вину в глазах присяжных.

Итак, дело часто доходит до крупных разногласий между судебными экспертами и обвиняемыми и их адвокатами.

Создается впечатление, что адвокаты всегда обязаны сомневаться в серьезности экспертизы. Больше всего ошибок выявлено в заключениях о почерке. Адвокатам работать легко. Они, например, ссылаются при этом на крупный процесс в Вене (1897 год), когда только через два года после осуждения обвиняемого подлинный преступник добровольно признался, что действительно сам написал письмо, из-за которого другой человек был невинно приговорен к двадцатилетнему тюремному заключению.

В этом случае речь шла об убийстве. Жертву зама-

нили письмом на место преступления, и эксперты по почерку пришли к выводу, что письмо написал невинно осужденный.

Один защитник коснулся убедительности заключений судебных экспертов-графологов и с такой точки зрения:

«В школах, особенно торговых, сейчас придерживаются единой системы письма. И потому свыше чем у 50 процентов людей одинаковые почерки. Далее доказано, что у 20 процентов людей нет установившегося почерка, и всякий раз они пишут по-разному».

Один судебный эксперт-графолог сделал заключение, что письмо писала взволнованная молодая девушка. А написал его ее дедушка.

Недавно одна судейская коллегия попала впросак. Пригласили судебного эксперта-графолога, хотя речь шла о письме, написанном на пишущей машинке.

Что оставалось делать бедняге? Помня о своей присяге, он сообщил, что письмо написано на пишущей машинке, в системе которой он не разбирается, и что он не знает, умеет ли обвиняемый писать на машинке.

(Суд поверил обвиняемому, что тот не умеет писать на машинке, поскольку окончил чехославянскую торговую академию.)

Любопытны бывают заключения судебно-медицинской экспертизы. От этой экспертизы в 90 процентах дел зависит судьба обвиняемого.

Поэтому так странно выглядят заключения некоего судебно-медицинского эксперта, который в одном случае заявил: «У обвиняемого наблюдалось чрезвычайное, бросающееся в глаза спокойствие», — а через две недели, в другом случае, — «у обвиняемого наблюдалось чрезвычайное, бросающееся в глаза беспокойство».

А иногда приходится слышать и такие вещи, что у слушателей от ужаса волосы встают дыбом.

Я знаю одного эксперта-медика, который кажется очень добродушным, но не так давно он сказал в своем заключении:

— По своему собственному опыту я знаю, что после удара топором не всякий падает сразу...

УРОК ЗАКОНА БОЖЬЕГО

Короуповские ребята знали из закона божьего только то, что господь бог в неизреченной благодати своей создал прутья. Вслед за тем он создал законоучителя Горачка. Оба эти предмета взаимно друг друга дополняли. Потом он научил людей делать из прутьев розги, а законоучителя Горачка — с необычайной ловкостью пользоваться этими розгами.

Начиналось обычно с того, что капеллан Горачек, войдя в класс, мрачно смотрел на вытянувшиеся физиономии учеников и произносил:

— А ну-ка, Ваничек, идиот этакий, перечисли мне семь смертных грехов в обратном порядке!

В искусстве ставить вопросы законоучитель Горачек был настоящий виртуоз. Он заставлял учеников перечислять в обратном порядке десять заповедей господних или требовал:

— Людвик, отвечай быстро, негодяй, какая заповедь на третьем месте от конца, перед «Не убий»?

Получалась какая-то божественная математика, кончавшаяся поркой в виде печального душеспасительно-арифметического итога.

Так было всегда; поэтому понятно, что каждый вызываемый — будь то Ваничек или Бухар, Людвик или кто другой — неохотно подымался из-за парты и подходил к кафедре.

Каждый шел, испытывая сомнение в неизреченной благодати божьей, заранее уверенный, что дело кончится печально и что религиозные понятия содержатся не в ка-

техизисе, а в той части штанов, которая протирается от продолжительного сидения.

Дело несложное — выставить зад всем напоказ и дать опытной руке законоучителя высечь тебя проклятой розгой.

Эти сцены повторялись регулярно через день. С ласковой улыбкой клал Горачек ребят одного за другим к себе на колени и говорил им:

— Благодарите бога, мерзавцы, что я могу пороть вас.

Как-то раз Вепршек из соседнего села Козьи дворы принес известие, что хорошо, мол, намазывать розгу чесноком: будто бы не так больно, а розга от удара ломается.

Известие это так отвечало их безумным мечтаниям, и они до того уверовали в этот самый чеснок, что во время натирания розги Кратохвил даже плакал от радости.

Но произошло то, что можно назвать крахом всех чаяний короуповской школы, печальной повестью об обманутых надеждах.

Законоучитель исчерпывающим образом разъяснил им все на их задах, а затем прочел лекцию на тему о том, что их проделка с чесноком есть не что иное, как обман, к тому же смешной, как они могли убедиться. Наказаны они по заслугам: ведь они хотели обмануть самого господ бога. Он описал им губительные последствия, которые их поступок может иметь для их жизни. Это первый шаг к нравственному падению и полной гибели. Он готов душу свою прозакладывать, что чеснок ими украден, и за это он их еще раз выпорот. Нет никакого сомнения, что все они, за исключением сына управляющего Веноушка и Зденека (эти двое никогда не подвергались порке; отец Зденека был членом школьного совета), кончат жизнь на виселице...

Так безрадостно уплывал день за днем, не принося никаких перемен. Казалось, над короуповскими ребятами навис неотвратимый рок, от которого нет защиты. Однако хромой Мельгуба придавал всей этой религиозной борьбе новое направление.

Играя с товарищами возле пруда, он поделился с ними результатами проделанного дома опыта с бумагой: он набил себе в штаны бумаги и разбил горшок с мо-

локом; его тотчас отхлестали ремнем, и боль была вдвое слабее, чем при обычных условиях. После этого сообщения школьники прониклись к бумаге таким же уважением, как китайцы, подбирающие каждую бумажку, чтобы сберечь ее; только в данном случае, наоборот, бумага должна была уберечь своих почитателей. Сын лавочника Мистерка взялся доставлять спасительное средство, и законоучитель скоро заметил, что на лицах несчастных уже не появляется столь явно выраженных признаков страдания.

Тщательно вдумавшись в это обстоятельство, он пришел к выводу, что, видимо, у них огрубела кожа и что ему необходимо обзавестись для уроков закона божьего более крепкой розгой, поскольку господь бог позволяет произрастать также более твердым и толстым прутьям.

И вот, выстроив в ряд перед кафедрой приговоренных к экзекуции, он объявил им, что они, видимо, слишком привыкли к тонкой розге.

— Вот тебе деньги,— обратился он к Мистерке.— Скажи отцу, чтоб он прислал мне розгу покрепче.

Видя, что лица преступников изображают полную растерянность, он начал потирать себе руки. Губы его исказила жестокая гримаса. Он уже предвкушал новое наслаждение.

Отец Мистерки выбрал отличную розгу, толщина которой сводила на нет все значение защитного слоя бумаги.

Возникла необходимость усовершенствовать изобретение, и однажды Мельгуба произнес возле пруда спасительное слово:

— Картон!

Оно произвело нужное действие, и законоучитель на уроках опять завздыхал:

— Господи, до чего толстокожие!

И в конце концов велел Мистерке купить еще более толстую розгу. Это была самая крепкая из всех, какие только бывали в Короупове. Картон не выдержал ее ударов.

— Теперь нам крышка!— вздыхал возле пруда Мельгуба.

На следующем уроке закона божьего они сидели за партами, уныло глядя в пространство: понимали, что

всякая борьба бесполезна. Только Вепршек слегка улыбался.

Тем неопределеннее были их ответы на вопрос о том, когда бог впервые явил людям свое неизреченное милосердие. В результате перед кафедрой предстало пятнадцать человек, в том числе и Вепршек.

Десять были уже выпороты и ревели, услаждая сердце наставника, когда настала очередь Вепршека.

Вот он лег на колено законоучителя. Вот крепкая розга засвистела в воздухе... и — бумм! — раздался страшный грохот, как если бы кто изо всех сил ударил в литавры или трахнул дубиной в большой гонг.

Выпустив улыбающегося Вепршека, законоучитель взревел:

— Долой штаны!

Вепршек перестал улыбаться, спустил штаны и подал законоучителю жестяную табличку, которую взял накануне в костеле.

Потрясенный законоучитель прочел на ней: «Жертвуйте на украшение храма господня!»

РОМАН БОЖЕНКИ ГРАФНЕТРОВОЙ

Боженка Графнетрова, о которой пойдет речь, вовсе не была какой-то законченной суффражисткой *, но та великая эпоха наложила на нее такой же отпечаток, что и на ее сестер в Англии, она смотрела на мужчин так же холодно, и голубые глаза ее глядели по сторонам совершенно спокойно, как бы говоря: «Нет, меня вы не проведете!»

Если ей приходилось вступать в какое-нибудь деловое общение с женщиной, хотя бы со служащим продовольственной таможни, она делала это без тени кокетства, и глаза ее сохраняли при этом холодное, строгое выражение.

Могла ли она смотреть на мужчин иначе, когда ее подруги в Англии жгли железнодорожные станции, особняки и доходные дома, когда эти нежные существа вели себя хуже башибузуков *?

Могла ли она улыбаться, придя в магистрат по какому-нибудь поручению отца и разговаривая там с множеством молодых людей, коли это все те же мужчины, которые в Англии насильно кормили в клетках пойманных хищниц?

Если же, с другой стороны, мы учтем, сколько приходилось ей читать об обманутых женщинах, то не будем удивляться, что она глядит на вас скептически и что взгляд ее, остановившись на вас в трамвае, как бы выражает ее излюбленный лозунг: «Нет, меня вы не проведете!»

Вы даже не думали о том, как провести эту голубоглазую блондинку. Бог свидетель, вы вовсе не обращали внимания на Боженку Графнетрову! Но это вам не поможет. Отыскав среди сидящих в вагоне представителя мужского пола, особенно молодого, глаза ее тотчас объявляют ему то же самое, что заявила эта юная особа господину, подсадившему ее в вагон: «Нет, сударь, меня вы не проведете!»

У Боженки Графнетровой была своя система, при помощи которой она давала понять, что проникла в замыслы мужчины. Система эта состояла в высматривании и выискивании тех, кто заслуживает неожиданного ледяного душа.

На улице она то и дело оглядывалась, и если какой-нибудь простак, заметив это и поняв превратно, возвращался и пробовал ее догнать, она, оглянувшись еще раз, останавливалась у витрины, неподалеку от постового полицейского. И когда — господи, прости этому дурню! — молодой человек подходил к ней со словами: «Разрешите проводить вас, сударыня!» — она кидалась к блюстителю порядка: «Помогите, пожалуйста! Этот молодой человек пристает ко мне!»

Полицейские, постоянно дежурившие на проспекте Фердинанда, излюбленном пражанами месте прогулок, очень хорошо ее знали, так как она часто применяла эту свою охлаждающую систему именно там.

Знали Боженку Графнетрову и в сальмовском полицейском участке, куда, по ее требованию, был доставлен один упорный юноша, прельщенный ею и отвергнутый, но желавший во что бы то ни стало проводить ее и на ее энергично: «Сударь, отстаньте от меня!» — возразивший: «Ладно, ладно, душенька!»

Она страшно обижалась, когда ее называли так. Както раз один таможенный чиновник спросил ее:

— Что несете, душенька?

— Кто это «душенька»? — сурово переспросила она. — Я буду жаловаться.

Она ворвалась в канцелярию. Там начальник ласково осведомился:

— Что вам угодно, душенька?

Когда к ней вернулось сознание, она выбежала из канцелярии и дома плакала от ярости. Черт бы их по-

брал, этих мужчин! Стоит упасть в обморок, как они уже норовят расшнуровать корсет!

С той поры Боженка из осторожности отказалась от корсета, думая с удовлетворением: «Теперь уж меня не проведете!»

Золотая моя Боженка Графнетрова! Как стойко отбивались вы от мужчин,— не хуже Гретхен, которая на обращение к ней Фауста: «Прекрасная барышня!» — ответила с девическим целомудрием: «Я не барышня и вовсе не прекрасная» *. (Хорошо, что он не назвал ее «прекрасной девой».) Не столь энергично ополчалась Орлеанская дева против рыжих детей Генриха *, сколь отважно наша героиня ездила в Стромовку *, где всегда так много индивидуумов мужского пола, бездельников, подсаживающихся к боженкам на лавочку и начинающих с ними заговаривать с целью завязать знакомство.

Боженка ездила в этот опасный район гордо и смело, как все завоеватели мира.

Нет, она не даст подкупить себя льстивыми словами, ей хорошо известны эти мужские козни! Она брала из отцовской библиотеки какую-нибудь книгу в красивом переплете и, приехав в Стромовку, в ожидании жертвы, скромно садилась где-нибудь на уединенную скамейку.

Раз она обратилась к господину, севшему рядом с ней и не сказавшему ей ни слова, с вопросом:

— Что вам от меня надо, сударь?

— Ничего, деточка.

— Я вам не деточка, понимаете? И мне прекрасно известно, зачем вы здесь сели. Вы собираетесь заговорить со мной об осени, о том, как падают пожелтевшие листья, о том, что ваша жизнь — тоже осень, в ней нет солнца и как его вам не хватает. Но меня на это не поймаете. Будьте здоровы.— И с обиженным видом удалилась.

Он растерянно глядел ей вслед, бормоча себе под нос:

— Девчонка с ума сошла! У меня и в мыслях не было с ней заговаривать. Я слова ей не сказал!

А достойная Боженка Графнетрова шла по дорожкам Стромовки, твердя про себя: «Ловко я его срезала!.. Даже здесь девушке нет покоя от мужчин!»

Но как-то раз на другом конце Стромовки она на свой вопрос получила грубый ответ:

— Тогда чего вы сюда шляетесь?

Ее самолюбие было глубоко этим задето, и она здорово отругала обидчика.

Часто она думала, бродя по дорожкам Стромовки: «Вот, привел бы бог, кто-нибудь попробовал бы меня поцеловать: я дала бы этому человеку пощечину и убежала!»

Так она и поступила с одним господином, сидевшим на скамейке, на которую она решила сесть. Он осведомился, что у нее за книга. Боженка сама не знала, какая у нее книга в руках, так как не заглядывала в нее.

— Сударь,— ответила она.— Это ловушка, я очень хорошо понимаю: так завязывают знакомства. Но меня не проведете! Потом вы назовете меня какими-нибудь ласковыми словами и потребуете поцелуя, но я вам покажу!

Она дала ему пощечину и убежала.

Ночью она спала спокойно и видела во сне, будто рубит мужчинам головы. Сон был такой приятный, такой яркий и красивый... Но наступило утро, и пришлось вставать, так как отец послал ее в банк получать какие-то деньги.

Она охотно отправилась туда, потому что никто из тамошних молодых людей не обращал на нее внимания, после того как она не раз заявляла им, что считает их распутниками.

Ей выплатили по чеку триста крон, и она пошла домой, гордая, смелая, спрятав деньги в сумочку.

У выхода ей встретился красивый черноглазый молодой человек в элегантном костюме.

Поклонившись, он учтиво промолвил:

— Простите, мадемуазель. Вы не скажете, как пройти на Лазарскую улицу?

Такого вопроса ей никто еще не задавал. Мгновение поколебавшись, она ответила:

— Пойдемте, я покажу вам. Я иду на Смихов*.

Они пошли. Он извинился, объяснил, что приехал из Пльзени, и просил ее не сердиться.

Она возразила, что не сердится, но что все мужчины лживы.

— Вы правы, они негодяи,— согласился он.

Это ей понравилось. В глазах ее, обращенных на него, уже не было выражения: «Меня вы, сударь, не проведете!»

А когда они на Перштыне попали в толпу, этот милый, славный молодой человек вырвал у нее сумочку и скрылся.

Золотая моя Боженка Графнетрова! Что делалось, наверно, в твоей невинной головке, когда тебя же потом обзывали дома потаскушкой и попрекали тем, что ты бегаешь за мужчинами!

Какой мучительный получился роман, смиховская Гретхен!

КАК Я ТОРГОВАЛ СОБАКАМИ

I

Я всегда страшно любил животных. Ребенком таскал домой мышей, а однажды даже в школу не пошел: целый день играл мертвой кошкой.

Интересовался я и змеями. Как-то раз, поймав на лесистом горном склоне змею, я решил взять ее с собой и выпустить живьем в постель к тете Анне, которую терпеть не мог. По счастью, тут как раз случился лесничий. Он определил, что это гадюка, убил ее и понес сдавать, чтобы получить положенную награду.

В возрасте восемнадцати — двадцати четырех лет у меня проснулся интерес к крупным животным, верблюдам и слонам всех разновидностей.

За время от двадцати четырех до двадцати восьми лет эта страсть пошла на убыль: внимание мое стали привлекать коровы и лошади. Мне захотелось иметь конный завод либо ферму симментальского скота. Эта мечта осталась неосуществленной; пришлось ограничить свою страсть объектами меньших размеров. Я предпочел собак кошкам. А на пороге четвертого десятилетия моей жизни у меня возникли кое-какие трения с родными. Они стали корить меня за то, что я живу не как все люди и до сих пор ничего не сделал, чтобы стать самостоятельным.

Быстро приняв решение, я объявил им, что ввиду своего интереса и любви к животным намерен открыть торговлю собаками. Должен признаться, родным это не понравилось.

Открывая торговое заведение, необходимо, разумеется, подумать о вывеске, ярко выражающей самый характер предприятия. Для данного случая подошел бы термин «псарня», но я не мог им воспользоваться, так как один мой дальний родственник служит в министерстве и стал бы протестовать.

Простое название — «Торговля собаками» — тоже не годилось, так как я имел в виду поставить дело на научных началах. В научном словаре мне попалось слово «кинология» (что значит наука о собаках), а вскоре мне случилось быть около агрономического института. И судьба моего заведения была решена: я дал ему название «Кинологический институт». Название ученое, солидное, которое расшифровывается — как я и делал в своих подробных объявлениях — следующим образом: «Разведение, покупка, продажа и обмен собак на кинологической основе».

Этими пространными объявлениями, в которых то и дело повторялась формула «кинологический институт», я молча упивался наедине с собой. Наконец-то я — владелец института. Кто не переживал подобного, тот не представляет себе, какое это гордое, захватывающее чувство. В своих объявлениях я обещал квалифицированные консультации по всем вопросам, связанным с собаками. Сулил каждому, купившему дюжину собак, щенка в виде бесплатного приложения. Напоминал, что собака — самый подходящий подарок ко дню именин, конфирмации, помолвки, свадьбы, юбилея. Для детей — это игрушка, которую не так легко сломать или разорвать. Собака — надежный проводник, который не нападет на вас в лесу. В питомнике представлены все породы собак. Поддерживается непосредственная связь с границей. При институте имеется воспитательное учреждение для злонаправленных собак. Самый свирепый пес, пробыв в моем институте две недели, отучится рычать и кусаться. Как быть с собакой на каникулы? Сдать ее в Кинологический институт. Где собака научится в три дня стоять на задних лапах? В Кинологическом институте.

Мой дядя, ознакомившись с этими объявлениями, озабоченно покачал головой и промолвил:

— Нет, милый, ты, видно, нездоров. У тебя никогда не бывает болей в затылке?

Но я глядел в будущее с надеждой и, не имея пока ни одной собаки, с нетерпением ждал заказа, разыскивая в то же время через объявления честного, старательного помощника непризывного возраста, которому не пришлось бы, едва привыкнув к собачкам, идти в армию.

III

Мое объявление о том, что «торговому заведению нужен служитель для ухода за собаками», вызвало массу предложений, часть которых отличалась большой убедительностью. Один отставной сельский полицейский писал, что, если я возьму его к себе на службу, он научит собак прыгать через палку и стоять на голове.

Другой корреспондент уверял, что умеет обращаться с собаками, так как работал помощником будейовицкого живодера и был уволен с этой должности за слишком мягкое обращение с убитыми животными.

Третий претендент, спутав «кинологический институт» с «гинекологическим», сообщал, что служил в родильном доме и в женских клиниках.

Среди кандидатов было пятнадцать окончивших юридический факультет, двенадцать кончили учительский институт. Кроме того, пришло отношение «Общества покровительства освобожденным уголовникам» о том, чтобы я по поводу замещения вакансии слуги обратился к ним, так как у них есть для меня один очень хороший работник, специалист по ограблению касс. Иные предложения были полны печали и безнадежности. Некоторые писали, например, в таком тоне: «Хотя я заранее уверен, что не получу этого места...»

Нашелся в этой толпе претендентов человек, владевший испанским, английским, французским, турецким, русским, польским, хорватским, немецким, венгерским и датским языками. Одно письмо было написано по-латыни.

Наконец я получил следующее простое, но искреннее заявление: «Милостивый государь! Когда я должен приступить к своим обязанностям? С совершенным почтением Ладислав Чижек, Коширже».

Вопрос был поставлен ребром, и мне ничего не оставалось, как ответить, чтобы писавший пришел в среду в восемь часов утра. Я почувствовал к нему глубокую благодарность за то, что он избавил меня от продолжительных тягостных колебаний, связанных с необходимостью делать выбор.

В среду в восемь утра мой новый слуга вступил в должность. Он был маленького роста, с лицом, изъеденным оспой, очень подвижной. Впервые увидев меня, он подал мне руку и весело промолвил:

— Погода-то, видно, до завтра не разгуляется... А говорят, на Пльзеньской в семь утра трамваи столкнулись.

Потом, вынув из кармана коротенькую трубочку, сказал, что получил ее от шофера фирмы «Стибрал» и курит венгерский табак. Потом сообщил, что у Банзетов в Нуслях есть официантка по имени Пепина, и осведомился, не учились ли мы с ним вместе в школе. Потом завел речь об одной таксе, которую, ежели покупать, так надо обязательно выкрасить и еще немножко выгнуть ей лапы.

— Вы знаете толк в собаках? — обрадовался я.

— Ну конечно. Я сам торговал собаками и даже имел из-за этого судебные неприятности. Как-то раз веду домой боксера. Вдруг останавливает меня на улице какой-то господин: будто это его собака. Он, мол, потерял ее два часа тому назад на Овощной улице. «Почем вы знаете, что это ваша собака?» «Потому что ее зовут Мупо. Пойди сюда, Мупо!» И вы не можете себе представить, как радостно стал на него прыгать этот пес. «Боско! — крикнул я. — Боско, фу!» Он давай так же радостно кидаться на меня. Тупое животное! Хуже всего то, что в суде я забыл, что тот раз назвал его «Боско». Но он отозвался и на «Буберле» и опять мне обрадовался... Теперь что? Собачку какую-нибудь пойти поискать?

— Нет, Чижек, у меня торговля солидно поставлена. Будем ждать покупателя, а пока давайте посмотрим, какие объявления в разделе «Животные»: кто что продает, каких пород собаки... Представьте себе, одна дама хочет продать годовалого белого шпица: ей держать негде, слишком тесно. Неужели шпицы такие большие, что могут мешать? Так ступайте на Школьную и купите его. Вот вам тридцать крон.

Он удалился, уверяя, что минуты не задержится лишней, а вернулся через три часа. Но в каком состоянии! Котелок нахлобучен на уши, сам качается из стороны в сторону, словно шагая в бурю по палубе, и в руке крепко зажат конец волочащейся по земле веревки. Я поглядел на другой конец — там ничего не было.

— Ну... как?.. Нравится вам? Славная штучка, правда? Разве я не быстро... — Он стал икать, стараясь шагнуть прямо в дверь комнаты. — Взгляните на уши... Идем, дурашка... Ишь упирается... Ну чего ты?.. А ведь она продавать не хотела...

Тут он оглянулся, посмотрел на конец веревки. Выпучив глаза, взял его в руки, ощупал и продолжал, икая:

— Час на... назад еще там... бы... был...

Он сел на стул, тотчас же свалился с него, потом, цепляясь за меня, с трудом принял вертикальное положение и произнес торжественно, словно объявляя о каком-то чуде:

— Видно, сбежал от нас.

Опять сел на стул и захрапел.

Так прошел первый день его службы.

Я стал смотреть в окно. По улице то и дело пробегали разные собаки; мне казалось, все они продаются. Между тем сидевший рядом продолжал дико храпеть. Я пробовал разбудить его, так как мне не давала покоя мысль, что вот-вот явится покупатель и потребует сразу всех собак.

Но никто не приходил, так что будить было незачем. Да и добился я только того, что он сполз со стула. В конце концов через три часа он сам проснулся и, протирая глаза, хриплым голосом произнёс:

— Кажется, я сделал что-то не то.

Он стал припоминать отдельные подробности, распространяться о шпиге, о его красоте, о том, как дешево его уступила хозяйка: он заплатил всего десять крон, уверив ее, что собака попадет в очень хорошие руки. Потом рассказал, как шпиц не хотел с ним идти, как он его за это отхлестал. И сейчас же заговорил о том, что зашел к одному приятелю, который держит трактир на Смихове, и встретил у него еще несколько человек знакомых. Пили какое-то вино, ликеры. Человек — существо слабое...

— Ладно,— прервал я его.— Но я ведь дал вам тридцать крон. Верните мне двадцать.

Это нисколько его не смутило.

— У меня действительно оставалось двадцать крон. Но, чтобы сделать вам приятное, я зашел еще на Швига-нец и дал там некоему Кроткому в задаток за щенят десять крон. У него замечательно интересная сучка и скоро должна ощениться. Любопытно, какой породы щенят принесет? Самое главное, они от нас не ускользнут, я договорился. Потом шел мимо Палиарки, там отличная крольчиха продается...

— Что вы говорите, Чижек? Опомнитесь! Разве я торгую кроликами?

— А я сказал «крольчиха»? — переспросил мой помощник.— Значит, оговорился. Я хотел сказать: шотландская сука — овчарка. Тоже беременная. Там я оставил задаток в десять крон, только не за щенят, а за суку: щенята владельцу останутся. Потом шел я по Кроциновой...

— Уже без денег?

— Да, да, правильно, денег у меня больше не было. А будь деньги, так там, у Новака, огромный кудлатый пес продается. Я бы за него тоже задаток дал, чтобы он за нами остался... А сейчас пойду опять на Школьную. Шпиц-то от меня прямо домой побежал. Так я через час с ним здесь буду.

На этот раз Чижек сдержал слово: он вернулся даже еще раньше, совершенно трезвый, еле переводя дух. К моему изумлению, на поводу у него был черный шпиц.

— Черт знает что! — воскликнул я.— Ведь в объявлении этой дамы говорилось о белом шпице.

Мгновенье он растерянно глядел на собаку, потом, ни слова не говоря, выбежал вон. А через два часа опять вернулся, волоча страшно грязного и производившего самое дикое впечатление белого шпица.

— С тем шпицем ошибка вышла,— объяснил он.— У этой дамы, что на Школьной живет, два шпица — черный и белый. Она так обрадовалась, когда я ей черного обратно привел.

Я посмотрел на привешенную к ошейнику бляху: собака была из Жижкова *. Я чуть не заплакал от досады,

но сдержался. (А Чижек снял бляху, заметив, что оставлять ее на ошейнике опасно.)

Ночью я проснулся, услышав царапанье в дверь. Открываю и узнаю черного шпица, с которым познакомился днем. Он с радостным лаем ворвался в переднюю. Видно, соскучился по нас или ему было слишком далеко до дому. Так или иначе, но у меня имелось теперь две собаки, недоставало только покупателя.

IV

В десять часов утра явился и покупатель.

— Где же ваши собаки? — спросил он, озираясь по сторонам.

— Я держу их не здесь... — ответил я. — Кроме вот этих двух шпицев — черного и белого, которых сам вырастил и уже запродам в Брандыс *, господину эрцгерцогу... Я держу своих собак в деревне, на свежем воздухе, подальше от блох и чумы, от которых в городе их ни один торговец не уберезет. Основной принцип нашего кинологического института состоит в том, чтобы предоставлять собакам возможность свободно бегать. В деревне, где находится наш питомник, слуга каждое утро выпускает их на волю, и они возвращаются только вечером. Этот способ выгоден в том отношении, что собаки приучаются к самостоятельности, так как весь день сами отыскивают себе пищу. Мы арендуем для них обширные лесные участки, где они могут питаться разнообразной дичью; и если бы вы видели, до чего комичное зрелище, когда какой-нибудь малыш-крысолов гонится за зайцем!

Покупателю это очень понравилось. Он кивнул.

— Значит, у вас найдутся и очень злые собаки, хорошие сторожа?

— Конечно. У меня имеются такие страшные псы, что я не имею даже возможности показать их снимки, так как они чуть не разорвали фотографа. Есть собаки, растерзавшие вора.

— Вот такую мне и нужно! — воскликнул покупатель. — У меня дровяной склад, и на зиму мне очень нужна хорошая сторожевая собака. Не могли бы вы доставить ее сюда из питомника завтра после обеда, а я пришел бы посмотреть?

— Разумеется. Я сейчас же пошлю за ней слугу.
ля. Чижек!

Тот явился с любезной улыбкой и тотчас высказал предположение, что где-то уже видел посетителя.

— Чижек,— сказал я, делая ему знак.— Поезжайте сейчас же за тем свирепым псом, как бишь его?

— Фабиан,— невозмутимо ответил Чижек.— Сын Гексы. Страшный пес. Растерзал и сожрал двух ребят: по ошибке его отдали детям играть, и они захотели на него влезть. А насчет задатка...

— Да, да,— перебил покупатель.— Вот сорок крон в задаток. А сколько всего стоит?

— Сто,— ответил Чижек.— И еще гульден. Есть дешевле — на восемьдесят крон. Но она откусила господину, который хотел ее погладить, только три пальца.

— Нет, мне ту, злющую.

И Чижек, получив сорок крон задатку, отправился за сторожевой собакой. К вечеру он достал огромного меланхолического пса самой жалкой наружности, еле волочившего ноги.

— Да это какая-то дохлятина! — с ужасом воскликнул я.

— Зато дешевая,— возразил Чижек.— Попался мне навстречу с этой собакой мясник — к живодеру ведет. Она, мол, тележку возить не хочет. Я подумал: «Из нее славный сторожевой пес выйдет». И потом, ежели на склад заберется дельный вор, так он ее отравит, и хозяин к нам же придет другую покупать...

Несколько минут мы толковали об этом; затем Чижек вычесал собаку, и мы отварили ей рису с костями. Она сожрала два горшка этого варева, но осталась такой же вялой и жалкой на вид. Лизала нам ботинки, совершенно безучастно бродила по квартире и, видимо, была огорчена, что хозяин не довел ее до живодера.

Чижек попробовал придать ей более устрашающий вид. Так как она была светло-рыжая с белыми или даже седыми пятнами, он провел ей тушью по всему телу большие черные полосы, благодаря чему она стала похожа на гиену. На другой день покупатель, придя за ней, в страхе отпрянул.

— Какое страшилище! — воскликнул он.

— Своих она не трогает. Зовут ее Фоксом. Погладьте, не бойтесь.

Покупатель стал упираться, так что нам пришлось в буквальном смысле слова подтащить его к чудовищу и заставить погладить. Сторожевой пес стал лизать ему руку и пошел за ним, как овечка.

Ночью этого господина обокрали дочиста.

V

Подходили святки. За это время мы при помощи перекиси водорода перекрасили черного шпица в желтого, а белого сделали черным, натерев его раствором азотного серебра. Обе собаки во время этих операций так страшно выли, что получалось впечатление, будто в распоряжении кинологического института не две, а по крайней мере шестьдесят собак.

Зато у нас было множество щенят. Вдобавок Чижек страдал навязчивой идеей, что щенята — основа материального благополучия. Перед святками он стал приносить в карманах шубы сплошь одних щенков. Посылаю его за догом, а он приносит щенят таксы. Посылаю за пинчером — приносит щенка фокстерьера. У нас скопилось тридцать щенят, и, кроме того, было роздано около ста двадцати крон задатка.

Мне пришла в голову мысль, учитывая предпраздничный период, снять на Фердинандовом проспекте в Праге магазин, поставить там елку и открыть продажу украшенных лентами щенят под лозунгом: «Покупайте щенят! Лучший праздничный подарок детям — хорошенький щеночек».

Я снял помещение. Это было примерно за неделю до рождества.

— Чижек, — сказал я, — отнесите щенят в наш магазин на Фердинандовом, поставьте елку побольше, разместите поэффектнее щенят на витрине, купите мху... Словом, полагаюсь на вас, устройте все хорошенько, со вкусом. Понятно?

— Будьте спокойны. Все устрою к вашему удовольствию.

Он увез щенят в ящиках на ручной тележке, и я после обеда пошел посмотреть, какое удовольствие он мне там приготовил и как выглядит витрина.

Завидев издали возле магазина толпу, я сразу понял, что щенята вызвали огромный интерес. Но, подойдя ближе, услышал возмущенный ропот:

— Какое зверство! Надо вызвать полицию! Как можно это допускать?!

Протолкавшись к витрине, я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги.

Чижек для вящего эффекта развесил на ветвях высокой рождественской елки, словно конфетки, до дюжины щенят. Бедняжки болтались, высунув языки, как повешенные на дереве средневековые разбойники. А под елкой было написано:

«Покупайте щенят! Лучший праздничный подарок детям — хорошенький щеночек».

На этом Кинологический институт окончил свое существование.

ДЕЛО О ВЗЯТКЕ ПРАКТИКАНТА БАХУРЫ

Бахура — практикант из магистрата, неопытный молодой человек, не знал, что здесь людей его склада подстерегают тысячи опасностей и что требуется твердый характер, чтобы не поддаться соблазнам и не впутаться вместе со своими начальниками или без них в какие-нибудь дела, связанные со взятками.

Практикант Бахура не знал, что гидра корыстолюбия никогда не дремлет и также подстерегает хрупкие души практикантов из магистрата, чтобы проглотить их, как проглотила уже многих седовласых старцев из городского самоуправления.

Все крупные дела о взятках в ратуше, которые взбудоражили общественное мнение¹, просто несравнимы с делом практиканта Бахуры.

Ныне продажный Бахура скитается по белу свету, как Иуда, ибо снова поверг чистое знамя ратуши в грязь и совершенно его испачкал.

Чтобы понять всю эту гнусную историю, мы должны начать свой рассказ с Малой Страны*.

Дело в том, что на Малой Стране, в сети старинных улочек и переулков, находится трактир господина Шедивого.

Господин Шедивый был одним из тех старых добряков, которые пренебрегали санитарными пред-

¹ Я не имею в виду газету «Вержейне минени» («Общественное мнение»), редактируемую господином Шашеком. (Прим. автора.)

писаниями пражского магистрата и, может быть, в течение десятилетий выводили вентиляционные трубы в писсуар.

Посетители трактира никогда не жаловались: пиво было крепкое, а в писсуаре всегда стояла темнота.

В этом писсуаре, сыгравшем выдающуюся роль в деле о взятке практиканта Бахуры, не было никакого окна, никакого отверстия, через которое свет мог хотя бы чуть-чуть пробиться внутрь унылого, сырого помещения, чтобы оно стало хоть немного привлекательнее и веселее.

Но посетители трактира Шедивого не обращали на это никакого внимания. Консервативная Малая Страна не протестовала в своем каменном оцепенении, и господин Любош Ержабек, конечно, мог бы порадоваться этому*.

Настало, однако, время, когда движение современной жизни достигло наконец и писсуара господина Шедивого.

Строительная комиссия констатировала оба ужасных факта: вентиляционные трубы выходили в писсуар (о чем сейчас же и было сообщено санитарной комиссии), и в неосвященный писсуар не было доступа свежего воздуха.

Вот так практикант магистрата Бахура, письмоводитель строительной комиссии, и познакомился впервые с господином Шедивым.

Суровым взглядом следил он за всеми движениями трактирщика, который упрямо и воинственно утверждал, что когда ни одного из членов уважаемой строительной комиссии еще и на свете-то не было, в этом писсуаре уже удовлетворялась малая нужда посетителей трактира и все всегда обходилось благополучно. Для тех вещей, которые видеть не положено, хватит и отводной канавки, а для доступа воздуха существует дверь, и ее вполне достаточно.

— Успокойтесь,— говорили ему,— не допускайте оскорблений официальных лиц. Вы думаете, что очень сладко ходить по писсуарам?

Затем ему предложили пробить стену и сделать в писсуаре окно, а поскольку речь идет о переделках

в помещении, относящемся к трактирному промыслу, нужно подать просьбу и представить планы, чтобы получить разрешение на эти работы.

Все это произошло утром, а днем пришла санитарная комиссия. Она предложила трактирщику вывести вентиляционные трубы через отверстие, которое будет пробито в стене, в световой фонарь.

Шедивый чуть с ума не сошел. По предписанию свыше, он должен пробить стену, но в то же время просить на это разрешения и представить план переделки; а вентиляционные трубы из санитарных соображений вывести в световой фонарь, куда выходят окна нужников со всего дома.

Трактирщик не спал всю ночь и утром пошел к подрядчику каменщиков, чтобы тот составил план требуемых работ, а затем с помощью одного писаря из Градчан, занимавшегося сочинением подобного рода бумаг, подал прошение в магистрат. В своем ходатайстве Шедивый просил уважаемый магистрат в самый короткий срок одобрить план переделок и разрешить пробить окно в писсуар, за что он, Шедивый, обещает отблагодарить на старости лет добропорядочным поведением.

Прошло три воскресенья, а ответа на прошение все еще не последовало. Тогда трактирщик Шедивый отправился в магистрат, чтобы подтолкнуть дело. В строительном отделе он застал лишь практиканта Бахуру, остальные сидели в ресторане «У Коринтов» и завтракали там с девяти часов утра. Сейчас было ровно двенадцать.

— Что вам угодно?— с достоинством спросил практикант Бахура.

— Да насчет этого писсуара я пришел, молодой человек. Шедивого писсуар, что на Малой Стране, ежели помните.

— Да-да, помню,— величественно сказал Бахура,— кажется, помню. Так что же вам угодно?

— Понимаете, уже три воскресенья прошло, не вредно будет и поторопить дельце-то. Мои гости уже радуются тому окну, будто дети малые, а у нас все ни с места, вот в чем вся загвоздка.

Бахура вспомнил, что просьба уже давно удовлетворена и бумага лежит вон там, в ящике стола. Остается только отослать ее, но заведующий отделом распорядился: «Погодите отсылать, пусть этот трактирщик подождет. Да-да, магистрат должен держать этих людей в ежовых рукавицах».

Бахура, помолчав, сказал важно:

— Ну, мы посмотрим, что удастся сделать.

Через две недели трактирщик Шедивый пришел еще раз. Бахура ответил ему опять важно и надменно:

— Ну, мы посмотрим, что удастся сделать.

Примерно через неделю после этого визита Бахура шел по своим личным делам по Франтишковой набережной. У него было назначено там свидание с одной барышней, которая была очень довольна, что ее кавалер — господин из магистрата.

День был хоть куда — жаркий, солнечный. Бахура остановился у киоска с водами, выпил стакан малиновой и стакан лимонаду и зашагал дальше, полный радостного ожидания предстоящей встречи со своей девушкой.

Градчаны на горизонте, Петршин весь в зелени, цветущие каштаны на Стршелецком острове — все было прекрасно. Но посреди всей этой благодати у Бахуры вдруг заболел живот. Уходя из дома, он съел стакан йогурта — болгарской простокваши, малиновая вода и лимонад довершили неумолимый процесс в лабиринте кишечника практиканта.

Напротив Градчан, в садах на набережной, стоит домик. Маленький, но самый важный среди окружающих домов. («Часто пастушья хижинка может значить больше, чем лагерь, в котором сражался Жижка» — вот что я всегда припоминаю, проходя мимо этого домика.)

На нем две вывески. Со стороны набережной вы можете прочитать: «Для мужчин»; со стороны детской площадки в скверике на набережной — более интимное: «Для дам».

Как лев, ворвался Бахура внутрь домика, как жаждущий араб в оазисе накидывается на источник, как призывная комиссия — на рекрутов.

— Первую или вторую?

— Вторую,— скромно, но поспешно ответил Бахура. Старенькая уборщица посмотрела на него и сказала:

— А я вас, молодой человек, откуда-то знаю.

Она вырвала из книжечки билетик. Бахура достал кошелек и испуганно воскликнул:

— Это невозможно! Я думал, что у меня остался еще пятак!

Старушенция посмотрела на него еще раз и сказала с расстановкой, усиливая и без того безвыходное положение Бахуры:

— Знаете, где я вас видела? У своего брата Шедивого, трактирщика с Малой Страны. Я была дома, когда вы пришли к нам с этой комиссией насчет писсуара. Берите же талончик, ведь за вами-то не пропадет.

Бахура вскочил в маленькую кабинку, а когда, счастливый и веселый, выходил оттуда, бабка сказала ему вслед:

— И не забудьте, молодой человек, мой брат хочет поскорей получить ответ насчет своего нужника.

На другой же день Бахура, не спросив своего начальства, отослал господину Шедивому прошение и планы, пролежавшие в магистрате после утверждения уже более месяца, и удовлетворенно перевел дух.

Каждое утро в девятом часу советник магистрата господин Станек делал остановку на Франтишковой набережной, в том зданьице, где практикант Бахура позволил гнусно подкупить себя. Господин советник останавливался здесь, чтобы поговорить с бабкой и получить от нее информацию о мнении общественности насчет городского хозяйства, потому что старушенция из общественной уборной была для него гласом народа. Таков уж был его конек.

— Да, ваша милость, эти взятки да подкупы доказались уже и до самой мелкоты,— болтала бабка.— Да-да, эти людишки из ратуши оставляют здесь бесплатно то самое... а потом сразу же начинают играть на руку кому надо, вроде как моему братцу, к примеру сказать.

И она подробно рассказала господину советнику всю гнусную историю со взяткой, которую получил практикант из магистрата Бахура.

Ныне на месте Бахуры сидит уже другой практикант.

По окончании расследования по делу трактирщика Шедивого, когда был установлен факт получения взятки, Бахуру уволили из магистрата.

Ныне он, словно Иуда Искаротский, скитается по Европе, и в последний раз его видели в Гамбурге, где он как-то подозрительно смотрел в черные воды канала.

Кто-то подслушал его разговор с самим собой:

— Если бы я хоть получил абонемент на целый год... Да-да! Мелких преступников вешают...

СТРАСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Патер Ярич был не в духе: никак не мог придумать начала завтрашней проповеди, которую надлежало произнести весьма торжественно, ибо в церковь прибудет баронесса Ольга, патронесса здешнего прихода.

Проповедь должна быть яркой и блестящей, дабы могла вдохновить прекрасную владелицу замка и вернуть ее на путь добродетели.

Бесчисленные любовные похождения баронессы были широко известны. Помимо драгунского поручика, ее любовником был молодой конюх, которого она называла мальчиком.

Обо всем этом и размышлял патер Ярич, и не удивительно, что ему никак не приходило в голову начало завтрашней проповеди. Он даже не мог придумать, на какой евангельский текст ее произнести. Ярич уже перелистал весь «Календарь проповедника», прочел названия проповедей: «Поведение согласно Духу или Телу», «В чем залог спасения?», «Истинное утешение».

Прочтя последнее название, патер опять вспомнил баронессу: «Ах, эта пани Ольга из Габберехта, вот уж истинное утешение». Он вздохнул и вновь погрузился в мысли о ее грехах.

Когда с ней познакомился покойный барон, гнуса-вый старикашка, ей было шестнадцать лет и она работала в прачечной. Старый барон послал ее в город учиться танцам, и затем она танцевала перед ним.

Это рассказал патеру здешний учитель, восторженный романтик, молодой и вечно витающий в облаках.

Учитель рассказал еще: пикантная прелестница до того очаровала барона, что он женился на ней. Потом у нее родился ребенок от лакея, а барон вскоре скончался. Ребенок тоже умер, и, окруженная поклонниками, госпожа Ольга из Габберехта стала единственной владелицей огромных поместий.

Очаровательная обольстительница разгуливала по ночам в замковых парках со своими возлюбленными, которых она меняла как перчатки. В лунные ночи казалось: возвращаются былые времена любителей наслаждений. Туи, кипарисы и пинии древнего Рима сменили тенистые деревья современного парка, и его укромные уголки надежно скрывали страстные объятия и поцелуи госпожи Ольги из Габберехта.

— Не хватает только удариться в поэзию, и влезет же в голову такое,— пробормотал патер и, открыв молитвенник, прочел: «Каждое создание невольно поддается соблазну, и грех падает на соблазнителя. Но не оставляйте надежды, что и это создание будет освобождено от расплаты во славу Божию».

— Вот и разберись,— вздохнул патер.— Покурю-ка лучше трубочку, авось легче станет.

Он подошел к окну, где лежала его трубка, набил ее кнастером, придавил табак и, закурив, стал расхаживать по комнате, бурча себе под нос:

— Надо составить проповедь как можно короче и выразительнее. Она должна подействовать сразу. Лучше всего скажу о безнравственности: что только подавление наших страстей может спасти нас от вечной гибели.

Он посмотрел в зеркало и увидел себя с трубкой во рту, взволнованного мыслями о безнравственной жизни баронессы, которую он хотел наставить на путь истинный.

Патер отметил, что он еще вполне привлекательный мужчина. Из зеркала на него смотрело лицо с правильными чертами, без малейших признаков обрюзглости.

Он даже не заметил, как отложил трубку, взял кусок пакли, которой чистил чубук, свернул, приложил под нос и закрутил, как ус. Усы ему к лицу. «Чем не драгунский поручик!— подумал он.— Щеголь хоть куда!»

Он окинул взглядом комнату: стены с дипломами разных религиозных обществ, портретом папы и изображениями святых,— швырнул паклю на пол и вышел в сад.

«Разыгрался, точно маленький»,— думал он, идя по саду среди опавших листьев и голых кустов крыжовника и смородины.

Был один из тех печальных осенних дней, когда вас охватывают воспоминания о прошлом, конечно, если вы склонны о нем вспоминать, как патер Ярич, который, размышляя о своих стремлениях и желаниях, чувствовал: не хватает ему чего-то, нет в его жизни радостей, даже мимолетных.

Противясь холодному ветру, неистовствовавшему в пустом саду, он сказал: «Нет, картами женщину не заменишь». Потом махнул рукой и, крикнув в голые ветви деревьев: «Отыди, сатана!»,— вернулся в дом, в теплые комнаты, где можно согреться, выпив рябиновой наливки, что он и учинил с великим удовольствием.

Энергичным движением он сбросил в открытый ящик письменного стола портрет молодой красавицы, баронессы из Габберехта, который вручил ему недавно управляющий помещьем, заметив, что пану патеру надлежит почаще смотреть на свою патронессу.

Разумеется, не может он составить хорошую проповедь, когда портрет молодой искусительницы лежит на книге Фомы Кемпийского «Подражание Христу» *.

Он открыл Фому Кемпийского и прочел: «Ибо надежда на спасение в нас. Но видимая глазу надежда уже не надежда, ибо незачем надеяться на то, что уже увидел».

— В моем случае любовь безнадежна,— сказал себе священник и, захлопнув книгу, стал одеваться.— Пожалуй, лучше сходить в казино и сыграть партию в карты.

На этот раз он проиграл, потом напился, после чего впал в меланхолию. Вернувшись домой ночью, он присел за письменный стол и стал писать проповедь. Вечер, проведенный в казино, настроил его неприязненно к баронессе. Сегодня он узнал о ней последние пикантные новости. Значит, не только конюх, но еще и шофер.

— И как ей не стыдно,— пробормотал он,— такая молодая и уже такая развратная.

Перо летало по бумаге. Патер Ярич сочинял суровую проповедь против распущенности. Это была самая беспощадная из всех его проповедей, строгая и резкая, и острее ее было нацелено на баронессу.

На следующий день патер пришел в церковь со своей проповедью, неприступный и неумолимый. Поднявшись на кафедру, он сразу увидел на первой скамье баронессу. Ее зеленые глаза смотрели на него так ласково, что, взглянув на это прелестное создание, он ощутил головокружение и вместо обличения безнравственности заговорил об ангелах и ангельской красоте.

Когда после проповеди он вышел из ризницы, его ждал слуга баронессы, который подал ее визитную карточку. На карточке стояло: «После мессы почтительно прошу вас пожаловать ко мне на обед. Вы настоящий поэт! Ольга из Габберехта».

Никогда еще патер Ярич не служил мессу так быстро, как в этот раз.

МАЛЕНЬКИЙ ЧАРОДЕЙ

На сегодняшний день можно смело и во всеуслышание утверждать, что в наш просвещенный век чародеи и волшебники почти полностью перевелись и попадаются крайне редко. Вот, к примеру, в Бенешовской округе недавно объявился таинственный пан Новак (нынче он тоже отошел в область преданий). Этот «волшебник» выступил в Домашинском кабачке с потрясающе оригинальным номером: взятая им взаймы «пятикронка» исчезла у всех на глазах. Впрочем, исчезли они вместе — и монета и Новак. «Волшебника» стражники отыскиали, а вот монетка так и пропала. На этом чудеса Новака и прекратились.

Иное дело — дома. Здесь мы то и дело натываемся на следы чародеев. Как видно, они прилежно изучали кое-какие хитрости из книги «Малый Боско или Домашний фокусник».

Обычно в роли фокусника выступает кто-нибудь из членов семьи. Предложив повторять его движения, фокусник сует вам в руки тарелку с закопченным снизу дном. Взяв себе другую, чистую тарелку, он на ее неиспачканном дне рисует пальцем какие-то круги, а потом водит им по лицу. Следуя уговору и не подозревая подвоха, вы тоже водите чумазым пальцем по лицу — до тех пор, пока под дружный хохот всей честной компании не разукрасите себя черными полосами.

Эта забава (в знак признательности вам очень хотелось бы треснуть фокусника по башке) подробно описана в книге «Малый Боско или Домашний фокусник».

Подобных проказ там великое множество — чем она отличается от труда Дж. Христ. Виглеба, вышедшего в 1768 году под названием «*Onomatologia, curiosa, artificiosa et magica*»¹.

В этой книге волшебства и чудес на странице 482 есть, например, рекомендация, как застрелить кирасира или как в полнолуние тайно спровадить на тот свет своего неприятеля. Последнее мне кажется особенно заманчивым, я просто не могу оторвать глаз от этого превосходного рецепта, эффективность которого, если верить многоуважаемому автору, он проверил лично.

У меня в доме тоже завелся маленький волшебник. И во всем том, что уже произошло и еще произойдет, повинен мой приятель Ежек. По всей вероятности, он не плохой человек, но иногда ему приходят в голову совершенно непостижимые идеи. В частности, он, например, из-за своего легкомыслия чрезвычайно широко трактует понятие дружбы, так что друзья нередко бывают потрясены его странными желаниями и диковинными подарками. Только так можно объяснить следующее его послание ко мне:

«Дорогой друг! Тебя, конечно, не удивит (меня, конечно, удивило), что наша фирма уполномочила меня наблюдать за строительством сахарного завода в Крагуеваце, это в Сербии. Я уезжаю завтра и посылаю к тебе моего сына Томаша. С того времени, как моя жена убежала с бухгалтером нашей фирмы, мальчишку воспитываю я один. Но не могу же я взять с собой девятилетнего ребенка! Бог весть, какие там условия жизни. Я вернусь примерно через полгода, пусть это время мальчонка побудет у тебя. Он очень смысленный и наверняка позабавит всех своими веселыми проделками. «Домашний чародей» — иначе я его и не зову. Он умеет даже глотать огонь. А недавно ему опять удалось проглотить лягушку и тут же выплюнуть ее. Золото, а не мальчик. Ты на него не нарадуешься.

Твой Олдржих Ежек».

¹ Ономатология забавная, искусная и магическая (лат.).

По прочтении сего письма я обратил сокрушенный взор к потолку, который в данном случае сошел за небо, и меня обуял ужас.

Противного мальчишку Ежека я знал слишком хорошо. Не столь давно ему удалось приготовить взрывчатую смесь из спичечных головок и зубного порошка и подорвать на ней большого черного кота. Рассказывая потом всем и каждому о подвиге своего отпрыска, мой приятель светился подобающей случаю отцовской гордостью и восхищением.

Этого-то чародея он и дарит мне теперь на целых полгода. И притом без каких бы то ни было угрызений совести, словно речь идет о мешке с мукой, а не о мальчишке, который может заплевать лягушками весь пол. А все-таки где это он застрял? Ему давно бы пора быть у меня. Неизъяснимая радость охватила все мое существо. Наверное, с чудодеем что-то произошло. Может, под машину попал, а может, его переехало трамваем?!

Рано утром ко мне постучали.

Открыв дверь, я увидел перед собой полицейского, который пригласил меня в полицейский участок.

— Ваш племянник арестован, — коротко возвестил он.

Племянник? Я никак не мог взять в толк, какой такой мой племянник мог быть арестован, если племянник у меня всего-навсего один и ему только пять месяцев?

— Это жестоко — сажать в тюрьму младенца, — заметил я, а полицейский тут же добросовестно занес мои слова в блокнот.

В полицейском участке мне был приготовлен приятный сюрприз. Моим, с позволения сказать, племянником оказался не кто иной, как Томаш — возлюбленное чадо моего друга Ежека. Трогательно распрощавшись с отцом, он положил в чемодан реквизит фокусника, как-то: рюмку с двойным дном, ящичек, в который проваливается яйцо и где появляется канарейка, и так далее... и тому подобное. Собрав все это, он отправился в турне по кабакам. Этот девятилетний проказник задумал показать свое чародейное мастерство широкой публике. С достоинством входя в зал, он хлопал в ладоши и провозглашал: «Внимание, внимание, уважаемая

публика! Сейчас на глазах у всех исчезнет яйцо». Показав еще несколько столь же наивных и несложных фокусов, Томаш начинал собирать дань.

Полиция забрала чародея именно во время этой процедуры. В участке он назвался моим племянником, которого я-де посылаю на заработки. Если он принесет мало, то я не кормлю его и вообще держу впроголодь. Мальчишка добавил еще, что он сирота и что его покойный папа был чревовещатель.

После соответствующего внушения Томаша отпустили. Выйдя на улицу, он без обиняков начал:

— Я хотел разжалобить их, чтобы они быстрее отвязались.

— А зачем было собирать деньги?

— Просто мне хотелось доставить вам удовольствие и купить галстук — не переселяться же к вам с пустыми руками.

Я влепил Томашу затрещину.

— Ну вот и выходит, что я нисколько не ошибся,— рассудительно заметил этот негодяй,— когда сказал им, что вы мучаете меня и притесняете, если я ничего не приношу.

Всю остальную дорогу я с ним не разговаривал. А когда, уже придя домой и пробуя пристыдить его, сказал, что ни я, ни его отец не заслужили такого позора, он грустно посмотрел на меня и вдруг прервал мою речь:

— Держу пари, огонь на ладони вы не сумеете пронести.

Я пригрозил ему поркой, если он сотворит нечто подобное, и ушел в кофейню, повесив на двери замок.

Впервые в жизни я возвращался к себе домой с замирающим сердцем. Однако мой домашний чародей ничего ужасного не натворил. Только на дне старой венецианской вазы с узким горлышком (семейная реликвия) покоилось яйцо, сваренное вкрутую и очищенное от скорлупы,— в моей кладовке действительно хранилось несколько яиц.

Загадка, как это яйцо пролезло в узкое горлышко, разгадывалась очень просто. Томаш мне все объяснил. Сначала он запихнул в вазу бумагу и поджег ее, а потом

положил сверху очищенное яйцо, и оно само проскользнуло внутрь.

Таких ваз у меня было три. Уцелела лишь одна. Остальные лопнули, когда в них горела бумага. И пока я, зажав мальчишку между колен, мстил за уничтожение семейных драгоценностей, он вопил:

— Я знал, что в конце концов фокус удался!

На другой день (в мое отсутствие) чародей занимался подготовкой забавного эксперимента, описанного в «Малом домашнем фокуснике», — «Как сделать, чтобы бумага падала со скоростью металла».

Мальчишка добился своего, используя в качестве металла пять крон, которые он отыскал в ящике стола.

Чародей приветствовал меня словами, что он ни в чем не виноват, просто забыл, что я держу его на замке.

Фокус этот и вправду очень занятный. Кусочек бумаги кладется на монетку, и монетка плашмя падает вниз. Томаш объяснил мне это со всей обстоятельностью. При падении монетки возникает вакуум, и бумага падает так же быстро, как и металл. Томаш упустил только из виду, что сидит взаперти, и швырнул пятикронную монетку с бумажкой со второго этажа прямо на улицу.

Как видите, «Малый домашний фокусник» не врал. Если верить Томашу, это было восхитительно. Бумажка падала так же быстро, как и пять крон. Он видел, как они приземлились, ринулся было вниз, но дверь была заперта. Монета лежала меж кирпичей канализации. Он стерег ее целых полчаса, пока внизу не появился какой-то прилично одетый господин. Тогда Томаш крикнул, чтобы господин поднял монетку, а вечером, когда взрослые будут дома, принес ее нам. Господин, конечно, придет и этим доставит мне огромную радость.

Я выговорил ему за эту навязчивую идею и запер на кухне, а сам, улегшись на оттоманку, предался грустным размышлениям об узах дружбы, связывающих меня и моего приятеля Ежека.

Прошел час или около того, я поплелся на кухню звать Томаша ужинать и застал его за каким-то колдовством у большого горшка.

— Мне хотелось посмотреть, как растут кристаллы, — сказал он серьезно, — поэтому я растворял в воде са-

хар из пачки, пока не получил насыщенный раствор; потом я насадил на палку будильник и опустил его туда.

Я вынул злосчастный будильник из насыщенного раствора. Он весь был покрыт мелкими кристаллами сахара.

— Сначала он еще булькал, а потом перестал. Я хотел сунуть туда что-нибудь другое, но «Малый Боско» требует, чтобы был «пористый предмет», я и подумал, что будильник подойдет. А сейчас мне кажется, что лучше всего все-таки подушки. Вот если нам с вами растворить в ванной килограммов пять сахара и подвесить подушку, тогда бы вы увидели, какие бывают кристаллы...

Описать угро следующего дня я не в силах. Направляясь в туалет, я упал, запутавшись в каких-то тенетах, протянутых меж дверей. Оказалось, что это невидимая сеть чародея Томаша, состоявшая из сложной системы черных ниток, которые были неразличимы в полумраке прихожей.

— Этот фокус всегда удается,— раздался откуда-то сверху невинный голосок.— В больших компаниях это получается особенно смешно.

Вечером, когда стемнело и я хотел зажечь свет, ни одна спичка не загорелась.

— Нет ничего проще,— услышал я в темноте пояснения Томаша,— если мы хотим, чтобы спички не зажигались, мы должны окунуть их в раствор квасцов и высушить. Этот фокус всегда проходит гладко.

В тот же вечер — я отлучился в клуб сыграть партию в шахматы — он успел весьма искусно раскрыть один из моих рассказов так, что получилась бумажная лента длиной общей сложностью в 80 метров. Это трюк японских фокусников, но я не уверен, что используют они для таких надобностей рукописи чужих рассказов.

— Лента была еще длинней,— сказал мой чародей, странно покашливая,— но я не смог вытянуть ее всю изо рта. Кажется, половину я все-таки проглотил.

— Вот видишь, Томаш,— произнес я укоризненно,— ты уже начинаешь глотать мои рукописи.

— Я почитал их немножко, ничего особенного.— В голосе Томаша слышались критические нотки.— Я решил, что об этом никто жалеть не будет.

В этот вечер я больше уже ни о чем его не спрашивал. А утром, собираясь уйти, произнес убедительную речь, в которой призывал Томаша быть послушным, угрожая, что иначе произойдут ужасные вещи. А если ему захочется приготовить какие-нибудь фокусы, то он должен сперва спросить у меня совета. После длительного допроса Томаш, тронутый, по-видимому, моей притворной добротой, признался, что собирался в мое отсутствие соорудить семейную пушку, сняв для этого в ванной печную трубу. Эта пушка должна быть чрезвычайно грозным орудием, поэтому он не сообщил мне никаких подробностей. Естественно, что ключ от ванной комнаты я решил взять с собой, а Томашу пообещал продать его в Турцию, в рабство, если эту свою домашнюю пушку он не выбросит из головы. Тогда он попросил позволения взять хотя бы одно сырое яйцо и клялся ничего с ним не делать: не разбивать и ничего им не измазать,— просто он хочет кое-чем меня порадовать. По сравнению с пушкой яйцо было сущим пустяком, и я разрешил.

Удивил он меня несказанно. Едва я переступил порог, Томаш сообщил, что вел себя очень прилично, показал мне яйцо и попросил покатать его по столу. Яйцо действительно было как заколдованное. Всякий раз оно, описав дугу, возвращалось ко мне.

— Ничего особенного,—заявил этот несносный мальчишка,— в яичке проверчивается дырка, пол-яйца высасывается, внутрь вливается ртуть, а дырка залепляется хлебным мякишем.

— Но откуда ты взял ртуть?

— Из барометра,—невинно признался он.— Тоже очень просто. Нужно только отломить верхний конец у стеклянной трубочки, и бери себе сколько хочешь.

Я хотел было наказать его, но он дерзко твердил, что я сам позволил ему взять яичко и он-де предупреждал меня, что сделает его волшебным.

На следующий день я запер его в уборной: больше мне ничего не оставалось.

Правда, в этот день он не сотворил ни одной из своих проказ. А утром попросил, чтобы я освободил его, и дал мне слово вообще никогда больше не шалить.

Я сказал, что сегодня придет наш домохозяин— посмотреть, не требуется ли почистить печь, что маль-

чик должен вести себя хорошо и что я целый день буду дома.

Томаш был разочарован. Хозяин пришел утром и какое-то время возился в печке. Перепачкав себе руки и лицо, он спросил, нельзя ли у нас умыться.

Прошло немало времени, прежде чем Томаш отыскал полотенце, потом он куда-то убежал с ним, но вскоре вернулся и подал домовладельцу.

Тот долго тер себе лицо и вдруг, заглянув в зеркало, в ужасе обнаружил, что чем старательнее он вытирается, тем больше чернеет его лицо. Он уже смахивал на араба.

Томаш из угла делал мне знаки, чтобы я молчал.

— Что это такое, черт возьми? — воскликнул перепуганный домовладелец. — Господи боже мой, что тут творится?

Томаш, сидя в своем углу, прямо заходил от смеха. Мы оба накинулись на чародея — господин домовладелец схватил его за волосы, я — за уши — и учинили допрос с пристрастием.

— Если у вас возникнет желание вымазать кому-нибудь лицо, разотрите чернильный орешек с железным купоросом, посыпьте на полотенце и подайте тому, кто только что умылся. Я этот порошок уже давно приготовил для кого-нибудь из ваших гостей. В большой компании это особенно...

Он не договорил, так как впервые по его штанишкам прогулялась палка, которую я приобрел за день перед этим событием, предвидя, что мне придется-таки обломать ее о его бока.

Теперь я грустно брожу по улицам. Вспоминаю рекомендацию старого Дж. Христ. Виглеба, как в полнолуние в совершенной тайне отправить своего недруга на тот свет...

Изо дня в день кружу я около антикварного магазина и в немом восхищении замираю перед витриной, где выставлена одна старая гравюра, на которой изображено, как в 1572 году на главной площади Лиона сжигают чародея Бужлье. И каким-то волшебным теплом веет на меня от этой картины.

РАССКАЗ О МЕРТВОМ ИЗБИРАТЕЛЕ

Контора кладбища занималась разбором чрезвычайного происшествия. Недели за две до муниципальных выборов туда явилась вдова владельца мелочной лавки Эдуарда Демуса — пани Демусова — и стала жаловаться на отсутствие надлежащего ухода за могилами.

Она заявила, что со времени ее последнего посещения камень над могилой ее мужа треснул.

В самом деле, кладбищенские служители обнаружили сбоку в камне большую трещину, притом довольно глубокую, и пани Демусова вернулась к себе на квартиру в Либени * расстроенная. Еще ясней встал у нее в памяти образ мужа: какой это был аккуратный, благоразумный человек, не терпевший никакой небрежности! Что он сказал бы, если б увидел, что его могила в таком плохом состоянии!

У него в магазине был всегда идеальный порядок, и когда он как-то раз по ошибке, из-за того что бутылка с уксусной эссенцией стояла не на своем месте, налил из нее одному алкоголику вместо хлебной водки, то тут же решительным шагом вынес эту бутылку в подсобное помещение и выпил ее всю до дна, написав на полулисте бумаги: «Не выношу беспорядка и, как честный человек, предпочитаю добровольно погибнуть».

Это было написано энергичным почерком. С тех пор прошло пятнадцать лет, и лежит он на кладбище, в шестом отделении.

Пани Демусова поделилась с соседкой, в каком состоянии она нашла могилу мужа. Соседка задумалась, потом сказала:

— Вы, пани Демусова, не пугайтесь, а только есть такое поверье, что коли могила расселась,— значит, покойник наружу просится. Я читала одну балладу такую — о мертвом сапожнике. И еще в Германии, в Саксонии где-то, раскопали одну такую могилу, где музыкант похоронен был, и не нашли в ней покойника. Вдова в газеты объявление дала, просила его, чтоб он вернулся, перестал делать глупости, и он ей ответил, что будет ждать ее на главном почтамте. Пришла она туда с сыщиком и забрала его. Да только оказалось, что это не муж ее, а другой. Знаете, милая, иной раз такие вещи творятся, вы и представить себе не можете. Но вы не пугайтесь: это просто поверье такое.

Пани Демусова вспомнила, что она как-то раз была с мужем в кафешантане и там один певец исполнял пародию на «Свадебные рубашки» *. Мороз подрал ее по коже, и она попросила соседку, чтобы та велела своей взрослой дочери Карле переночевать у нее, а то ей одной страшно.

Соседка исполнила ее просьбу: одолжила свою дочку — совершенно спокойно, как соседки одалживают друг дружке керосин и тому подобное. Карла пошла ни жива ни мертва, потому что брат ее, слесарь по профессии, в шутку сказал ей, чтоб на случай, если к ним ночью явится пан Демус, они обязательно приготовили заранее чай с ромом: ведь по дороге из Ольшан в Либень здорово промерзнешь.

Дрожая от ужаса, Карла спросила пани Демусову, есть ли в доме ром, и обе в страхе стали ждать, что будет. Однако ничего особенного не произошло, если не считать, что лампа изредка ярче вспыхивала да раза два-три что-то затрещало в шкафу; в полночь в старом кухонном столе завел свою музыку жук-древоточец; где-то в околотке завывала собака; какой-то прохожий орал в ночной тишине: «Душа моя Бярушка!»

Они заснули только на рассвете, а утром их разбудил стук в дверь. Наскоро одевшись, они открыли. Вошли какие-то два господина; спросили пана Демуса.

Пани Демусова, перекрестившись, объяснила, что он умер пятнадцать лет тому назад.

— Это не имеет значения,— возразил один из пришедших.— Нам известно, сударыня, что, будь он жив, он знал бы свои обязанности. Он был искренний младочех, и теперь помогал бы нам в предвыборной кампании, и голосовал бы за наших кандидатов. К сожалению, он умер, но это не имеет решительно никакого значения. Ему будет доставлен избирательный бюллетень по третьему списку, а мы придем за этим бюллетенем. Он, безусловно, подаст голос за нас. Приготовьте нам доверенность от его имени. Он ведь еще перед смертью как-то сказал: «Если я вам когда-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне смело, с полной уверенностью. Я сделаю для вас все, где бы ни находился. Вы можете на меня положиться. А если меня не будет в живых, обратитесь к моей супруге».

Поцеловав ей руку, они удалились, а посреди дня пришел служитель из магистрата и принес избирательный бюллетень для пана Демуса.

— Господи Иисусе! — воскликнула пани Демусова.— Тут что-то неладно.

Она поехала на кладбище и с ужасом обнаружила, что трещина на могиле стала еще больше.

На ночь она опять позаимствовала у соседки Карлу, с маленьким братишкой Богуславом в придачу.

Впрочем, Богуславика пришлось выгнать вон, потому что ночью он подбегал к дверям и, постучав, говорил: «Входите, входите! Входите, пожалуйста, пан Демус!» Кроме того, мальчишка прятался под постель и оттуда пугал: «Уу, ууу!»

Всю ночь казалось, будто по коридору кто-то ходит, и Карла божилась, что вот кто-то на самом деле взялся за ручку двери.

Утром пришли прежние два господина и восторженно заговорили о младочешской партии; потом потребовали бюллетень и сказали, что уже получили доверенность от пана Демуса, и стали что-то путано объяснять вдове, пытаясь уверить ее, будто пан Демус сам будет голосовать. Разглагольствования их все время прерывались монотонным причитанием пани Демусовой:

— Иисус-Мария, ведь он умер пятнадцать лет тому назад. Мне страшно!

— Милостивая государыня,— победоносно заявил один из посетителей, пряча бюллетень пана Демуса в портфель, где была куча других подобных бумажек,— милостивая государыня, не бойтесь ничего. Ваш супруг вносит лепту в дело победы местного самоуправления и тех господ, с которыми он всегда был в хороших отношениях.

Они оставили вдову в страшном волнении, которое возросло, когда она увидела днем на кладбище, что могила по сравнению со вчерашним расселась еще больше.

«Он пробивается наружу»,— промелькнуло у нее в голове, и она, потрясенная, отправилась домой и попросила дворничиху одолжить ей на ночь дворника — не с какой-нибудь целью, а просто так. Дворник до двух часов ночи поминутно бегал в трактир за пивом; основательно нагрузившись, он в третьем часу повел такие речи и стал рассказывать такие страшные истории о привидениях, что Карла и пани Демусова кричали от страха.

Так прошло больше недели. У дворника покраснел нос от пьянства, и весь дом ходил по ночам пугать пани Демусову. Всегда находилась добрая душа, готовая самоотверженно вылезть из теплых перин, отправиться в одних кальсонах к двери пани Демусовой и взяться за ручку. Наступил день выборов, и в газетах появилось сообщение, что на избирательном участке в Либени был разоблачен мошенник, пытавшийся голосовать вместо Эдуарда Демуса — торговца, умершего пятнадцать лет тому назад,— но ему удалось скрыться.

Прочитав это, пани Демусова перекрестилась и заплакала. С той поры посетители шестого отделения кладбища бывают свидетелями печальной сцены. Каждый день возле одной из могил останавливается дама в трауре и, сжимая руки, говорит:

— Раз уж ты приходил голосовать за пана Филиппа, Эдуард, что же не зашел домой? Это нехорошо с твоей стороны, Эдуард!

СТРАДАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ

Я приобрел большой опыт в деле воспитания, после того как поступил к коммерции советнику Лоскоту губернатором его единственного сына, тринадцатилетнего головореза, который уже успел замучить насмерть старую француженку, не выучив за четыре года ни слова по-французски. Звали этого бездельника Элиаш.

Отец души в нем не чаял; вверяя мне его на время каникул, он подробно остановился на вопросе о том, как лучше воспитывать деток: что, мол, не нужно мешать деткам как можно больше двигаться, а то ребенок может вырасти слабым, ленивым, вялым. (То есть выходит так: ежели ребенок свалился с дерева, это — лучшее средство против лени и вялости.)

— Элиаш в этом отношении очень способный, — продолжал счастливый отец. — Любит пошалить, побегать, поэтому хорошо развивается и умственно и физически. Свою гувернантку-француженку — а ей уже за пятьдесят было — он научил бегать взапуски. От этого и конец ей пришел. Все боялась, бедная, как бы с ним чего не случилось. Как-то раз от Бероуна до Пршибрама* во весь дух бежала за ним на старости лет. Это и доконало ее. А кабы выдержала, мировой рекорд поставила бы. Последние ее слова, перед тем как дух испустить, были: «Элиаш, скажи, как перфект от глагола *alleg* — идти». «А, пошла ты!» — ответил Элиаш. И француженка отдала богу душу.

Я стал готовиться к вступлению в должность губернатора. Достал удостоверение на право носить оружие, ку-

пил браунинг и начал искать книги на тему о воспитании подростков.

Попалось мне небольшое руководство издания 1852 года. На меня произвело очень хорошее впечатление то, что там было сказано о порче детей вследствие ложной деликатности. Написано это было очень милым, приятным слогом.

«Сострадание в подходящий момент является безусловно одним из благороднейших движений человеческого сердца, но чувство это должно быть умеренным, не превращаясь в слабость. Этим мы вовсе не хотим сказать, будто ребенка надо колотить до беспамятства. Если вы заметите, что ребенок теряет сознание, следует тотчас перестать бить и постараться привести его в чувство. Это относится главным образом к хилым детям; здоровый, крепкий ребенок в состоянии выдержать хорошую порку».

Я запомнил эти золотые слова, принадлежащие педагогам старой школы, и поехал. У меня было такое ощущение, словно я участвую в карательной экспедиции против каких-нибудь дикарей или что-то в этом роде.

Навстречу мне вышла мать Элиаша, стройная дама в цветущем возрасте. Она сказала мне, что Элиаш сидит в библиотеке наверху, погруженный в книги. Это меня озадачило, так как в корне меняло мое представление о будущем воспитаннике. Я похвалил его за любознательность; но супруга коммерции советника возразила, что не видит в этом ничего хорошего, и прибавила, что вот уже несколько дней он не подчиняется ее требованиям прекратить это занятие.

Я отправился в библиотеку. Элиаш действительно совсем ушел в книги. Его почти не было видно под толстым слоем книг и брошюр, выброшенных из шкафов. Только голос его раздавался из-под этой груды:

— Здесь, направо, еще один труп. Несите осторожней, а то как бы не рассыпался.

Тут громада начала раздвигаться, и из нее вылез на четвереньках мой новый воспитанник с двумя огромными шишками на лбу.

— Вы мой новый гувернер? — заговорил он без всяких предисловий. — Знаете, во что я играл? В обвал горы

Арарат. Сложил стену из книг и подкопал ее так, чтобы меня завалило. И сейчас отдавал распоряжения вытаскивать другие трупы. Помогите мне его откопать.

— Кого?

— Да я взял с собой котенка, и, когда гора рухнула, на него упала тяжелая библия в кованом переплете.

В самом деле, котенок лежал под библией и еще каким-то солидным томом, не подавая признаков жизни.

— Придется пропустить сквозь него электрический ток,— сказал Элиаш. И прежде чем я успел ему помешать, он вывернул лампочку и всунул лапку котенка в патрон. Послышался треск. Элиаш, вскрикнув, упал. Я констатировал, что котенок очнулся, а Элиаш оглушен током. Придя в себя, он печально промолвил:

— Нас с котенком преследуют неудачи. Один выпутается, другой попадает.

Явно не в духе, Элиаш сошел вниз, в столовую, где был подан второй завтрак. Набрав полный рот кофе, он очень ловко пустил его сильной струей в попугая, который сидел на клетке у окна. Тот сердито закричал:

— Перестань, перестань!

Этот успех несколько улучшил настроение Элиаша. Он заговорил о прежнем своем гувернере, не скупясь на брань; отзывался о нем с величайшим презрением, особенно насмехаясь над его лысиной.

Он рассказал, как одна муха, приняв ее за зеркало, уселась на нее и начала класть яйца. Тогда Элиаш набрал в рот воды, прыснул прямо на муху и сбил ее с головы гувернера, но тот страшно обиделся и отказался от места.

— Можете себе представить,— продолжал Элиаш,— все решили, будто я нарочно, со злости плюнул ему на голову. А я вовсе ни при чем; во всем виновата муха. Не бежать же мне было за луком, чтобы сбить ее стрелой или стрелять в нее из духового ружья! Получилась бы целая катавасия. Мне всегда не везет, даже когда я ни сном, ни духом. Играли мы недавно в «Quo vadis» * и привязали садовнику Марженку к одному волу на спи-

ну. Как стеганули кнутом, он и побежал с Марженкой на спине до самых Горжовиц *. И прямо на площадь. Опять на меня все напустились, потому что, когда Марженку стали искать, я хотел их успокоить и говорю: «Ни о чем не беспокойтесь, завтра из газет все узнаете». Вообще удивляюсь, отчего взрослые совсем не дают детям свободы. На каникулы гувернеров к ним приставляют... Уверяю вас, многое мне даже в голову бы не пришло, если б передо мной не торчала вечно идиотская физиономия гувернера. Я, конечно, не о вас говорю, но все прежние считали себя бог знает какими мудрецами, а оказывались в дураках, когда пробовали наставлять меня на путь истинный.

Тут он стал рассказывать мне о разных своих товарищах из соседних поместий и из деревни. Потом спросил, бывают ли у крокодилов мозоли.

Насколько помню, я ответил ему, что это явление у крокодилов не редкое: в нью-йоркском зоологическом саду (опять эта Америка!) пришлось оперировать огромного крокодила, которому мозоли причиняли такое страдание, что он от боли совершенно перестал жрать. Это были величайшие мозоли в мире, размерами не уступавшие самым крупным картофелинам; каждая из них весила больше полкилограмма.

Между мной и моим воспитанником установилось взаимопонимание. Он сообщил мне, что держит во дворе огромного дога, который кидается на всех чужих и успокаивается только в том случае, если ему рассказывать сказки; он готов слушать их целый вечер.

За обедом Элиаш держался прилично и смотрел на меня даже с какой-то любовью.

Попугая он тоже больше не трогал, так что тот мог спокойно болтать сквозь сон в свое полное удовольствие.

После ужина мы пошли спать.

Я лег в постель и начал читать, как вдруг дверь тихо отворилась, и в комнату вошел огромный дог.

Из коридора донесся голос Элиаша:

— Лабик, сторожить!

Дог подошел к моей постели и заворчал. Я сидел ни жив ни мертв, стуча зубами.

Дверь закрылась. Чем громче я стучал зубами, тем сильней щерился дог.

— Не дури,— сказал я собаке.— Лабик, умница, ведь я новый гувернер.

Дог заинтересовался было, но, видимо, моя особа ему не понравилась. Став передними лапами на край постели, он с ворчанием глядел на меня.

Я вспомнил, что говорил этот негодный мальчишка Элиаш насчет сказок.

— Милый Лабик,— начал я,— жил-был один король, и было у него три сына. Один из сыновей...

Ворчание усилилось.

— Не сердись,— пролепетал я, заикаясь.— Если эта тебе не нравится, я расскажу другую. Несколько сот лет тому назад, когда люди были еще не такие умные, как теперь...

— Рр-ррр-ррр-рраф...

— Господи, ну так я что-нибудь еще... Ты только скажи, Лабик... Шел раз солдат с войны, и нечего ему было есть. Вот пришел он в лес...

— Ррраф, рраф!

— Ну, жила-была волшебница, была у нее в лесу избушка, а в избушке черный кот...

Не могу сказать, сколько времени это продолжалось — может, два часа, может, три,— но все сбежавшиеся по зову Элиаша под мое окно решили, что я сошел с ума.

В ночной тишине одна сказка сменяла другую...

— У матери было девять дочерей...

Теперь дог уже не ворчал. Он начинал ворчать, только когда я умолкал.

В голове у меня все сказки спутались. Собравшиеся за окном слышали:

— Жила-была принцесса, у которой на каждом волоске была золотая туфелька... Жил-был один крестьянин, который твердо правил своим королевством и взял себе в жены погонщика...

Дверь отворилась. Сперва этот головорез тихонько позвал Лабика, потом впустил людей. Они накинлись на меня. Старик приказчик посоветовал до приезда врача раздеть меня донага, завернуть в мокрую простыню, связать и положить где-нибудь в углу: от этого, мол, многие приходят в себя.

Несмотря на отчаянное сопротивление, я оказался-таки в углу. Негодяй Элиаш добился своего.

Врач, увидев меня лежащего в углу, завернутого в мокрую простыню и увязанного, как тюк, сразу понял, что я не могу быть в здравом уме...

Теперь я в санатории. Знакомые, которые приходят навестить меня и которым я это рассказываю,жимают плечами и просят:

— Ну, пан Бешак, расскажите еще какую-нибудь сказку...

Тяжелое это дело — быть воспитателем!

ОПАСНЫЙ РАБОТНИК

I

У меня вошло в привычку при любых обстоятельствах хвастаться или своей физической ловкостью, или чем-нибудь в том же роде. Эта привычка настолько укоренилась во мне, что несколько раз я обманывал самого себя.

Обычно я хвастаюсь такими вещами, в которых либо ровно ничего не смыслю, либо смыслю очень мало, и рискую в любой момент попасть впросак. Признаться, мне страшно не везет, так как моими слушателями почему-то всякий раз оказываются специалисты, которые сперва пытаются урезонить меня по-хорошему. Но я возражаю им с величайшей живостью и запутываюсь чем дальше, тем больше, так что в конце концов специалистам приходится прибегать к аргументам грубым и жестоким.

Вот, например, около года тому назад один садовод грозился меня застрелить. Прослушав мой более чем часовой доклад об удачной попытке скрестить сосну с яблоней, после чего сосна принесла богатейший урожай яблок, а на яблоне уродились одни шишки, привлекшие в сад несметное количество белок, он попросил меня подождать, а сам помчался домой за ружьем. Вернулся он обратно или нет, я не знаю, так как предпочел незаметно скрыться.

В другой раз со мной сцепился один ветеринар. Речь шла о бешенстве. Я утверждал, что бешенство — болезнь заразная и ее могут подхватить даже ласточки;

разумеется, это редчайший случай — обычно ласточки не общаются с бешеными собаками, — но все же вполне вероятный.

— Вы это серьезно? — вскричал ветеринар и побагровел при этом, как человек, который нуждается в немедленном утешении: не волнуйтесь, дескать, это сейчас пройдет, и снова все будет хорошо.

— Совершенно серьезно, — невозмутимо ответил я. — Вы даже не можете себе представить, какой гвалт поднимает одна взбесившаяся ласточка! Она лает не переставая. Ей уже не до мух.

Почтенный ветеринар замертво свалился со стула. Пришел ли он в себя, мне тоже неизвестно, потому что, как и в первом случае, я поспешил улизнуть. Потом из невольного чувства уважения к этому достойному мужу я долгое время следил, не появится ли в газетах имя ветеринара под рубрикой «Умерли в Праге», но не обнаружил его.

Столь же рискованно излагать свою точку зрения по проблемам строительства в присутствии архитекторов. Однажды, находясь в их обществе, я высказал свое мнение о том, как должен выглядеть современный дом.

Вдруг ни с того ни с сего один из них, очень взволнованный, грубо схватил меня за плечо и заорал: «Ха, а куда вы дели камин, где у вас окна, двери, фундамент, крыша?»

Говоря по правде, эти мелочи просто вылетели у меня из головы.

— Фундамент — это излишество, — спокойно ответил я.

Одним ударом он сбил меня с ног и, усевшись на мне верхом, заревел прямо в ухо:

— Так как же вы рассчитываете обойтись без фундамента, голубчик?

Вот так я и живу — несчастье за несчастьем, а виной всему, с позволения сказать, мой проклятый язык. Но самое худшее из того, что мне довелось пережить и что меня окончательно доконало, — это полевые работы в наше тяжелое время.

Удивительно, но я и не предполагал, что работать в поле потяжелее, чем сидеть в «Унионке» * и глазеть в окно на Фердинандов проспект; короче говоря, я никог-

да не подозревал, что людям вообще приходится работать.

До сих пор для меня самым тяжким трудом было принести домой сто листов бумаги, разрезать их на четвертушки и с этими девственно чистыми листочками бежать к издателю и выклянчивать аванс.

После моего приключения с ветеринаром я решил начать трудиться по-настоящему и посвятить себя самого и свои жировые накопления деревне.

Итак, я отправил девяносто килограммов собственного сала к своему приятелю Гринчиржу в деревню Есень. В первый же вечер у нас зашел разговор о пользе труда и о том, как я рад, что наконец-то возьму в руки вилы.

— А что ты собираешься с ними делать?

— Ну, сено ворошить.

— Ты что-то путаешь, для этого нужны грабли,— поправил меня Гринчирж.— Вилы тебе понадобятся, когда придется подавать на телегу снопы.

— Ну, я страшно рад, страшно рад,— сказал я,— я не то что один, я враз по четыре, по пять снопов кидаю. А когда дело доходит до граблей, так я просто чудеса творю. У моего дедушки — царствие ему небесное, он, бедняга, хлебнул со мной горя — я однажды переверорочил двадцать корцов! Да что я вру — не двадцать, а тридцать пять корцов! Поплевал на ладони, знаешь, как я плюю себе на ладони, — и пошло. Полдня — и готово. А снопы, как я уже тебе говорил, запросто кидаю по пять зараз.

Мой друг Гринчирж взглянул на меня в немом замешательстве и коротко сказал:

— Так завтра и начнем. Будем переворачивать ячмень.

— Отлично, — с готовностью ответил я, — как-то я перевернул целый воз ячменя, ты и понятия не имеешь, на что я способен! Переворачивать ячмень, или там жито, или пшеницу, или картошку...

— Картошку? — изумился мой друг.

— Ну да, картошку, что же тут особенного? У покойного дедушки мы жали картофель на корню. Я как сейчас помню, он тогда весь промок, так мы сложили его в скирды и ну ворошить — переворачивать со стороны на сторону, чтоб подсох.

Мой друг Грнчирж уже не удивлялся.

— Боже мой, что за вздор ты городишь!

— Вовсе не вздор,— оборонялся я,— у покойного дедушки в тот год выдалось очень дождливое лето. В соседней деревне была засуха, но зато у нас все уродилось. Сливы перезрели настолько, что начали прорастать. У покойного дедушки в полах пиджака заваялось несколько зерен, так в один прекрасный день в пиджаке проросла рожь.

— Знаешь что,— сказал мне озабоченно Грнчирж,— иди-ка ты лучше полежи. Весь день в дороге, да по такой жаре — тут кто угодно спятит.

Уже лежа в постели, я услышал, как в соседней комнате Грнчирж говорил кому-то:

— Скорее всего ни в чем он не разбирается: ни рожь от пшеницы отличить не может, ни ячмень от овса.

«Ишь ты, умник!— подумал я про себя.— У пшеницы еще такие длинные усы. Черт возьми, а может, это овес?»

II

Мы отправились в поле ранним утром. День выдался до того душный, что не успел я пройти и половины пути, как почувствовал, что умираю от жажды. Пот катил с меня градом, и я безвольно ждал того момента, когда меня окончательно развезет.

В поле обо мне уже было известно. Видимо, Грнчирж кое-что успел рассказать. Я слышал, как одна баба с граблями сказала другой:

— Глянь-ка на этого. Говорят, он зараз по пять снопов кидает.

Передо мной простиралось поле, покрытое кучками сжатого ячменя. Они тянулись до самого горизонта и, казалось, только меня и ждут.

— Ну, начнем переворачивать,— предложил Грнчирж.— Снизу ячмень мокрый, надо его просушить.

— Начнем,— отозвался я и, взяв несколько колосков, переложил их на другую сторону, потом взял еще столько же...

— Да кто же так делает, голубчик? — изумился Грнчирж.— Возьми грабли и переворачивай вот так, ви-

дишь: мокрые колосья теперь сверху. Ты ведь, судя по вчерашним рассказам, хорошо знаешь деревенскую работу!

— У моего дедушки мы всегда так делали,— оправдывался я,— мы, например, рожь не косили, а просто за стебель выдергивали с корнем... Чтоб стерни не оставалось.

Грнчирж больше не слушал. Он шел дальше, видимо, занятый своими мыслями. Пот катился с меня уже не градом, а ручьями, заливал и щипал глаза. А эти несносные комары, словно прознав, что мы ведем мировую войну, решили выступить в роли неприятеля и кровожадно набросились на меня.

Терпя неслыханные муки, я осторожно переворачивал ячмень и регулярно информировал об этом Грнчиржа.

— Грнчирж, уже восемь куч готово!

На девятой у меня от земных поклонов заболела спина. Начав одиннадцатую, я окончательно изнемог, словно взбежал на Монблан, повалился на снопы и в полной растерянности начал ползать по ячменным кучам. Они словно измывались надо мной, а откуда-то сзади голос Грнчиржа спросил:

— Что с тобой, голубчик?

— У покойного дедушки после одиннадцатой кучи мы всегда отдыхали,— ответил я упавшим голосом.— Это не давало нам сбиться со счета. К примеру, если оказывалось, что мы отдыхали сорок раз, значит, сделали четыреста сорок куч. И тогда уже точно было известно...

Грнчирж поднял меня и, грубо оборвав мои пояснения, распорядился:

— Валяй дальше, это тебе полезно. Учти, весь этот ряд твой. Гляди, как мы тебя обогнали... Боже милосердный, да что это ты натворил? Неужто все ссыпал в одну кучу?

— Разумеется,— сказал я.— Так ведь практичнее. Сперва сделаю стог, а потом этот стог сразу и переверну. Какой смысл возиться с этими маленькими кучками? У покойного дедушки таким манером я за два часа перевернул две тысячи куч. Конечно, если ты против, я могу и разбросать, но нахожу, что это непрактично.

→ Ячмень-то ведь должен высохнуть,— пытался растолковать мне Грнчирж.

— А ты раньше говорил, что у вас есть сушилка,— напомнил я.

— Так это же для фруктов,— завопил он, чуть не плача.

— Ну, ну, так я же ничего особо вредного и не предлагаю,— успокаивал я приятеля,— я думал, как лучше, практичнее.

Мы снова принялись за работу. Я разбросал любовно собранную кучу и с удвоенной энергией принялся за следующий ряд, который находился слева от меня. Не прошло и четверти часа, как снова появился Грнчирж.

— Боже правый, помилуй нас!— уже издалека кричал он.— Голубчик, ведь ты перевернул обратно все, что мы уже переворачивали, теперь мокрый опять вниз и придется все начинать сызнова! А у тебя, небось, и для этого есть объяснение?

— Конечно,— ответил я.— У моего покойного дедушки мы всегда так делали, чтобы зерно быстрее сохло. Носишь взад-вперед, туда-сюда, вот оно и сохнет, потому что отовсюду воздух. Иногда мы даже подвешивали колосья на веревках, как белье.

Тут я увидел, что мой друг Грнчирж кусает губы. Однако, справившись со своим гневом, он сказал:

— Будь добр, отправляйся-ка вон к той девчонке, что присматривает за ребенком одной нашей работницы, и передай ей, чтобы она шла переворачивать ячмень, а сам пока понынчишься с младенцем.

— У покойного дедушки...

— Ступай, ступай.

Я пошел с радостью. Значит, нянчить младенцев — тоже полевая работа.

Это был милейший годовалый мальчонка. Уселся мы с ним на сруб колодца, а он возьми да и выскользни у меня из рук, так и свалился прямо в воду.

— Грнчирж,— заорал было я,— принеси мне грабли, у меня мальчишка в колодец свалился!

Конечно, лучше было, пока не поздно, вытянуть парня без граблей, что я и сделал. Но переполох все же поднялся.

Перепуганная мать, обливаясь слезами, вместо ячменя сушила своего сыночка. А Грнчирж заметил:

— Должно быть, у твоего покойного дедушки тоже бросали детей в колодцы?

— По четыре, а то и по пять сразу,— забормотал я, не соображая, что говорю: в этот драматический момент я продолжал думать о снопах.

Женщины смотрели на меня с ужасом.

— Знаешь,— сказал мой приятель Грнчирж,— иди-ка ты лучше пить пиво... Перед обедом я к тебе загляну, а после обеда пойдем к Самекам на поле снопы возить. Видимо, на тяжелой работе от тебя будет больше проку.

«Вот тебе раз,— подумалось мне,— от меня ждут пользы на более тяжелой работе. Значит, то, что я пережил утром, считается пустяком?»

III

Между тем и у Самеков и в трактирчике уже слышали о чуде, который кидает на воз не по одному, а по четыре-пять снопов зараз.

Ну, разумеется, такого богатыря следовало угостить. Основательно нагрузившись, мы выехали в поле.

В руки мне сунули какую-то занятную вещицу. Она состояла из палки, на конце которой чрезвычайно хитрым способом были укреплены три острия.

— Где бы мне взять вилы? — спросил я у Самека.

— Да они же у тебя в руках! — удивился крестьянин.

— Прошу прощения, я просто не обратил внимания,— небрежно извинился я и принялся рассуждать о том, что, наверное, быть дождю, обязательно пойдет дождь, потому что уж очень жарко, и хорошо бы, если б стало немножко попрохладнее.

Крестьяне не любят таких прогнозов, особенно в пору жатвы, когда нужно успеть свезти снопы в ригу.

Преппирательства продолжались до тех пор, пока мы наконец не очутились на поле среди снопов.

Снопы были отменно крупными и тяжелыми.

Мы начали накладывать их на телеги. Жара стояла невыносимая, и я прибегаю к хитрости. Я развязывал сноп

и, подхватив небольшую его часть на вилы, перетаскивал на подводу.

— Ты что это делаешь? — прикрикнул на меня Гринчирж.

— Упрощаю свою задачу, — отозвался я, — потому что мой способ практичнее, чем...

Гринчирж снова всучил мне вилы, которые я, приступая к логическому обоснованию преимуществ своей инициативы, воткнул было в землю.

— Не позорь меня, — взмолился он, — подцепи сноп и подавай на подводу!

Вообразите, что вам нужно поднять полутораметровую жердь с пудовой гирей на конце и затем швырнуть эту гирию вверх, на высоту трех метров, причем не раз и не два, а пятьдесят, сто, тысячу раз.

Я ухватился за вилы, издали прицелился в сноп, нацепил его и, крикнув, подбросил на телегу. Пошатываясь, я носил снопы к подводе и кидал их наверх.

Силы уже оставляли меня, и на десятом снопе я решился на отчаянный шаг.

Поднатужившись, я со всего размаха огрел снопом батрака Штепана, который стоял на подводе укладчиком.

На этот подвиг ушли мои последние силы.

Штепан слетел с подводы, как яблоко с яблони, и угодил прямо на бабу, которая как раз несла в большом жбане пиво к ужину.

Раздался ужасный, жалостный вопль: пиво поминай как звали. Когда все успокоилось, мне велели отложить вилы.

Я отнекивался, говоря, что только-только вошел во вкус, но они все-таки поставили меня к лошадям, объяснив, что это никакое не понижение, чему я, разумеется, не поверил.

Не удалось мне отличиться и возле лошадей. Просто я не вовремя произнес «но!», кони дернули, подвода покатилась, и бедняга Штепан снова оказался на земле.

Крестьяне прогнали меня и от лошадей и больше уж ничего мне не доверяли. Некоторое время я изгнанником шатался по полю, а потом опустился на межу. Моя новая попытка принять участие в общей работе с вилами в руках была безуспешной. Крестьяне вырвали их у меня. И я снова очутился на меже.

Мухи и комары отнеслись ко мне без всякого снисхождения, а один слепень — законченный нравственный урод и ничтожество — так укусил меня в руку, что она тотчас же вспухла. Но никто не проявил ко мне ни малейшей жалости.

Когда мимо меня проходила Аничка, хозяйская дочка, усердно вязавшая снопы, я обратился к ней:

— Взгляните, пожалуйста: этот слепень натворил с моей рукой что-то очень страшное.

— Слепней здесь хватает, — равнодушно отмахнулась Аничка, не выразив ни капельки сочувствия, — скотины нынче в поле мало, всю в армию угнали, вот слепень и напал на вас.

Что она хотела этим сказать, я до сих пор не понял.

VI

Существует распоряжение, чтобы всюду на полевых работах составляли списки лиц, принимавших в них участие: каждый должен по мере своих сил приносить пользу отечеству.

Однако полицейский, пришедший к Гринчиржу записать всех работоспособных, взглянув на меня, заявил:

— Их милость я записывать не стану, они какой-то опасный работник.

Сдается мне, что на сельской ниве славы мне не снискать, хотя у моего покойного дедушки...

Боже мой, что это я опять болтаю!..

ЖЕРТВА УЛИЧНОЙ ЛОТЕРЕИ

Будь у пана Косаудулы враги, все случившееся могло бы казаться вполне правдоподобным и до известной степени закономерным.

Дело в том, что кто-то распустил слух, будто ему достался главный выигрыш уличной лотереи — семьсот тысяч крон.

Косаудулу это больно задело. Во-первых, он не выиграл и двух крон, а во-вторых, никаких врагов у него не было. Он жил со всеми в мире, и ему было поистине неприятно, что кто-то сочинил подобную небылицу.

Последствия оказались потрясающими.

Первая стычка произошла в квартире его невесты. Пана Косаудулу приветствовали радушно, потчевали шоколадом, а будущий тесть едва держался на ногах, то ли от радости, то ли от выпитых им в честь столь знаменательного события двух бутылок вина.

Не дав Косаудуле опомниться, вся семья изложила ему свои взгляды на новую жизнь, которую они отныне начнут.

Пан Подбабачек, будущий тесть, уже успел пронюхать о великолепном участке земли и кричал, что намерен разводить там серебристых кроликов.

Мария — его скромная Мария! — несла какой-то вздор об автомашине и брюссельских кружевах, которые она станет провозить контрабандой.

Пани Подбабачкова отвела ошеломленного Косаудулу в сторону и потребовала, чтобы он купил для нее галантерейный магазин.

В это же время Карел, пятнадцатилетний гимназист, незаметно сунул ему в руку листок бумаги, на котором было написано: «Купите мне, пожалуйста, мотоцикл. Я уже один присмотрел».

Косаудула вспомнил, что на днях читал, как где-то в Швейцарии ни с того ни с сего помешалась сразу целая семья, и попятился к дверям, принужденно улыбаясь и крича:

— Все вам куплю, успокойтесь, все что угодно!

Под ликующие вопли ему удалось добраться до дверей, где он молниеносно вытащил из замка ключ, запер несчастную семью на два оборота и помчался в «Скорую помощь»; там ему сказали, что, по всей вероятности, это рагапоia рагесох, или мания величия, и отправили обратно вместе с отрядом пожарных и смирительными рубашками.

Все члены семьи яростно сопротивлялись, но их одного за другим вытащили через окно и снесли по приставной лестнице вниз, причем каждый отчаянно вопил: «Он выиграл семьсот тысяч крон! Хочу разводить серебристых кроликов!», «Хочу галантерейный магазин!», «Я уже присмотрел мотоцикл!», «Буду провозить контрабандой брюссельские кружева!»

И вот о Косаудуле пошли толки, будто он, выиграв семьсот тысяч крон, упрятал семью своей невесты в сумасшедший дом, так как, заделавшись богачом, не пожелал на ней жениться.

Косаудула узнал об этом от привратника, вернувшись домой после полуночи. Привратнику, открывшему дверь, он, как обычно, дал двадцать геллеров, но услышал, как тот отчетливо проворчал: «Сквалыга!»

Косаудула возмутился, заявив, что он как-никак дал двадцать геллеров, а не десять, пусть пан привратник посмотрит как следует.

Привратник ответил коротко, но решительно:

— Теперь, выиграв семьсот тысяч, могли бы платить за услуги и по кроне. Но вам бы только захватить побольше. Известно, что вы за гусь! Честно это? Валандался с девчонкой пять лет, а выиграв семьсот тысяч крон, упек ее со всей семьей в сумасшедший дом, чтобы жениться себе спокойненько на какой-нибудь графине!

Косаудула упал перед ним на колени, умоляя повторить все это еще раз.

Привратник в ужасе бросился бежать и стал всем в доме рассказывать, что пан Косаудула от выигрыша спятил.

На следующий день Косаудула перебрался на другой конец города. Возчик величал его «пан барон» и заломил за перевозку постели, стола, гардероба, кушетки, двух стульев и зеркала шестьсот крон.

Сошлись на сорока, и возчик заявил внизу угольщику, что пожертвует эти гроши на Матицу *, раз миллионер такой скопидом. но тут же за углом просадил их в железку.

На другой день Косаудула получил шестьдесят писем, в которых различные общества сообщали, что избирают его членом-учредителем, прилагая одновременно подписной лист на уплату двухсоткронного взноса.

Он выставил в этот день пятнадцать вдов и сирот, вымогавших у него деньги на квартирную плату, и спустил с лестницы весьма нахального инвалида, который требовал денег на новую шарманку и страдал его деревянной ногой.

Толпа, разъяренная бесчеловечностью Косаудулы, перебила окна в его комнате, а на следующий день одна газета поместила заметку «Бездушные скряги».

Его выжили из дому. В подъезде Косаудула схватился с каким-то человеком, который пытался уговорить его внести свои семьсот тысяч крон в новое акционерное общество по производству патентованных гигиенических зубочисток.

Ревностный коммерсант оказался к тому же бывалым боксером и, получив отказ, подсадил пану Косаудуле синяк под правый глаз!

Косаудула в панике вырвался на улицу и отправился в Стромовку, не замечая, что за ним по пятам, держа под мышкой какую-то сумку, следует высокий, худой юноша с эксцентричным выражением лица.

Юноша подошел к нему и приятным, нежным голосом произнес, что он поистине счастлив встретить здесь известного мецената, пана Косаудулу.

— Одну минуту,— сказал он затем, извлекая из сумки какие-то бумаги.— Уже длительное время я занима-

юсь возрождением чешской художественной литературы. Убежден, что только вы поймете меня, и позволю себе прочитать эти стихи.

Он усадил Косаудулу на скамейку и принялся декламировать:

Над скалами, где тают облака,
Где дьяволов улыбки злобно блещут,
Идут бастарды красоты, добра
В аллеях светлых, где волненья чуть трепещут.
Уж час грядет порывов неизбывных,
Потоку времени и я присягу дал.
Улыбкам слабых и улыбкам сильных
Я кровь свою отдам, я, пеликан.

— Могу прочесть вам еще один отрывок,— сказал юноша, давая Косаудуле понюхать нашатырного спирта:

Подкопы подвели мы под ограды,
Когда поедешь ты со свадьбы, рада...

— Это в духе народных песен,— продолжал он, приводя Косаудулу в чувство.— Но особенно я рекомендую вам следующие стихи:

В поле груша расцветала
Много лет.
А теперь ее не стало —
Груши нет.
Яблоня на том же месте.
Скоро и ее не станет.
Будет там чершня.

— В этих стихах заключен глубокий смысл,— объяснял он, делая Косаудулу искусственное дыхание,— речь идет о том, что в жизни все непрерывно меняется!

— Где я? — взмолился мученик.

— В надежных руках,— вкрадчиво ответил молодой человек.— Я пришел, милостивый государь, просить вас издать за свой счет сборник моих стихов, образцы которых я только что позволил себе вам продекламировать.

Косаудула оглушил его ударом кулака и в отчаянии пустился наутек. Бог весть, где он бродил, но утром вновь оказался дома и наблюдал, как под окнами его квартиры теснятся люди, а в дверь ломится толпа, ревушая в невообразимом смятении:

— Сжался над нами, благодетель, у нас дома всего три голые стены!

Внизу под окнами полиция разгоняла новые шеренги просителей. Двери в его комнату стали угрожающе трещать. А позади толпы, на улице, маячила фигура вчерашнего поэта.

Косаудула вскочил на подоконник и прыгнул со второго этажа.

Он упал на полицейских, которые в этот момент арестовывали некоего подозрительного типа, а тот орал, задрав голову, что ему нужны пятьдесят крон, чтобы начать новую жизнь.

Косаудулу подняли с земли. Полицейские многозначительно переглянулись; потом старший взял его за плечи и объявил:

— Именем закона вы арестованы за оскорбление должностных лиц!

Час спустя за ним захлопнулись двери суда. До половины двенадцатого Косаудула пребывал в камере в состоянии полной апатии. Он даже был доволен, что обрел наконец желанный покой. Но около двенадцати к нему вошел надзиратель и спросил:

— Вы, понятное дело, будете харчеваться на свой счет, коль уж выиграли семьсот тысяч?

Тут Косаудула с диким смехом принялся ползать по полу на четвереньках и укусил надзирателя за икру.

Оказавшись в психиатрической лечебнице, он встретился со своим бывшим будущим тестем, паном Подбабачком, который уже не узнавал его.

Подбабачек воображает, будто он в крольчатнике. И когда Косаудула ползает на четвереньках, он гладит его по спине и сует ему в рот свернутую из бумаги кочерыжку, принимая за одного из своих серебристых кроликов.

СЫСКНАЯ КОНТОРА ПАНА ЗВИЧИНЫ

Когда пан Звичина, владелец сыскной конторы, беседовал со своими клиентами по вопросам более или менее деликатного свойства, голос его рокотал приветливо и бархатисто. И напротив, разговаривая со своим помощником — паном Баргонем, — пан Звичина переходил на надсадный крик, и вместо обычной улыбки на его физиономии отражалось необычайное возбуждение.

— Заметьте, пан Баргонь, — с беспокойством обратился он к своему служащему как-то хмурым, неприветливым днем. На улице было слякотно, и контора была пуста, — никто не нес ни анонимного письма, ни просьбы установить правдивость сведений о жене, содержащихся в указанной анонимной бумаге; никто не приходил даже с жалобой на приказчиков, живущих не по средствам. — Так вот учтите, пан Баргонь: прошла неделя, а у нас ни одного клиента. Неужто перемерли все благородные люди, составляющие анонимки?

Пан Звичина в отчаянии заломил руки.

— А что, если нас и в самом деле постигло такое несчастье? Что, если вовсе не осталось джентльменов, которые бы очень ловко, умно и осмотрительно обкрадывали своего хозяина? Неужто окончательно перевелись все славные мошенники, розыски которых были для нас таким благодатным источником дохода?

— Да-с, тяжелые наступили для нас времена, — ответил на этот трагический монолог пан Баргонь. — А помните, как на днях мы с вами подсунули одной ба-

рышне сведения о ее женихе; мы там еще написали, что он судился за воровство и что у него две жены. А потом оказалось, что никакой он не вор, а вполне порядочный человек, да к тому же советник юстиции. Или помните нашу информацию о вдове, которую затребовали родственники его невесты?

В ней мы сообщали, что свою первую жену вдовец задушил. И тут ошибочка вышла. Он ведь, как оказалось, и не был вдовцом. И с приказчиком тем тоже малость поднапутали. Помните, о нем справлялся его новый хозяин. И как его могли уволить за то, что он таскал домой целыми рулонами шелк, обмотав его вокруг тела, когда он торговал в керосиновой лавке?

Такие дела не забываются и возбуждают недоверие. Кстати, зачем приходил к нам тот почтенный господин с плеткой? Мы тогда разузнали, что живет он на деньги родителей. Долгов они за него не платят, а потому он не может сделаться компаньоном лесопильни с паем в 60 тысяч крон. И ведь он оказался крупным помещиком-богачом, аристократом до кончиков ногтей. Все уплатил нам сполна, даже за мебель, которую разнес тогда вдребезги в нашей конторе. Я сам получил от него двести крон за увечье. Достойный, очень достойный человек!

— Да, такие дела на полу не валяются,— вздохнул пан Звичина,— и это очень жаль.

— То-то и оно, не валяются, пан шеф. Не везет нам в последнее время. Неудачи преследуют нас по пятам. И черт его знает, почему мы беремся за все не с того конца. В справке о председателе ссудной кассы, с которым вы уже который год пьете в одном погребке, вы умудрились написать, что он плетет корзинки в Панкраце *. А это что ж, так себе, неточность?! Не неточность, а обман, пан шеф, а за обман не платят. Словом, мы действуем не очень осторожно.

— Это вы действуете не очень осторожно, пан Баргонь, вы, вы! Зачем вы в прошлый раз, когда та фирма не хотела выдать сто двадцать пять крон, которые мы пытались урвать на бланки для справок, зачем вы сразу стали угрожать им, что пусть, мол, только кто-нибудь затребует о них сведения, уж мы не забудем, что они даже ста двадцати пяти крон не хотели заплатить, чтобы быть с нами в контакте.

Такие угрозы делают в более изысканной форме. В таких случаях говорят: «Господа, кое-кто находит, что вы на грани краха, и к нам поступил запрос, что мы об этом думаем». А уж только потом переводить речь на деньги. Осторожность никому еще не вредила.

— Что верно, то верно, пан шеф,— отозвался пан Баргонь,— но только не видно, чтобы вы сами заботились об этой самой осторожности. Недавно на запрос прокатной мастерской о только что взятом поверенном вы ответили, что он запойный алкоголик и известный склочник. Причем вздумали отнести им ответ собственноручно. А по дороге напильсь так, что еле держались на ногах. И вдобавок подрались со швейцаром, который не хотел вас...

— Чего он не хотел?— заорал пан Звичина.

— Не хотел вас впустить, опасаясь, как бы вы не загремели по лестнице, господин шеф.

— Уж кому-кому меня упрекать, пан Баргонь, только не вам. Я еще ни разу в жизни не приносил домой янтарных мундштуков после посещения дома, где нужно было узнать, в каком кабаке сидит вечером пан супруг...

— Никакой это был не янтарь, господин шеф, простая целлюлоза. И, к слову сказать, мы все-таки дали о том супруге сведения в кредитную кассу насчет того, что отношения в семье у него самые неважные. Да, я повторяю, что это был самый обычный дешевенький мундштук из целлюлозы. И потом я прихватил его не на письменном столе, как вы утверждали недавно, а в спальне, с ночного столика, где он лежал всеми забытый. Для себя я никогда ничего не беру. Погодите, я еще не кончил. Я далек от того, чтоб попрекать вас всякими пустячками. Помните, как мы с вами разыскивали того мелкого домушника у баронессы Добржежницкой и вам там понравились бриллиантовые сережки, лежавшие в сейфе?

— Черт побери, да что вы говорите, какие же это бриллианты? Я могу показать закладную квитанцию. Их оценили всего-навсего в двадцать две кроны. И, кроме того, они лежали вовсе не в сейфе. Я нашел их в чемодане у прислуги, которую подозревали в краже.

— И вы еще ушипнули ее за подбородок.

— Все во имя дела! Что записано в уставе нашей сыскной конторы? Что мы обязуемся использовать все средства для получения самой надежной информации. Видите? А грубостью ничего не добьетесь. Вы в своей нежности заходите еще дальше. Когда нам нужно было выяснить достоверность сведений об измене одной дамы, помните, где застал вас ее супруг? Ведь вы тогда, голубчик, сами поспешили сойтись с ней. Скажете — чтобы выведать подробности? Так какого же черта вам было тогда удирать от мужа на улицу и выклянчивать у прохожих хоть какую-нибудь одежонку, чтобы прикрыться?

— Э-э, все было не так уж скверно, пан шеф. Я, правда, оставил жилет и пиджак, но это же было в интересах нашей конторы, пану супругу для развода нужны были вещественные доказательства.

— Для этого, наверно, он и гонялся за вами с ружьем по всему дому? Сколько пуль он тогда в вас всадил?

— Это было всего-навсего духовое ружье, господин шеф. Грубый был человек. Палил по мне, как по кошке. Но я сильно подозреваю, что именно вы подбросили ему анонимку, чтобы не платить мне за розыски. Служить у вас совсем не мед. За пять лет, что я тут, меня семьдесят раз спускали с лестницы и сорок раз молотили палками по бокам. У меня сломано четыре ребра, недостает трех зубов, нос свернут на сторону, а вы продолжаете псылать меня в самые что ни на есть опасные места.

Помните, как-то раз мы должны были подтвердить сумасшествие одного кондуктора. Я тогда отправился к нему и заявил: «Приятель, говорят, у вас не все дома». Это вы подсказали мне такую идею. И я по простоте душевной трижды обращался к нему с вежливой просьбой: «Ответьте мне, пожалуйста, сумасшедший вы или нет?» В конце концов он молча уставился на меня своими глазами, а потом вдруг начал ими вращать да как заревет: «На колени, Олоферн!»*. У бедняги была навязчивая идея, что он Юдифь, и вы знали об этом и все-таки послали меня к нему. К счастью, родственники успели отнять у него драгунскую саблю, которую он купил вместо меча, и подсунули деревянную. Посреди комнаты у него была раскинута палатка, где он спал в ожидании Олоферна. Туда-то он

и пытался втащить меня, как котенка, чтобы отсечь голову. Хоть сабля была и деревянная, но я долго еще после этого не мог повернуть шею.

Слава богу, его родственники вызволили меня. И после всего этого вы по ошибке дали справку, что у того господина чудесный, мирный характер, что он необычайно приветлив и воспитан, словом, совсем нормальный человек.

Так вот оно и идет одно за другим.

Вчера вы велели мне известить одного супруга, что жена его обманывает и что мы все точно разузнаем и принесем ему доказательства, если он заплатит пятьдесят крон. А он сам высосал из меня последнюю десятку. Для меня это совершенно непоправимый удар.

Слезы выступили на глазах пана Баргоня.

— А потому убедительно прошу вас, пан шеф, выдайте мне задаток под того подозреваемого приказчика из магазина колониальных товаров, который ни в чем не повинен, разве только в том, что раз в неделю играет не по средствам в бильярд...

— Иль же, ваша милость, — снова раздался его голос после минутного молчания, — дайте хоть одну крону задатка за того шофера, что в выходной ездит на прогулки со своей возлюбленной.

Около полудня они, наконец, сошлись на пятидесяти геллерах задатка под шофера, но в двадцати геллерах под одного подозрительного любовника, у которого двое незаконных ребят, пану Баргоню было решительно отказано.

После этого оба разошлись в мире и согласии.

МОЯ ДОРОГАЯ ПРИЯТЕЛЬНИЦА ЮЛЬЧА

I

Я, право, не знаю более прелестного существа, чем собакообразный павиан. Удивляюсь, почему леопарды боятся его, а покойный Брем так оклеветал, назвав чудовищем. Правда, при первой встрече павиан кажется каким-то фантастическим зверем, описанным в Апокалипсисе * или сошедшим с рисунка спиритов. Но, привыкнув к нему, вы убеждаетесь, что под личиной дьявола скрывается добрейший характер, а в страшилище павиана превратили не понимавшие его люди.

Разрешите мне, человеку, занимающемуся зоологией, заметить, что собакообразный павиан — единственная обезьяна, шерсть которой не воняет. Торгуя животными, я вынужден был неоднократно выслушивать упреки своих покупателей из-за отвратительного запаха других видов обезьян.

Вот почему я могу сказать словами моего слуги Чижика: «Разрешите рекомендовать вашим милостям собакообразного павиана».

II

Собакообразного павиана, о котором пойдет речь, звали Юльча. Эта обезьяна была необычайно красива. У нее был удлинённый нос, серебристо-коричневая короткая шерсть, благоухающая мускусом, карие глаза и очень короткий, маленький, интеллигентный хвост,

внушавший вполне обоснованную надежду, что у ее потомков в течение нескольких поколений он полностью исчезнет. К нам она попала в результате странного стечения обстоятельств. Купил ее в Стеллинге под Гамбургом у Гагенбека некий дрессировщик обезьян. У него был целый пансион. Юльча получила там хорошее воспитание. В течение двух лет она научилась сама надевать какой-то замызганный бальный туалет с длинным шлейфом и тирольский национальный костюм с перышком на шляпе. Потом ее научили ездить по кругу на маленьком велосипеде, пользоваться при еде вилок и ножом, пить из бутылки. В том же пансионе ее обучили весьма точно плевать в цель вишневыми косточками. Барышня Юльча преуспела духовно и физически, и можно было надеяться, что она отвыкнет ловить блох, чесать зад в присутствии публики и искать воображаемых вшей у своего учителя и у окружающих.

Самоотверженный учитель задумал показать свою ученицу в пражском «Варьете». А до того решил для рекламы продемонстрировать в редакциях ежедневных газет. Но от этого намерения ему пришлось отказаться после того, как Юльча в первой же редакции сожрала важную статью, предназначенную для вечернего выпуска газеты, и облила главного редактора чернилами. Редакция же приобрела ценный опыт: убедилась, что дрессировщика обезьян легче вышвырнуть, чем собакообразного павлиана. Учитель Юльчи был уже давно в коридоре, а она все еще пребывала в редакции. Сидела наверху, на книжном шкафу, просматривала географический атлас, который взяла со стола, и с большим увлечением вырывала из него одну карту за другой. Главный редактор с двумя другими редакторами заперлись в телефонной будке и там обсуждали, как быть с этим более чем метровым дьяволом с грозной челюстью, который между тем оборвал внутренний телефон и бросал через окно на улицу рукописи со стола главного редактора. Тут Юльча величественно открыла дверь в коридор и, обняв своего учителя за шею, спустилась с ним к автомобилю, в котором они приехали.

С тех пор господин Гарди не ходил в пражские редакции и только со страхом ожидал результата выступления Юльчи в «Варьете».

Результат был далеко не блестящим. Он вывел ее за руку на сцену в тирольском костюме и поклонился; Юльча очень вежливо последовала его примеру. Потом он обратился к публике с речью, в которой назвал Юльчу восьмым чудом света.

Юльча сначала рассеянно озиралась, потом взглянула вниз, на оркестр, и исчезла среди музыкантов. Но очень быстро оттуда выскочила, появилась со скрипкой в руках у первых столиков, среди посетителей и села на стол какого-то пожилого господина, который с перепугу стал рассматривать ее в бинокль. Публика аплодировала, думая, что это входит в программу. Юльча, довольная своим успехом,хватила симпатичного господина скрипкой по голове и завладела его биноклем. Затем начала прыгать по столам, разорвала на одной даме блузку, швырнула бинокль в официанта, забралась на галерею и давай оттуда кидать в партер шляпы. Среди публики поднялась паника.

Тщетно пан Гарди призывал со сцены публику не бояться, Юльча, мол, очень добрая, кроткая обезьяна, а он сейчас вознаградит присутствующих демонстрацией дрессированного, кроткого тигра. Зал невообразимо быстро опустел. В конце концов наверх, на галерею, пробрались служители и после тяжелой борьбы Юльчу связали. При этом она своей прекрасной челюстью так искусала одного из них, что «Скорой помощи» пришлось отвезти его в больницу. Когда порядок был восстановлен и полиция выдворила публику, столпившуюся у кассы, требуя возврата денег, пан Гарди счел нужным позвонить мне по телефону.

— Алло,— ничуть не смущаясь, сказал он.— Я слышал, что вы охотно покупаете сенсационных животных, и весьма одобряю это. Можете считать меня хорошим другом, который ни в коей мере не намерен обмануть вас. Видели вы когда-нибудь обезьяну, пользующуюся носовым платком?

Я ответил, что видел, так как мне самому как-то удалось научить этому обезьяну из семейства резус. Она даже постоянно носила в защечном мешочке маленький носовой платок. Когда ей надо было вытереть нос, она просто вынимала платок изо рта и, утеревшись, преспокойно клала его обратно. Я продал ее одной ба-

ронессе, которая из-за этой замечательной обезьяны заболела катаром желудка.

— Алло,— продолжал пан Гарди,— я начал с того, чем вы при дрессировке закончили. Вы видели обезьяну, которая при еде пользуется ножом и вилкой?

— Да, пан импресарио, у меня был однажды бесхвостый магот, который был настолько воспитан, что эти ножи глотал. После смерти его вскрыли, и таким образом мы вернули в свое хозяйство полный комплект на шесть персон.

— Алло,— послышался в трубке другой голос (это был секретарь предприятия).— Алло, давайте говорить кратко, по-деловому. Речь идет о чрезвычайно кроткой обезьяне, собакообразном павиане. Это та самая чудесная Юльча, которую все видели на афишах. Она ездит на велосипеде, пьет из бутылки, умеет надевать бальный туалет со шлейфом и тирольский костюм, проделывает еще много замечательных и веселых номеров. Отдадим ее вам со всем реквизитом за двести крон. Мы неохотно расстаемся с нею, но она не привыкла к публике. Словом, сейчас будем у вас.

Они дали отбой, а через четверть часа привезли на автомобиле Юльчу, связанную, словно она была опасным преступником. Мы поместили ее внизу, на кухне, где готовилась еда для дюжины собак и находилось несколько щенят. Они забились от страха в угол и, жалобно повизгивая, ожидали, что последует дальше.

Я приобрел Юльчу за сто шестьдесят крон, а ее туалеты господа отдал мне в придачу бесплатно и как-то подозрительно быстро со мной распрощались. После их отъезда я позвал своего слугу Чижека и велел ему развязать собакообразного павиана. Но Чижек упал передо мной на колени и стал клясться, будто должен содержать свою мать, что не соответствовало действительности, так как он уже давно сбежал из дому. Увидев, что ему даже это не поможет, он потребовал пять крон в счет жалованья, утверждая, что перед таким серьезным и опасным предприятием должен подкрепиться. Удовлетворившись двумя кронами, он отправился набираться мужества.

Вернулся Чижек через три часа. Я видел, как он открыл калитку ограды и потом скрылся в доме. Некото-

рое время снизу доносился какой-то шум, потом все стихло. Проверив, внесены ли за Чижека взносы по страхованию от несчастного случая, и убедившись, что все в порядке, я, несколько успокоенный, спустился вниз.

Осторожно открыл кухонную дверь. Сразу стало ясно, что Чижек свою задачу выполнил. При слабом свете висевшей на стене керосиновой лампы я увидел трогательную картину. На кровати лежал Чижек, развязавший Юльчу и затем свалившийся под действием впитанного в себя мужества. А Юльча, когда ее связывали, по-видимому, вообразила, что ее обучают какому-то новому трюку. Поэтому, избавившись от пут, она использовала ту же веревку, чтобы связать Чижека. И бедняга Чижек спал на кровати, как сверток. Юльча уложила подле него всех щенят, которых нашла, и сейчас искала что-то у него в голове. А щенята тихо и умильно ожидали своей очереди.

Так мы познакомились с Юльчей. С ее помощью я развязал Чижека, затем она уцепилась за мою руку и не отпускала ее, так что я волей-неволей вынужден был повести ее наверх. Там я дал ей яблоко и хлеба. С тех пор она не расставалась бы со мной ни на минуту, если бы я мог проделывать все, что делала она. Но я не умел прыгать с дерева на дерево, оттуда на карниз, а с карниза на крышу дома. Я заметил также, как ее огорчает, что я не могу раскачиваться на обыкновенной, висящей на потолке люстре.

В первый же вечер она взобралась на люстру и тщетно соблазняла меня последовать за ней. Но люстра нас обоих не выдержала бы; она оборвалась под тяжестью одного только собакообразного павиана. Большая керосиновая люстра упала, лампа взорвалась, загорелась мебель, за нею занавески, пол. Пока я по телефону вызывал пожарных, Юльча выскочила через окно и со стоящего напротив дерева любовалась полыхающим пламенем.

Приехавшим пожарным пришлось вынести Чижека, который спокойно спал. Юльча немного мешала спасательным работам, так как, подобравшись к пожарному насосу, по очереди раскачивалась то на одном, то на другом рычаге. Присутствовавшие при этом уверяли, будто Юльча помогала тушить пожар. Очень сомневаюсь

в этом. С таким же успехом они могли утверждать, что, забравшись как-то ночью в кладбищенскую часовню в Мальвазинке и раскачиваясь там на колоколе, она звонила по трамвайному служащему, с головы которого за несколько минут до того сорвала шапку, после чего этот добрый человек умер от удара. И все-таки она была очень милым созданием. Чтобы я не сердился, она принесла мне с кладбища жестяную дощечку с надписью: «Здесь покойтся мой любимый супруг. Жди скорого свидания».

Когда пожар потушили, я перебрался с Чижеком и Юльчей в единственную уцелевшую комнату в первом этаже. Юльча благоразумно уселась на диван и медленно рвала какой-то жилет, который во время паники стянула где-то по соседству. Жилет ни одному из нас не принадлежал, так что мы не мешали ей.

Чижек тоже спокойно, молча сидел у стола и наблюдал за Юльчей.

— Сто шестьдесят крон не так уж много за нее, — произнес он вдруг уверенным тоном. — Я сказал бы даже, что это очень дешево.

Я дал ему затрещину. Так все мы — я, Чижек и Юльча с чужим жилетом — молча просидели до одиннадцати часов вечера.

После одиннадцати мы взяли Юльчу за руки, отвели в сад и посадили в большую клетку, оставшуюся после страуса нанду, которого как-то ночью сожрали крысы. Когда мы запирали ее, она вынула изо рта стальные карманные часы и протянула мне.

Несмотря на эту взятку, мы заперли ее, и я, показывая Чижеку часы, спросил:

— Что вы на это скажете?

— Это удивительно, — ответил он. — Я не смог бы так долго держать часы во рту.

Владелец часов так и не появился. Так что я носил их до позапрошлого года. Часы были с боем, шли очень точно. Из этого я сделал вывод, что они принадлежали какому-нибудь состоятельному зевাকে, который пришел поглазеть, как красиво горит наш дом.

Юльча постепенно привыкала к новому дому, только невзлюбила нашу экономку Фани. Вероятно, за то, что Фани имела больше туалетов, чем она. У бедной Юль-

чи была только одна юбка, правда, со шлейфом, все же это была ужасная нищета. Так вот, в один прекрасный день, придя наверх, она открыла дверь в комнату барышни Фани и стала рассматривать ее туалеты. На стуле висели хорошие, новые платья. Сначала Юльча заинтересовалась блузкой больше, чем юбкой. Надела блузку, но так как она была широка и висела на ней, как на вешалке, она попробовала перевернуть ее. Влезла головой в рукав, который тут же расползся. А половину блузки тащила за собой, перекинув через плечо. Затем попробовала снять блузку, причем натянула оторванную часть рукава на ноги, а остаток искусно обернула вокруг головы, как тюрбан. Но и это ей не понравилось, так, во всяком случае, утверждал Чижек, наблюдавший за ней через окно, выжидая, поцвет ли Юльча при надевании новую юбку барышни Фани. Дождавшись, он отправился на кухню и коротко и ясно доложил экономке:

— Барышня Фани, уже все в порядке.

— Что?

— Она уже влезла в него.

— Кто?

— Юльча, в ваше новое платье. Целых полчаса провозилась, пока его натянула. Вон она идет на псарню.

Я пришел как раз в тот момент, когда Юльча гордо направлялась на нашу псарню демонстрировать свой новый туалет дюжине любопытных собак. Она расхаживала вокруг клетки с какой-то дубинкой в руке. Собаки выражали свою радость оживленным лаем. Перед ними предстало действительно прекрасное, интересное зрелище. Юбку барышни Фани Юльча превратила в тогу, великолепно переброшенную через одно плечо. С другого свисала, словно гусарский доломан, передняя часть блузки с блестящими пуговичками. Из половины блузки она сделала изящный тюрбан; в общем, Юльча производила впечатление потерпевшего крах патриарха.

Барышня Фани с проклятием кинулась на красавца патриарха.

Пенсионер, бывший заведующий приютом для престарелых, клялся, что никогда в жизни не видел, чтобы

с женщины с такой быстротой стянули юбку, как это было в данном случае. Несчастливая барышня Фани! Она побежала спасать остатки своих новых платьев и при этом лишилась передника и юбки, но, к счастью, на ней были панталоны, сшитые из старых велосипедных брюк, которые она носила в молодости.

Захватив передник и юбку, Юльча преспокойно перескочила через ограду, пересекла шоссе и отправилась посмотреть, что делается в Кламовке. Домой она вернулась поздно ночью, совершенно раздетая.

Лишь наверху, на Белогорском шоссе по дороге к Выпиху, долго еще развевалась на телеграфных проводах, подобно разорванному знамени, черная юбка барышни Фани. В тот же день барышня Фани ушла от нас, оставив коротенькую записку, в которой, не найдя нужных выражений, написала, что ее честь подверглась публичному поношению.

III

Порой моя приятельница Юльча приносила мне не только радостные, но и горькие минуты, так как не понимала, чего я от нее требую. Случалось, что, сидя в саду, я просил ее принести мне что-нибудь, а она не понимала, как выглядит предмет, который я хочу получить. Сейчас, вспоминая об этих мелких случаях, я прихожу к выводу, что действовал недостаточно систематично. При всем своем уме она далеко не все могла сразу понять. Признаю, это было недостатком моего воспитательного метода. Иногда происходили вещи, которые уже нельзя было исправить. Но надеюсь, что, если в мои руки еще раз попадет экземпляр прелестного собакообразного павиана, я постараюсь, чтобы мы оба вели себя разумнее.

Как-то в воскресенье после полудня к нам пришли двое цирковых артистов, искавших какое-нибудь особенное животное.

Сначала они побеседовали во дворе с Чижеком; он дал полную волю своей фантазии и предложил им какую-то очень добрую большую змею, которую мы отдали на воспитание крестьянину, живущему неподалеку от Праги, чтобы она в городе не заболела чумкой. Под-

черкиваю, что это было в воскресенье после полудня, когда Чижек меланхолично распивал перед домом, под деревьями палисадника, свои обычные шесть бутылок пива.

Время от времени он орал «Куш!» по направлению к псарне, где собаки всех пород лаяли на гуляющих, тащившихся по пыли Белогорского шоссе.

Собаки, конечно, после этого лаяли еще громче, и продолжалось это до тех пор, пока Чижек не перестал их останавливать.

Но в этот день было выпито больше шести бутылок, и поэтому Чижек впал в присутствии артистов в мечтательность. Я слышал, как он перешел от несчастной доброй змеи, спасающейся от чумки, к одногорбому верблюду, которого мы поместили в какой-то семье в Пльзене.

Старший из артистов, поддакивая ему, кивал, а тот, что помоложе, беспрестанно восклицал:

— Этого не может быть, я утверждаю, что этого не может быть!

Но Чижек продолжал описание наших сокровищ, так что я почувствовал себя необитаемым островом, изобилующим зверями всех видов.

— Есть у нас, ваша милость,— продолжал Чижек,— небольшой короткошерстый кенгуру и второй, побольше, мохнатый. С обоими хорошо работать в воде, а к тому же младший отлично двигает ушами. Они живут в заповеднике, и если ваша милость пожелает, мы сообщим открыткой, сколько будет стоить эта парочка.

— Этого не может быть, я утверждаю, этого не может быть,— механически повторял молодой актер.

— Ну, а что имеется у вас здесь, на складе?— спросил наконец старший.— Собак мы уже видели, но о них не стоит говорить, потому что...

И он подверг нашу псарню уничтожающей критике. В первую очередь ему не понравился дог, свежерасписанный, как арлекин. Я, правда, говорил Чижеку, разрисовавшему собаку красивыми пятнами, чтобы он побрызгал ее сикативом, но он забыл это сделать. Утром дог стал где-то под водосточную трубу, и краска потекла.

А младшему не понравилась большая дворняга, о которой Чижек твердил, что это единственный экземпляр мастиффа в Европе. Для большего эффекта мы прикова-

ли ее тремя огромными цепями к колу, поскольку мастиффы считаются самыми свирепыми собаками в мире, в Чехию их до сих пор не привозили, поэтому было совершенно безразлично, какую собаку демонстрировать посетителям в качестве представителя этой породы. Но младший актер был возмущен тем, что показанный ему мастифф уже издали стал подавать ему лапу и радостно вертеть хвостом. Он резко критиковал нас, а старший все время ворчливо перебивал его:

— Ну, а что вы нам еще покажете?

Ясно было, что Чижек ведет дело очень искусно и предельно разжигает их любопытство.

— Есть у нас еще голуби,— спокойно продолжал Чижек.

— Что?!— угрожающе воскликнули оба.

Но тут Чижек торжественно изрек:

— Разрешаю себе горячо рекомендовать вашей милости собакообразного павиана. Оба в саду — пан шеф и павиан.

Так благодаря Юльче я познакомился с братьями Шнейдер, артистами различных цирков. У младшего была когда-то дрессированная свинья, которая кормила его в течение трех лет. Потом он потерял ангажемент, свинью съел и стал неуязвимым факиром. Но однажды все-таки поранился, получил заражение крови, бросил ампула факира и теперь работает клоуном со старшим братом. Он сообщил, что им нужно какое-нибудь животное, которое дополняло бы их выступления.

Между тем вернулся Чижек, который ходил во двор, к сараю. В этот день мы заперли Юльчу в сарай в наказание за то, что она каким-то образом добралась к фортепьяно и умудрилась разобрать его, правда, частично, но гораздо быстрее, чем опытный настройщик.

Эта добрая душа притащила нам белые и черные клавиши, так что в клавиатуре появились очень приятные интервалы. Я был ей за это чрезвычайно благодарен, так как к нам два раза в неделю приходила играть дочка нашего бухгалтера. А бухгалтер прятал в фортепьяно бутылку контушовки, которую Юльча, воспользовавшись случаем, выпила. После этого ее пришлось запереть, чтобы она, войдя в раж, не натворила каких-нибудь фокусов.

Вернулся Чижек далеко не радостным и со страдальческим видом отозвал меня в сторонку.

— Пан шеф,— жалобно сказал он,— ничего не получится: эта стерва в стельку пьяна.

Я велел ему бросить глупые каламбуры и поскорее переходить к делу.

— С нею невозможно разговаривать,— в отчаянии продолжал он.— Она не хочет одеваться. Сначала я нарядил ее в платье со шлейфом, а она хотела поверх него надеть тирольский костюм. Я сказал, что, если она хочет, я разрешу ей появиться перед этими господами в костюме тирольца, но сначала сниму с нее дамское платье. Она было согласилась, но, когда я надел ей тирольский костюм, во что бы то ни стало хотела натянуть поверх него дамское платье. Тогда я совсем раздел ее, и вот принес эту одежду, пусть господа хотя бы посмотрят, как она наряжается.

— Но это еще не все,— еще печальнее продолжал Чижек.— Я хотел, чтобы она по крайней мере показала господам, как умеет ездить на велосипеде, и принес его. А она села на велосипед и вдруг выехала за ворота, помчалась по другой стороне шоссе и исчезла.

— Совершенно исчезла,— удрученно добавил он.— Они нам даже не поверят, что у нас вообще есть такая обезьяна.

Они нам и вправду не поверили. Тщетно Чижек показывал им бальный туалет Юльчи, ее тирольский костюм и бутылку, из которой она пьет.

Младший актер был страшно дерзок.

— Под это я вам задатка не дам!— кричал он.— Верблюда вы держите в какой-то пльзеньской семье, кенгуру — где-то в заповеднике, а сейчас собакообразный павиан удрал на велосипеде как раз в тот момент, когда вы должны были нам его показать. Это какие-то роковые случайности, господа.

Старший говорил что-то о мошенничестве и иронически воскликнул:

— Господа даже показывают нам бутылку, из которой она пьет, но ведь это обыкновенная пивная бутылка!

Они ушли, резко критикуя нашу несолидность. В воротах младший обернулся, остановил какого-то совершен-

но постороннего господина и, указывая на меня, сообщил:

— У этого господина удрал на велосипеде собакообразный павиан!

Мы до глубокой ночи тщетно ожидали возвращения Юльчи. А утром я услышал, как Чижек в сарае говорил:

— Так ты все-таки вернулась? А где же велосипед? Говори, где велосипед?

Юльча не призналась.

IV

Мы с Чижеком совещались, сидя на скамеечке перед домом. Он сделал что-то вроде обзора деятельности нашего предприятия за неделю и подвел баланс всех неприятностей, которые вместо лаврового венка выпали на долю нашей фирмы.

— В понедельник, когда сбежал этот злющий бульдог, я сразу подумал, что неделя плохо начинается,— вспоминал Чижек.

— У нас было из-за этого много неприятностей.

— Конечно, пан шеф. Когда я пошел ловить его, у меня уже было предчувствие: что-то должно случиться. Но я никак не мог предвидеть, что приведу чужую собаку. Ведь у того бульдога голова была такая же, как у нашего, и злился он так же, как наш, когда я тащил его от лавки, где он ждал свою хозяйку. Правда, в газетах потом опровергли, что мы воруют собак. Но в полиции комиссар сказал мне: «Ошибка не оправдание!» Однако хотел бы я знать, отличит ли он одного бульдога от другого, если не смог отличить виновного от невинного.

Чижек одним движением рукава смахнул слезу и вытер нос.

— Я всегда говорю, пан шеф, что, если у меня в понедельник сбежит собака, они всю неделю будут исчезать одна за другой. Помните, сразу же после этого, во вторник, пропала та овчарка, которую нам привел инженер, чтобы мы за десять крон отучили ее кусаться? Я тут же сказал ему, что она и за двадцать крон не отвыкнет бросаться на людей, пусть лучше оставляет ее дома. Но вы, пан шеф, уж очень добренький, на все готовы ради

рекламы нашего предприятия. Вот она и исчезла во вторник. Я думал, что она побежала домой, и позвонил по телефону господину инженеру, что его Боек уже отправился домой. Сегодня суббота, а его все нет. Из-за этого у нас еще будет большая волынка, пан шеф, я в это дело не хочу вмешиваться. После полудня этот инженер звонил и сказал, что мы собаку, вероятно, продали, как сыновья Иакова продали Иосифа. В среду нам пришлось похоронить половинку той ангорской кошки, которую съели хорьки. Я предупреждал вас, пан шеф, что надо посадить хорьков в железные клетки, не то они перегрызут деревянный ящик и доберутся до ангорской кошки — им надо мясо, а не листочки салата. Видно было по глазам, какие они кровожадные. Когда я им клал в ящик салат, они устраивали себе из него подстилку и при этом так смотрели на меня, что меня страх брал, а ведь это такие маленькие зверюшки, что человек мог бы легко за один присест съесть целых пять штук.

— Вы их съели?

— Только троих, пан шеф. Тех, которых пришиб на кошке. Остальные четыре сбежали. Мы с кучером потушили их с луком. Мясо у них белое, но чуть-чуть припахивает дичью, ну да они и накнулись на ангорскую кошку, как дикие. В четверг мы удачно продали парочку декоративных фазанов. Такса чуточку повыдергала перья из хвоста у самца. Я хотел было вырвать несколько перьев из хвоста павлина и пришить фазану, но побоялся, что вы рассердитесь, когда в субботу вернетесь и увидите общипанного павлина. Кроме того, подумал, что это не было бы честной сделкой. В пятницу мы продали одну русскую борзую, а вторая сбежала. Пан бухгалтер сказал, что это получается одно на одно.

Таков был баланс за время моего недельного отсутствия. Я ездил в Дрезден, надеясь купить что-нибудь подходящее в ликвидированном там зоологическом саду. Мне предложили за восемьсот марок старого, облезлого, хромого льва. Если бы я даже обтянул его новой шкурой, хромым он все равно остался бы. Правда, у него было славное прошлое: десять лет назад он растерзал в цирке свою укротительницу. Но что с ним сейчас предпримешь? Кто его купит? И все-таки я там кое-что при-

обрел: ондатру египетскую. Этот зверек намного меньше льва. Я спрятал его под пальто за пазуху, чтобы не платить пошлину на границе. Кроме того, обнаружилось еще одно преимущество: в поезде мне с ним отвели отдельное купе. Египетская ондатра — несчастное существо. Брем отнес ее к отряду хищных хорьков, но те хотя бы не воняют. Что же ей, бедняжке, делать?

— Послушайте, Чижек, — сказал я своему верному слуге, — объясните, пожалуйста, почему, когда я показал эту египетскую ондатру Юльче, она что-то проворчала, а потом нацепила на нос золотое пенсне? Правда, вы говорили, что за время моего отсутствия она ничего не натворила, но боюсь, что золотое пенсне свидетельствует о чем-то печальном.

— Не извольте беспокоиться, — возразил Чижек. — Это пенсне не принадлежит никому из персонала. Просто к нам приходила баронесса Добрженская заказать шесть охотничьих собак. Нас рекомендовала ей княжна Коллоредо-Мансфельд. Как только она вошла, прибежала Юльча, вскочила ей на спину и сняла у нее с носа пенсне. Когда мы привели баронессу в чувство, она уехала и от заказа отказалась. Странная женщина — брезгала надеть пенсне после обезьяны. По-моему, ничего страшного в этом нет.

Тут Чижек получил затрещину.

V

Бывали дни, когда Чижек ходил задумчивый. Эти размышления всегда предвещали большие события. А если они сочетались у него еще и с любознательностью, — нужно было ожидать несчастья. Однажды он встретил меня в воротах нашего дома и задумчиво спросил, какая машина установлена в водонапорных башнях, чтобы подымать воду на такую высоту, как, например, наш дом. Я объяснил ему физический закон о сообщающихся сосудах.

— Ладно, — сказал Чижек, — это я понимаю, вода подымается благодаря сильному давлению. А нельзя ли придумать такое приспособление, чтобы остановить воду?

— То есть как? — спросил я.

— Дело вот в чем, пан шеф. Не следовало ли бы придумать что-нибудь такое, что автоматически останавливало бы воду в водопроводе при несчастных случаях? Ну, если кто-нибудь свернет кран и воду невозможно остановить. Очень уж неприятно, когда вода заливает дом.

Я спросил, почему его интересуют такие странные вещи.

— Мне, пан шеф, это не случайно пришло в голову,— продолжал он.— Просто я подумал, что это было бы очень полезное изобретение, когда увидел, что Юльча крутит кран в коридоре второго этажа. Я знал, что она очень сильная, но не предполагал, что она так быстро свернет его, думал, что провозится дольше. Но пока я привел кучера посмотреть на это, она успела сорвать кран и взобралась на крышу, на тот мостик, что ведет к трубе. Вы не представляете, пан шеф, но воду невозможно остановить. Когда она течет по лестнице, это настоящий водопад. Внизу на кухне уже плавают скамейка, что подставляют под ноги. Скамейка и стол потяжелее, так они еще держатся на месте, хотя это продолжается уже целый час. Кучер говорит, что, наверное, обвалятся стропила, так что мы для безопасности оттуда выехали.

Я выяснил, что Чижек изобразил все в слишком мрачном свете. Стropила, правда, промокли, но прямая опасность не угрожала. Потолок на кухне провалился уже после ухода строительной комиссии, заверившей нас, что все в порядке. В моей комнате потолок вообще не обвалился, пришлось только подпереть его несколькими деревянными столбами. В вечерних сумерках они выглядели очень уютно, как колонны небольшого греческого храма.

Только мебель развалилась в тех местах, где была склеена, и благодаря этому у меня в долгие зимние вечера было прекрасное развлечение: я составлял из отдельных частей письменного стола, комода и платяного шкафа другие виды мебели.

Но признаюсь, что с тех пор я всегда с некоторым опасением следил, нет ли на лице Чижека меланхолического выражения.

Около месяца спустя, когда Чижек уже прекратил разговоры об автоматическом закрытии водопроводной

трубы после срыва крана, я пошел посмотреть, привел ли он в порядок нашего королевского пуделя, которого надо было наголо остричь, потому что у него завелось несметное количество блох. Чижек все время откладывал эту процедуру, так как считал, что при этом все блохи переберутся к нему. Тщетно объяснял я, что, если он предварительно хорошенько выкупает пуделя, блохи погибнут. Но он доказывал всем, что они потом оживут, и выдумывал о них самые фантастические истории. Я слышал, как он клятвенно уверял кухарку, будто видел, как вытащили из воды щуку, на которой была уйма блох.

Наконец он решился постричь пуделя во дворе во время сильнейшей бури, рассчитывая, что, поскольку блохи — очень легкие насекомые, ветер их унесет.

Придя к месту, откуда доносился голос Чижека, говорившего: «Не проси, ничего тебе не поможет», — я заметил, что он опять поразительно задумчив. Взгляд его был еще печальнее, чем у изуродованного пса, который выглядел так, будто только что выскочил из собственной кожи.

— Я надеялся, — сказал Чижек, — что справлюсь с этим до вашего прихода. Ну и дела тут были, пан шеф... — Он тяжело вздохнул. — Я подумал, не лучше ли было бы обезьяне иметь только две руки. Четырех для нее слишком много.

Тон у него был очень удрученный.

— Я не стал бы об этом говорить, но если задние руки Юльчи подерутся с передними из-за револьвера, легко может произойти несчастье. Это, правда, ваш револьвер, пан шеф, но она с ним уже невесть куда удрала. Прекрасный был револьвер.

Я успокоил его, что револьвер был заряжен холостыми патронами.

— Так-то так, пан шеф, но она вытащила из ночного столика, кроме револьвера, еще горсть боевых патронов и спрятала их в карман.

— Да что вы говорите, Чижек!

— Право слово, пан шеф. Она предварительно оделась. Всю вторую половину дня была такой послушной и надела тирольский костюм. Но около часа назад начала шнырять и рыскать по дому. Я через окно заметил в вашей комнате ее зеленую шляпу с перышком, пошел

туда и вижу, что она открывает ваш ночной столик. Очнуться не успел, а она уже набила карманы патронами и идет ко мне с револьвером. Что мне было делать? Она подала мне руку. Руку я ей пожал и потрепал ее по спине, чтобы она мне ничего не сделала. А она вышла в сад, перелезла через ограду на шоссе и прыгнула на стену Кламовки. Вероятно, собирается где-то там разгуливать и стрелять. Пока еще не выстрелила ни разу. Но когда у нее кончатся холостые патроны, наверное, зарядит револьвер боевыми. И тогда произойдет несчастье,— пророчески добавил он.

Смеркалось. Положение было прескверное, и мне пришло только в голову, что у обезьяны нет свидетельства на право ношения оружия, а если она вздумает охотиться на сторожей в Кламовке, то из-за этого тоже будут неприятности, так как у нее нет и разрешения на охоту: оба эти документа лежали в столике рядом с револьвером.

— Не беспокойтесь из-за этого, пан шеф,— сказал Чижек, когда я поделился с ним своими опасениями,— оба разрешения она сунула в рот.

Чижек просидел весь вечер у меня в комнате. Оба мы молчали. Поздно вечером мне показалось, что Чижек о чем-то усиленно размышляет. Не успел я спросить, о чем он думает, как он весьма убедительно произнес:

— На вашем месте, пан шеф, я предпочел бы уехать из Праги.

Я отправил его спать и сам тоже лег. Потом мне показалось, что я слышу стрельбу. Но это Чижек стучал в дверь — будил меня.

— В чем дело, Чижек?

— Юльча вернулась. Забралась в сарай и, перепуганная, сидит там. Револьвер я нашел у нее в кармане, когда раздевал ее. У нее до сих пор на голове и по всему телу от страха волосы стоят дыбом. Совсем как у ежа. В револьвере не хватает одного патрона.

Я пошел посмотреть на нее. Вид у нее действительно был такой, как рассказывал Чижек. Она скорчилась в углу, на соломе, а когда я вошел, протянула мне руку и произнесла какой-то звук, вроде «гу».

— Она хочет сказать: «Бах!»— дал Чижек филологическое истолкование.

На следующий день газеты вышли с заголовком «Загадочное покушение на убийство с ограблением в Коширжах». За этим следовал длинный отчет, в котором репортеры проявили массу рвения, варьируя заголовок еще по-иному: «Покушение на грабеж с убийством»— и приводили много интересных подробностей. Речь шла о старичке торговце табаком, жившем в первом этаже дома № 249 в Коширжах у Цибулки. Он принес из своей лавочки дневную выручку, затопил в своей скромной комнатке печь, зажег свет и открыл окно, чтобы проветрить. Вдруг на окно прыгнул какой-то человек и выстрелил в старика в тот момент, когда тот хотел подбросить топлива в печку.

Тут показания расходились, ибо около пятидесяти процентов газет писали, что покушение на дряхлого старичка было совершено, когда он прикручивал фитиль лампы. Как бы то ни было, все репортеры сходились на том, что покушение было заранее обдуманым и преступник выждал, пока все соседи ушли в кино. «Но, выстрелив, преступник испугался крика своей жертвы. Поскольку окно было открыто, он, видимо, опасался, что шум, вызванный грабежом и покушением на убийство, могут услышать прохожие, отказался от своего намерения и поспешно ретировался. Подвергшийся нападению старик тотчас отправился в сопровождении привратника в полицейский участок, где подробно описал нападавшего. Это был небритый, коренастый, невысокий мужчина в тирольском костюме и зеленой шляпе с перышком. Благодаря этому описанию,— продолжали газеты,— вероятно, можно будет поймать этого презренного типа, если только он, убедившись, что его одежда бросается в глаза, не обеспечит себе другую. Давно пора более активно позаботиться о мерах безопасности на окраинах города».

Между прочим, одна газета воспользовалась случаем, чтобы задать вопрос, почему до сих пор не замостили улицу от коширжского депо до домиков под Цибулкой и почему были срублены деревья вдоль канавы на дороге к Иноницам.

На следующий день послеобеденные выпуски газет опубликовали сообщение:

«Грабитель в Коширжах пойман!»

Полиции удалось задержать на главном вокзале преступника, покушавшегося на грабеж в Коширжах. Задержанного зовут Ромуальд Егерле, он родом из Больцано в Тироле. Хотя он категорически отрицается, описание, данное пострадавшим, полностью к нему подходит. При нем были найдены: небольшая сумма денег и цитра. Он утверждает, что приехал в Прагу сегодня утром и направлялся в Литомержицы, где получил ангажемент в ночное кафе. Интересно, что он не мог вспомнить названия ночного кафе, в которое ехал. Поскольку револьвер при нем не обнаружен, полиция полагает, что во время бегства он его где-нибудь бросил. Задержанный был доставлен в место предварительного заключения при пражском уголовном суде. При очной ставке пострадавший тотчас же опознал в Егерле преступника».

В тот же день вечерние газеты писали:

«Егерле, заподозренный в попытке грабежа в Коширжах, освобожден, поскольку проводники поезда подтвердили его алиби, так как в пути между Линцем и Будейовицами, то есть во время нападения на владельца табачной лавочки, он играл им на цитре. Полиция продолжает расследование».

С тех пор мы представляли Юльчу также под именем Егерле.

РАССКАЗЫ

1916 — 1917

СУДЬБА ПАНА ГУРТА

Как только началась мобилизация, император Франц-Иосиф втянул в водоворот войны еще и Гурта, владельца продовольственной лавчонки где-то на Жижкове. Он вынул Гурта из гнезда, как озорники-мальчишки птенцов. Выволок его из-за ящиков с маслом и творогом, из-за бутылей с керосином, из-за мешков с кофе и гирлянд лимонов. Оторвали пана Гурта от его фунтиков, сахарных голов и отправили в Галицию. Все произошло на диво просто. Пан Гурт ничего не понимал. Раньше, поспорив с кем-нибудь, он выругает, бывало, своего оппонента, и дело с концом. Нож он употреблял, чтоб резать хлеб и колбасу. А теперь он получил винтовку, штык и 120 патронов вместе с надеждой, что где-нибудь на полях Галиции его разорвет пополам граната. В довершение всего перед отправкой эшелона в те гиблые места капитан произнес перед ними патристическую речь, которую закончил многообещающими словами:

— Ведь не хотите же вы жить вечно?

Тут капитан так посмотрел на пана Гурта, что тот взял под козырек и неожиданно ляпнул:

— Осмелюсь доложить, я не хочу жить вечно.

За это ему пообещали шпангле * после войны.

Когда эшелон прибыл в Галицию, у пана Гурта начался понос. Целые дни просиживал он по нужникам, воображая, что делает все это для государя императора. Потом его вылечили и послали в окопы. При первой же атаке ему прострелили грудь, и санитары украли у него часы. На перевязочном пункте врач сказал, что рана

пустычная. Полтора месяца провалялся пан Гурт в лазарете, где получил подарок: десяток сигарет и грошовую шоколадку. Из лазарета его направили в команду выздоравливающих, куда-то в Венгрию. Там венгры обозвали его чешской свиньей, и через четыре дня с очередным батальоном он снова двинулся на позиции. И опять ему повезло, только на сей раз осколком гранаты у него оторвало кусок уха. Об этом вы, наверное, читали в газетах. Там оказался некий очень старательный штаб-лекарь, и он пришел пану Гурту новое ухо, которое еще тепленьким отрезал у одного умирающего ефрейтора из венских немцев.

Через три недели пан Гурт уже снова окапывался, чтобы спрятать голову от русских пуль; он начал разбираться в военных делах: если так пойдет дальше, то ему в конце концов пришьют голову какого-нибудь прусского гвардейца.

И вот наступил памятный для него день.

В тот день читали мы в окопах приказ по армии, в котором говорилось, что в Австрии у чехов есть свои чешские школы. Это пан Гурт отлично знал, но не понимал, какое это имеет отношение к его поносу, к его простреленным легким, к оторванному и пришитому уху. Потом нам выдали черный кофе с ромом, после чего началось какое-то оживление и приказано было каждому третьему отойти с позиций. Не успел пан Гурт опомниться, как стала известной печальная истина. Его бригада решила оторваться от неприятеля, а остатки роты должны до тех пор оставаться в окопах и вести огонь, пока... Пан Гурт не довел свои размышления до конца, потому что кадет Голава сказал про это очень хорошо:

— А нас тут оставили на убой.

Потом, когда все стихло, после долгого молчания снова заговорил кадет Голава:

— Слушайте, ребята, каждому из вас положено выдать еще по сотне патронов, но знаете что — плюнем на это дело и давайте ляжем: если мы не будем стрелять, нас оставят в покое.

Гурту это очень понравилось. Как долго он спал, он понятия не имел, но только вдруг слышит громовое «ура» спереди и сзади, хватает свою винтовку и вылезает из укрытия.

Глядь — перед ним русский солдат со штыком, и, к великому его изумлению, этот солдат говорит ему почешски очень добродушно:

— Бросай, брат, свою хлопушку, не то схлопочешь по уху.

Позже, когда пан Гурт рассказывал о своем пленении, он всякий раз начинал такими словами:

— Бросил я, значит, хлопушку... и пошли мы в Россию. Догнал я кадета Голову и говорю: «Вот и попали мы в плен», — а он мне: «Ясное дело, я этого уже три месяца ожидаюсь».

В плену пану Гурту жилось хорошо. В лагере его причислили к батальонной кухне, и он варил для пленных по раскладке, а для себя — по воспоминаниям о доме: печеночка, язычок с перцем и прочие вкусные вещи. Он толстел себе на радость и изобрел новый вид гуляша. Когда же пришло великое время и канцелярия батальона и бараки пленных стали центром нашего революционного движения против Австрии, пан Гурт по-прежнему стряпал гуляши, печеночку, язычки и по-прежнему толстел. И всякий раз, как заходила речь о старой черно-желтой развалине и о зверинце в Шёнбрунне, * пан Гурт заявлял во всеуслышание: «Да, конечно, я — чех».

И продолжал помешивать в котле печеночку и гуляш с вермишелью. Но вот все эти речи в лагерях пленных отлились в единственно необходимые слова: «Вооруженная борьба против Австрии!» — Тут-то пан Гурт стал очень задумчивым.

Как-то раз явился он к канцелярии и завязал с нами разговор.

— Слышал я, — жалобно начал он, — вы хотите собрать чешское войско. Тут я должен подумать. Взгляните на меня: я добрый чех, но я уже пожилой человек и привык к порядку. Утром встаю, варю себе кофе, знаете, хороший кофе, в лавке можно достать, молоко мне возьят бабы, такое желтоватое, жирненькое, покупаю я себе булочку, пышную такую, беленькую. А на второй завтрак — язык. Вырезаю его из голов, чищу, обвариваю, сдираю кожу, потом лучок на сале поджарю, потушу картошечки, язычок потушу, подбавлю мучицы — вот и подливка. Я добрый чех, но этого от меня не требуют, мне надо поправляться. В полдень сварю себе супчик,

жирненький такой, выну из него кусочек мяса попостнее, а к нему— красную свеколку, маринованную, а это, знаете ли, вино, настоящее вино. На ужин — гуляш с вермишелью, и я будто заново родился! Вы не смейтесь, это правда, я добрый чех, но мне нужно поправиться.

Он отвел меня в сторону.

— Понимаете,— плаксиво начал он объяснять,— не могу я, не поеду я с вами, есть у меня еще и другие причины. Видите ли, еще до того, как меня взяли на войну, я купил новую мебель. Если мы не победим, то придется мне перевозить мебель в Россию, и она побьется. Даль-то какая! Только пусть это будет между нами. А если там узнают, что я пошел против государя императора, то и продадут мою мебель с аукциона. Продадут кровать, гардероб, а кровать-то какая роскошная, с сеткой, и гардероб с зеркалом! А если мы победим и я вернусь домой, то мне не на чем будет лечь и одежду некуда повесить. Совсем новая мебель.

— Честное слово, совсем новая!— крикнул он мне вслед, когда я уходил, дав ему пощечину.— Вот вы ударили меня, не верите мне, а ведь и умывальник совсем новый, господи боже...

На следующий день мы приставили к кухне другого повара. Пан Гурт был страшно удручен, когда пришлось ему переселиться из своего замка, от своего «столик, накройся» в барак, где жили венгры. Он не мог постичь, что печеночка, гуляш и язык с подливкой никогда уже не вернуться, что это был лишь дивный сон, увы, короткий сон.

Только один еще раз он воспрянул духом — когда получил от Австрии через делегацию нейтрального государства новое обмундирование и полтора рубля денег. И, воспрянув духом, заявил, что нас всех повесят. За это он получил десять суток ареста на хлебе и воде.

После этого мы долго ничего о нем не слышали, пока однажды не пришло сообщение из соседней деревни: конный стражник задержал на лугу какого-то австрияка, который ползал по траве на четвереньках и на вопрос, что он там делает, ответил, что пасется и продает себя за двести рублей. Это был пан Гурт.

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА I

Господин Петишка держал в Младой Болеславе писчебумажный магазин. Он уважал законы и с незапамятных времен жил напротив казарм. В день рождения его величества императора, равно как и в остальные высочайшие праздники в честь императорской фамилии, Петишка вывешивал на своем домике черно-желтый флаг и поставлял офицерскому казино бумажные фонарики. Он сбывал портреты Франца-Иосифа в еврейские шинки младоболеславского округа и в полицейские участки. Он поставлял бы изображения императора и в школы округа, но портреты не соответствовали размерам, одобренным земским школьным советом. У земского школьного инспектора был даже однажды разговор с Петишкой.

— Весьма сожалею, господин Петишка, но вы хотите всучить нам государя императора намного шире и длиннее, чем это предписано постановлением земского школьного совета от двадцатого октября тысяча восемьсот девяносто первого года. Постановлением предписан государь император более скромных размеров, а именно сорок восемь сантиметров в длину и тридцать шесть сантиметров в ширину. В вашем же императоре пятьдесят сантиметров на сорок. Вы говорите, что у вас осталось на руках свыше двух тысяч портретов нашего всемиловейшего монарха. Но не воображайте, что вам удастся всучить нам такую заваль. Ваш государь император — это товар отвратительного качества и прескверно отпечатанный. Можно подумать, что его величество ни-

когда не расчесывал себе бороду, на носу у него слишком много красной краски, и, наконец, он косит.

Вернувшись домой, удрученный этим разговором Петишка сказал жене:

— Ну и влипли же мы с престарелым императором...

Все это происходило еще до войны. Короче говоря, две тысячи портретов августейшей особы так и остались висеть на шее у господина Петишки, не находя сбыта.

Когда разразилась война, господин Петишка страшно обрадовался: наконец-то он сбудет с рук эту заваль! Он повесил в своем магазине портреты кровожадного старичка с надписью:

«Продажа по общедоступным ценам!

Император Франц-Иосиф I — за пятнадцать крон».

Было продано шесть штук. Пять купили для казарм, чтобы эти литографированные изображения последнего Габсбурга воодушевляли резервистов в солдатских буфетах. Один портрет купил старый Шимр, владелец табачной лавочки. Этот австрийский патриот сторговал портрет за двенадцать крон и вдобавок обозвал Петишку грабителем.

Однако война шла, а на императора по-прежнему не было спроса, хотя господин Петишка обращался и к газетной рекламе. Он напечатал объявление в газетах «Народни политика» * и «Глас народа» *:

«В нынешние тяжелые времена в каждом чешском доме должен висеть портрет нашего многострадального императора стоимостью в пятнадцать крон».

Но вместо заказов господин Петишка получил приглашение явиться в окружное управление, где ему предложили впредь воздерживаться в объявлениях от слов «тяжелые времена» и «многострадальный», а вместо них, во избежание неприятностей, употреблять слова «славные времена» и «победоносный». Тогда Петишка напечатал в газетах такой текст:

«В эти славные времена в каждом чешском доме должен висеть портрет победоносного монарха стоимостью в пятнадцать крон».

Но и это ни к чему не привело.

Он получил только несколько непристойных писем, в которых неизвестные авторы настоятельно советовали ему повесить портрет в такое место, куда императору полагается ходить пешком. Мало того, Петишку снова вызвали в окружное управление, где чиновник порекомендовал ему следить за сводками императорской ставки и, составляя свои объявления, сообразовываться с ними.

— Русские в Венгрии, они взяли Львов и стоят под Перемышлем. Все это никак нельзя назвать славными временами, господин Петишка. Это похоже на шутку, насмешку, иронию. Как бы вам за такие объявления не пришлось отвечать перед военным судом!

Господин Петишка пообещал быть внимательнее и составил следующее объявление:

«Пятнадцать крон охотно пожертвует каждый чех, чтобы иметь возможность повесить у себя в доме нашего престарелого монарха».

В местной прессе это объявление печатать отказались.

— Господь с вами,— сказал Петишке один владелец газеты,— не хотите же вы, чтобы нас всех расстреляли!

Петишка вернулся домой вконец расстроенный. В чуланчике за магазином валялись пачки портретов императора. Господин Петишка пнул их ногой и сам испугался своего поступка. Он боязливо поглядел вокруг и успокоился только тогда, когда убедился, что никто этого не видел. Погруженный в свои мысли, он стал смахивать пыль с пачек и обнаружил, что некоторые из них покрылись плесенью. Тут же в чулане сидел черный кот. Нетрудно было догадаться, кто развел эту сырость.

Кот замурлыкал, явно желая отвести от себя подозрения. Тогда господин Петишка швырнул в государственного преступника метлой и заставил его замолчать. Ворвавшись к себе в квартиру, он накинулся на жену:

— Проклятого кота надо вышвырнуть вон! Кто же захочет купить императора, которого загадила эта бесовестная тварь! Император в плесени! Придется его сушить, чтоб ему провалиться!

После обеда господин Петишка немного поспал, пока

жена сидела в магазине, но сон не принес ему облегчения. Ему приснилось, что за черным котом пришли жандармы и их обоих ведут под конвоем в военный суд. Потом приснилось, что его с котом приговорили к смертной казни через повешение и кота уже собираются вздернуть, а он, Петишка, в присутствии судьи ругается самыми последними словами. Он и в самом деле дико закричал, но, к счастью, проснулся и увидел возле себя жену.

— Ради бога, перестань, что ты такое говоришь? — взмолилась она.— Кто-нибудь еще услышит...

И расстроенная женщина рассказала, что она пыталась просушить императора в садике, но какие-то стервецы-мальчишки стали швырять в портреты камнями и превратили их в настоящие решета.

Обнаружились и другие убытки. На один из императорских портретов, выставленных на лужок сушиться, уселись куры и оставили на нем содержимое своих желудков, выкрасив бороду императора в зеленый цвет. Два портрета пытался сожрать сенбернар мясника Голечки, неискушенный щенок, никогда не слышавший о § 63 Уложения о наказаниях. Видимо, у щенка это было в крови: его мать год назад угодила на живодерню за то, что сожрала на плацу знамя 36-го полка.

Господин Петишка пришел в отчаяние. Вечером в винном погребеке он то и дело заводил разговор об удешевленных ценах и о своих затруднениях с императором; в общем, из его речи следовало, что если венское правительство не доверяет чехам, то только потому, что они не покупают у фирмы Франтишек Петишка в Младой Болеславе портретов монарха стоимостью в пятнадцать крон.

— Не дорожитесь,— сказал ему хозяин погребка на прощание,— нынче плохие времена. Горейшек продает паровую молотилку на триста крон дешевле, чем в прошлом году, то же самое надо сделать и с императором.

Придя домой, господин Петишка заготовил следующий плакат для своей витрины:

«Ввиду экономического кризиса продается большая партия художественно выполненных портретов императора вместо пятнадцати крон по десяти крон за штуку».

Но в магазине было по-прежнему пусто. Знакомый виноторговец поинтересовался, как идут дела с императором.

— Печально,— ответил господин Петишка,— его никто не спрашивает.

— Мой вам совет,— таинственно сказал виноторговец,— пока не поздно, постарайтесь сбыть его по любой цене.

— Подожду еще,— отвечал господин Петишка.

И на портреты продолжал садиться негодный черный кот. Не прошло и полутора лет, как вся кипа портретов императора покрылась плесенью до самого основания. Австрийцы уезжали из Чехии, положение Австрии было из рук вон скверное.

Тогда господин Петишка взял карандаш и бумагу и подсчитал, что разбогатеть он все равно не разбогатеет, но, если продавать императора по две кроны, он все же заработает на каждом экземпляре по кроне.

И он изготовил соответствующую рекламу — вывесил в витрине портрет, написав под ним:

«Продается старец монарх со скидкой: вместо пятнадцати за две кроны».

Вся Млада Болеслава перебивала в этот день у магазина Петишки, чтобы убедиться, как катастрофически упали акции Габсбургской династии.

А ночью за Петишкой пришли жандармы, и все быстро кончилось. Магазин закрыли, господина Петишку арестовали и судили военным судом за нарушение общественного спокойствия и порядка. Общество ветеранов на чрезвычайном собрании исключило его из числа своих членов.

Господина Петишку приговорили к тринадцати месяцам строгого заключения. Ему следовало бы дать пять лет, но его участь облегчило то обстоятельство, что он когда-то сражался за Австрию под Кустоццей*. Высочайшие портреты хранятся в депозите военного суда в Терезине и ждут часа своего освобождения, когда после крушения австрийской монархии какой-нибудь предприимчивый бакалейщик станет завертывать в них седки.

ИТОГ ПОХОДА КАПИТАНА АЛЬЗЕРБАХА

Утром 16 июня пан капитан Альзербах вылез из своей берлоги в окопах с тяжелой головой. Зашагав по окопу, он разразился своим привычным: «Собаки, свиньи, свинья, собака, свинья, собака!»— но вдруг поперхнулся и умолк.

Голос его как-то странно и грустно раздавался в необычайной тишине. Солнце стояло высоко, но над окопами распростерлась загадочная тишина.

Капитан Альзербах установил, что окопы пусты. Вокруг валялись винтовки, штыки в ножнах, мешки, одежда, и всюду, куда ни глянь, земля была усыпана неотстрелянными патронами. Брустверы были истоптаны, и все говорило капитану: здесь что-то неладно.

За одним из брустверов валялся труп капрала Франка, который так славно пинал солдат ногами. В руке Франк еще сжимал револьвер, а в груди его торчал австрийский штык — чтобы не было сомнения, кто именно так удачно пришил его к земле.

Капитан Альзербах задумался. У него после вчерашнего гудела голова, и соображал он очень медленно. Какая-то пустота была под его лысым черепом.

Значит, вчера был день рождения эрцгерцога Фридриха. Личному составу прочитали особый приказ, что по случаю этого дня надлежит помянуть все геройские подвиги дивизии. Солдатам роздали дешевый ром, а для господ офицеров прислали ямайский.

Потом капитан Альзербах приказал еще связать ненавистного Павличка за то, что тот при чтении указан-

ного особого приказа отогнал рукой осу, которая собралась сесть ему на нос.

Вообще вчера был один из прекраснейших дней на фронте, озаренный мыслями о славном дне рождения и ромом.

В восемь часов вечера капитан Альзербах слышал как будто канонаду. К этому времени он влил в себя уже полторы бутылки рому.

В девять вечера он приказал петь «Ich hatt' einen Kameraden»¹ и открыть огонь залпами по русским окопам. В десять он видел уже зеленых чертей и оборвал телефонный провод, запутавшись в нем ногами.

Вскоре после этого денщик в темноте наступил ему на руку, что уже не могло разбудить капитана. Он спал, как колода, уткнувшись лицом в солому.

И вот теперь такое разочарование: солнце высоко в небе, окопы пустые, и капрал Франк, приколотый к земле.

Постепенно капитан начал понимать: он знал, что такие вещи могут случиться на войне. Неприятель обходит позиции, и все попадают в плен.

— Himmelherrgott², — плюнул капитан среди этой ужасной тишины. — Пусть я болван, но только ради бога объясните мне, как же это случилось? Ведь я со своим батальоном занимаю запасные позиции?

Никто ему не ответил, окружающая природа лишь безмолвно подтверждала, что сегодня все возможно.

Капитан Альзербах вылез из окопов, чрезвычайно обеспокоенный великим покоем, царившим вокруг.

Сзади где-то горела деревня, и издали доносились глухие разрывы.

Он стоял тут как единственный в этих местах носитель серого австрийского мундира. А повсюду по холмам, впереди и сзади, двигались колонны русских, всюду были люди в русских гимнастерках...

Капитан Альзербах понял, что он поглощен этим прибором, и невольно поднял руки.

И вовремя: на опушке березовой рощи показался казачий разъезд.

¹ «Был у меня товарищ...» — немецкая солдатская песня.

² Немецкое ругательство.

Казакі подъехали к нему, и капитан Альзербах очень удивился, что они не забирают его и не хотят сопровождать. Он догадался, что не представляет интереса для них и что ему велят самому идти вперед: пусть так и идет, все прямо, прямо, а там уж найдется какая-нибудь тыловая часть. Мы взяли в плен четырех генералов, а капитан — мелочь, ради него не стоит возвращаться, сам дойдет.

Капитан Альзербах шагал, как заведенный. Шел он по широкой равнине с березовыми рощами. По этой самой равнине должна была пройти австрийская армия... И его батальон должен был внести свою долю усилий в общую победу.

Но сейчас его батальон в плену, а сам он, жалкий, одинокий, тащится за ним следом.

Мимо него шли русские полки, ехала артиллерия, и никто не обращал на него внимания.

Только в одной деревне к нему обратился какой-то пленный венгр, который тоже отстал от своих. Капитан не понял ни слова и приказал венгру заткнуться, на что венгр возразил «Nem tudom»¹ и продолжал лопотать.

Дальше капитан опять пошел один, потому что венгр занялся попрошайничеством у русских солдат, остановившихся на привал.

В ложбинке у дороги капитан наткнулся на группы отдохавших пленных немцев. Он присоединился к ним, и пруссаки встретили его словами: «Wir kennen unsere Oesterreicher» — знаем мы наших австрияков!

Всю дорогу он выслушивал от них приятные вещи. Пруссакі сваливали всю вину на Австрию, а когда капитан Альзербах сказал им, что это они все начали, один гвардеец глянул на него так грозно, что капитан умолк.

Постепенно спустился вечер, они пришли в какую-то деревню, и капитана Альзербаха повели к тыловому начальству на допрос. Он никак не мог вспомнить, какой полк стоял слева от него в запасе. Тогда ему сказали, что двадцать пятый. Он удивился, как это они все знают, и в свое оправдание пробормотал, что был пьян.

Потом ему сообщили, что их батальон ночует в сараях и что его отведут к его людям.

¹ Не понимаю (венг.).

Так капитан Альзербых снова встретился с ненавистным Павличком, которого вчера приказал связать. При виде своих солдат капитан ощутил, как с него спадает все то, что делало его таким тупоумным в течение целого дня.

— Собаки, свиньи, свинья, собака! — заорал он по привычке, войдя в сарай; его люди еще не спали.

Сквозь открытую дверь в сарай лился лунный свет; в этом свете с соломы поднялся и подошел к капитану рядовой Павличек. И капитан Альзербых почувствовал вдруг, что его ударили, и понял, что получил по морде и в другой раз и в третий.

Это были великолепные затрещины. Ими Павличек воздал за все, что он вытерпел от капитана во время похода с маршевым батальоном от Самбора до Буковины. Тут стали подниматься и остальные, один за другим они подходили к капитану, раздавались шлепающие звуки, и солдаты опять молча укладывались на солому.

Только Камноушек из одиннадцатой роты, отвесив капитану две оплеухи, произнес:

— Gott strafe England¹.

Это было любимое изречение капитана.

Капитан Альзербых был до того ошеломлен всем этим, что некоторое время постоял, словно дожидаясь, не ударит ли еще кто; но ничего больше не последовало, и он тихо вышел из сарая.

Физиономия у него вспухла донельзя, и он не в состоянии был постичь, что же, собственно, произошло, и только смутно догадывался, что плохи дела Австрии, если уж капитану нельзя сунуть нос в сарай, чтоб ему не набили морду свои же солдаты.

Позднее при обыске у капитана Альзербыха нашли записную книжку, где значилось следующее:

«16 июня 1916 года, Бардейов *. Получил от Павличка, Кнура, Косалы, Галаска по три пощечины. Криблер, Везна, Гулата, Робес, Моучка, Сырак, Конолецки ударили меня по два раза. Кхоль, Барак, Бездега, Брабец, Спатенка, Длоугий, Ржегак, Затурецкий и Зыкан — по одному разу. Остальные солдаты меня не били, потому что находились в других сараях».

Таков был итог похода капитана Альзербыха.

¹ Да покарает бог Англию (нем.).

ПО СТОПАМ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

I

Случилось это в то время, когда в Прагу опять должен был приехать император Франц-Иосиф с высокой целью постучать молотком о закладной камень строящегося моста. В чешском вопросе старый монарх специализировался исключительно на мостах. Приедет, бывало, постучит по камню и глубокомысленно заметит:

— Интересно, что этот мост идет с одной стороны реки на другую.— Да еще прибавит: — Это меня чешит, что вы техи (вместо: «меня тешит, что вы чехи»).

После такого посещения у всего чешского народа создавалось впечатление, что этот старый господин разбит параличом.

В эти высокаторжественные дни пражская полиция развила свою деятельность в самом широком масштабе и арестовала в ресторане «У Двойки» старого, хромого гармониста Кучеру, который лет 30 назад отправился пешком из Праги в Вену и там при проезде императора бросился под ноги лошадям, везущим императорскую карету. Он надеялся таким способом добиться аудиенции: его преследовала *idée fixe*¹, что он должен получить разрешение торговать в табачной лавке* в награду за то, что итальянская пуля у Кустоццы прострелила ему ногу.

¹ Навязчивая идея (франц.).

Но вместо табачной лавки ему в административном порядке присудили пять суток ареста, а затем целый месяц исследовали его психическое состояние в одной из венских психиатрических клиник и одновременно вели следствие, нет ли у него переписки с подозрительными лицами, живущими за границей. Когда же выяснилось, что Кучера не умеет писать и психически совершенно здоров, его отправили на пересыльный пункт, а отсюда по этапу — в Прагу, где в память о своей неудавшейся аудиенции у государя императора он сложил песню, исполнявшуюся им под аккомпанемент гармоники:

Город Вена, город Вена,
Плохо мне живется в нем,
То не город, а зверинец,
Просто сумасшедший дом.

Эту песенку он наигрывал и пел в течение 30 лет в ресторане «У Двойки», и всякий раз, когда государь император должен был приехать в Прагу, полиция систематически отводила гармониста Кучеру в «предварилровку» при полицейском управлении, так что жизнь Кучеры стала как бы математической формулой, и у него сложилось представление, что Франц-Иосиф его, старика Кучеру, сильно побаивается. Это придавало ему новую жизненную энергию.

Пражская полиция чрезвычайно интересовалась также бродячим фотографом Нетечкой, который слонялся по улицам Праги в старом, поношенном плаще, с большим черным засаленным галстуком и с наводящей страх львиной гривой, выглядывающей из-под шляпы с огромными полями. Своим видом он напоминал албанского разбойника. Этот субъект постоянно таскал с собой старый, разбитый фотографический аппарат, раз сто поломанный и раз сто перевязанный треножник и бутылку рома. Несколько лет тому назад, во время одного посещения императора, он продрался через цепь и предстал, пугая своим видом, перед самим владыкой, которому во все горло гаркнул: «Разрешите вас снять? Улыбнитесь! Снимаю».

Его немедленно удалили, и в полицейском управлении в одиночной камере понемногу вылетели из его голо-

вы грезы о титуле придворного фотографа. Полицейский врач выдал ему прекрасное свидетельство о том, что он врожденный алкоголик и безвредный идиот. Это дало право Нетечке опять вернуться в общество, бродить по Праге, фотографировать старые дворцы и пить ром у памятников нашей былой славы. Но во время высочайших приездов в Прагу Нетечка неизменно отправлялся за решетку, скромно докладывая там о своем приключении товарищам по несчастью:

— Он не хочет, чтобы его фотографировали.

Перед посещением Праги императором арестные камеры полицейского управления систематически были переполнены. Полиция особенно не выбирала. Арестовывала, например, всех точильщиков ножей, избравших себе такое глупое ремесло, словно ножи точили только на одного государя императора.

С окон, выходящих на улицу, должны были быть убраны цветочные горшки, чтобы они как-нибудь не свалились государю императору на голову.

За итальянским мороженщиком, который безмятежно вертел ручку мороженицы, также пришли сыщики и посадили его за решетку, где на нарах уже лежал извозчик Мацек, который был несколько лет под надзором полиции за то, что, выиграв как-то в лотерею в пивной «У Черного пивовара» глиняный бюст императора Франца-Иосифа I, потчевал его пивом, пускался с ним в беседу и, наконец, отбил ему голову и выкинул ее в отделение «для мужчин». Правда, он доказал, что был пьян так, как это полагалось по закону *; однако все же был взят под подозрение, как и горластая цветочница с Угольного рынка, которая перед каждым высочайшим посещением Праги кричала, что она государю императору скажет прямо в лицо, как с ней обращается магистрат.

В эти дни у полиции работы было по горло. Она из сил выбивалась, чтобы на деле дать почувствовать населению смысл выражения «любимый владыка».

С одним из императорских посещений Праги связана и эта интереснейшая детективная история, прекрасно показывающая изобретательность полиции, ее комбинации и, наконец, ее неудачу.

В эти достопамятные дни в Жижкове выходили газеты «Худяс» и «Нова Омладина» *. Оба названия определяли их направление. Я писал тогда в эти газеты статьи, в которых высмеивал некоторые из досточтимых государственных учреждений, и часто забегал в редакцию побеседовать с издателем — редактором Кнотеком, который ныне редактирует «Остравский деник».

В этот приезд император должен был посетить, между прочим, и Жижков. По моему мнению, он был намерен усмирить жижковцев, которые никогда не проявляли больших симпатий к Габсбургскому дому. Однажды, когда мы разговаривали на эту тему с редактором Кнотеком в его квартире, в комнату вошел администратор газеты «Худяс» Калина в сопровождении какого-то мрачного господина.

— Друзья,— сказал Калина восторженно,—этот господин пришел к нам в редакцию. Я никак не могу с ним договориться. Он итальянец и приехал из России.

Мрачный гость подошел к нам ближе, предварительно внимательно осмотревшись по сторонам. И начал ледяным тоном:

— Я Пьетро Перри, дитя Флоренции. Политическую работу вел в Одессе. Бежал. Преследовала полиция. *Caramba!* Трудная дорога через границу! *Porco maladetto!* Прошу гостеприимства. Буду работать. Приедет император, *porco maladetto!* ².

— Веселенькая историйка,— сказал я редактору Кнотеку,—этак, пожалуй, нас всех арестуют.

— *Caramba!*— продолжал Пьетро Перри.— Написал в вашу газету резкую статью против императора, по-немецки написал, *madonna mia!* Необходимо что-нибудь предпринять. Подготавливаете что-нибудь? Не доверяете? *Madonna mia!* Документы на границе украли.

Редактор Кнотек между тем заметил мне, что итальянский язык Пьетро Перри немного странен, на что Пьетро Перри ответил:

— Забыл много по-итальянски. Жил в России, бежал, *porco maladetto!*

¹ Восклициание, выражающее удивление, досаду и пр. Соответствует русскому «Черт возьми!» (исп.).

² Проклятая свинья! (итал.).

— Говорите ли вы по-русски?

— Забыл. Итальянец, дитя Флоренции, саганба! — И Пьетро Перри начал говорить по-немецки.

Тем временем к нам вошли двое знакомых — поэт Опоченский и Розенцвейг-Муар *.

Немецкий язык Пьетро Перри походил на его итальянский язык и был страшно близок чешскому, как будто он слово за словом переводил с него.

— Простите, — отозвался Пьетро Перри, когда я об этом заговорил с Муаром, — чешского языка не знаю. Ни слова не понимаю. Трудный язык, не имел случая научиться ему.

Опоченский начал напевать по-чешски песенку «Миллион рук», и Пьетро Перри заметил:

— Хорошая песня, саганба, Million Hände im Dunkeln falteten, Madonna mia.

Я встал, поднял чашку с чаем и произнес по-чешски следующий тост:

— Да здравствует Пьетро Перри! В половине шестого затащим его в ванну и там зарежем.

Пьетро Перри побледнел, вытащил из кармана часы и, трясясь всем телом, занкаясь, сказал по-немецки:

— Не чувствую себя здесь в безопасности. Мне плохо. Уйду. Буду спать на улице. — И взял шляпу.

Я обратился к нему:

— Пьетро Перри, наш друг Розенцвейг-Муар будет вас сопровождать. Вы переночуете у него на Виноградах. Не знаю, почему вам здесь не нравится. Я провожу вас до Жижкова.

Мы пошли. На лестнице, вынимая из кармана платок, Пьетро Перри уронил несколько револьверных патронов. Я подал их ему, заметив, что это патроны от Бульдога, калибра 16.

— Револьвер у меня хороший, — сказал Пьетро Перри, вынимая из кармана старый револьвер системы Лефош.

Запугать нас ему не удалось: патроны Бульдога не влезают в револьвер Лефош. Между Жижковым и Виноградами я сказал Муару, что оставляю Пьетро Перри на его попечение.

— Понимаю, — сказал Пьетро Перри. — Не понимаю по-чешски, но чувствую, — и вытер со лба пот.

На другой день Розенцвейг-Муар пришел в редакцию «Худяса» в явно возбужденном состоянии.

— Пьетро Перри из моей квартиры исчез,— заявил он взволнованно,— я пошел за сигаретами, и, когда вернулся, Пьетро Перри смылся. Мои бумаги на столе были все перерыты, и у меня пропала связка писем, переписка с пани Мличковой.

Это была очень серьезная переписка: пани Мличкова в двенадцати письмах напоминала Муару об уплате за ужины, сапожный крем, сломанный цилиндр и исчезнувшую плевательницу.

Итак, Пьетро Перри скрылся с этими документами, оставив после себя только рукопись своей статьи на ужасном немецком языке, которую он за день перед тем послал в редакцию. Одну фразу из этой рукописи я помню: «Лучше всего было бы использовать посещение императора так, чтобы он уже больше никогда не отваживался приезжать в Прагу».

Часть рукописи, невинную, спрятал у себя администратор Калина, другую же, за которую нам вкатили бы по 20 лет, мы вовремя сожгли: вечером в редакцию пришел с обыском полицейский чиновник. Обыск не дал никаких результатов, несмотря на то, что была обыскана даже клетка с канарейкой. ♦

III

Через два дня после всего происшедшего в редакцию «Худяса» и «Новой Омладины» явился какой-то несчастный человек. Его голова была так устрашающе перевязана, как будто ее раздробил паровой молот. Видны были только один глаз и кончик носа. Никогда я не встречал так идеально перевязанной головы. Несчастный человек сказал тихим голосом, что прибыл из Северной Чехии, где вел политическую работу среди чешских шахтеров. Он рассказал нам о своих страданиях: в Брухе его избili немецкие националисты; ему необходима наша помощь. У него украли документы на имя Матейчика. Он пришел с просьбой, чтобы ему подыскали какое-нибудь место, ему — жертве жестокого насилия со стороны немцев. Согласен он на все.

— Скоро приедет Франц-Иосиф,— произнес он многозначительно. И дальше заговорил о том, что необходимо будет выступить, что он готов работать даже слугой в редакции наших газет или разносчиком газет — словом, он в полном нашем распоряжении. И тут же, жалуясь, что голова его совершенно разбита, пожимал нам руки.

Я обратил внимание на то, что у этого несчастного молодого человека с разбитой головой руки совершенно холодные. У человека с разбитой головой обычно бывает жар. К тому же его голос и странное поведение... Я отвел в сторону редактора Кнотека и попросил его, чтобы он дал несчастному 10 крон в качестве аванса в счет будущей работы, как продавца газеты, но чтобы тот своей подписью подтвердил нам получение этих денег, так как нам нужно знать его почерк.

Несчастный подписал: «Сим удостоверяю, что получил десять крон. Миржечка».

— Вы, насколько помнится, раньше говорили, что ваша фамилия Матейичек?

Он, запинаясь, ответил, что у него украли документы.

— И поэтому вы не знаете своей фамилии?— сказал я.— Вполне естественно! А знаете ли, что почерк ваш нам знаком? Калина, стащи-ка у него с головы перевязку!

Когда Калина, после упорного сопротивления несчастного, сдернул с его головы перевязку, перед нами предстал Пьетро Перри! Он упал перед нами на колени. Мы принялись выкручивать ему пальцы и ломать руки, допытываясь, как его зовут на самом деле. Действовали мы по всем правилам испанской инквизиции.

— Меня зовут Александр Машек*,— выдавил из себя мученик.— Я служу в полиции. Не убивайте меня, я вам все расскажу. В кармане пальто вы найдете у меня бумажку с рецептом, как делать бомбы. Эту бумажку я должен был куда-нибудь незаметно засунуть. Вечером у вас будет опять обыск, и ее должны были бы найти. Я получаю в месяц 190 крон, а за вас должен получить 300 крон.

Александр Машек, столп пражской тайной полиции, заплакал.

— Кто вам обвязал голову?

— Доктор Прокоп в полицейском управлении.

Чтобы убедиться, что его фамилия действительно Машек, Муар пошел расследовать это в полицейское управление. Вошел спокойно в комнату, где собираются сыщики, и спросил, там ли Машек.

— Машек ушел в Жижков, на Таборитскую улицу,— ответил какой-то господин, отличавшийся, как видно, редкой пронизательностью.

Когда Муар вернулся, мы отпустили измученного Машека, который сам себе не верил, что остался в живых.

Он потребовал от нас подтверждения, что его разоблачили, чтобы его больше к нам в Жижков не посылали. Это подтверждение мы ему выдали.

Бумага гласила:

«Полицейскому управлению.

Подтверждаем, по просьбе Александра Машека, агента государственной полиции, что он был нами опознан, во-первых, в качестве Пьетро Перри и, во-вторых, в качестве уволенного со службы притесняемого чешского рабочего Матейичка-Миржечки» (затем следовали подписи).

С тех пор полиция оставила нас в покое.

IV

Александр Машек был замешан также в антимилитаристском процессе. Однажды его узнали на Гибернской улице в Праге и так избili, что пришлось отвезти в больницу.

Полиция распространила слух, что Александр Машек умер где-то в Ичине и что какая-то монашенка закрыла ему глаза.

Однако Александр Машек жив и находится в настоящее время в России, где очень интересуется чешским вопросом. Я слышал, что он арестован и должен быть повешен.

Если он действительно будет повешен, возлагаю этот рассказ на его могилу.

ШКОЛА ДЛЯ СЫЩИКОВ

В начале войны в пражское полицейское управление пришло распоряжение из Вены, предписывающее самым подробным образом ознакомить с политическими делами агентов тайной полиции, дабы облегчить им ловлю граждан в сети провокационных лозунгов. По части осведомленности в политических вопросах пражские сыщики были действительно не на высоте. Сыщик Завесский не знал, например, сколько в Чехии политических партий, сыщик Браун не отличал национал-социалиста от социал-демократа и по сие время полагает, что национал-социалист Трнобранский — социал-демократ, и, когда арестовал его, грозил ему по дороге, что полиция покажет этим социал-демократам, где раки зимуют. Сыщику Фабере было неясно различие между анархистом и аграрием. Арестовав добродушного анархиста Каху* из Жижкова, он сказал ему: «Мы вас, аграриев, проучим!» У сыщика Шточеса было весьма туманное представление о слове «рескрипт». Он лишь слышал в полиции, что об этом говорят, как о чем-то чрезвычайно опасном — «рескриптная речь», «рескриптное совещание», — и, будучи однажды послан к такому энтузиасту рескриптов, принес в полицию белую бумажку со следующими загадочными цифрами: «Resorcini 0,5 gr., Aqua destillata 300 gr. Dr. Samojed». Несчастный сыщик забыл слово «рескрипт» и в квартире политически подозрительного гражданина настойчиво потребовал:

— Именем закона, дайте сюда этот рецепт.

При покойном Кршикаве* не обращалось внимания на то, чтобы как следует объяснить сыщикам значение битвы при Белой горе*. А это было чрезвычайно важно, так как из-за нее время от времени отдавалось под суд

немало людей. Начнется с Белой горы, а кончится в краевом уголовном суде в Праге. Это само собой понятно.

Однажды сыщик Когоут был послан в Бржевново, чтобы там, после собрания в Гражданской Беседе, пустив в ход тему о Белой горе, затащить кого-нибудь в тюрьму. (Он получал за это 2 кроны на пиво.) Вернулся он не солоно хлебавши и в рапорте доложил, что показавшийся ему подозрительным посетитель на вопрос, каково его мнение о Белой горе, ответил, что от Бржевнова до нее ходьбы три четверти часа, а с Мотола ближе.

Итак, сыщики тогда не могли похвалиться политическим образованием, и не раз случалось, что они доносили о важных преступлениях без всякого на то основания. Браун, например, донес на нашего швейцара, что он в день 50-летнего юбилея царствования Франца-Иосифа в кофейне «Палата на Морани» вызывающе рассуждал об Эдисоне и о битве при Ватерлоо, чем произвел впечатление человека политически весьма подозрительного, а когда позднее, по дороге в полицейское управление, он, Браун, обратил его внимание на выдающийся день, швейцар ему ответил: «Но, позвольте, вы, наемный солдат, уж не думаете ли вы, что фонограф изобрел Франц-Иосиф, его изобрел Эдисон, об этом вы могли бы вчера прочесть в «Политичке»*.

Сыщик Фабера однажды донес на меня, будто я, прознося в одном винном погребеке речь о влиянии углекислого газа на пиво, подаваемое в буфете Венского парламента, между прочим, сказал, что в Вене должны понять, что, пока не будут всюду в Австрии пользоваться бомбами¹ с углекислым газом, пиво не будет достаточно вкусным.

Как видно из этих примеров, у пражских полицейских все в головах перемешалось: социал-демократы, углекислый газ, бомбы, рецепты, рескрипты, Белая гора, Франц-Иосиф и Эдисон, анархисты, битва при Ватерлоо и аграрии,— поэтому и результаты их сыска были весьма жалкими. Правда, такими политическими доносами удавалось то тут, то там наскрести обвиняемому какой-нибудь месяц тюрьмы с двумя постными днями*, но это

¹ Здесь игра слов: по-чешски «бомбой» называется разрывной снаряд и шарообразный металлический сосуд (баллон) для хранения газов.

был очень тяжелый труд. Следственным органам было важно, чтобы человек, обвиняемый в подозрительных высказываниях, не сумел вывернуться, и это им часто удавалось, ведь каждый, подвергшийся без всякой вины следствию, нервничал, при перекрестном допросе путался и неосторожно выдавал себя. Но это был также тяжкий труд.

В начале войны произошла и здесь полная реорганизация. Агентов полиции необходимо было основательно посвятить в чешские политические вопросы, дабы они могли предложить населению вполне обработанный материал, то есть представить тому или иному гражданину на одобрение закругленную резолюцию, подрывающую устой австрийской монархии, и вслед за тем с восторгом провозгласить, как это делал оберкомиссар Хум: «Попался, голубчик!»

Такова история возникновения школы для сыщиков в Праге. Это отнюдь не было высшим учебным заведением для изучения политических наук. Там только разрабатывали различные проблемы, как свалить Австрию, и тому подобные идеи, уже давно дремавшие в сердцах чешских граждан.

Одна из комнат департамента полиции была предназначена для лекций.

Составлено было следующее расписание:

9—10 час. Почему Австрия должна распасться?

10—11 —»— Какие доводы за то, чтобы чешские солдаты не воевали против сербов и русских?

11—12 —»— Организация подпольных обществ.

12—1 —»— Наиболее излюбленные оскорбления государя и членов императорской фамилии и другие неосторожные выражения.

После обеда от 2—4 час. Наука об общей провокации и практические занятия по определению на глаз наказания за словесные оскорбления государя сроком от 2 до 15 лет.

Эта блестящая программа занятий стала еще более привлекательной, когда слушателям было отпущено на письменные принадлежности по 50 крон.

Для самых тупых сыщиков были организованы повторные вечерние курсы. Все было великолепно продумано и приведено в систему.

Агенты полиции готовили уроки дома, в свободные часы, по тетрадям, где были записаны лекции.

В доме сыщика Брауна это вызвало настоящую панику. Пани Браунова, заплаканная, ходила по своим знакомым и горько жаловалась:

— Я уж, право, не знаю, не сошел ли Браун с ума. Весь вечер зубрит по какой-то бумажке, а потом вслух читает целые лекции: «Итак, господа, теперь по истечении 300 лет наступил момент, когда мы должны отважиться. Австрия насквозь прогнила, и нам стоит только ее пихнуть, как она свалится». Я ему говорю: «Послушай, муженек, что ты там болтаешь? Ведь, если это случится, ты первый лишишься хлеба». Он посмотрит, посмотрит на меня: «Ты, дура, ничего не понимаешь и в нашу политику не вмешивайся». И опять начнет ходить по комнате; читает вслух бумажки и кричит: «От Белой горы до нынешнего дня мы молчали. Но теперь заговорим! Я, господа, ни в сербов, ни в русских стрелять не буду! Вы того же мнения? Позвольте вам представиться». Я только хожу да плачу. А он ругает меня, что я ему порчу речь. А недавно я ему прямо сказала: «Ради бога, Браун, смотри, тебя еще посадят». А он опять — что я ничего не понимаю, чтобы сидела и думала, что я нахожусь в трактире, где ведется политический разговор. И тут мне выложил, что наш все милостивейший государь император со всей семьей изволили то ли дегенерировать, то ли денатурировать — уж я и не помню, как он там сказал. И при этом шепнул мне на ухо: «Создадим какую-нибудь подпольную организацию. Нас много. Сойдемся завтра здесь, и я вам объясню, как следует взрывать на воздух поезда. Согласны прийти? Разрешите представиться». Вот так и мучаюсь я со своим муженьком уж целую неделю, а вы, миленькая, будьте такая добренькая, никому не говорите об этом денатурировавшем государе императоре. Больше всего мне жаль моего мальчика Эмиля. Уж совсем забыл об ученье: только сидит и смотрит на папашу, как тот ходит по комнате и объясняет комоду в углу о казнях на Староместской площади*.

Эмиль действительно не спускал глаз со своего отца. Чем больше он за ним наблюдал, тем больше содержание речей папашы ему нравилось. Это был хороший маль-

чик, ученик первого класса гимназии. Поскольку он был сыном сыщика, он принадлежал в гимназии к сливкам общества, которые сидели на партах с краю. Он никогда не участвовал в дебатах своих одноклассников, которые его презирали, кололи булавками и звали навозом.

Война, естественно, обострила дискуссии на партах. Эмиль по-прежнему молчал, когда сыновья призванных на войну рассказывали друг другу, как папаша перед отъездом обещал семье по возможности незамедлительно перебежать на другую сторону.

Как-то раз австрийцы взяли в плен где-то у Дравы около 30 сербов. Императорская королевская канцелярия печати раздула из этого великую победу на сербском театре военных действий и озаглавила сообщение: «Австрийские войска взяли Драву».

Директор гимназии Кох, презренный австрийский прихлебатель, бегал из класса в класс и произносил перед учениками патриотическую речь, которую заканчивал возгласом: «Да здравствует государь император!»

Все были страшно довольны, так как благодаря этому прошел целый урок.

Войдя в первый класс, он повторил все то, что уже торжественно произнес в других классах: как сильна Австрия и как все мы должны быть счастливы, что государь император объявил войну, и что мы должны быть довольны, что у нас такой доблестный владыка. Закончил он свою речь призывом прокричать три раза «ура» габсбургскому роду, отечеству, императору.

Первоклассники заорали. Только стоящий возле самой кафедры Эмиль Браун не открыл своих детских невинных уст и не присоединил своего голоса ко всеобщему торжествующему реву. Директор подступил к нему:

— Ты что молчишь?!

Эмиль невинно, открыто глядя в глаза директору, ответил:

— Потому, что мы не считаем государя императора своим властелином. Мы, чехи, ничего доброго не видели под скипетром Габсбургов. Это говорит и читает каждый вечер папаша. Он-то должен знать: он служит в полиции. А недавно у нас была пани Фаберова и сказала мамочке, что в полиции дали пану Фабере бумажку с речью, что мы должны наступить австрийской змее на горло. Папа-

ша недавно точно так же говорил, а я должен был представлять посетителей в трактире и повторять за ним, что австрийская династия — это компания жуликов.

Когда школьный сторож с грозным письмом директора привел Эмиля домой и сыщик Браун услышал благую весть о предательском отроке, он неестественно засмеялся и закричал:

— Наша система себя оправдывает! Эмиль Браун, именем закона вы арестованы.

И, не внимая плачу и причитаниям жены, повлек обезумевшего сына в полицейское управление и всю дорогу его тиранил, приговаривая при этом:

— Мы вам, социалистам, покажем!

Таковы были агенты полиции старой Австрии. Эти Бруты были воспитанниками школы для сыщиков.

Посадив своего сынка, Браун вернулся домой и, дико вращая глазами, обратился к жене:

— Признайся, что ты веришь в дегенерирование австрийской династии?

Несчастливая кивнула головой в знак согласия.

— Именем закона вы арестованы, пани Браунова,— произнес он торжественно. Однако, ввиду того, что это была все же его жена, он отвез ее в полицейское управление на извозчике.

Вечером он отправил из своего дома в полицию еще старую, глухую тетку, принудив ее подписать, что она состоит в подпольной организации, принимавшей участие в убийстве Фердинанда д'Эсте в Сараеве.

На другой день Браун отлично выдержал у Клабичка экзамен на аттестат зрелости в школе для сыщиков.

Эмиль, принимая во внимание его возраст, был осужден всего на три года; пани Браунова, ввиду разных смягчающих обстоятельств, была осуждена на пять лет, а глухая тетя — на восемь.

Но все это мелочь по сравнению с тем количеством лет, которое было присуждено благодаря профессиональному политическому образованию Брауна целому ряду людей из самых разнообразных районов Праги за три года войны. В общей сложности он нагнал своим жертвам 1 200 лет тюрьмы.

КАРЛ БЫЛ В ПРАГЕ

(Написано по случаю его итальянской экспедиции)

В последнее время немецкие газеты в слезливых статьях напоминают чешскому народу, что император Карл I в свое время, в 1909—1910 годах, будучи еще эрцгерцогом, пребывал в Праге, где изучал чешский язык и держал экзамены на юридическом факультете Чешского университета *. Вот подробности его пребывания.

В 1910 году эрцгерцог Карл состоял в интимных отношениях с графиней Пургшталь фон Хаммер-Пургшталь, с баронессой Буче, с графиней фон Кромсдорф и девицей Мицци Лой, которая танцевала одно время в кабаре отеля «Централь», что на Гибернской улице в Праге.

Однажды веселая компания, возвращаясь ночью в императорский дворец Градчаны на автомобиле, встретила возле Карлова моста старую торговку сардинками пани Марию Лизнерову из Бржевнова. Собутыльники забрали ее с собой, и в замке, в гостиной номер XXIV (так называемой «желтой комнате»), опоиши шампанским, раздели донага и облепили шоколадным тестом. Некий Роушек, проживающий ныне в Аргентине, в то время состоявший в штате гофмейстера, вывел пани Лизнерову из императорских покоев, и где-то за собором св. Вита она наткнулась на полицейский патруль. После того как старая женщина обо всем рассказала,

ее некоторое время держали в тюрьме; позже она купила в Давле прелестную виллу и небольшое хозяйство.

Поэтому следовало бы поскорей, пока еще император Карл властвует, включить в школьные хрестоматии очерк «Карл I — благодетель».

Событие это не было большим секретом. О нем рассказывал наш знакомый — редактор Павел Киш из «Богемии»*. Да и «Право лиду» опубликовало в ту пору следующую занимательную заметку: «Новость из Градчан». «Тотчас по прибытии эрцгерцога Карла в Градчанах началось оживление. Между прочим, там в большой моде орхидеи, да и вообще императорские покои украшены с большим усердием».

А через несколько дней в рубрике «Разные сообщения» была помещена поправка: «В номере 128 нашей газеты вкралась опечатка: вместо «орхидеи» следует читать «оргии».

Потом оргии эти стали совершаться уже открыто. По замку ночью шатались группы пьяных офицеров, покидавших увеселительные вечера «beim Karl»¹.

Ныне «Моргенблатт» пишет, что эрцгерцог Карл был известен в Градчанах своим жизнерадостным характером. Это мог бы засвидетельствовать некий профессор, с которым приключилось следующее: проведя однажды вечер со своей супругой в известном ресторане «На Викарке», что в «императорском замке», он возвращался поздно ночью домой. На замковом дворе профессорской чете повстречалась кучка офицеров, один из которых оскорбил супругу профессора, а когда профессор встал на защиту ее чести, он был этим офицером избит. Офицер тот был сам эрцгерцог Карл, соизволивший поднять свою благородную длань на плебея. А ведь это — доказательство такой жизнерадостности, которой научить невозможно, это уж врожденное и вместе с тем в известной мере некоторый атавизм — отголосок *juris manuum*, кулачного права, восходящего к тем временам, когда в столетии этак двенадцатом предки этого Габсбурга, в ту пору рыцари-разбойники, грабили по лесам купцов.

¹ «у Карла» (нем.).

«Моргенблатт» писала, что уже тогда некоторые имели возможность видеть Карла «восседающим в Градчанах во всем своем величии», то есть во всем блеске высочайшей особы. Это тоже опечатка. Дело в том, что тот же пан Роушек из дворцового штата видел эрцгерцога во всем его величии возлежащим под столом. Последнее, впрочем, не столь существенно, однако, по нашему мнению, как-то это не вяжется со словом «величие», и валяющийся под столом будущий монарх не придает никакого блеска высочайшей власти. На это, пожалуй, «Моргенблатт» могла бы возразить, что мы глубоко заблуждаемся и монарх именно тем и доказывает свою высочайшую волю, что ложится где ему угодно, хотя бы и под столом. Это-де не может ему запретить даже редакция нашей газеты... А мы на это ответили бы, что если редакция «Моргенблатта» помещает объявление «Требуется непьющий подручный в магазин», то австрийцы вправе требовать того же от своего монарха, а не только от бедного рабочего.

Но, как я уже говорил, все это мелочи. Возлежание эрцгерцога Карла под столом в императорских покоях опять-таки всего лишь мелкая деталь его славного «августейшего пребывания в Праге».

По выражению главного камергера двора барона фон Кланцдег, чешскому языку место разве что в конюшнях, а так как в императорском замке на Градчанах были и конюшни, то эрцгерцог Карл занялся чешским языком.

Учил его каноник Бауэр из Градчанского капитула. Наибольшую трудность представило для Карла предложение: «Красный тюльпан относится к разряду тюльпанов». Он произносил это так: «Гразны дулибан относиц г расреду дулибан». Он быстро усваивал язык. Уже через два месяца, помимо фразы о тюльпанах, он знал еще одну: «Кошка ходит бо дому, ходит ли ваш кошка доше бо дому?» В следующий месяц он с присущей ему сообразительностью выучил и третье предложение: «Окород разболошен у ретшки. Ваш окород доже у ретшки?»

Этим предложением он позднее изводил население Брандыса на Лабее.

Немецкие газеты утверждают, что Карл — прогрессивный монарх. Такой же прогресс наблюдался и в его чешском языке. Если его двоюродный дед Франц-Иосиф всюду, где бы он ни появлялся, произносил известную фразу: «Меня чешит, что ви техи», — то Карл был настолько искренен и прогрессивен, что и чехи его не тешили; и когда он гостил в восьмом драгунском в Брандысе, он сказал ротмистру Графу: «Меня совсем не чешит, что ви техи».

«Карл — наследник всех редкостных качеств своего двоюродного деда», — пишут немецкие газеты; так что Карл унаследовал и знание чешского языка, каким отличался Франц-Иосиф, и даже превзошел его, выучив еще за один месяц два прелестных предложения: «Конь нашторошил уши, вы доше нашторошил уши?». И «Форобей пригала на терефо, и кошка его зошрал».

Вызубрив эту последнюю фразу, Карл пожелал из благодарности подарить канонику Бауэру девицу Мицци Лой.

Вот тоже был бы отличный очерк для школьных хрестоматий под названием «Как августейший ученик отблагодарил своего учителя».

Не знаю, принял ли каноник Бауэр в дар девицу Мицци Лой, но раз как-то он заявил одному из редакторов «Чеха» *, что чем выше господин, тем больший сквалыга.

Итак, когда Карл проник в тайны чешского языка, он однажды в сопровождении гофмейстера, камердинера, маршала двора и подконюшего вышел из замка, чтобы побеседовать по-чешски с чешским народом; это мероприятие было включено в программу той недели, поскольку в венском парламенте назревала оппозиция со стороны чешских депутатов.

Первым представителем чешского народа, который попался на глаза Карлу, был полицейский номер 672, стоявший у входа во дворец. Сперва эрцгерцог спросил его по-немецки, что он тут делает. Номер 672 дрожащим голосом ответил, что стоит, потому что его поставил там пан инспектор Зумр из участка Прага-IV. После этого Карл перешел на чешский: «Гразны дулибан относиц г расреду дулибан. Кошка ходит бо дому, ходит ли ваш кошка доше бо дому?»

У полицейского задрожали коленки, и сей представитель чешского народа с перепугу ответил:

— Да, ваше императорское высочество: наша кошка тоже ходит по дому.

Карл милостиво улыбнулся и, похлопав номера 672 по плечу, произнес:

— Окород разболочен у ретшки. Ваш окород доже у ретшки?

— Нет у меня огорода, ваше высочество,— затрясся полицейский.

— Это карашо. Конь нашторошил уши, ви доше нашторошил уши?

— Насторожил, ваше высочество.

Тут Карл выложил последнее:

— Форобей пригала на терефо, и кошка его зошрал.

Полицейский вытянулся, его облило жаром, и он пролепетал:

— Так точно, ваше высочество, кошка его сожрала, только это было не в мое дежурство, наверное, утром...

Карл, добродушно улыбаясь, ушел со всей свитой, а полицейский долго пялил им вслед глаза. Потом он опустил взор на мостовую у своих ног, быстрыми шагами отправился на Страгов и там, в страговской каменоломне, застрелился из казенного револьвера, оставив записку, что покончил с собой из-за этого воробья. В служебном деле номера 672 значитса, что он застрелился в состоянии внезапного умопомрачения.

Теперь мы еще посмотрим, как Карл учился на чешском юридическом факультете в Праге.

Единственный раз за все время обучения он подъехал в автомобиле к зданию школы прикладного искусства напротив Рудольфинума, где помещался юридический факультет, и поднялся на третий этаж. Там он сказал встречавшему его с поклонами доктору Брафу*:

— Merkwürdig, stramme Stiege, mit Lift wäre es bequemer¹.

Сделав это заявление, он спустился и уехал. Больше на факультете его не видели.

Преподавателями его были доктор Отт, который дол-

¹ Странно, какая крутая лестница, лифтом было бы удобнее (нем.).

жен был познакомить его с австрийским правом, но так никогда и не сумевший это сделать, и покойный министр доктор Браф, собиравшийся прочесть ему курс лекций «О чешской государственности», которому Карл, как бы в пророческом предвидении, как бы предчувствуя, что его особа будет в свое время вычеркнута из истории чешского государства, сказал:

— Das werde ich nie brauchen¹.

Таким образом, отпал и этот предмет. Потом еще доктор Голль преподавал ему историю Австрии, причем во время первой — и последней — лекции они проанализировали, что на бегах в Пардубице победит в заезде кобыла Стелла барона Эмлери.

И, наконец, был еще у эрцгерцога преподаватель дворянин доктор Гейровский, закоснелый бюрократ, который предложил читать его высочеству лекции о римском праве и прочих общепользующих правах, как, например, право на чужое имущество — *jus in re aliena*, — что могло очень пригодиться Карлу I, а также о праве воздаяния, — это уже прекрасно годится сейчас для нас.

Дворянин доктор Гейровский, который еще за двадцать лет до того, как был возведен в дворянство, носил бакенбарды, какие носят дворяне или лакеи, дважды побывал у эрцгерцога, за каковой период успел сшить, кажется, четыре фрака у фирмы Кржижовы в Праге.

На первое занятие эрцгерцог отпустил минут пять, причем выразился о римском праве в таких словах:

— Das ist aber doch ein uraltes Blödsinn!².

Вторую лекцию доктора Гейровского он приказал прослушать кому-то из камердинеров. После этого в ректорате университета Карла-Фердинанда в Праге было получено из канцелярии эрцгерцога требование безотлагательно выслать в адрес венского главного гофмейстера диплом об окончании его высочеством юридического факультета.

Тогда составили комиссию, которая безотлагательно отправилась экзаменовать эрцгерцога Карла по юрис-

¹ Это мне никогда не понадобится (нем.).

² Но это же допотопный идиотизм! (нем.)

пруденции. Членами комиссии были господа Гейровский и Отт.

Эрцгерцог Карл принял комиссию весьма оригинально, а именно: в императорском манеже. Он был необыкновенно мил и показал профессорам своего любимого жеребца Энрико.

Засим последовал небольшой завтрак, причем на стол поставили такое доброе старое бенедиктинское, что старик Гейровский уже в коляске, увозившей обоих ученых в город, всю дорогу толковал доктору Отту параграф второй закона о мельницах от 1814 года; доктор Отт при этом крепко спал.

За все время, что они провели во дворце, о каких-либо правовых вопросах не было даже упомянуто. Все шло гладко, как по маслу. Прекрасный был день, единственный за долгие годы, когда профессор Гейровский и профессор Отт и словом не коснулись юриспруденции.

Думаю, эти добавления надлежащим образом дополняют то, что пишут немецкие газеты об экзаменах Карла I по юридическим наукам.

Не ты с нами, а мы с тобой, Карл, перемолвимся по-чешски!

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

I

Ровно 20 лет тому назад в прекрасной статье «К немцам Австрии», помещенной в «Нее Фрейе Прессе» *, профессор Момзен призывал немцев разбить твердые чешские головы. Австрийский парламент стал свидетелем кабацких сцен. Пьяный депутат Шенерер затеял драку, и кто-то вылил на него стакан воды. В пятницу 26 ноября самым деликатным ругательством, которым пользовались немецкие депутаты при обсуждении вопроса о равноправии языков, было «скотина». В президиуме произошла самая настоящая потасовка. Президенту Абрагамовичу чуть было не разбили голову тяжелой металлической чернильницей, что было принято за остроумную шутку. Полиция вывела из парламента двенадцать депутатов.

Когда император Франц-Иосиф возвращался от эрцгерцогини Валерии из Вальзее во дворец по Мариахилферштрассе, среди публики раздался свист. Немецкие газеты писали, что свистели чешские рабочие, что было совершеннейшей правдой.

Император велел позвать к себе барона Гауча * и сказал ему, что граф Бадени * должен покинуть политическую арену, так как он славянин и благожелательно расположен к чехам.

Так пал граф Бадени. Немцы тут же устроили торжественные манифестации, зажгли фейерверк и напоследок сожгли дома чешских хмелеводов в Жатце и пере-

ломали мебель в чешских домах в Мостецком и Духцовском районах, чем придали особо благородный характер своим проявлениям восторга.

На пражской улице Пршикопы провоцировали бурши, пришедшие сюда из немецкой студенческой столовой через Вацлавскую площадь с пением «Die Wacht am Rhein»¹.

В Праге вспыхнули антинемецкие беспорядки. Прага сразу была очищена от немецких надписей.

1 декабря 1897 г. в Нуслях сгорел забор немца Плешнера, произошли столкновения между народом, войском и полицией, в государственных зданиях были сорваны орлы и выбиты окна.

2 декабря барон Гауч объявил Прагу на военном положении, жертвой которого я стал. Это было прекраснейшим днем в моей жизни.

Мне было тогда пятнадцать лет...

II

Гимназистом я был очень любознателен, что позже, к счастью, прошло. В гимназии на Житной улице нас было таких двое. Кроме меня, во всей гимназии естественными науками занимался еще преподаватель Гансгирг. Оба мы интересовались минералами. Преподаватель Гансгирг имел на своем попечении коллекции минералов: я ему собирал минералы, а он с необычайной любовью делал с них срезы.

31 ноября он позвал меня к себе в кабинет и сказал:

— Милый мальчик, во Вршовицах, на улице Палацкого, открылся магазин школьных пособий по естествознанию Гафнера. Несколько дней тому назад я заказал там для нашего кабинета коллекцию кремней, за которые уже заплатил и получил квитанцию. На тебе квитанцию, зайди туда, пожалуйста, заведи заказанные кремни и принеси их мне. Будь осторожен: на улицах беспокойно.

В одиннадцать часов пришел директор и объявил, что ученики распускаются по домам. О возобновлении занятий будет объявлено в газетах, когда кончатся беспорядки.

¹ «Вахта на Рейне» — немецкая песня шовинистического характера.

Настали дни раздолья. Вечером 31 ноября я выбил окна в немецком театре и во многих других домах. 1 декабря я опять выбил ряд окон и помогал поджечь забор г-на Плешнера, за что должен еще получить с него пятьсот крон, так как он объявил в газетах, что тот, кто укажет на след преступника, будет награжден этой суммой. (Я носил туда бутылки с керосином. Ваши сырые доски, господин Плешнер, никак не разгорались.)

Я чувствовал себя как в раю. От плешнеровского забора я пристал к толпе, которая собиралась разгромить Нусельский полицейский участок. Еще по сей день слышу, как какой-то пожилой господин в цилиндре, подавая мне кирпич, говорит добродушно: «На-ка тебе, мальчик, кинь этот камень в орла».

В Нуслях было скучно, так как громить было нечего: там никаких немцев нет. Потащились мы потом в Михле к немцу-помещику. Поджечь стог мне уже не пришлось: опередили более взрослые, о чем я до сих пор еще жалею. Но надеюсь когда-нибудь вознаградить себя за это.

Ночью мы вернулись в Прагу. Толпе, к которой я опять пристал, уже почти не оставалось никакой работы. Не везло мне. Все, что имело хоть сколько-нибудь общего с государственными учреждениями и немцами, было разгромлено. Дворец Эренталей тушили, и нам пришлось ограничиться разрезыванием пожарных кишок. Здесь я сломал перочинный нож. В Смечках я участвовал в погоне за одним буршем, который спрятался в подвале, где его позднее линчевали. Там была свалка, и я не мог добраться, о чем я до сих пор сожалею, но рассчитываю когда-нибудь вознаградить себя и за это.

На Карловой площади была протянута проволока. Драгуны падали с лошадей; в них кидали камнями, я помню, что попал одному поручику в голову, он, правда, не упал, но повернул лошадь и убрался во свояси.

Домой я вернулся поздно, отговорился тем, что повторял с товарищем по классу Баликом геометрию и греческий, что улицы были оцеплены и я должен был вернуться и ждать, пока все не успокоится.

На следующий день, 2 декабря, Прага была объявлена на военном положении. Первое известие об этом

принес швейцар, но он несколько перепутал и сообщил, что в Праге объявлено государственное право!¹.

— Наконец-то, хоть чего-нибудь добились! — сказал он радостно.

Наш швейцар был оптимистом чистой воды.

Я вспомнил, что у меня есть и другая обязанность, кроме выбивания стекол и бросания в драгунов камней, к чему, вероятно, меня привела моя страсть к минералогии.

Итак, еще до обеда я отправился во Вршовицы к торговцу минералами, господину Гафнеру, получить купленную преподавателем Гансгиргом коллекцию камней и одновременно посмотреть, что делается на улицах и нельзя ли случайно еще где-либо выбить какому-нибудь немцу окно.

Но я был разочарован. Объявленное швейцаром «государственное право» оказалось, согласно официальным объявлениям, «военным положением». Перед объявлениями стояли лишь по два человека, ибо, как только собирались трое, полицейский разгонял их, придерживаясь латинской пословицы: «Tres faciunt collegium»². У Гафнера я скоро освободился. Он дал мне кремни нескольких сортов для школьной коллекции минералов, которые я рассовал по карманам пальто и пошел домой.

На Клицперовой улице на Виноградах стоял конный кордон 73-го полка, недалеко от кордона вызывающе теснилась небольшая толпа из Вршовиц.

Как раз в это время проезжал по улице Палацкого конный полицейский патруль. Кто-то из толпы бросил камень в стоявший кордон. Клянусь, что это был не я.

Полиция въехала в толпу, произошла суматоха, и не успел я опомниться, как оказался один посреди улицы, окруженной конной полицией.

Ко мне подбежал пеший полицейский и ощупал мои карманы. Прежде чем я смог ему объяснить, что дело идет о коллекции минералов, кольцо стражников вокруг меня сомкнулось, и двадцать четыре верховых полицейских повели в участок пятнадцатилетнего гимназиста.

¹ Здесь по-чешски игра слов: Stanné právo — военное положение, státní právo — государственное право.

² Трое составляют коллектив (лат.).

Моя маленькая фигурка терялась на мостовой между лошадьми. Я казался цветочком среди крапивы.

Вокруг эскадрон защитников «порядка», а посреди юноша благородной наружности с невинными детскими глазами, открытым лицом и с карманами, переполненными всевозможными кремнями.

Лица всех двадцати четырех сияли. Было видно, что они нуждаются в успехе для того, чтобы показать себя во всей красе.

Прохожие останавливались на тротуарах, любовались эффектным зрелищем, кое-кто делал замечания. Слышала, как один немец, осмелев, зашипел: «Aufhängen!»¹, — и как одна женщина сочувственно заметила другой:

— Он уже не жилец на белом свете, раз военное положение.

А от одного почтальона, проходившего по Спальной улице, я узнал интересную подробность о себе:

— Это тот, что стрелял во Вршовицкую казарму.

За нами повсюду следовала толпа любопытных. Эскадрон двигался по Фердинандовому проспекту к полицейскому управлению. Двадцать четыре верховых полицейских захватили пятнадцатилетнего гимназиста.

III

В полицейском управлении меня допрашивал пожилой господин с очень строгим лицом. Он начал собственноручно вытаскивать из моих карманов минералы и при каждом новом экземпляре победоносно спрашивал:

— А это не камень, а что это такое?

Я отвечал:

— Это горный хрусталь, это морион, это халцедон, это черный оникс, это агат, это зернистый халцедон, а это сердолик.

Строгий господин выпрямился, закрутил усы и грозно произнес:

— И за этот хрусталь, морион, халцедон, оникс, агат и сердолик полагается расстрел и веревка, на то и военное положение. Хваловский! Отвести его!..

Меня отвели в одиночку с соломенным тюфяком.

¹ Повесить! (нем.).

Через несколько часов дверь открылась, и в ней появился полицейский добродушной наружности, поседевший на государственной службе.

— Послушайте,— сказал он дрожащим голосом,— завтра вы будете расстреляны. Предстанете перед военным судом. Родители есть?

Я ему ответил, что охотно написал бы им пару слов, и спросил, нет ли у него карандаша и клочка бумаги.

Он вынул записную книжку, куда я вписал адрес моих родителей и следующее письмо: «Дорогая мамочка! Завтра не ждите меня к обеду, так как я буду расстрелян. Господину учителю Гансгиргу скажите, что у Гафнера во Вршовицах продается прекрасный аметист для школьной коллекции, а полученные мною минералы находятся в полицейском управлении. Когда к нам придет мой товарищ Войтишек Горнгоф, скажите ему, что меня вези 24 конных полицейских. Когда будут мои похороны, еще неизвестно».

Прочтя эту записку, добродушный, поседевший на государственной службе полицейский прослезился и исчез.

Через полчаса меня повели на допрос к полицейскому советнику Оличу*.

На его столе лежало мое письмо к родителям. Добродушный Олич дрожащим голосом спросил меня:

— Так как же все это произошло, молодой человек?

Когда я ему все подробно рассказал, советник Олич, рассматривая минералы, заметил:

— У меня дома тоже есть коллекция минералов. Под Турновом и под Ичином я собрал в прошлом году во время отпуска множество агатов и халцедонов. Вsunьте эти кремни обратно в карман и можете идти домой.

IV

Прочел я тут, что 16-летний гимназист в Пльзене был осужден за недавно происходившую демонстрацию только на 14 лет тюрьмы.

Меня же, 15-летнего правонарушителя, 20 лет тому назад хотели расстрелять.

«Богемия» права, когда жалуется, что полицейский режим в Чехии сегодня все же ослабел.

РАЗГОВОР С ГОРЖИЦКИМ ОКРУЖНЫМ НАЧАЛЬНИКОМ

Боюсь, как бы горжицкий окружной начальник на меня не прогневался. Но что поделаешь! Напиши я, что дело было в Колине, Кутной горе или Чешских Будейовицах, обиделись бы тамошние окружные начальники. По всей Чехии и Моравии они, за малым исключением, похожи друг на друга, как родные братья, разве что у одного брюшко побольше, а у другого поменьше. Итак, займемся сегодня окружным начальником из Горжице.

Горжицкий окружной начальник вызвал к себе редактора местной газеты. Накануне вечером он небрежно сказал своему чиновнику:

— Завтра в десять утра доставьте ко мне этого редактора.

Ночью полицейские вытащили редактора из теплой постели и отвели в участок. В десять часов утра его препроводили в кабинет окружного начальника. Перепуганный редактор был без воротничка (ночью ему не дали много времени на сборы) и придерживал брюки, так как подтяжки у него отобрали, чтобы он не повесился. У него был вид человека, сорвавшегося с виселицы.

Окружной начальник стоял перед ним, как воплощенное могущество, и с высоты своего величия грозно взирал на ничтожного червяка-редактора.

«Боже мой,— подумал редактор, косясь, на огромный живот окружного начальника, затянутый в форменное сукно с блестящими пуговицами,— если он с разбе-

гу притиснет меня к стене, я буду раздавлен, как бу- кашка».

А градоначальник все еще сверлил глазами редакто- ра, понимавшего, что этот взгляд означает: «Ты в моей власти, червяк, прихлопну — и нет тебя».

Это была борьба двух миров. Борьба государствен- ности с ничтожеством. Борьба слона и козявки... Козяв- ка — вот оно, то нужное слово, которое искал началь- ник.

— Вы козявка, господин редактор! Что вы там напи- сали в последнем номере своей газеты под рубрикой «Советы и указания заботливым хозяевам»? Чего стоит вот этот ваш перечень лучших сортов фруктовых деревь- ев? Из яблонь вы рекомендуете зимний золотой пар- мен и пишете, что во Франции он называется рон- де-ренет. Потом рекламируете бель-де-боскоп и фон- дант-де-буа — «лесную красавицу». Потом американ- скую грушу айдаго и английскую уайлдер-эрли. Это же государственная измена! А почему вы рекомендуете французскую сливу? Нам все известно, господин редак- тор! Вы рекламируете также зеленый ренкрод «вашинг- тон» американского происхождения. Характерно, что вы умалчиваете об австрийских сортах. Почему вы не пише- те, как хороши тирольские яблоки? А потому, что про себя вы думаете: «Да провались они совсем, эти тироль- цы». Ибо это народ, который готов жертвовать жизнью за нашего всемилостивейшего монарха. Почему вы не ре- комендуете кассельский ренет? Потому что знаете, что Кассель — немецкий город, а вы хотите поражения на- шим немецким союзникам. Поэтому-то вы игнорируете и гравенштейнскую яблоню, ибо девиз гравенштейнских гусаров гласит: «За бога, кайзера и отечество!». Ра- зумеется, вам не нравится слива графа Альтана, — ведь граф Альтан был австрийским генералом, а у вас од- но на уме: черт бы побрал всех австрийских генералов, вместе взятых. Поэтому, повторяю, вы рекомендуете французские и американские сливы, английские груши и яблоки и хотите, чтобы ваши читатели только и думали: «Когда же наконец Франция, Америка и Англия на- мнут бока Германии и Австрии?»

Прочтите внимательно свою статью «Какие почвы хо- роши для отдельных разновидностей ячменя?». Вы пише-

те, что в Чехии лучше всего возделывать французский сорт, так называемый «шевалье». Стало быть, Чехия и Франция! Отлично! Понимаем, в чем тут дело, да и всякий поймет. В статейке «Любителям цветов» вы рекомендуете красные, синие и белые пеларгонии, то есть запрещенное славянское трехцветие. А что означает ваша заметка «Чилийская селитра — лучшее удобрение для картофеля»? Уж не хотите ли вы лишить нашу империю важнейшей составной части пороха? «...При посадке картофеля на тощих почвах селитру можно засыпать прямо в ямки...» Мы вам посадим! Мы вас проучим, молодой человек! А это что за фраза: «...Подмороженные фрукты надо быстро использовать, так как они легко загнивают и покрываются плесенью...» Мы отлично понимаем, кого вы разумеете под гнилым фруктом. Вы подрываете основы, милостивый государь! О том, как действуют ваши статейки, свидетельствует вот это письмо полицейского вахмистра из Воданца:

«Осмелюсь обратить внимание императорско-королевской окружной канцелярии на статью в «Горжицких новостях» «Использование квасцов». Там написано: «...Иногда на крыжовнике и смородине появляется множество маленьких гусениц, которые в несколько дней могут уничтожить все листья и плоды». В нынешние трудные времена подобная фраза может возбудить панику в нашем садоводческом крае, и я полагаю, что за нею скрываются определенные политические цели.

В этом же номере есть заметка «Как откипятить пожелтевшее белье», а сразу под ней «Коротко о производстве чернил». Сочетание этих двух цветов каждому бросается в глаза и явно имеет целью выставить в смешном виде черно-желтое знамя империи.

Вообще газета лишена всякого патриотизма и лояльности. В заметке «Мокрая обувь» есть фраза:

«Сняв мокрую обувь, лучше всего наполнить ее сухим овсом». Позволю себе указать, что это — прямое подстрекательство к уклонению от реквизиции овса...»

— Вот каковы дела, милейший! Сами видите, куда вы катитесь.

Окружной начальник умолк и уставился на козявку-редактора. Это была страшная минута, когда слон мог раздавить несчастного пигмея. Но слон переступил через него. Окружной начальник открыл ящик стола и, вынув оттуда пачку листков, торжественно вручил ее редактору.

— Верноподданнические и лояльные чувства должны воодушевлять каждую вашу статью. Я составил здесь несколько хозяйственных советов и указаний, вполне созвучных моменту. Они должны появиться в следующем номере. Можете идти.

Дома смятенный редактор развернул статьи и прочел:

«Дешевый предсказатель погоды. Повесьте на стену открытку с портретом всемиростивейшего монарха. Вбейте ему в голову гвоздик. На гвоздике укрепите короткую нитку, к ее свободному концу подвяжите небольшой пучок дыплячьего или гусяного пуха, окрашенного в черно-желтые цвета. Отметьте черточкой на открытке место, где находится пучок. Если предстоит хорошая погода, пучок поднимется к самому носу его величества императора. Если будет дождь, он опустится ниже, чем был».

«Дешевый воск для прививок к дичку черенков можно приготовить из 50 граммов еловой смолы и 250 граммов говяжьего сала. Смешайте в растопленном виде, прибавьте 26 граммов густого скипидара и помешивайте до тех пор, пока не пропоете дважды наш австрийский гимн».

«Чтобы молоко летом не скисало, положите в него листок дикорастущего хрена и трижды возгласите славу нашему обожаемому монарху».

Прочитав это, редактор взял желтую веревку и повесился на черной печной трубе.

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ В СОВЕТСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ (1919—1920)

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Говорят, что большевики заняли Казань. Наш владыка Андрей приказал соблюдать трехмесячный пост. Завтра будем кушать три раза в день картошку с конопляным маслом. Чешский офицер Паличка, который у нас на квартире, взял у меня займы две тысячи рублей. Да здравствует Учредительное собрание!

Болтовня о взятии Казани красными действительно отличается от прежней именно тем, что у нее есть известная объективная почва. Наши очистили Казань потому, что, как секретно сообщил мне чешский офицер Паличка, в Казань прибыло два миллиона германских солдат. Со всех купцов и купчих, которые попали в Казани в плен красным, содрали шкуру и печатают на ней приказы Чрезвычайной следственной комиссии. Говорят, что прибудут беженцы из Казани. Надо спрятать сахар из магазина, чтобы немножко повысить цену. У нашей братии из Казани денег много. Да здравствует Учредительное собрание!

Говорят, что большевиками занят Симбирск. Наши взорвали мост через Волгу. При постройке этого моста дядя мой заработал пятьсот тысяч рублей. Чешские офицеры говорят, что падение Симбирска — ерунда и что все — в стратегическом плане. Офицер Паличка украл у меня золотой портсигар. Да здравствует Учредительное собрание!

Сегодня прибыла в Уфу первая партия беженцев из Казани и Симбирска. По дороге их по ошибке раздели оренбургские казаки. Была торжественная встреча. Я

выпил две бутылки коньяка и написал заявление на дворника, что он большевик. Дворника отправили в тюрьму.

В газетах напечатано, что большевики в Симбирске отняли у всех богачей детей и отдали их на воспитание китайцам. Во всех церквах молитвы. Владыка просит всех православных христиан строго соблюдать пост, так как большевики продвигаются на Самару.

Скушал вчера немного ветчины, а вечером пришла телеграмма, что пала Самара. Одного члена комитета Учредительного собрания отправили в сумасшедший дом прямо из Общественного клуба, где он говорил, что падение Самары — чепуха. Беженцы прибывают. Рассказывают, что большевики всех поголовно режут, а головы буржуев нагружают на специальные поезда и отправляют в Москву, где их бальзамируют и хранят в кладовых в Кремле.

Один штабс-капитан рассказывал вчера в Дворянском собрании, что большевики обливают буржуев кипятком, из жен и детей жарят рубленые котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов. Купцов обливают керосином и употребляют в таком виде для освещения занятых ими городов. Аристократов и фабрикантов раздевают, варят в специальных машинах, прибавляют обрезанные косы убитых жен аристократов и фабрикуют из этого валенки для Красной Армии.

Вчера опять отправили в сумасшедший дом одного из правых эсеров. Звал на базаре баб идти громить Москву и записываться в Русско-чешский полк. Мой офицер Паличка взял у меня взаймы еще две тысячи рублей, которые обещал вернуть в тот момент, когда Народная армия * возьмет обратно Казань. Думаю, что этих денег никогда не увижу.

Наши отступили ст Бугульмы. Нет никакого сомнения, что это только стратегический маневр и что это ничего не значит. Это очень маленький городок. Газеты пишут, что с нами идут Англия, Франция, Япония и Америка. Сам Вильсон * приедет в Уфу. Против этого Бугульма — ерунда. Французский консул уже выехал из Уфы. Наверно, едет навстречу Вильсону. Да здравствует Учредительное собрание!

Вчера я читал в газетах, что ради освобождения России от большевиков и ее пробуждения к новой жизни надо эвакуировать Уфу. Сегодня на центральной улице увидел настоящего француза с отмороженными ушами. Он продавал в кофейне по два рубля открытки со своей фотографией и подписью: «Капитан Легале». Братья-чехословаки * отдыхают немножко от побед и торгуют на базаре спичками, сигарами, папиросами и самогонкой.

Последний эшелон чехословаков исчез из Уфы. Мой квартирант взял с собой мои часы, дочь и шесть тысяч рублей, которые нашел в письменном столе. Наздар!¹

Адмирал Колчак издал приказ об аресте всех учредителей. При таких условиях я пришел к убеждению, что Учредительное собрание, так сказать, игрушка. Я потерял с этим Учредительным собранием дочь, двадцать тысяч рублей, золотой портсигар, часы, и вместо этого у меня на руках какие-то векселя. Обманули нашего брата. Да здравствует адмирал Колчак!

Карательный отряд колчаковцев реквизирует у меня пару лошадей, двадцать пудов сахару, сто ящиков спичек и взял в солдаты моих приказчиков. Большевики заняли Чишму. Из французов остались в Уфе только два молодца, которые выступают в цирке. Нашего владыку видали на вокзале у коменданта станции. Он очень интересовался, когда идет поезд на Челябинск. Мне тоже надо сходить на вокзал.

¹ Чешское приветствие.

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОПА

Жил-был в Уфимской губернии один поп. Звали его Николаем Петровичем Гуляевым.

Это был истинно русский человек, который в старое время за неимением евреев в его селе ездил на погромы в Самару и Воронеж.

Когда пришел переворот, Николай Петрович Гуляев очень испугался, что ему перестанут носить деньги, и поэтому везде говорил, что человеческая свобода должна руководствоваться нравственным законом, а этим законом для деятельности российской революции должна быть воля божья. Этим нравственным идеалом должны руководить священники — приказчики г-спода, а поэтому вся революция должна быть в поповских руках.

К сожалению, большевики держатся несколько другого мнения и думают про попов, что они мошенники, так что Николаю Петровичу пришлось еще больше перепугаться, услышав, что церковь и Советская республика не имеют ничего общего и что его доходы от государства кончились.

Когда пришла эра власти учредилловцев, это была радуга в жизни испуганного Николая Петровича Гуляева.

В проповедях в церкви он объявил народу, что Учредительное собрание есть непосредственное творение божье, совершенно отличное от всех окружающих его тварей.

Перед сотворением Учредительного собрания бог держал совет с самим собою, и оно получило благословение господствовать над Уфимской губернией.

— Только,— говорил Гуляев в церкви,— смотрите, чтобы большевики не вернулись. Поэтому молитесь и давайте на молитву, так как теперь все дорого, и вы должны больше платить за молитву ради вашего спасения и искупления,— такова воля божья.

Малая молитва — 10 рублей, большая — 20. Эта цена предусмотрена богом, который в несокрушимой твердости над большевиками повысил цены на все продукты.

И случилось так, что Николай Петрович копил денежки, чувствуя большую благодарность к Учредительному собранию, которое защищало его доходы перед большевиками, помаленьку менял старые, царские деньги и керенки на краткосрочные обязательства с подписями членов совета ведомства учредиловцев и на длинные грустные векселя.

В один хороший день пришла катастрофа в форме телеграммы следующего содержания:

«Священнику Николаю Петровичу Гуляеву. Так как Учредительное собрание разогнано и члены арестованы, приказываем вам немедленно прекратить молитвы в пользу Учредительного собрания и ввести молитвы за адмирала Колчака».

Получив телеграмму, Николай Петрович посмотрел в ужасе на пачку краткосрочных обязательств всероссийского Временного правительства, приказал звонить в колокола и, когда собрался народ, сказал необыкновенным голосом следующую речь:

— Было время, когда весь человеческий род, кроме семейства праведного Ноя, по определению божью, потом был истреблен, потому что люди потеряли веру в Колчака и сочувствовали большевикам и Советской власти. И потому бог сказал об этих людях: «Не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками, потому что они большевики. Православно-христианское учение состоит в следующем: адмирал Колчак есть один по существу, но троичен в лицах, а именно: адмирал Колчак — бог-отец, бог-сын — генерал Войцеховский *, и дух святой — английский посол Колдран. Ура, ура, ура!»

Сказав эти слова, Николай Петрович выбежал из церкви. Когда его догнал церковный староста у леса, Николай Петрович укусил его с криком «Ура Колчак!».

*

Николай Петрович Гуляев находится в настоящее время в Уфимской психиатрической клинике в камере № 6. Таскает с собой по камере какие-то бумажки и кричит: «Краткосрочное обязательство. Председатель совета управляющих ведомствами Филипповский. Члены совета: Нестеров, Рудка, Климушкин, Баев; главноуполномоченный всероссийского Временного правительства Знаменский. Вечная память, вечная память!»

В это время приходит всегда в камеру надзиратель и уводит Николая Петровича Гуляева под холодный душ.

УФИМСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

Уфимский купец Иван Иванович не убежал из города с другими буржуями, но остался на своем наблюдательном пункте, в лавке, с определенной целью — заниматься по приходе советских войск спекуляцией и провокацией.

Одним из важнейших свойств, отличающих купца Ивана Ивановича от других животных, является дар речи, дар слова.

Иван Иванович пользуется в самом широком смысле этим свойством и злоупотребляет свободой слова при каждой возможности.

Его дар слова имеет в уфимской жизни громадное значение.

Этот дар не касается того, что он говорит дома, в семейном кругу, а лишь того, что говорит он как гражданин в общественном месте, на базаре, в чайных, в кофейных, у парикмахера и в своей лавке.

Он действует так, чтобы было незаметно, что он сам провокатор, распространяющий ложные слухи с намерением внести панику или образовать новые контрреволюционные элементы и врагов Советской власти.

Он никогда не скажет прямо: «Я узнал то и то». Он говорит, что «это слышал», что «это где-то читал».

Он остался в Уфе, чтобы по возможности побольше учинить вреда Советской власти, и действует через публику.

«Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I»

«Из дневника уфимского буржуя»

Он идет на базар и разговаривает с торговцами с видом человека, интересующегося капустой, мукой, мясом, салом.

— Вот,— говорит он, осматривая поросенка,— Бугульму взяли белые обратно, и поэтому запрещен выезд в Симбирск.

Он знает психологию базарных торговцев, этой темной массы мелкой буржуазии и деревенских кулаков, которые верят всем идиотским слухам, если только в них есть кое-что неприятное для Советской власти.

— Слава тебе, господи,— скажет какая-нибудь старушка, прислушиваясь, и бежит домой, чтобы в кругу темных баб, как попугай, дальше распространять идиотские, провокаторские мысли Ивана Ивановича.

Иван Иванович идет к парикмахеру.

— Сегодня ночью,— сообщает он тихим голосом,— был хороший мороз.

После этой невинной увертюры продолжает:

— Интересно, как далеко за таким морозом слышно стрельбу орудий. Так близко было слышно стрельбу, что сразу подумал, что белые не дальше пятнадцати верст от города.

Иван Иванович хорошо знает, что у парикмахера ждет своей очереди такой же враг Советской власти, как он, купец Захаров, который обязательно своим знакомым скажет: «Наши пятнадцать верст от Уфы» — и потом прибавляет равнодушно:

— Сегодня привезли много раненых.

Исполнив в парикмахерской свою провокаторскую задачу, Иван Иванович идет в кофейную. Знает, что там сидят и болтают бывшие буржуа, у которых предприятия взяты на учет.

Этим приносит большую новость: «Дутов * взял Казань и Москву! Петроград занят союзниками».

Все знают, что это идиотство, но все-таки на них действует эта глупая болтовня очень приятно.

Иван Иванович с невозмутимым видом продолжает, что Дутов арестовал Совет Народных Комиссаров, что он это слышал на вокзале.

Все опять знают, что Дутов разбит под Оренбургом, но это им не мешает распространять все эти прово-

кационные слухи по городу, в среде врагов Советской власти.

Вы слышите сегодня, что занят Бирск, завтра Стерлитамак, и не знаете: или смеяться над идиотами, или взять револьвер и пустить им пулю в лоб.

Это последнее, по-моему, есть самое лучшее средство борьбы с провокаторами.

Во время Французской революции провокаторов не гильотинировали, а вешали.

Ввиду того, что веревка у нас отменена, предлагаю всех этих провокаторов Иван Ивановичей на месте расстреливать.

ТВОРЧЕСТВО ЭСЕРОВ

Анализируя всю эсеровскую литературу, приходишь к выводу, что они все свои дешевые диссертации и ненужные проекты писали от скуки.

Творчество эсеров стало синонимом нелепости и безумия. Только эсеры могли говорить в своих брошюрах такой вздор, потому что человек обыкновенно говорит глупости, когда сам знает, что неправ.

Эсеры — «люди грустного подвига» — ставили себя в центре мира, который представляли себе, как огромное Учредительное собрание.

Какой-то Б. К. в газете «Армия и народ» * ставит эсерам на голову сверхчеловеческий ореол и поет: «Большевики погибнут, а нам нет конца».

В среде эсеровских писателей было вообще очень мало людей, сознающих неминуемую катастрофу, которые бы запели «Голова ты моя удалая, долго ль буду тебя носить», как запел один сознательный офицер-эсер из русско-чешского полка в «Уфимском вестнике» *.

Несмотря на это, большинство эсеров не отказалось бы от обожествления партии, а какой-то Зазыков в том же «Вестнике» пишет: «Я хорошо знаю, что нет ни одного рабочего и крестьянина в России, который бы не считал правильной нашу политику, которая есть благовест для всего мира и величественный и торжественный манифест».

Чаще бред в эсеровской литературе касается директив, данных ЦК соц.-рев. для работы среди широких масс.

Так, в брошюре «Товарищам, работающим в деревне» обращается внимание агитаторов на целый ряд ложных, провокаторских слухов, которыми следует воспользоваться в деревне при общей критике большевизма.

«Надо сказать крестьянству,— пишут эсеры в этой брошюре,— что на почве раздела земли явится неизбежное междоусобие в деревнях и усилится анархия. В таком направлении нужно ставить в деревне аграрный вопрос в связи с большевизмом.

При разборе в деревнях рабочей политики большевиков необходимо указывать, что большевики закрыли все фабрики. Но если вам не будут верить, если вблизи работают фабрики, можно сказать так, что большевиками введенный рабочий контроль уничтожил русскую промышленность».

Эсеровские фокусники и шарлатаны, собрав таким образом симпатии всех кулаков и фабрикантов, с каким-то игнорированием всякой разумной критики обращаются в другой брошюре «ко всем членам партии, работникам профессионального движения, рабочим организациям», умоляя их, чтобы они не были организациями революционными.

Эсеровские фокусники протестуют против объявленного большевиками обязательного участия всех рабочих в профессиональных союзах.

В этой брошюре они называют себя красиво: «Инициативное меньшинство пионеров профессионализма».

Психиатр бы именовал это так: «Слово, потеряв связь с реальным миром, теряет и логическую связь последнего. Мы тогда получаем речевую запутанность».

Такую речевую запутанность видим мы и в брошюре Е. М. Тимофеева «Пути к миру», где он пишет: «Брест-литовский мир есть извращение природы этой революции. Брест-литовский мир может уничтожить только Учредительное собрание. Кампания за демократический мир требует и борьбы за Учредительное собрание».

В конце брошюры красуется лозунг, что «соц.-рев. нужно восстановить связь с коалицией Согласия» *.

Эту связь наконец им удалось восстановить. Коалиция дала денежные суммы адмиралу Колчаку, который повесил нескольких членов Учредительного собрания и

веревкой указал им путь к борьбе за определенную линию мировой политики.

А так, в общем, эсеровская литература принадлежит истории.

Учредилка эсеров не пережила морскую бурю. Спаслось несколько челоек, которые совсем голые вылезли на берег, пали на колени и сказали: «Боже, не позволяй мне больше осуждать, чего я не знаю и не понимаю».

И, стуча зубами от холода, пошли согреться к большевикам.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ

В субботнем номере «Нашего пути» я читаю статью «К попу послали», где автор удивляется, что в отделе социального обеспечения не знают декрета об отделении церкви от государства и направляют мать, которая пришла получать пенсию за убитого сына красноармейца, к попу за выпиской из метрической книги.

Этому я никак не удивляюсь, потому что в советских учреждениях везде сидят замороженные чиновники, на которых наложен тяжкий подвиг с умом понимать время, которое пришло.

Для этих чиновников советский строй остается непонятным.

Они служили царю, служили Керенскому, служили белым. Только вывески над учреждениями перекрасились с занятием Уфы нами, но внутри остались те же самые попугаи, которые не стремятся к пониманию окружающего.

Для этих чиновников советский строй остается вполне непонятным — они не могут помириться с новой жизнью.

Они ничего не понимают, их не интересуют декреты, это для них гораздо покойнее.

Притом говорят: «Мы только служим, мы беспартийные». При этом страшно обидно, что много партийных интеллигентных людей или искренне сочувствующих Советской власти не могут найти в Уфе никакой должности, потому что в советских учреждениях находятся беспар-

тийные глупцы, которые плачут при снятии икон в советских учреждениях.

Мне столько раз приходилось проходить советскими учреждениями, и я наблюдал, что жизнь в них проходит как-то глухо.

Во многих местах не чувствуешь, что ты в советском учреждении, а в каком-то союзе статских советников и ждешь, когда тебе скажут, что в канцелярию ходить в валенках неприлично.

В народном банке, например, хорошо одетых людей встречают с каким-то восторгом и называют их «господами».

Из финансового отдела управления губернией дали печатать бухгалтерские книги с рубрикой «Министерство, департамент» и очень удивились, когда я им сказал, что уже министерства нет. Не смогли на это ответить ничем иным, как «Это старая форма».

Везде встречаешь такие «старые формы».

Красный свет бьет в окно, но в комнатах сидят люди с воспоминаниями о кадетской жизни, не интересующиеся в настоящее время ничем, кроме сосиски с капустой.

Если бы их раздеть, то на груди их можно было бы найти портрет губернатора.

Они остались служить Советской власти, потому что им деваться некуда.

Эти безобидные люди презирают Советскую власть, но тем не менее служат ей.

Они не поняли новую жизнь, они замороженные и растают только на своем солнце, которое, конечно, вне советского строя.

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он.

На базаре платишь за пуд картофеля шесть рублей, а у него за фунт — один рубль пятьдесят копеек. Смотришь с ужасом на картофель и думаешь, что вот-вот он скажет своей жене насчет тебя: «Гляди-ка на мерзавца, точно сгорает страстью к картошке».

В своей лавке он является деспотом. Покупатель в его глазах дрянь, а он, смотря на испуганную бакалейную публику, говорит: «Тяжело мне возиться с этой сволочью».

А вечером, считая кассу, все эти драные марки, рублевки, пятерки, купоны и грязные керенки, которые обобрал он с рабочего народа, вздыхает: «Ах ты, работа моя неблагодарная», — и лицо у него в это время убийцы, идиота, не понимающего своего преступления.

Но в лавке его капризам нет конца.

— Не до гляденья тут, коли купить не хочешь, — говорит он старушке, которая не может встать с места, потому что он ей сказал, что фунт постного конопляного масла стоит сорок рублей. — Зачем стонешь, родить, что ли, собираешься?

— Да разве вы не слышали, — обращается он к публике, — что теперь в Москве фунт стоит сто рублей?

Все знают, что толстый разбойник врет, но их участь в его руках.

Ошеломленные, они ждут, а что же скажет он дальше.

Старушка собирается прийти в чувство.

— Берите по сорок рублей фунт конопляное масло,— слышен тихий голос кровопийцы,— а то завтра будет по сорок восемь рублей.

— Это спекуляция,— сказал кто-то.

— Не мурлыкай, братец мой. Какая тут спекуляция? Морозы страшные, каких Уфа еще не видала, гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт заплаतिшь. Наше дело купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе товар.

— Тридцать рублей даю за фунт,— говорит кто-то из публики несмелым голосом, как бы опасаясь, что за это слово поведут его на плаху.

— Издевайся,— ствечает лавочник Булакулин,— тридцать рублей за фунт конопляного масла! Уничтожить меня хочешь, сделать нищим, что ли? Хочешь, чтобы я утопился? Ведь у меня, чать, ребятишки есть!

Лицо лавочника становится утомленным, безнадежным.

Бакалейная публика понимает, что все пропало, и покупает фунт конопляного масла за сорок рублей.

— Почему колбаса? — спрашивает новый покупатель.

Лавочник долго молчит и чешет затылок. Неделю тому назад колбаса продавалась по три рубля фунт. В среду — двенадцать рублей, в субботу — шестнадцать рублей, а сегодня, в понедельник...

Вопрос тяжелый.

— Это самая хорошая колбаса,— рекомендует он смесь лошадиного мяса с мукой,— это настоящая краковская, цена двадцать два рубля за фунт.

Лавочник Булакулин опять слышит слово «спекуляция» и обиженным тоном твердо заявляет:

— Говорить и рассуждать вам нечего, вы посмотрите в Уфе, как в других бакалейных лавках. Разве мне ради вас обанкрутиться, что ли?

...В полном восторге бывал лавочник Булакулин, когда кто-нибудь спрашивал его, нет ли спичек.

Первый ответ его был самый неутешительный.

— Можете из меня щепы нащепать, а спичек не найдете. Не стоит продавать, цена очень высокая. Я сам покупал десяток за сто двадцать рублей.

В амбаре у него были спрятаны два ящика еще от того времени, когда коробка стоила копейку.

— Если хотите, я вам могу отпустить,— продолжает дальше кровопийца,— коробку за двенадцать рублей.

— Не хочу, не надо.

Лавочник Булакулин потрясает кулаком.

— Какой неблагодарный народ, харя.

Испуганный уфимский обыватель машинально вынимает из кармана двенадцать рублей, берет коробку спичек и шепчет:

— Простите меня, окаянного, больше не буду дразнить,— и выбегает из бакалейной лавки с убеждением, что случайно спас себе жизнь.

Никогда в жизни мне не было страшно, только один раз. Это было в лавке Булакулина.

При воспоминании об этом случае еще сегодня у меня бегают мурашки по телу.

Я пришел в этот страшный день спросить в бакалейной лавке Булакулина, сколько стоит холодная котлета, которую я видел среди сыра и колбасы.

— Двадцать рублей,— сказал Булакулин таким страшным голосом, от которого у меня зашевелились волосы на голове.

В этом голосе было все: и «руки вверх» и удар обухом, топором.

Далее ничего не помню. Лежу в лазарете, и врачи говорят, что у меня воспаление мозга.

...Вчера я спросил санитаря, что случилось с лавочником Булакулиным.

Говорят, что его за спекуляцию расстреляли и что он упорно молчал и только перед смертью, когда он уже стоял у стенки, спросил себя: «А может быть, я очень дешево продал колбасу? Может быть, спрятав ее, я бы нажил на две тысячи рублей больше?..»

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Первого марта старого стиля в день св. мучеников Нестора, Тринимия, Антония, Маркелла, девицы Домнины и Мартирила Зелепецкого, мощи которых оскорбили большевики, вступила в Уфу освободительница нас, буржуев и капиталистов,— народная армия императора Колчака I, самодержавного царя всесибирского, омского, тобольского, томского и челябинского.

С гордостью теперь говорю: «Я буржуй!» Пришла свобода для всех нас, богачей, а для этой рабочей и крестьянской дряни кандалы, ссылка, Сибирь, веревка и расстрел.

Только меня возмущает маленькое недоразумение, которое случилось после обеда. Мы, буржуи, собрались с хлебом и солью встречать наших освободителей, а вместо них встретили по ошибке эскадрон красного кавалерийского полка, который чуть нас всех не изрубил. Я испугался так, что вечером, когда пришли настоящие освободители, лежал на кровати в горячке и видел перед собой только шашки красной кавалерии. Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак, царь православный всесибирский!..

Сегодня я благоговейно молился в храме с другими купцами и буржуями о благе нашем и счастии. Как нам свободно теперь дышится! На улицах опять стоят городовые, никто не смеет взять ничего на учет. На своих квартирантов я прибавил по 100 рублей в месяц за комнату. Живет у меня самая пролетарская сволочь. Я им теперь покажу! Сегодня был с доносом у полицмейстера

на портного Самуила, жида беженца, который прежде всегда говорил, когда здесь были большевики: «Свет, воздух, свобода!» Я очень рад, что его арестовали и расстреляли. «Свет, воздух, свобода!» Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак II..

Сегодня вступил в город полк Иисуса Христа. У солдат вместо нашивок белые кресты. Я говорил с одним офицером, бывшим батюшкой из Казани, который мне сообщил, что задачей полка Иисуса Христа вырезать всех большевиков и жидов в России, в Европе и освободить Иерусалим от турок и жидов. В полку Иисуса Христа есть специальная пулеметная команда из духовенства...

Настоящая весна для нас, буржуев, после большевистской зимы. Все улицы украшены яркими золотыми погонями. Везде слышно: «Ваше благородие, ваше высокоблагородие, ваше превосходительство». Если солдат не отдает честь и не становится во фронт, бьют его, мерзавца, по морде. Ясно видно, что без рабства жить невозможно и что должен быть порядок. Сегодня объявлен указ, которым отобрана земля у крестьян и отдана помещикам и дворянству. Крестьянин и рабочий будет лишен всех прав и не смеет уходить от тех владельцев, на чьей земле он сидит или работает. Для пролетарской сволочи отменены все свободы. Каждый рабочий должен ежедневно являться в полицию.

Нам представлена полная власть над рабочим. Указом царя Колчака I введено телесное наказание, закование в кандалы и ссылка в Сибирь. Я говорил с несколькими фабрикантами. Они будут ходатайствовать перед Колчаком о разрешении им продавать рабочих по своему усмотрению.

У нас поселился один офицер Челябинского полка. Какая красота! Золото и ордена. Приказал мне, чтобы я при его вступлении в комнату кричал всей семье: «Встать, смирно!» Боевой парень! Каждый день требует вина и порет своего денщика. Сегодня повешено перед собором 50 большевиков с женами и детьми. Вход на место казни один рубль в пользу георгиевских кавалеров. Да здравствует диктатура буржуазии!..

Вчера была у нас пирушка. Мой офицер расстрелял все зеркала и лампы, шашкой разбил всю посуду, раз-

резал себе руку, помазал кровью лицо и пел: «Боже, царя храни». Ночью видел везде большевиков и спрятался под кровать. К утру его увезли в больницу. Врач сказал, что это отравка алкоголем, который распространен среди Народной армии...

Сегодня расстреляна в тюрьме третья партия политических заключенных. Разогнаны все профессиональные союзы. Да здравствует император Колчак II..

Говорят, что большевики во что бы то ни стало возьмут Уфу обратно. Господи, что будет, что будет... Говорят, что отрезали уже от Верхнеуральска путь на Златоуст, деваться некуда.

Проклятая авантюра Колчака...

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ

(Из полка Иисуса Христа)

Март (Златоуст).

Возлюбленные о госпoде архипастыри, пастыри и все верные чады православной церкви российской вместе с божьей милостью царем всероссийским Александром IV (Колчаком) объявили гонения на язычников-большевиков. Из нашей братии сформирован батальон, к которому прибавили два батальона из татар и башкир. Это полк Иисуса Христа.

Когда мы выехали из Челябинска, то купеческая публика на вокзале кричала нам: «Да здравствует капитализм!», «Вперед за православную веру!». Все татары и башкиры в нашем полку стройно ответили: «Ура!»

Март (Бирск).

Меня по милости божьей назначили полковым адъютантом. Надеюсь, что приведу в порядок свои финансы, разоренные большевиками — гонителями церковнослужителей.

Отделением церкви от государства они лишили нас жалованья, говоря, что мы занимаемся не трудом, а обирательством. Поэтому мы, все священники, и собираемся вокруг Александра IV, богом нам данного, собирателя и строителя новой монархии на святой Руси.

И да поможет ему бог в этом великом деле, снизойдет на народную армию благословение божие.

В городе мы расстреляли несколько дюжин большевиков, с которых сняли сапоги и продали в полковой цейхгауз. Сегодня я высек несколько солдат, чтобы не забывали, что дисциплина — это страх божий.

Апрель (Уфа).

Наш полк Иисуса Христа устроил погром на евреев. Всякий, кому дорога возобновленная родина и жизнь церковная, кто дорожит святым учением евангельским, кому дороги заповеди Христовы, шел бить евреев. Я сам зарубил шашкой на Центральной улице одну старушку.

Да укрепит нас господь на служение правде божьей и на славу временного сибирского правительства!

Апрель (Белебей).

В Белебее мы построили ряд виселиц. Да будут виселицы Александра IV истинной школой жизни, источником воды живой, которую господь наш Иисус Христос дал нам в своем евангельском учении.

Май (Уфа).

На фронте торжествует антихрист. Красные прогнали нас из Бугуруслана. Завтра устроит преосвященный епископ Андрей крестный ход по всему городу.

После крестного хода будет опять еврейский погром, так как уфимский гарнизон, бригады уральских горных стрелков нуждаются в обмундировании.

Июнь (Уфа).

Мне кажется, что мы напрасно мобилизуем татар и башкир вокруг забытого алтаря православной церкви.

Наши сдали Мензелинск. Красные гонят нас по Каме. Им в плен попал один батюшка, служивший у пулемета в 27-м Челябинском полку, и они его вместо любви христианской расстреляли. Гонение жесточайшее воздвигнуто красными стрелками на армию царя Колчака. Вчера епископ Андрей в своей проповеди в соборе сказал: «Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить сдачу Уфы на

порушение красным», — а сегодня уже выехал из Уфы. В особом послании зовет нас последовать за ним, идти на подвиг страданий, в защиту святынь.

Наш эшелон отправляется завтра утром, в шесть часов, на Златоуст. Надеюсь, что бог поможет, и мы еще успеем расстрелять до утра последнюю партию заключенных красных в тюрьме.

Июль (Челябинск).

Мужайся, Александр IV! Иди на свою Голгофу! С тобою крест святой, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое красными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, гл. 2, ст. 11).

Эвакуируем Челябинск.

Июль (Омск).

Господи! Прости наш страх перед большевиками. Мы запуганы красными стрелками. Нас тревожит безвестный конец...

Эвакуируем Омск¹.

¹ Материал взят из подлинника. (Прим. автора.)

В МАСТЕРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В доме № 41 по Телеграфной улице во время пребывания в Уфе белых проживал священник Николай Андреевич Сперанский. Перед приходом наших он бежал, оставив в своем доме много всевозможных бумаг, плодов своей «неутомимой» работы.

Так как дом его теперь занят комитетом Иностранной партии (коммунистов—большевиков) *, то мне пришлось случайно натолкнуться на этот архив, который эта «черная ворона» оставила в своих письменных столах.

Из оставленной корреспонденции видно, что священник Сперанский письменно сносился с полковником Василием Егоровичем Гогиным из ставки верховного правителя, руководителем издательства всевозможных воззваний против большевиков. И у священника Сперанского была целая фабрика таких антисоветских воззваний, за что он получал крупные суммы денег от сибирского правительства. В своих воззваниях он окружал Колчака, верховного правителя, ореолом божьего благословения, покрывая каждое его преступление. Этот верный пособник буржуазии писал так горячо, что сам полковник Василий Гогин прислал ему письмо, в котором советует ему не очень увлекаться, так как воззвания к крестьянам относительно сжигания на кострах своих комитетов слишком уж сильно написаны, хотя и желательны.

В том же письме полковник сообщает литературному инквизитору, что «Антихрист» очень понравился и что за это воззвание ему выслано денег 3 500 рублей,

притом просит исправить немножко его содержание и указать на то, что большевики отбирают имущество и драгоценности. Можно написать, что это сказано в Евангелии св. Марка, так как народ темный и ничего не разбирает!

Любопытно было бы найти это воззвание. В письменном столе я нашел один экземпляр с надписью «Что говорит священное писание об антихристе и какое дело его». Под этим подписано: «Для распространения среди войск освобожденной России. Подлежит расклеиванию на видных местах».

Написано горячо, и все время приводятся ссылки на священное писание. Так, например, будто бы св. Иоанн в своем откровении говорит: «Придут комиссары, которые всем положат начертания на чело их, на руку их. Никому нельзя будет ни продавать, ни покупать, если кто не имеет этого начертания». И далее следует: «Глава 13, ст. 12—16». Это, видимо, для достоверности.

Затем приведен текст священного писания вообще о большевиках: «Они обещают свободу, отвергают начальство и злословят высокие власти (послан. Иуды, ст. 8), которыми является сибирское правительство во главе с верховным правителем».

В одном из воззваний поп Сперанский пишет, что в каждого красноармейца нужно воткнуть несколько штыков, чтобы он умер, как собака, так как он предатель святой Руси.

Товарищи красноармейцы, помните хорошо эти слова, вышедшие из мастерской контрреволюции, и ловите всех этих злодеев в сибирской тайге.

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ

Везде в железнодорожных киосках в Восточной Сибири можно встретить империалистические газеты: английские — «Маньчжурян Дей Нью» *, «Руссиян Дей Нью», «Азиатик Нью Аженс» и французские — «Журналь де Пекин», «Журналь де Сибири».

Перед духовными очами всех господ редакторов этих иностранных газет яркой звездой горит только одна точка: Россия — в качестве страны со старым, царским строем, с генералами, капиталистами, губернаторами, городскими, вокруг которых вертятся «союзники».

Что же препятствует осуществлению этих радостных для буржуазии дней?

Русский рабочий и крестьянин, который хватает режиссеров из империалистического театра за руки и отбирает от них колчаковскую Сибирь и другие декорации и бутафории черносотенной «святой Руси».

Поэтому роль всех этих английских, французских и американских газет на политическом рынке Лиги народов * очень жалка.

Захудалый журнальчишко, скажем, «Азиатик Нью Аженс» или «Журналь де Пекин», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток.

Журнальчишко предлагает буржуазии вязать большевикам руки и доставлять их к становому по всей Сибири в качестве «царских супротивников».

Все эти английские и французские газеты врут не хуже белогвардейских.

7 мая сего года «Журналь де Пекин» сообщает, что Петроград занят финнами и что большевики и жители убежали в Москву.

13 мая «Азиатик Нью Аженс» сообщает, что Москва взята Петлюрой и польскими легионерами.

12 июня «Руссиян Дей Нью» успокаивает буржуазную публику тем, что войска адмирала Колчака вошли в Кремль.

Даже после падения Уфы и разгрома Колчака за Белой и под Златоуостом «Руссиян Дей Нью» пишет 26 июня: «Армиями адмирала Колчака водворен полный порядок в центре России».

Все-таки известия о поражении Колчака дошли на Дальний Восток.

И вот вдруг эти журналы, полные до тех пор победных гимнов, выкидывают флаг пароходных обществ.

Сразу появляются в газетах объявления: «Прямое сообщение пароходами через океан в Америку, Англию, Францию. Путь: Сан-Франциско — Вальпарайзо».

«Общество «Дескур и Кабо» отправляет в кратчайший срок без очереди собственными пароходами в Японию, путь Иокогама...»

Итак, пароходное общество «Дескур и Кабо» является последним этапным пунктом для контрреволюции и буржуазии, бежавшей перед красной грозой...

Все-таки эти газеты дают весьма интересные сведения о внутреннем положении империалистических хищников и об окончательно прогнившей Лиге наций.

«Журналь де Пекин» приносит следующую телеграмму из Лондона: «Секретарь министерства морских дел Даниэль объявляет, что в интересах борьбы с большевизмом нужно учредить интернациональную полицию под контролем «Лиги народов».

Не скучно читать эти газеты, и есть над чем позабавиться.

От интернациональных городовых и сыщиков переходит «Журналь де Пекин» к вопросу о колониальной политике империалистов.

Тут доходит до драки. «Мы ваши, а вы наши,— обращается французский орган к английским приятелям из «Азиатик Нью Аженс»,— только бы вот насчет эксплуатации и ограбления Маньчжурии...»

То же самое говорит и американец японцу: «Мы ваши, а вы наши, только бы вот насчет пристани Киао-Чуа и Шантунг, прошу не трогать».

Старая формула разбойников при распределении добычи.

«Маньчжурян Дей Нью» печатает приказ генерала Кноха по английской заамурской бригаде:

«Так как солдаты королевской заамурской бригады самовольно желают пробраться во Владивосток, предупреждаю, что демобилизация частей внутренней охраны пока произведена не была.

Приказываю всем оставаться на своих местах до дальнейшего моего распоряжения и тщательно следить за всеми агитаторами».

Само собой разумеется, что и русские палачи-генералы печатают в этих журнальчиках свои приказы, чтобы показать Англии и Франции, какие они молодцы.

Так, «Журналь де Пекин» печатает приказ казачьего атамана Иванова-Ринова из Владивостока:

«В ответ на террористические акты большевиков в окрестностях Владивостока приказываю всех подозреваемых в большевизме и пленных красноармейцев, содержаемых во владивостокской тюрьме, разбить на три группы.

Первую группу расстрелять с получением этого приказа, вторую и третью — постепенно, в случае возобновления покушений со стороны большевиков».

Воспеванию таких зверств царских палачей посвящают эти «журналы» три четверти своих страниц.

Искал я в этих «журналах» сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга у Красноярска разбили чешский карательный отряд, где и пал чешский комендант станции Прагер. Дальше, что 12 мая умер чешский министр военных дел генерал Стефанек и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «Учредительного собрания».

ВОПЛЬ ИЗ ЯПОНИИ

Есть такой английский буржуазный журнал под заглавием «Япан Адвертизер», издается он при дворе японского микадо в Токио.

Если перевести все его статьи и вдуматься в их смысл, то ясно становится, что все они в один голос стараются доказать необходимость Амурской дороги и Амурского края для английского капитала и торговли.

Это во-первых. Во-вторых, много пишут о том, что красный призрак большевизма бродит над Амуром.

Так, некий Давид Франси, бывший американский посол в Петрограде, сообщает английской дипломатии и банкирам, что в Петрограде большевики национализировали всех женщин и что жены комиссаров в Москве купают своих собак в шампанском.

Какой-то капитан Робен, член американской миссии в Сибири, пугает английских капиталистов и буржуев муравейниками.

«Если какой-нибудь американец или англичанин попадет в Сибири в руки большевиков,— пишет он,— то его ожидает следующая участь: большевики раздевают его догола и головой вниз, привязанного на кол, бросают в муравейник».

Кошмарная картина для английских капиталистов.

Пишут в этом журнале и представители нашего православного духовенства.

Какой-то беженец, соборный протоиерей Г. Н. Круговой, обращается к епископам англиканской церкви, чтобы они предприняли крестовый поход против большевиков.

Но крестовый поход против большевиков — это вопрос, очень затруднительный для Антанты.

Из статей, перепечатанных в этом журнале из лондонской газеты «Таймс» и американской «Нью-Йорк Геральд», можно судить о настроении империалистов относительно «русского вопроса».

Так, «Нью-Йорк Геральд» сильно обеспокоен тем, что Англия, в силу торговых соглашений с Сибирским правительством, не помогла Японии укрепиться в Амурской области.

Английский «Таймс» сильно обеспокоен относительно золотых приисков на реке Лене.

Японская газета «Нычи-Нычи» чувствует себя не по себе относительно Америки и Англии, называя союзников своего микадо жадными до владений Сибирью, где торговля принадлежит японцам.

Сильно беспокоятся они также относительно Китая

Там, за Желтым морем, против острова Нипон, спит Китай, удара которого они боятся.

Это 400 миллионов обитателей Китая, нищих, голодных, о которых доктор Ку, представитель от Китая в «Лиге народов», с тревогой пишет, что в один день все они станут в лагерь большевиков.

«Нужно принять серьезные меры,— плачет предатель китайского пролетариата доктор Ку.— Китай переполнен агитаторами-большевиками».

Под этой статьей следует телеграмма: «Американский сенат в Вашингтоне предложил японскому генералу Кикүзо Отана золотой орден за успешное ведение борьбы с большевиками в Маньчжурии!»

Мне бы хотелось написать в «Адвертизер»: «Господин редактор! Фронт всемирной революции расширяется и через золотые ордена генерала Кикүзо Отаны. Эта линия революции пройдет и через Токио, Вашингтон и Лондон. Она раздавит в своем историческом движении и бога, соборного протоиерея Кругового и империалистический купеческий мир. Это величайшее событие, которое только знает история, а человечество само определит свое развитие и без Вудро Вильсона, Клемансо *, Ллойд Джорджа *, которые без вести пропали в волнах всемирной революции».

ЧТО СТАНЕТ С ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?

Чехословацкая республика предала революцию. Это начало конца, это приведет к гибели ее буржуазного строя.

Когда в нтябре 1918 года чешские газеты оповестили о том, что Карл Габсбург бежал *, можно было предполагать, что для чешского пролетариата начнется новая, солнечная жизнь. Но это оказалось лишь мечтой.

Чешский пролетариат освободился от ярма австрийских капиталистов и оказался в когтях чешских капиталистов, банкиров и их союзников — социал-демократов, предателей Немеца и Виктора *. Чешская буржуазия без особого труда очутилась у власти. По ее указаниям народ ежедневно шпиговали все новыми и новыми статьями, побуждая его почитать «революционных» богов: доктора Крамаржа, профессора Масарика *, Вильсона и Клемансо. Чешский народ видел лишь одну сторону медали — дешевые лозунги: республика, свобода, исторические права.

В декабре 1918 года была произведена мобилизация, и чешские солдаты перешли границу, вступили в Саксонию, чтобы занять Лужинец и Будишин. Оформлялся чешский империализм. Вместо долгожданного мира — новая захватническая экспедиция. Начали с Баварии, так как новый военный министр, бывший антимилитарист Клофач, обнаружил где-то на страницах учебника истории, будто во времена короля Бржетислава баварский городок Хум принадлежал Чешскому коро-

левству. Националисты празднуют победу. Но за нею голод и безработица сотрясают молодую республику.

В Праге появился профессор Масарик — назначенный Францией президент Чешской республики, — с помощью которого Франция рассчитывает привить чешскому народу уважение и любовь к союзникам — французским захватчикам.

А лидеры чешской социал-демократической партии поддерживают буржуазное правительство в его безмерных подлостях, получают министерские портфели и идут рука об руку с буржуазией.

Возможно, что в декабре 1918 года чешский пролетариат чего-то ожидал от лидеров социал-демократии — министров-«социалистов», но в январе 1919 года он уже вышел на улицы Праги и требовал хлеба. Правительство, в котором заседает три «социалиста», ответило пулеметами. Национальная гвардия и отряды добровольцев рассеяли демонстрантов, буржуазные сынки прикладами избивали арестованных рабочих, а президент Чешской республики Масарик спокойно сидел в своем кабинете, среди цветов и подушек, расшитых буржуазными дамами-рукодельницами. Он писал манифесты к рабочим, уверяя, что Франция требует от чешских рабочих воздержаться от демонстраций и мирными методами добиваться улучшения своего положения, что чешское правительство, со своей стороны, сделает все возможное для подавления большевистского движения в Чехии.

Зато теперь рабочий класс Чехии узнал по крайней мере, что представляет собой президент Масарик, понял, что и в Чехословакии Масарик ведет тот же крестовый поход против коммунизма, который он скрепил своей подписью в Сибири, когда продал союзным державам чехословацкий корпус и послал 60 тысяч чешских солдат против русских рабочих и крестьян.

Разумеется, чешские рабочие не были довольны манифестом, и Масарик прибегнул к крайним мерам...

Тюрьмы переполнены рабочими. Министры-социалисты оказались самыми преданными прислужниками буржуазии и в точности выполняют порученную им задачу — сохранять в стране спокойствие и порядок.

Давление Антанты на Чехию продолжает усиливаться; она требует снабжать углем австрийские заводы. В апреле союзники приказывают чешскому правительству объявить войну Советской республике.

Последствия этого давления очень скоро стали ощущаться в Чешской республике. Производительность труда упала, повсюду наступило безнадежное ухудшение. Французский и английский капитал поглощает все материальные ресурсы, все силы Чешской республики.

Неправда, что в Чехословакии царит затишье перед бурей. В Чехии ежедневно происходят рабочие демонстрации. Шахтеры Кладно не хотят больше работать на шахтовладельцев. Крестьяне требуют отдать им землю помещиков. В Кладно под руководством чешских коммунистов образовался Рабочий Совет *. Кладненский бассейн со своими шахтами и заводами представляет сейчас небольшую Советскую республику. Правительство не в состоянии уничтожить в чешском пролетариате эти первые побеги. Оно знает, что посланные на восстановление «порядка» батальоны бесследно исчезнут в волнах революции Кладненского бассейна. Кладно, Мостецкий округ, Моравская Острава — это бастионы чешской пролетарской революции. Пролетарская революция, подобно пожару, распространяется по шахтам, угольным бассейнам, в черных забоях подземелий.

Интриги и насилие империализма Антанты, предательство вождей — министров-«социалистов» — все это дает лишь новую пищу для распространения пламени. Огонь все ширится. В Пльзени, Либерце и Брно * остановились заводы. Сентиментальную народную песню «Где моя родина?» * сменил гимн «Интернационал». Чехословацкая буржуазная республика приближается к своему крушению. Президент Масарик сидит на вулкане.

В скором времени буржуазную республику постигнет смертельное потрясение. Пока что ее лихорадит, но скоро, очень скоро, огонь пролетарской революции выжжет с министерских печатей чешского льва *.

А что ожидает Чехословацкую буржуазную республику?

Она станет республикой Советской!

ЖЕРТВА НЕМЕЦКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

Доблестный и неутомимый спекулянт майор фон Лаузитц, занимавшийся на досуге идеями возрождения Австрии и Германии на монархических началах, только что заключил недурную сделку в лагере военнопленных. По этой причине он приказал своему денщику Гансу приготовить на офицерской кухне бифштекс¹, а затем занес в свой дневник заметку о распространении большевистской пропаганды среди бывших военнопленных. Он писал: «Поведение личного состава ухудшилось. Все больше подрывается дисциплина и лояльность. В I Интернациональную бригаду вступили следующие негодяи: из барака № 12 — Карел Фишер (8-й полк), Иоганн Бауэр (24-й полк), Миклош Иштван (3-й полк), капельмейстер Людвиг (18-й полк), из барака № 34 от 16-го полка: Богач Ян, Такер Самуэль, Золтан Бела...

Сегодня я слышал, как Карл Проссек (Вена, Мари-ахильферштрассе, 12, из 21-го полка) сказал Яношу Кочи (8-й полк, пивовар из Шопрони): «Мы ведь рабочие, и никакой силе не остановить эту революцию, если мы будем едины. Только пролетарская коммунистическая революция способна помочь рабочим. Поэтому нечего нам околачиваться в лагере, надо наконец начать работать для революции».

¹ Еще и поныне в Сибири существуют лагеря военнопленных, где у офицеров есть денщики и особые офицерские кухни. (Прим. редакции газеты «Рогам-Штурм».)

Таких сволочей здесь немало, и я очень жалею, что в нашем лагере уже ликвидировали шведский Красный Крест, что лишило нас связи с родиной. Сколько адресов этих мятежных подонков мог бы я переслать домой! Да здравствует дом Габсбургов и Гогенцоллернов! На виселицу красных дьяволов!

Когда денщик вернулся, майор стал его расспрашивать, не пытался ли кто-нибудь агитировать его по дороге из офицерской кухни,— ведь в таком случае он мог бы сделать в дневнике еще одну запись: «Опасным пропагандистом является Вильгельм Дёрнер из 27-го полка, барак № 18, из Штеглица под Грацем. 12 марта 1920 года он сказал моему денщику Гансу Киршнеру: «Ну и болван же ты, братец, да двинь ты своего майора по морде и скажи, что надоели тебе его издевательства!»

*

В один прекрасный мартовский день майор фон Лаузитц возвращался из города в отличном настроении. Во-первых, он выгодно продал золотое кольцо, а во-вторых, услышал, что в Германии произошел монархический переворот.

— Ура, Вилли! — сказал он своему приятелю капитану Цедвитцу.— Генерал фон Тирпитц освободил Берлин*. Наш великий доктор фон Капп в ближайшие дни освободит императора Вильгельма из Голландии, потом отправится в Швейцарию и переведет через границу императора Карла, чтоб тот возглавил переворот в Вене. Потом император Вильгельм и император Карл повесят всех рабочих, объявят войну русским большевикам и посадят на русский трон кронпринца. Вот тогда-то мы поговорим по-свойски с нашими лагерниками! Тогда-то опять войдет в силу кнут!

— Ганс,— сказал он своему денщику,— опять куришь без разрешения? Подожди несколько месяцев, насидишься ты тогда у меня под арестом, проклятая обезьяна! Смир-рно! Как стоишь передо мной? Или не знаешь, что мы возвращаемся в Берлин и в Вену к императору?

— Господа! — разглагольствовал он в офицерской спальне.— В Германии снова монархия, генерал фон

Тирпитц там, доктор фон Капп... У меня от радости нет слов, и я могу только провозгласить: «Да здравствует император Вильгельм! Да здравствует император Карл! Повесить красную сволочь! Начинается! Сохрани нам, боже правый, цезаря и отчий край!»*. Ура!

Однако все было не так, как представлял себе майор фон Лаузитц.

В рабочих кварталах Берлина мощно гремело: «Да здравствует большевизм!» Рабочие штыками выбросили из Берлина новую монархию, и Германия была накануне пролетарской революции.

Как только услышал это майор фон Лаузитц, горько он закручинился, и все офицеры видели, что он усиленно готовится к чему-то необыкновенному. Вечером он вернулся из города с двумя банками масляной краски, черной и желтой *, и с малярной кистью.

— Я им покажу! — бормотал он каким-то странным тоном.— Надо подновить австрийские цвета.

Товарищи уложили его в постель с холодным компрессом на голове. Он успокоился, однако ночью таинственно исчез вместе с банками и кистью.

В четыре часа утра интернациональный патруль наткнулся в городе на голого человека, раскрашенного в черно-желтую полоску, который пел:

Австрия, дом величавый,
Воздвигни свой стяг со славой,
Пусть на ветру он вьется,
Австрия не пошатнется!

Несчастливым черно-желтым певцом был майор фон Лаузитц.

ЧЕШСКИЙ ВОПРОС

Бешеная агитация против Советской власти среди чехо-войск ходом событий потерпела крушение. Судно чешской контрреволюции село на мель. «Гениальная» чуткость французского генерала Жанена *, который руководил чешскими войсками, кончилась полным разгромом армии Колчака, капитуляцией польских легионов и сербских полков, признанием чехо-войсками Советской власти, расстрелом адмирала Колчака и др. «государственных людей» сибирского царства генералов, капиталистов и помещиков.

Договор чехо-войск с представителями Советской власти * — это крах политики Антанты.

Стихийный переворот приблизил чехо-войска к развязке с союзниками. Руководители чешской контрреволюции растерялись. Чешские солдаты за полтора года научились немного мыслить и рассуждать.

Обманутые союзниками, которые им обещали в течение 18 месяцев пароходы для отправки на родину, предписывали им поддерживать Колчака, охранять Сибирскую магистраль, выступать против восставших рабочих и крестьян Сибири, они очутились в огненном кольце революционного пожара. Напрасно французский генерал Жанен грозил им, что в случае их отказа идти на фронт против большевиков Франция не даст больше ни франка Чехословацкой республике.

Солдаты встретили офицеров, которые делали им это любезное предложение, лозунгом «добот» *, что в переводе значит «наплевать».

Сдвиг этих солдатских масс влево, разоблачения империалистической политики союзников навод-

нили экстренные поезда линии Иркутск—Чита—Владивосток политическими и военными представителями Чехословацкой республики. Удирали перед большевиками и перед своими солдатами. Бежали от красной грозы. Им стало уже невозможно появляться перед обманутыми своими земляками. Перепугались тел расстрелянных ими когда-то чешских коммунистов от Пензы и Самары до Владивостока. Чешские войска заключили договор с Советской Россией. Их борьба за Учредительное собрание кончается в эшелонах, в которых они пробираются в порт Владивосток.

Чехословаков, которые находились в последнее время в армии, можно распределить на следующие группы:

1. Национальные «социалисты» — мелкобуржуазный элемент, крайне национальный. Они не социалисты. Дома, на родине, организовывали желтые союзы.

2. Чешские социал-демократы, соглашатели. Считают себя «передовыми» в рабочем чешском движении, но на деле часто тормозят социалистическое движение; они правее русских меньшевиков.

3. Чисто буржуазный элемент правозсеровского типа — офицерство, чиновничество и интеллигенция. Здесь все буржуазные партии. И бывшие реалисты (лидером которых был профессор Масарик) и чешские кадеты (либералы-младочехи).

4. Насильно мобилизованные после известного контрреволюционного выступления чехословаков. Это элемент, который много обещает для пролетарской революции. В эту группу можно поместить и сознательных рабочих-революционеров, они относились с презрением к союзникам.

Ход событий нашел свой отклик в этих всех группах.

Группа 4-го типа встретила радостно переворот и победу Советской власти. Из 1-й и 2-й группы вышли и присоединились к 4-й группе более сознательные элементы, психологически обработанные этим переворотом.

Третья группа очутилась в плачевном положении. Они выступили против Колчака, надеясь на эсеров и меньшевиков Восточной Сибири, на так называемый Центр*, дабы затормозить продвижение пролетарской революции на Восток. Но это не удалось. Они были в положении генералов без армии.

К ПРАЗДНИКУ

Много тысяч верст прошла 5-я армия. Это была жесточайшая схватка с контрреволюцией в великой эпохе наших революционно-социалистических войн. Не страшны ни многочисленные полки отечественной контрреволюции, ни тяжелая артиллерия международного капитала.

Когда наемник иностранного капитала, адмирал Колчак, в апреле прошлого года наступал на Казань и Самару, представители союзников посылали телеграмму за телеграммой.

Лондонская газета «Таймс» в своей передовой статье высказывала пожелания и надежду, что Англия, поддерживая адмирала Колчака, поможет ему уничтожить Советвласть.

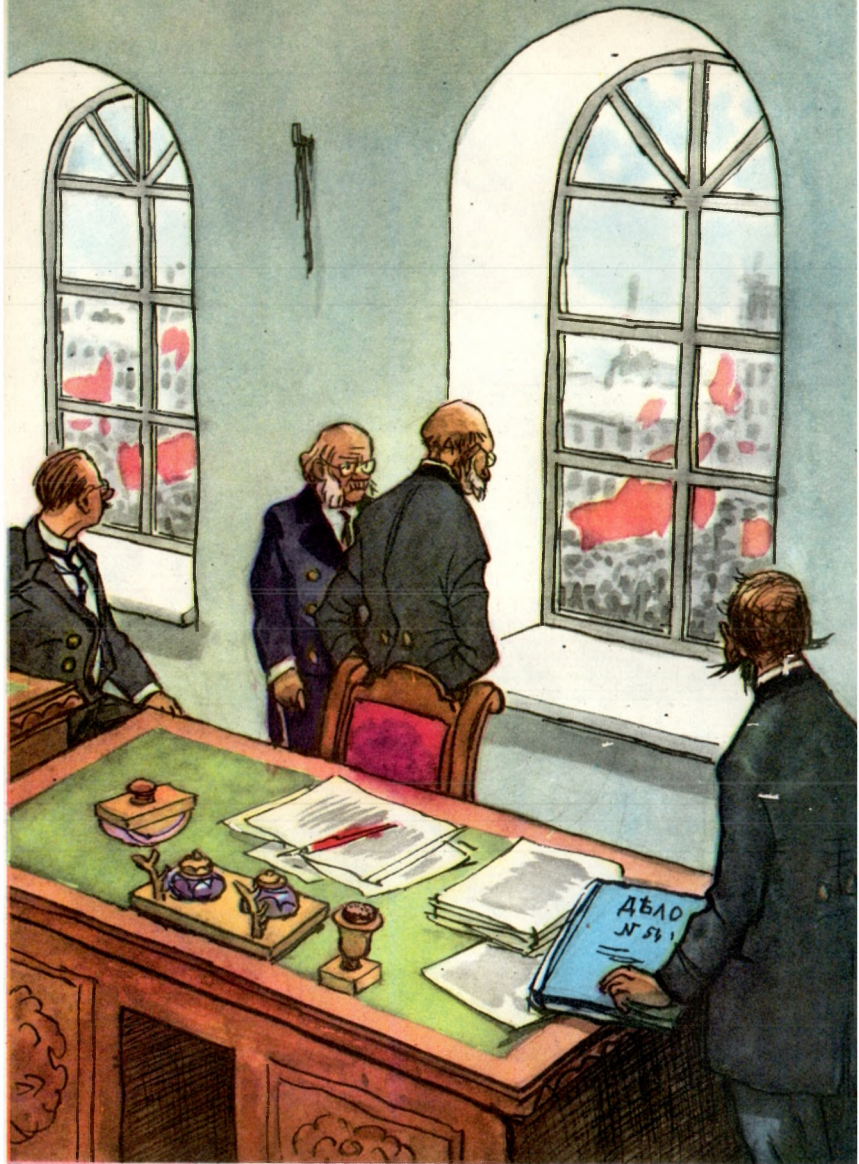
Парижский «Тан» поздравлял адмирала с наступлением, обещая Колчаку всевозможную поддержку Франции для окончательного разгрома Советской власти.

Представитель американских миллиардеров Вудро Вильсон телеграфировал: «Желаю доблестной армии адмирала Колчака разбить наголову своих врагов и обещаю всевозможную поддержку».

Так было в апреле 1919 года. В апреле 1920 года пишут эти же газеты: «Англии необходимо признать Советскую власть».

Победы Красной армии, в том числе и 5-й армии, отбили у английских буржуев спесь и заставили их разговаривать о мире.

Советуем и японским дипломатам призадуматься над этим и помнить, что почетные знамена мы дарим железным армиям.

«Замороженные чиновники»

«Дневник попа Малюты»

БЕЛЫЕ О 5-Й АРМИИ

Прощаясь с миром, сибирская реакция оставила нам память прошлого вроде своих белогвардейских газет с откликами о боевых действиях 5-й армии. В августе 1918 года, через месяц после появления 5-й армии, когда начинают белогвардейцы чувствовать опасность, появляется в «Вестнике Комитета Учредительного собрания»: «Красные собирают против нас крупные силы, чтобы взять опять Самару, Симбирск, Казань. Беженцы из Пензы сообщают, что большевики подвозят на фронт массу войск».

Немного позже, когда 5-я армия наступает на Казань, в той же газете пишет член Учредительного собрания Лебедев: «Большевики перешли в наступление на Казань, но я уверен, что они будут разбиты наголову и Казань будет для них роковой. Тут решается судьба большевизма».

Железные батальоны нашей армии взяли Казань, Симбирск, и правый эсер Фортунатов плачет в своей газете: «Казань и Симбирск залиты потоками крови. Против нас не стоят уже неорганизованные банды большевиков, они соорганизовались и взяли два города... Если мы и в будущее время встретим подобные попытки, мы будем поступать с такими людьми, как с государственными изменниками в военное время... Я уверен, что загубленная Россия возродится...»

В других белогвардейских газетах начинают появляться в сводках о фронте Учредительного собрания корот-

кие, но весьма неприятные для белых сообщения о нашей армии: «Уфимский район. Противник продолжает наступать».

«Власть народа» за 28 ноября 1918 года на одной странице о Западном фронте публикует: «Бугульминское направление. Сведений не поступало»,— и на другой стороне появляется первое воззвание адмирала Колчака, верховного главнокомандующего, к офицерам и солдатам русской армии, в котором мы встречаем, что кровавая армия германо-большевиков с примесью мадьяр и китайцев угрожает Уфе и что нужно спасти родину. «Я призываю вас сплотиться около меня как первого офицера и солдата,— говорит покойный адмирал.— Да поможет нам господь бог всемогущий». Но он не помог. Наша армия вошла в Уфу.

Мы отступаем в марте из Уфы. «На пасху будем в Москве»— название одной передовицы в «Отечественных ведомостях». Настроение редакторов белогвардейских газет в то время бодрое, веселое. Шутят, как будут вешать в Москве и Питере рабочих и крестьянскую гольфу. Их перо не может приостановиться. И когда наша армия уже опять наступает и берет Бугуруслан, Бугульму обратно, они все-таки пишут, что заняты Колчаком Самара, Казань, Инза, Симбирск, где расстреляны при попытке бежать все комиссары Совдепов. Это не мешает в том же номере поместить воззвание к русским гражданам оказать помощь беженцам из Бугуруслана, Давлеканово, Бугульмы.

Наша армия переправляется через Белую и Каму, громит белых, вступает в Уфу и Златоуст.

Перечислить в то время плач и вопли белогвардейских газет не является возможным. Местами утешают статьями «О тяжелом положении большевистской армии»: «Из официальных источников передают, что армия находится в таком моральном состоянии, что не выдержит даже слабого натиска».

Результатом нашего «панического страха» было то, что наша армия перешла Урал и заняла Челябинск.

Когда Колчак опять начал наступать к Тоболу, опять появляются в белогвардейских газетах статьи: «Наша армия победным маршем идет на Урал возвращать русскому народу матушку Москву».

Эти географические ошибки белых журналистов разбила 5-я армия одним ударом, вступив в Петропавловск и Омск. И пришлось белой журналистике писать, что уже Деникин взял Москву, а Юденич Петроград.

Наша армия характеризуется в «Енисейском вестнике» как «красный зверь, ошалевший от голода в России, который безудержно двинулся в Сибирь». Конец приближается.

В «Енисейском вестнике» пишет епископ енисейский Назарий: «Верующей пастве церкви Енисейской настал последний час, когда решается вопрос, быть или не быть нам. Что всегда спасало русский народ в критические моменты его жизни? Вера в бога. Облекитесь и вооружитесь верою.

Я зову вас к всенародному покаянию перед Пресвятой Богородицей, исконной заступницей и спасительницей Святой Руси.

Да спасет вас она от окончательной гибели».

Но штыки 5-й армии оказались сильнее.

В день годовщины белогвардейская печать отошла в область истории.

5-я армия уничтожила и этого покойника реакции.

ЧЕМ БОЛЕН АППАРАТ ЭКСПЕДИЦИИ

Тов. Преображенский в «Правде», в статье «Как мы распределяем литературу», пишет: «Бумаги у нас мало, литературы для рабочих и крестьян мы издаем в очень ограниченном количестве экземпляров. Казалось бы, при таком положении мы должны были бы распределять литературу с наибольшей пользой для дела, между тем дело обстоит как раз наоборот».

То же самое можно сказать и про армию. Для всякого, кто наблюдает за работой экспедиций и как распределяется литература на местах, ясно, что аппарат экспедиции не налажен, несмотря на благоприятный период остановки армии, когда можно развернуть и усовершенствовать работу экспедиции и ликвидировать все недостатки прошлого периода, когда армия двигалась вперед и постоянно изменялось расположение линий, при этих условиях о правильном распределении, приеме и доставке литературы на место говорить не приходится.

Главным злом в настоящее время является шаблон.

Экспедиция есть часть отдела снабжения, и с литературой поступают наравне с продуктами.

Нет никакой идейной разверстки. Все шаблон. На лицо в части столько-то и столько-то — полагается столько-то.

Экспедиция не принимает во внимание ни политического состояния части, ни нужды ячеек, ни грамотности, ни изголодавшихся по литературе.

Экспедиция армии не имеет связи с аппаратом экспедиции на местах, и наоборот.

Как яркий пример последнего служит начальник экспедиции Подива, находящегося в одном городе с Поармом, который ни разу не был в экспедиции Поарма.

Экспедиция Поарма не имеет связи с железнодорожной администрацией, в результате чего многие начальники станций, как, например, на ст. Михайлово Утулик, отказываются от приемки литературы.

Не лучше обстоит дело и с некоторыми агитпунктами, как, например, на ст. Тайга, где никогда не бывает приемщика.

В Канске лежит литература по несколько дней, и, хотя там стоят несколько частей, не высылают приемщиков.

Связь с частями самая скверная, и многие относятся к литературе халатно.

Экспедиции неизвестно расположение частей, и бывают случаи, что литература гонялась взад-вперед по линии жел. дороги.

Не так давно еще снабжались части в районе ст. Тайга литературой из центра, экспедицией Поарма из Иркутска, когда под носом находится в Новоиколаевске отделение нашей экспедиции, и так в Тайгу попадала литература с задержкой на 12 дней. Что касается распределения литературы на местах, это самая печальная картина. Партийная литература попадает к людям, очень мало нуждающимся в таковой,— беспартийным военнослужащим штабов и только в самом ограниченном количестве к рядовым грамотным красноармейским массам и в ячейки, для широкого использования.

Именно печальна судьба центральных газет в штабах, командах. Они являются в руках беспартийных «тыловых крыс» оберточной бумагой для полученных продуктов из хозяйства.

Центр пишет, печатает, как говорит тов. Преображенский, для масс трудящихся, нуждающихся в знании, но литература не доходит по назначению.

Вполне прав тов. Преображенский, что надо предавать суду тех, кто бессовестно отнимает у трудящихся масс литературу.

Эту угрозу мы должны исполнить на деле в армии, и мы исполним.

Преследование таких несознательных обжор литературы есть залог оздоровления экспедиции на местах. Ячейки должны строго следить за тем, кому попадается литература, сколько получается из экспедиции Поарма и сколько приходит в часть.

Литература не смеет оседать, она должна быть в движении. С другой стороны, экспедиция армии должна вести и направлять работу экспедиционного аппарата в частях, инструктировать, иметь живую связь, контролировать. Укрепление и реорганизация экспедиционной базы Поарма должны быть равносильны укреплению экспедиции на местах.

Сама экспедиция Поарма должна сбросить с себя шаблон, не быть мертвым аппаратом цифр. Она должна быть строго согласована не только с точным сведением о численности и расположении частей, но главным образом с политической и культпросветработой в частях.

Она должна учитывать грамотность политического воспитания, классовый состав красноармейских масс в части и уяснить себе кривую снабжения частей литературой.

Информация, организационная часть и культпросвет Поарма должны ей дать материал и заставить ее идти по определенным путям, на которые оказывают решающее влияние жизненные нужды, а не мертвые цифры.

То же самое должна она требовать и на местах.

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

1920—1922

ЮБИЛЕЙНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Летом 1918 года в Самаре была создана армия контрреволюционного Учредительного собрания*, руководители которого позже, к зиме, были повешены или другим путем отправлены на тот свет адмиралом Колчаком.

В ту пору в Самарской губернии наливалась пшеница и приближался сенокос. В Самаре чрезвычайные полевые суды выводили из тюрем рабочих и работниц и расстреливали их за кирпичными заводами. В городе и окрестностях рыскала контрразведка нового контрреволюционного правительства, которое поддерживали купцы и чиновники, снова повыползавшие из своих углов и развлекавшиеся доносами.

В это трудное время, когда мне на каждом шагу угрожала смерть, я счел за благоразумное податься в Большую Каменку, лежавшую на северо-восток от Самары. Там живет часть поволжской мордвы. Это очень добродушные и наивные люди. Мордва сравнительно недавно была обращена в христианство и поэтому еще сохранила здоровые языческие обычаи; собственно, и христианство-то они приняли только для того, чтобы не иметь хлопот с царскими приставами. Прежде у них было великое множество богов, но православная церковь сократила их количество до трех, поэтому «батюшка» не пользовался у них большой любовью, и, когда произошла революция, они в одной волости, например, утопили всех «батюшек» вместе с дьячками.

Когда я бежал из города курсом на северо-восток, по дороге меня догнала крестьянская подвода, на которой сидел мордвин.

— Куда путь держишь, милый человек? — окликнул он меня, останавливая подводу, доверху нагруженную капустой.

— Да так себе, — ответил я, — прогуливаюсь.

— Вот и ладно, — многозначительно произнес мордвин. — Гуляй, гуляй, голубок. В Самаре казаки народ режут. Садись-ка на телегу да поедем дальше. Страшные дела творятся в Самаре. Везу это я на базар капусту, а навстречу мне лукашевский Петр Романович из Самары едет. «Вертайся, — говорит, — назад, казаки возле Самарских дач у всех капусту забирают. У меня все взяли, а соседа Дмитриевича зарубили. «Смилуйтесь, братцы, — говорит он им, — негоже православных посреди дороги грабить. Мы на базар едем». А казаки ему: «Теперь наше право, — и стащили с телеги. — Видали, — говорят, — сволочь какая, наверняка, — говорят, — в сельском Совете служит».

Мордвин пристально посмотрел на меня, и в его глазах я прочел, что он совершенно убежден в том, что и я бегу оттуда.

— Да, — начал он осторожно, — хорошую погоду выбрал ты себе для прогулки. Ну, ничего, у мордвинов переждешь, пока эта заваруха кончится. Народ натерпелся вдоволь, а теперь у нас земля, поле есть, только помещики, значит, да генералы снова хотят над нашим братом командовать, измываться. Так что ты гляди, с кулаками держи ухо востро. Дня через два-три сюда разъезды оренбургских казаков заявятся. Наши сказывали, их уже видали под Бузулуком. А с той стороны какие-то к Ставрополю тянутся. По ночам артиллерию слышать и зарево большое от пожаров видно. Ладно, давай закурим, у меня махорка есть.

Он достал холщовый кисет с махоркой, вынул из него бумагу, мы скрутили себе сигарки и продолжали разговор.

— А ты из каких мест будешь? — спросил крестьянин. — Издалека?

— Издалека, дяденька.

— А у вас тоже бои идут?

— Нет, у нас тихо, спокойно.

— Понятно, заскучал, значит, там. А тут теперь ничего другого не остается, как бежать. Кабы б тебе удалось за Волгу перебраться... Там ни купцов, ни генералов с помещиками. Большую силу собирают там против этих, самарских. Ты не беспокойся, голубок, к вечеру до места доберемся, я тебе одежонку дам мордовскую. И лапти дам, а утром пойдешь себе в Большую Каменку. Еды себе расстарайся. Приобвыкнешь, а потом глядишь, и к своим доберешься.

II

На другое утро, когда я продолжал свой путь дальше на северо-восток, меня было не узнать. К полудню я дошел до какой-то татарской деревушки, миновал ее, но за околицей меня догнал татарин и коротко спросил:

— Бежишь?— После такого вступления он сунул мне в руки каравай хлеба и повернул обратно, напутствовав словами: — Саям алейкум!

Примерно через полчаса меня догнал другой татарин из этой же деревни и на невероятно ломаном русском языке предупредил, чтоб я не шел по дороге, а возле леса свернул по оврагу к речке, а потом поднялся вверх по берегу...

При этом он все время повторял:

— Казаки, дорога, есть, казаки, коя барасин¹.— На прощанье он протянул мне пачку махорки, коробок спичек и газету на цигарки, прибавив: — Татар бедная, генерала сволочь, генер кихнет.

Я съел хлеб в овраге над рекой, на опушке небольшой рошцы.

Возле меня, в траве, повторялись самарские события. Жирный муравей-воитель пожирал маленького муравьишку, который полминуты назад еще тащил кусок коры на совместную стройку нового жилища.

К вечеру того же дня я добрался до Большой Каменки. Войдя в крайний дом, я поклонился перед висевшей

¹ Куда идешь (тат.)

в углу иконой, поздоровался с хозяевами и подсел к столу. На столе стояла большая миска салмы, картофельной похлебки, в которой плавали клецки из белой муки и накрошенный зеленый лук. Хозяйка принесла деревянную ложку, положила ее передо мной и пригласила поужинать с ними. Хозяин придвинул ко мне хлеб и нож. Никто меня ни о чем не спрашивал. Круглые добродушные лица мордвинов не выражали никакого особенного любопытства.

Когда мы поели, хозяин объявил мне, что я буду спать на сеновале.

Только после этого завязалась беседа:

— Издалека будешь?

— Издалека, хозяин.

— Бежишь? Сразу видно, что бежишь: ни онучи толком закрутить не умеешь, ни лапти лыком подвязать по-нашему. Не скроешь, милый человек, что из Самары убежал. Кирпичи делать умеешь?

На всякий случай я сказал, что умею.

(На этом рукопись обрывается.)

КОМЕНДАНТ ГОРОДА БУГУЛЬМЫ

В начале октября 1918 года Революционный Военный Совет левобережной группы в Симбирске назначил меня комендантом города Бугульмы *. Я обратился к председателю Каюрову *.

— А вам точно известно, что Бугульма уже взята нашими?

— Точных сведений у нас нет,—ответил он.—Весьма сомневаюсь, что она уже сейчас в наших руках, но надеюсь, что, пока вы туда доберетесь, мы ее займем.

— А будет у меня какое-нибудь сопровождение? — спросил я тихим голосом.— И еще одно: как я туда доеду? Да и где она, собственно, находится?

— Сопровождение вы получите. Мы вам даем команду из двенадцати человек. А что касается второго, посмотрите по карте. Думаете, у меня только и забот, что помнить, где лежит какая-то там Бугульма?

— Еще один вопрос, товарищ Каюров: где я получу деньги на дорогу и прочие расходы?

Моя наивность заставила его всплеснуть руками.

— Да вы с ума сошли! Вы же будете проезжать деревнями, где вас накормят и напоят. А на Бугульму наложите контрибуцию...

Внизу, в караулке, меня уже ждала моя «свита» — двенадцать статных парней чувашей, которые очень плохо понимали по-русски. Я даже никак не мог у них добиться, мобилизованы они или же добровольцы.

Но их боевой, устрашающий вид позволял предполагать, что скорее всего это были добровольцы, готовые на все.

Получив мандат и командировочное удостоверение, в котором весьма внушительно предлагалось всем гражданам от Симбирска до Бугульмы оказывать мне всевозможную помощь, я отправился со своими провожатыми на пароход, и мы пустились в путь по Волге, затем по Каме до Чистополя.

Дорогой никаких особых происшествий не случилось, если не считать что один чуваш из моей команды, напившись, свалился с палубы и утонул.

Итак, у меня осталось одиннадцать провожатых. Когда мы в Чистополе сошли с парохода, один из них вызвался пойти за подводой, и... только мы его и видели. Мы решили, что он, наверно, захотел повидаться со своими родителями, поскольку от Чистополя до его родной деревни что-то не больше сорока верст. Осталось десять провожатых...

После долгих расспросов у местных жителей я наконец-то все записал: и где находится эта Бугульма и как до нее добраться. Оставшиеся чувашаи достали подводы, и по непролазной грязи мы тронулись на Крачалгу, затем — через Еланово, Москово, Гулуково, Айбашево.

Во всех этих деревнях живут татары, только в Гулукове есть и черемисы.

Поскольку между чувашами, лет пятьдесят тому назад принявшими христианство, и черемисами, которые и по сей день остаются язычниками, господствует страшная вражда, в Гулукове у нас произошло небольшое столкновение. Мои вооруженные до зубов чувашаи, совершив обход деревни, приволокли ко мне старосту — Давледбея Шакира, который держал в руках клетку с тремя белыми белками. Один из чувашей, тот, что лучше других умел говорить по-русски, дал мне такое разъяснение:

— Чувашаи — православные... один, десять, тридцать, пятьдесят годов. Черемисы — поганые свиньи.

Вырвав из рук Давледбея Шакира клетку с белками, он продолжал:

— Белая белка— это их бог. Один, два, три бога. Этот человек их поп. Он скачет вместе с белками, скачет, молится им... Ты его окрестишь...

Чуваши выглядели столь угрожающе, что я велел принести воды, покропил Давледбея Шакира, бормоча нечто невразумительное, и после этого отпустил его.

Потом мои молодцы забрали всех черемисских богов и... теперь я могу заверить каждого, что суп из черемисского господа бога получился просто замечательный.

Затем меня навестил также магометанский мулла Абдулгалей, который выразил свое удовлетворение тем, что мы этих белок съели.

— Каждый должен во что-то верить,— изрек он.— Но белки... это свинство. С дерева на дерево скачет, а посадишь в клетку — гадит. Хорош господь бог!

Он принес нам много жареной баранины и трех гусей и заверил, что если вдруг ночью черемисы взбунтуются, то все татары будут с нами.

Но ничего не произошло, поскольку, как сказал Давледбей Шакир, явившийся утром к нашему отъезду, белок в лесу сколько угодно...

Наконец мы проехали Айбашево и к вечеру без всяких приключений добрались до Малой Письмянки, русской деревни в двадцати верстах от Бугульмы.

Местные жители были хорошо информированы о том, что делается в Бугульме. Белые три дня тому назад без боя оставили город, а советские войска стоят по другую сторону города и не решаются войти, чтобы не попасть в засаду. В городе безвластие, и городской голова вместе со всем городским управлением уже два дня ожидает с хлебом и солью, чтобы почтить того, кто первым вступит в город.

Я отправил вперед чуваша, который умел говорить по-русски, и утром мы двинулись к Бугульме.

На границе города нас встретила огромная толпа народа. Городской голова держал на подносе каравай хлеба и солонку с солью.

В своей речи он выразил надежду, что я смилуюсь над городом. И я почувствовал себя по меньшей мере Жижкой * перед Прагой, особенно когда заметил в толпе группу школьников.

Отрезав кусок хлеба и посыпав его солью, я в длинной речи поблагодарил присутствующих и заверил, что прибыл не для того, чтобы лишь провозглашать лозунги, но что моим стремлением будет установить спокойствие и порядок.

Напоследок я расцеловался с городским головой, пожал руки представителям православного духовенства и направился в городскую управу, где было отведено помещение для комендатуры.

Затем я велел расклеить по всему городу приказ № 1 следующего содержания:

«Граждане!

Благодарю вас за искренний и теплый прием и за угощение хлебом-солью. Сохраняйте всегда свои старые славянские обычаи, против которых я ничего не имею. Но прошу не забывать, что у меня как у коменданта города есть также свои обязанности. Поэтому прошу вас, дорогие друзья, завтра к 12 часам дня сдать все имеющееся у вас оружие в городскую управу, в помещение комендатуры.

Я никому не угрожаю, но напоминаю, что город находится на военном положении.

Сообщаю также, что имею полномочия наложить на Бугульму контрибуцию, но настоящим приказом город от контрибуции освобождаю.

Подпись».

К двенадцати часам следующего дня площадь наполнилась вооруженными людьми. Их было не меньше тысячи человек, все с винтовками, а некоторые притащили и пулеметы.

Наша маленькая группа из одиннадцати человек совсем бы потерялась в такой лавине людей, но они пришли сдавать оружие. Эта процедура затянулась до самого вечера, причем я каждому пожимал руку и говорил несколько теплых слов.

На следующее утро я распорядился напечатать и расклеить везде приказ № 2:

Приношу благодарность всему населению города Бугульмы за точное исполнение приказа № 1.

Подпись».

В тот день я спокойно отправился спать, не предчувствуя, что над моей головой уже навис дамоклов меч в образе Тверского Революционного полка.

Как я уже сказал, советские войска стояли недалеко от Бугульмы — на расстоянии примерно пятнадцати верст к югу от города — и не решались вступить в него, опасаясь ловушки. В конце концов они получили приказ от Революционного Военного Совета из Симбирска во что бы то ни стало овладеть Бугульмой и создать тем самым базу для советских войск, оперирующих к востоку от города.

В результате командир Тверского полка товарищ Ерохимов отважился в ту ночь на завоевание Бугульмы, где я уже третий день был комендантом города и в страхе божием исполнял свои обязанности, ко всеобщему удовлетворению всех слоев населения.

«Ворвавшись» в город и проходя улицами, Тверской полк сотрясал воздух залпами. Сопrotивление оказал ему только патруль из двух моих чувашей, разбуженных на посту у комендатуры, которые не хотели пустить внутрь здания товарища Ерохимова, шествовавшего во главе своего полка с револьвером в руках, чтобы овладеть городской управой.

Чувашей арестовали, и Ерохимов вступил в мою канцелярию (она же и спальня).

— Руки вверх! — воскликнул он, упоенный победой, направляя на меня револьвер.

Я спокойно поднял руки кверху.

— Кто такой? — начал допрос командир Тверского полка.

— Комендант города.

— От белых или от советских войск?

— От советских. Могу я опустить руки?

— Можете. Но, согласно военному праву, вы должны немедленно передать мне управление городом. Я завоевал Бугульму.

— Но я был назначен,— возразил я.

— К черту такое назначение! Сначала нужно уметь завоевать! Впрочем... Знаете что...— великодушно добавил он после паузы, — я назначу вас своим адъютантом. Если не согласитесь, через пять минут будете расстреляны!

— Я не возражаю против того, чтобы быть вашим адъютантом,— ответил я и позвал своего вестового: — Василий, поставь-ка самовар. Попьем чайку с новым комендантом города, который только что завоевал Бугульму...

Что слава? Дым...

АДЬЮТАНТ КОМЕНДАНТА ГОРОДА БУГУЛЬМЫ

Первой моей заботой было освободить арестованных чувашей. Потом я пошел досыпать — наверстывать упущенное из-за переворота в городе.

Проснувшись к полудню, я установил: во-первых, что все мои чувашаи таинственно исчезли, оставив засунутую в мой сапог записку весьма невразумительного содержания: «Товарищ Гашек. Много помощи искать туда, сюда. Товарищ Ерохимов секим-башка»; и во-вторых, — что товарищ Ерохимов с утра потеет над составлением своего первого приказа к населению города.

— Товарищ адъютант, — обратился он ко мне. — Как вы думаете, так будет хорошо?

Из груды проектов приказа он взял листочек с перечеркнутыми строками и вставленными словами и начал читать:

«Всему населению Бугульмы!

В связи с занятием мною Бугульмы с сегодняшнего дня я беру управление городом в свои руки. Бывшего коменданта за неспособность и трусость я отстраняю от должности и назначаю его своим адъютантом.

Комендант города *Ерохимов*».

— Да, здесь сказано все, — похвалил я. — А что вы собираетесь делать дальше?

— Прежде всего, — ответил он торжественно и важно, — объявляю мобилизацию конского состава. Потом прикажу расстрелять городского голову и возьму десять

заложников из местной буржуазии. Пусть сидят в тюрьме до окончания гражданской войны... Затем я произведу в городе повальные обыски и запрещу свободную торговлю... На первый день этого хватит, а завтра еще что-нибудь придумаю.

— Разрешите мне сказать,— попросил я.— Не имею решительно никаких возражений против мобилизации конского состава, но решительно протестую против расстрела городского головы, который встретил меня хлебом и солью.

Ерохимов вскочил.

— Вас встречал, а ко мне даже не изволил явиться!

— Это можно исправить. Пошлем за ним.

Я сел к столу и написал:

«Комендатура города Бугульмы.

№ 2891

Действующая армия.

Городскому голове города Бугульмы.

Приказываю вам немедленно явиться с хлебом и солью по старославянскому обычаю к новому коменданту города.

Комендант города *Ерохимов*.
Адъютант *Гашек*».

Подписывая это, Ерохимов добавил: «В противном случае будете расстреляны, а дом ваш сожжен».

— На официальных бумагах,— заметил я,— не полагается делать подобных приписок, иначе они будут недействительны.

Я переписал послание, восстановив первоначальный текст, дал Ерохимову на подпись и отослал с вестовым.

— Затем,— обратился я к Ерохимову,— я категорически возражаю против того, чтобы посадить в тюрьму и держать там до окончания гражданской войны десятерых заложников из местной буржуазии. Такие вещи решает лишь Революционный Трибунал.

— Революционный Трибунал,— важно возразил Ерохимов,— это мы. Город в наших руках.

— Ошибаетесь, товарищ Ерохимов. Что такое мы? Ничтожная двоица — комендант города и его адъютант.

Революционный Трибунал назначается Революционным Советом Восточного фронта. Понравилось бы вам, если бы вас поставили к стенке?

— Ну, ладно,— отозвался со вздохом Ерохимов.— Но повальные обыски в городе — этого-то уж нам никто не может запретить.

— Согласно декрету от 18 июня 1918 года,— ответил я,— повальные обыски могут быть проведены лишь с санкции Местного Революционного Комитета или Совета. Поскольку таковой здесь еще не существует, отложим это дело на более позднее время.

— Вы просто ангел,— нежно сказал Ерохимов.— Без вас я пропал бы. Но со свободной торговлей мы должны покончить раз и навсегда!

— Большинство из тех,— продолжал я,— кто занимается торговлей и ездит на базары,— это крестьяне, мужики, которые не умеют ни читать, ни писать. Чтобы прочесть наши приказы и понять, о чем в них идет речь, им нужно сначала научиться грамоте. Думаю, что прежде всего мы должны научить все неграмотное население читать и писать, добиться, чтобы они понимали, чего мы от них хотим, а потом уже издавать всякие приказы, в том числе и о мобилизации конского состава.

Ну, вот скажите мне, товарищ Ерохимов, зачем вам нужна эта мобилизация лошадей? Ведь не собираетесь же вы превратить пехотный Тверской полк в кавалерийскую дивизию. Учтите, что на это существует инспектор по формированию войск левобережной группы.

— Пожалуй, вы опять правы,— снова со вздохом согласился Ерохимов.— Что же мне теперь делать?

— Учите население Бугульминского уезда читать и писать,— ответил я.— Что же касается меня, пойду посмотрю, не вытворяют ли ваши молодцы какие-нибудь глупости, да проверю, как они разместились.

Я вышел из комендатуры и отправился в обход по городу. Солдаты Тверского революционного полка вели себя вполне прилично. Никого не обижали, подружились с населением, попивали чай, ели «пеле-меле», хлебали щи, борщ, делились своей махоркой и сахаром с хозяевами — словом, все было в порядке.

Пошел я посмотреть, что делается и на Малой Бугульме, где был размещен первый батальон полка. Там

я нашел ту же идиллию: пили чай, ели борщ и держались дружески.

Возвращаясь поздно вечером, я увидел на углу площади свежий плакат, который гласил:

«Всему населению Бугульмы и уезда!

Приказываю, чтобы все жители города и уезда, которые не умеют читать и писать, научились этому в течение трех дней. Кто по истечении этого срока будет признан неграмотным, подлежит расстрелу.

Комендант города *Ерохимов*».

Когда я пришел к Ерохимову, он сидел с городским головой, который, кроме хлеба и соли, аккуратно сложенных на столе, захватил с собой и несколько бутылок старой литовской водки. Ерохимов был в великолепном настроении и дружески обнимался с городским головой. Он встретил меня словами:

— Читали? Видите, как я выполняю ваши советы? Я сам пошел с этим в типографию. Пригрозил заведующему револьвером: «Немедленно напечатай, голубчик, а то я тебя, сукина сына, пристрелю на месте!» Тот, сволочь, аж затрясся весь, а как прочел, его начало трясти еще сильнее. А я — бац в потолок!.. Ну и напечатал. Здорово напечатал! Уметь читать и писать — это великое дело! Издал приказ — все читают, все понимают, и все довольны. Верно, голова? Выпейте, товарищ Гашек.

Я отказался.

— Ты будешь пить или нет?! — крикнул он угрожающе.

Я вытащил револьвер и выстрелил в бутылку с литовской водкой. Потом нацелил его на своего начальника и выразительно произнес:

— Или ты сейчас же идешь спать, или...

— Иду, иду, голубчик, душенька, это я так... Немножко повеселиться, погулять...

Я отвел Ерохимова и, уложив его, вернулся к городскому голове:

— На первый раз я вам это прощаю. Можете идти домой и будьте довольны, что так легко отделались!

Ерохимов спал до двух часов следующего дня. Проснувшись, он послал за мной и, неуверенно глядя на меня, спросил:

— Вы, кажется, хотели вчера меня застрелить?

— Совершенно верно,— ответил я.— Хотел тем самым предотвратить то, что сделал бы с вами Революционный Трибунал, узнав, что вы, будучи комендантом города, позволили себе выпить.

— Голубчик, я надеюсь, что вы об этом никому не скажете. Я больше не буду. Буду учить людей грамоте...

Вечером появилась первая депутация крестьян из Карлачинской волости: шесть старушек в возрасте от 60 до 80 лет и пять старичков примерно такого же возраста.

Они упали мне в ноги:

— Батюшка, не губи ты души наши. Не одолеть нам грамоты за три дня. Голова уж не та стала. Спаситель ты наш! Смилуйся над волостью!

— Приказ недействителен,— ответил я.— Все это навтыорил тот глупец, комендант города Ерохимов.

Ночью пришло еще несколько депутатий. Но наутро по всему городу были расклеены новые объявления, такие же разсланы были и по всем деревням Бугульминского уезда. Текст гласил:

«Всему населению Бугульмы и уезда!

Сообщаю, что я сместил коменданта города товарища Ерохимова и снова приступаю к своим обязанностям. Тем самым его приказ № 1 и приказ № 2, касающийся ликвидации неграмотности в течение трех дней, отменяется.

Комендант города *Гашек*».

Теперь я мог себе это позволить, так как ночью в город вступил Петроградский кавалерийский полк, который привели мои чувашы.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Итак, я сместил Ерохимова с поста коменданта, и он отдал приказ Тверскому полку в полном боевом порядке выступить из Бугульмы и расположиться в ее окрестностях, а сам пришел попрощаться со мной.

На прощание я заверил его, что если он со своим полком попытается еще раз выкинуть какую-нибудь штуку, то Тверской полк будет разоружен, ему же придется познакомиться с Революционным Военным Трибуналом фронта. В конце концов играем в открытую.

Ерохимов, со своей стороны, не преминул с полной искренностью пообещать мне, что, как только Петроградский полк покинет город, я буду повешен на холме над Малой Бугульмой, откуда буду хорошо виден со всех сторон.

Расстались мы лучшими друзьями.

Теперь нужно было подумать, как поудобнее разместить петроградскую кавалерию, состоящую сплошь из добровольцев. Мне хотелось, чтобы петроградским молодцам понравилось в Бугульме.

Кого же послать убраться в казармах, вымыть там полы и вообще навести в них порядок? Разумеется, того, кто ничего не делает. Но из местных жителей каждый чем-то занят, где-то работает...

Долго размышлял я, пока наконец не вспомнил, что в Бугульме есть большой женский монастырь Пресвятой богородицы, где монашенки томятся от безделья: только молятся да сплетничают друг про друга.

Я составил следующее официальное предписание игуменье монастыря:

«Военная комендатура г. Бугульмы.
№ 3896.

Действующая армия.
Гражданке игуменье монастыря
Пресвятой богородицы.

Немедленно направьте пятьдесят монастырских девиц в распоряжение Петроградского кавалерийского полка. Пошлите их прямо в казармы.

Главный комендант города *Гашек*».

Предписание было отослано. Не прошло и получаса, как из монастыря донесся необычайно гулкий, могучий трезвон. Гудели и рыдали все колокола монастыря Пресвятой богородицы, и им отвечали колокола городского храма.

Вестогой доложил, что старший священник главного собора с местным духовенством просят принять их. Я согласился, и в канцелярию сразу ввалилось несколько бородатых попов. Их главный парламентар выступил вперед:

— Господин товарищ комендант, обращаюсь к вам не только от имени местного духовенства, но и от всей православной церкви. Не губите невинных дев — невест Христовых! Мы только что получили весть из монастыря, что вы требуете пятьдесят монахинь для Петроградского кавалерийского полка. Вспомните, что есть над нами господь!

— Над нами, между прочим, только потолок, — ответил я. — Что же касается монашенок, — приказ должен быть выполнен. В казармы нужно их пятьдесят. Если же окажется, что там хватит тридцати, остальных двадцать я отошлю обратно. Но если пятидесяти будет недостаточно, возьму из монастыря сто, двести, триста. Мне все равно.

А вас, господа, ставлю в известность, что вы вмешиваетесь в служебные распоряжения, по сему случаю

я должен наложить на вас взыскание. Каждый из присутствующих должен будет доставить сюда три фунта восковых свечей, дюжину яиц и фунт масла. Вас же, гражданин старший священник, уполномочиваю выяснить у игуменьи, когда она придет мне своих пятьдесят монашенок. Скажите ей, что они действительно очень нужны и что они вернутся обратно. Ни одна не пропадет.

В скорбном молчании покидало православное духовенство мою канцелярию. В дверях старший, с самыми длинными усами и бородой, обернулся ко мне:

— Памятуйте: есть над нами господь!

— Пардон,— ответил я,— вы принесете не три, а пять фунтов свечей.

Был ясный октябрьский день. Ударил крепкий морозец и сковал проклятую бугульминскую грязь. Улицы начали заполняться людьми, которые спешили к храму. Торжественно и величаво звонили колокола в городе и в монастыре. Это был уже не набат, как незадолго перед тем, сейчас они созывали православную Бугульму на крестный ход.

Лишь в самые тяжкие времена устраивался в Бугульме крестный ход: когда город осаждали татары, когда свирепствовали чума и черная оспа, когда разразилась война, когда застрелили царя, и... вот теперь.

Колокола звонят жалобно, как будто собираются расплакаться.

Вот открываются монастырские врата. В них появляется процессия с иконами и хоругвями. Четыре старейшие монахини во главе с игуменьей несут большую тяжелую икону, с которой испуганно взирает пресвятая богородица. За иконой— череда монашенок, старых и молодых, все в черном. Звучит скорбное песнопение.

...И повели его, чтобы распять его...

Там распяли его и с ним двух других по ту и по другую сторону...

Тут из храма выходит бугульминское духовенство в ризах, расшитых золотом; за ним с иконами православный люд.

Оба шествия сливаются воедино, раздаются возгла-

сы: «Христос живет! Христос царствует! Христос побеждает!»

И все это множество людей затягивает псалом:

В день скорби мой взываю к тебе...

Крестный ход огибает храм и направляется к комендатуре, где я подготовил уже приличествующую случаю встречу. Перед домом поставлен накрытый белой скатертью стол, на нем каравай хлеба и солонка с солью; в правом углу икона с горящей перед нею свечой.

Когда голова процессии приближается к комендатуре, я важно выхожу навстречу и прошу игуменью принять хлеб-соль в знак того, что не питаю никаких враждебных умыслов. Предлагаю православному духовенству также отведать хлеба-соли. Подходят один за другим и прикладываются к иконе.

— Православные,— произношу торжественно,— благодарю вас за прекрасный и необычайно занимательный крестный ход. Мне пришлось видеть его впервые в жизни, и он произвел на меня незабываемое впечатление. Я вижу здесь поющую массу монахинь, это напоминает шествия первых христиан во времена императора Нерона. Может быть, кто-нибудь из вас читал роман Сенкевича «Quo vadis?»¹.

Не хочу долго злоупотреблять вашим терпением. Я просил всего пятьдесят монашенок, но уж если здесь собрался весь монастырь, дело пойдет гораздо быстрее. Прошу барышень-монашенок отправиться со мною в казармы.

Люди стоят передо мной с обнаженными головами и поют:

Небеса проповедуют славу божию,
и о делах рук его вещает твердь...

Выступает вперед игуменья — старенькая, подбородок у нее трясется — и спрашивает:

— Во имя господа бога, что мы там будем делать? Не губи душу свою!

¹ «Куда идешь?» (лат.). Издан в России под названием «Камо грядеши?».

— Православные! — кричу я в толпу.— Там нужно вымыть полы и привести все в порядок, чтобы можно было разместить Петроградский кавалерийский полк! Идемте!

Крестный ход поворачивает за мной, и к вечеру — при таком-то количестве старательных рук! — казармы блистали образцовой чистотой.

Вечером молодая монашенка принесла мне маленькую иконку и письмо от старушки игуменьи с одной лишь простой фразой: «Молюсь за вас».

Теперь я сплю спокойно, потому что знаю, что еще и сейчас под старыми дубовыми лесами Бугульмы стоит монастырь Пресвятой богородицы, где живет старушка игуменья, которая молится за меня, грешного.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

В конце октября 1918 года ко мне в комендатуру поступил приказ Революционного Военного Совета Восточного фронта: «Шестнадцатый дивизион легкой артиллерии в походе. Подготовьте сани для отправки дивизиона на позиции».

Эта телеграмма повергла меня в страшное замешательство. Что может представлять собою такой дивизион? Сколько тысяч людей в его составе? Где я возьму такую уйму саней?

В военных делах я был полнейший профан. В свое время Австрия не предоставила мне возможности получить настоящее военное образование и всеми силами сопротивлялась моему стремлению проникнуть в таинство военного искусства.

Еще в начале войны меня исключили из офицерской школы 91-го пехотного полка, а потом спорили и нашивки одногодичного вольноопределяющегося. И в то время, как мои бывшие коллеги получали звания кадетов и прапорщиков и гибли, как мухи, на всех фронтах, я обживал казарменные кутузки в Будейовицах и в Мосте на Литаве. А когда меня наконец отпустили и собрались отправить с «маршкумпачкой»¹ на фронт, я скрылся в стogu и пережил таким образом три «маршкумпачки».

Потом я симулировал эпилепсию, и меня чуть было не расстреляли; пришлось проситься на фронт «добровольно».

¹ «Маршкумпачка» — маршевая рота (чешск. солдатск. жаргон).

С тех пор счастье мне улыбалось. Во время похода к Самбору * я присмотрел для господина поручика Лукаша квартиру с очаровательной полькой и великолепной кухней — и меня сделали ординарцем. Когда же, позднее, в окопах под Сокалем, у нашего батальонного командира завелись вши, я обобрал их с него, натер своего начальника ртутной мазью — и был награжден большой серебряной медалью «За храбрость».

Но при всем этом никто не посвящал меня в тайны военного искусства. Я и до сих пор не представляю себе, сколько полков в батальоне и сколько рот в бригаде. А теперь в Бугульме я должен был знать, сколько потребуется саней для отправки на фронт дивизиона легкой артиллерии. Ни один из моих чувашей этого также не знал, за что я присудил их условно к трехдневному заключению. Если в течение года они каким-нибудь путем разузнают это, наказание с них снимется.

Я велел позвать городского голову и строго сказал ему:

— Ко мне поступили сведения, что вы скрываете от меня, сколько человек входит в дивизион легкой артиллерии.

В первый момент у него просто язык отнялся. Потом он упал на колени и, обнимая мне ноги, запричитал:

— Ради господина бога не губи меня! Я никогда ничего подобного не распространял!

Я поднял его, угостил чаем, махоркой и отпустил, заверив, что убедился в его полной невинности в данном случае.

Он ушел растроганный и вскоре прислал мне жареной свинины и миску маринованных грибов. Я все это съел, но все еще не знал, сколько же людей в дивизионе и сколько для них потребуется саней.

Пришлось послать за командиром Петроградского кавалерийского полка. В разговоре я попытался незаметно подвести его к нужной теме.

— Это просто удивительно, — начал я, — что Центр все время изменяет количественный состав в дивизионах легкой артиллерии. Особенно сейчас, когда создается Красная Армия. В связи с этим возникает масса всяких неудобств. Вы не знаете случайно, товарищ командир, сколько раньше было солдат в дивизионах?

Он сплюнул и ответил:

— Вообще-то мы, кавалеристы, не имеем дела с артиллерией. Я, например, сам не знаю, сколько у меня должно быть солдат в полку, потому что не получал на этот счет никаких директив. Мне был дан приказ создать полк, ну, я его и создал. У одного есть приятель, у другого — тоже приятель, вот так понемногу и набралось. Если людей будет слишком много, назову хотя бы бригадой.

Когда он ушел, я знал ровно столько же, сколько и раньше, и в довершение всех несчастий получил из Симбирска еще одну телеграмму: «В связи с критической ситуацией на фронте вы назначаетесь командующим фронтом. В случае прорыва наших позиций на реке Ик сосредоточьте полки на позиции Ключево — Бугульма. Создайте Чрезвычайную комиссию для охраны города и держитесь до последнего солдата. Эвакуацию города начать с приближением противника на расстояние пятидесяти верст. Мобилизуйте население в возрасте до пятидесяти двух лет и раздайте оружие. В последний момент взорвите железнодорожный мост через Ик и у Ключева. Пошлите на разведку бронепоезд и взорвите пути...»

Телеграмма выпала у меня из рук. И лишь немного опомнившись от потрясения, я дочитал ее до конца:

«...Подожгите элеватор. Что нельзя будет вывезти — уничтожьте. Ожидайте подкреплений. Позаботьтесь о размещении войск и обеспечении их довольствием. Организуйте военную подготовку и регулярную доставку боеприпасов на позиции. Приступите к изданию газеты на русском и татарском языках для информации и успокоения населения. Назначьте Революционный Комитет. невыполнение приказов или отклонения от него караются по законам военного времени.

Революционный Военный Совет Восточного фронта».

Это было под вѣтер, но я не зажигал огня. Сидел в кресле... И когда в окно моей канцелярии заглянул месяц, он увидел человека, сидящего в кресле с телеграммой в руках и тупо уставившегося в темноту.

В таком же положении застало меня и утреннее солнце. К утру этого не выдержала даже икона, висевшая в

углу: слетела со стены и раскололась. Стоявший перед дверью на посту чуваш заглянул в комнату и укоряюще погрозил ей пальцем.

— Вот сволочь, упала и человека разбудила!

Я достал из кармана фотографию моей покойной матушки. Из глаз у меня полились слезы, и я зашептал: «Милая мамочка! Когда мы несколько лет тому назад жили с тобой на Милешовской улице в доме № 4 на Краповских Виноградах, тебе и в голову не могло прийти, что через пятнадцать лет твой бедный сыночек должен будет сосредоточивать полки на позиции Ключево — Бугульма, взрывать железнодорожные пути и мосты, поджигать элеватор и держаться при обороне города до последнего солдата, не говоря уже о всяких других вещах... Зачем не стал я бенедиктинским монахом, как хотелось тебе, когда я впервые провалился в 4-м классе? Жил бы себе припеваючи... Служил бы обедни да потягивал церковное вино...»

И как бы в ответ что-то вдруг подозрительно загрохотало в юго-восточной части города, затем еще и еще раз...

— Здорово шпарит артиллерия! — обратился ко мне вестовой, только что прибывший с фронта. — Капеллевы перешли Ик и вместе с польской дивизией жмут нас на правом фланге. Тверской полк отступает.

Я отправил на фронт следующий приказ: «Если части генерала Капеля * форсировали Ик и вместе с польской дивизией подходят к нашему правому флангу, форсируйте Ик с другой стороны и двигайтесь к их левому флангу. Посылаю Петроградскую кавалерию в тыл противника».

Я вызвал командира Петроградской кавалерии.

— Наши позиции прорваны, — сообщил я ему. — Тем легче вам будет пробраться в тыл противника и захватить всю польскую дивизию.

— Ладно, — ответил командир петроградских кавалеристов, козырнул и ушел.

Я отправился на телеграф и дал в Симбирск телеграмму: «Большая победа. Позиции на реке Ик прорваны. Наступаем со всех сторон. Кавалерия в тылу противника. Много пленных».

СЛАВНЫЕ ДНИ БУГУЛЬМЫ

Наполеон был болван. Сколько, бедняга, трудился, чтобы проникнуть в тайны стратегии! Сколько всего изучал, прежде чем додумался до своего «непрерывного фронта». Учился в военных школах в Бриенне и в Париже... Изобрел досконально разработанную собственную военную тактику... А в конце концов дело закончилось поражением под Ватерлоо *.

Ему многие подражали и всегда получали взбучку. Сейчас, после славных дней Бугульмы, победы Наполеона, от осады мыса Лаквилетты до сражений под Мантуей Кастильоне и Асперн, кажутся совершеннейшей ерундой.

Я уверен, что, если бы Наполеон под Ватерлоо поступил подобно мне, он наверняка разбил бы Веллингтона.

Когда Блюхер врезался в правое крыло его армии, он должен был распорядиться, как я у Бугульмы, когда корпус добровольцев генерала Каппеля и польская дивизия оказались у нас на правом фланге.

Почему он не приказал своей армии врезаться в левый фланг Блюхера, как это сделал я в своем приказе Петроградской кавалерии?

Петроградские кавалеристы творили подлинные чудеса. Поскольку русская земля необозрима и какой-нибудь лишний километр не имеет никакого значения, они домчались до самого Мензелинска и под Чишмами и бог знает где еще зашли в тыл противника и гнали его перед собой, так что его победа обернулась поражением. К сожалению, большая часть вражеских войск

стянулась к Белебею и Бугуруслану, а меньшая, подгоняемая сзади Петроградской кавалерией, оказалась в пятнадцати верстах от Бугульмы.

В эти славные дни Бугульмы Тверской Революционный полк во главе с товарищем Ерохимовым неустанно отступал перед потерпевшим поражение противником.

На ночь он обычно размещался по татарским деревушкам и, уничтожив там подчистую всех гусей и кур, отступал дальше, постепенно приближаясь к Бугульме; затем останавливался в новых деревнях, пока наконец в полном порядке не вступил опять в город.

Ко мне прибежали из типографии с сообщением, что командир Тверского полка Ерохимов грозит заведующему револьвером и требует напечатать какой-то приказ и объявление.

Я взял с собой четверых чувашей, захватил два браунинга, кольт и отправился в типографию. В канцелярии я увидел сидящего на стуле заведующего типографией, а напротив, на другом стуле,— Ерохимова.

Положение печатника было не из приятных, поскольку Ерохимов держал револьвер у его виска и твердил: — Напечатаете или нет? Напечатаете или нет?

Я услышал мужественный ответ заведующего:

— Не напечатая, голубчик, не могу!

Тогда его «собеседник» с револьвером начал упрашивать:

— Напечатай, душенька, миленький, голубчик! Напечатай! Ну, я прошу тебя!

Увидев меня, Ерохимов, в явном смущении, подошел ко мне, сердечно обнял, пожал руку и, подморгнув заведующему, сообщил:

— А мы тут уже с полчаса беседуем. Давненько я его не видел.

Заведующий сплюнул и проворчал:

— Хороша беседа!

— Я слышал,— обратился я к Ерохимову,— что вы хотели дать что-то напечатать: объявление какое-то, или приказ, или еще что-то в этом роде... Не были бы вы так любезны дать мне познакомиться с текстом?

Я взял со стола бумагу, которой так и не удалось прочесть жителям Бугульмы. А они, несомненно, были бы

чрезвычайно удивлены тем, что приготовил для них Ерохимов, так как текст был следующего содержания:

«Объявление № 1

Возвращаясь во главе победоносного Тверского Революционного полка, настоящим ставлю в известность, что принимаю власть над городом и окрестностями в свои руки. Создаю Чрезвычайный Революционный Трибунал, председателем которого являюсь я. Первое заседание состоится завтра. Будет разбираться дело особой важности. Перед Чрезвычайным Революционным Трибуналом предстанет комендант города товарищ Гашек как контрреволюционер и союзник врага. Если он будет приговорен к расстрелу, приговор будет приведен в исполнение в течение 12 часов. Предупреждаю население, что всякая попытка к сопротивлению будет караться на месте.

Ерохимов, комендант города и окрестностей».

К этому мой друг Ерохимов хотел присоединить еще приказ:

Приказ № 3

Чрезвычайный Революционный Трибунал Бугульминского округа сим извещает, что бывший комендант города Гашек, на основании приговора Чрезвычайного Революционного Трибунала расстрелян за контрреволюцию и заговор против Советской власти

Ерохимов, председатель Чрезвычайного Революционного Комитета».

— Это на самом деле только шутка, голубчик,— вкрадчиво сказал Ерохимов.— Хочешь револьвер? Возьми его. В кого мне стрелять?

Его уступчивость показалась мне подозрительной. Обернувшись, я увидел, что четверо моих чувашей с грозным и непреклонным видом направили на него дула своих винтовок.

Я приказал им опустить винтовки и принял револьвер от Ерохимова. А он, уставившись на меня своими детскими голубыми глазами, тихонечко спросил:

— Я арестован или на свободе?

Я рассмеялся.

— Вы просто дурак, товарищ Ерохимов! За шутки не арестовывают. Вы же сами сказали, что это только шутка. Я должен был бы арестовать вас за другое — за ваше позорное возвращение. Поляки разбиты нашей Петроградской кавалерией, а вы отступали перед ними вплоть до самого города. Могу вам сообщить, что из Симбирска получена телеграмма с приказом Тверскому полку, чтобы он добыл новые лавры на свое старое революционное знамя.

Револьвер, который вы мне сдали, я вам возвращу, но при одном условии — что вы со своим полком немедленно покинете горед, обойдете поляков и приведете пленных. Но ни одного пленного не смеете пальцем тронуть! Мы не можем срамиться перед Симбирском. Я уже телеграфировал, что Тверской полк взял много пленных.

Я ударил кулаком по столу.

— А где твои пленные? Где они? — И, размахивая перед ним кулаком, я зло и угрожающе выкрикнул: — погоди! Ты у меня допрыгаешься! Может, хочешь еще что-то сообщить перед тем, как отправиться за пленными?.. А ты знаешь, что я теперь командующий фронтом, высший начальник?

Ерохимов стоял, как вкопанный, и только моргал глазами от волнения. Опомившись наконец, он отдал честь и отчеканил:

— Сегодня же вечером разобью поляков и приведу пленных. Спасибо вам!

Я отдал ему револьвер, пожал руку и сердечно распрощался...

Ерохимов блестяще сдержал слово. К утру Тверской полк начал приводить пленных. Казармы были набиты ими до отказа, их уже некуда было девать.

Я пошел взглянуть на них и... от ужаса чуть не обмер. Вместо поляков Ерохимов насбирал по ближайшим деревням татар: поляки не стали дожидаться внезапного нападения Тверского полка и трусливо скрылись.

НОВАЯ ОПАСНОСТЬ

Товарищ Ерохимов решительно не хотел понять, что мирные татары из местного населения никак не могут сойти за поляков. Поэтому, когда я отдал приказ выпустить на свободу всех «пленных», он почувствовал себя оскорбленным и тотчас же помчался на телеграфное отделение Петроградского полка и попытался отправить Революционному Военному Совету в Симбирск телеграмму такого содержания:

«Докладываю, что после трехдневных боев я со своим Тверским Революционным полком разбил противника. У неприятеля огромные потери. Мною захвачено 1 200 белых, которых комендант города отпустил на свободу. Прошу выслать специальную комиссию для расследования дела. Комендант города товарищ Гашек — человек абсолютно ненадежный, явный контрреволюционер и имеет связь с противником. Прошу разрешения создать Чрезвычайку.

*Ерохимов, командир Тверского
Революционного полка».*

Начальник телеграфного отделения телеграмму от товарища Ерохимоза принял, заверив его, что она будет отправлена, как только освободится линия, а сам тут же сел в сани и приехал ко мне.

— Вот вам, батюшка, и Юрьев день! — приветствовал он меня с выражением полной безнадежности на лице.— Прочтите-ка вот это,— и подал мне телеграмму товарища Ерохимова.

Я прочитал и спокойно сунул ее в карман. Начальник телеграфного отделения почесал в затылке и, нервно моргая глазами, проговорил:

— Поверьте, мое положение очень тяжелое, просто чертовски тяжелое! Согласно распоряжению Народного Комиссариата, я обязан принимать телеграммы от командиров полков. А вы явно не хотите, чтобы эта телеграмма была послана. Я ведь пришел не для того, чтобы отдать ее вам. Хотел только, чтобы вы познакомились с ее содержанием и послали одновременно против товарища Ерохимова свою телеграмму.

Я сказал начальнику телеграфного отделения, что глубоко уважаю Народный Военный Комиссариат, но мы находимся не в тылу.

— Здесь фронт. Я — командующий фронтом и могу делать то, что считаю необходимым. Приказываю вам принимать от товарища Ерохимова столько телеграмм, сколько ему заблагорассудится составить, но запрещаю их отсылать. И приказываю немедленно доставлять их ко мне!..

— Пока что, — закончил я, — я оставляю вас на свободе, но предупреждаю, что всякое отклонение от нашей договоренности будет иметь для вас далеко идущие последствия, какие вы себе даже и представить не можете.

Мы попили с ним чаю, беседуя при этом о разных будничных вещах. На прощание я ему велел сказать Ерохимову, что телеграмма отправлена.

После ужина ко мне ворвался стоявший на посту чуваш и сообщил, что здание комендатуры оцеплено двумя ротами Тверского Революционного полка и товарищ Ерохимов держит к ним речь, извещая, что «пришел конец тирании».

Действительно, вскоре в канцелярии появился товарищ Ерохимов в сопровождении десяти солдат, которые со штыками наперевес встали у дверей.

Не говоря мне ни слова, Ерохимов начал размещать их по комнате:

— Ты идешь туда, ты — сюда, ты будешь стоять здесь, ты иди в тот угол, ты встань к столу, ты стой у этого окна, ты — у того, а ты будешь все время при мне.

Я свертывал сигарку, а когда зажег ее, был уже окружен направленными на меня со всех сторон штыками и

мог с интересом наблюдать, что предпримет товарищ Ерохимов дальше.

По его неуверенному взгляду чувствовалось, что он не знает, с чего начать. Подошел к столу со служебными бумагами, штуки две разорвал, затем несколько раз прошелся по канцелярии, сопровождаемый по пятам солдатом с прижнутым штыком. Остальные солдаты, стоявшие вокруг меня по всем углам, держались очень строго, и только один из них — совсем мальчишка — спросил:

— Товарищ Ерохимов, можно закурить?

— Курите, — разрешил Ерохимов и сел против меня.

Я предложил ему табак и бумагу, он закурил и неуверенно произнес:

— Это симбирский табак?

— Из Донской области, — ответил я кратко и, не обращая на него внимания, начал разбираться в бумагах на столе.

Наступила томительная тишина...

Наконец Ерохимов тихо спросил:

— Что бы вы сказали, товарищ Гашек, если бы я был председателем Чрезвычайки?

— Мог бы вас лишь поздравить, — ответил я. — Хотите ли еще закурить?

Он закурил и продолжал как-то печально:

— А что, если я и в самом деле им являюсь, товарищ Гашек? Если Революционный Военный Совет Восточного фронта действительно назначил меня председателем Чрезвычайки?

Он встал и многозначительно добавил:

— И если вы теперь в моих руках?!

— Прежде всего, — ответил я спокойно, — покажите мне ваш мандат.

— Наплевать на мандаты! — воскликнул Ерохимов. — Я и без мандата могу вас арестовать!

Я улыбнулся.

— Сядьте-ка спокойно, товарищ Ерохимов. Сейчас принесут самовар, и мы с вами побеседуем о том, как назначаются председатели Чрезвычайки.

— А вам тут нечего делать! — повернулся я к провожатым Ерохимова. — Давайте-ка отсюда! Скажите им, товарищ Ерохимов, чтобы моментально исчезли.

Ерохимов смущенно улыбнулся.

— Идите, голубчики, и скажите тем, снаружи, чтобы тоже шли по домам.

Когда все вышли и был внесен самовар, я сказал Ерохимову:

— Видите ли, если бы у вас был мандат, тогда вы могли бы меня и арестовать, и расстрелять, и вообще сделать со мною все, что, по вашему мнению, вы должны были совершать в качестве председателя Чрезвычайки...

— Я этот мандат получу,— тихо отозвался Ерохимов.— Обязательно получу, мой милый.

Я вынул из кармана злосчастную телеграмму Ерохинова и показал ему ее.

— Как она к вам попала? — воскликнул потрясенный Ерохимов.— Ее уже давно должны были отправить!

— Дело в том, дорогой друг,— ответил я ласково,— что все военные телеграммы должны быть подписаны командующим фронтом. Поэтому мне и принесли телеграмму на подпись. Если желаете и настаиваете на своем, я могу ее подписать. Можете даже сами отнести ее на телеграф, чтобы убедиться, что я вас не боюсь.

Ерохимов взял свою телеграмму, разорвал ее и начал всклипывать:

— Душенька, голубчик, я ведь просто так! Прости, друг ты мой единственный!

И мы почти до двух часов ночи распивали чай. Он остался у меня ночевать. Спали на одной постели.

Утром мы опять попили чаю, и я дал ему на дорогу четверть фунта хорошего табаку.

ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

Уже восемь суток отделяло нас от славных дней Бугульмы, а о Петроградском кавалерийском полку все еще не было ни слуху ни духу.

Товарищ Ерохимов, который после своей последней аферы прилежно меня навещал, ежедневно внушал мне свое «твердое подозрение», что петроградские кавалеристы перешли на сторону противника.

Он предлагал: 1. Объявить их предателями республики. 2. Послать в Москву телеграмму, в которой подробно описать их подлый поступок. 3. Организовать Революционный Трибунал фронта, перед которым должен предстать начальник телеграфного отделения Петроградского полка, так как он должен знать, что произошло; а если даже и не знает,— все равно судить его, поскольку он начальник связи.

В своей обличительной деятельности товарищ Ерохимов был необычайно пунктуален. Он являлся ко мне ровно в восемь часов утра и твердил свои наветы до половины десятого; затем удалялся, а в два часа приходил с новым запасом аргументов, бомбардируя меня ими до четырех. Вечером он наносил мне еще один визит и во время чая заново начинал подстрекать меня против петроградцев, что затягивалось иногда до десяти-одиннадцати часов ночи.

При этом он шагал по канцелярии с опущенной головой и меланхолически бормотал:

— Это ужасно! Такой позор для революции! Нужно немедленно телеграфировать! Свяжемся прямо с Москвой!

— Все обернется к лучшему, товарищ Ерохимов, — утешал я его. — Вот увидишь, что петроградцы возвратятся.

В это время я получил телеграмму от Революционного Военного Совета Восточного фронта: «Сообщите количество пленных. Последняя телеграмма о большой победе под Бугульмой неясна. Направьте Петроградскую кавалерию под Бугуруслан к Третьей армии. Сообщите, выполнено ли все, что было в последней телеграмме, а также, сколько выпущено номеров пропагандистской газеты на татарском и русском языках. Название газеты. Пошлите курьера с подробным отчетом о своей работе. Тверской Революционный полк направьте на восточные позиции. Составьте воззвание к солдатам белой армии с призывом переходить на нашу сторону и разбросайте его с аэроплана. Каждая ошибка либо невыполнение отдельных пунктов карается по законам военного времени».

Вслед за тем пришла новая телеграмма: «Курьера не посылайте. Ожидайте инспектора Восточного фронта с начальником Политического отдела Революционного Военного Совета и членом Совета товарищем Морозовым, которые облечены всеми необходимыми полномочиями».

Товарищ Ерохимов был как раз у меня. Прочтя последнюю телеграмму, я подал ее Ерохимову, чтобы посмотреть, какое впечатление произведет на него такая страшная инспекция, которую он все время жаждал вызвать.

Чувствовалось, что в нем началась тяжелая внутренняя борьба. Какая великолепная возможность отомстить мне, восторжествовать надо мною!

Проблеск радостной улыбки, который в первый момент заиграл на его лице, вскоре все же исчез, уступив место выражению озабоченности и душевного терзания.

— Пропал, голубчик, — произнес он печально. — Не сносить тебе буйной головушки.

Он принялся шагать по канцелярии и напевать мне тоскливым голосом:

Голова ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить...

Затем он уселся и продолжал:

— Я бы на твоём месте удрал в Мензелинск, оттуда в Осу, из Осы — в Пермь, а там — поминай как звали... Передашь мне командование городом и фронтом, а я уж тут наведу порядок.

— Мне кажется, что у меня нет оснований опасаться, — заметил я.

Ерохимов выразительно свистнул.

— Нет оснований опасаться! А ты мобилизовал конский состав? Не мобилизовал. Есть у тебя где-нибудь заложники из местного населения? Нет. Наложил ты контрибуцию на город? Не наложил. Посадил контрреволюционеров? Не посадил. Нашел ты вообще какого-нибудь контрреволюционера? Не нашел.

А теперь скажи мне еще: приказал ты расстрелять хотя бы одного попа или купца? Не приказал. Расстрелял бывшего пристава? Не расстрелял. А бывший городской голова жив или мертв? Жив.

Ну, вот видишь! А ты еще говоришь: «Нет оснований опасаться». Плохо твое дело, браток!

Он снова поднялся, начал ходить по канцелярии и на свистывать:

Голова ты моя удалая,
Долго ль буду тебя я носить...

Потом он схватился за голову и, пока я спокойно наблюдал, как копошатся тараканы на теплой стене у печки, бегал от окна к окну, от окон — к дверям и причитал:

— Что делать! Что делать! Пропал, голубчик! Не сносить тебе буйной головушки!

Побегав так около пяти минут, он с безнадежным видом опустился на стул и произнес:

— Тут уж действительно ничего не поделаешь! Если бы ты хоть мог сказать, что у тебя тюрьма переполнена. А кто у тебя там есть? Да никого. Или если бы по крайней мере ты мог показать инспекции, что спалил какой-нибудь дом, где скрывались контрреволюционеры. Так ведь ничего же нет! Совершенно ничего! Даже обысков в городе не произвел... Люблю я тебя, но, говоря откровенно, мнение у меня о тебе самое неважное.

Он встал, опоясался ремнем, засунул за ремень револьвер, кавказский кинжал длиною в полметра, подал мне руку и сказал, что поможет мне; пока еще не знает, каким способом, но наверняка что-нибудь придумает.

После его ухода я отправил в Симбирск ответную телеграмму:

«Количество пленных выясняется. Подвижность фронта и отсутствие карт не дают возможности подробно описать победу под Бугульмой. Инспекция уточнит все на месте. Издание газеты на русском и татарском языках связано с трудностями: нет татарских наборщиков, не хватает русских шрифтов, белые забрали с собой печатный станок. Когда в Бугульму прибудет авиационный парк, смогу разбрасывать воззвания к солдатам белой армии с аэроплана. Пока что сижу без аэроплана. Тверской Революционный полк находится в городе, в резерве».

Спал я в эту ночь сном праведника. Утром ко мне явился Ерохимов и сказал, что уже кое-что для моего спасения он придумал. Провозился с этим всю ночь.

Он повел меня за город, к бывшему кирпичному заводу, где был выставлен караул из солдат пятой роты Тверского полка. Они стояли с примкнутыми штыками и, когда кто-нибудь проезжал мимо, кричали:

— Давай налево! Сюда нельзя!

В середине оцепленного пространства меня ожидал небольшой сюрприз: три свежие могилы. Около каждой стоял крест с прикрепленной к нему дощечкой с надписью. На первом кресте была надпись: «Здесь похоронен бывший пристав. Расстрелян в октябре 1918 года за контрреволюцию». На втором кресте было начертано: «Здесь погребен расстрелянный поп. Казнен в октябре 1918 года за контрреволюцию». Третья могила была снабжена надписью: «Здесь покоится городской голова. Расстрелян за контрреволюцию в октябре 1918 года».

У меня затряслись колени... С помощью Ерохимова я кое-как добрался до города.

— Мы все это обделали за ночь,— хвастался Ерохимов.— Я же обещал тебе помочь, чтобы было что показать инспекции, когда она прибудет. Долго ничего не приходило в голову. И вдруг вот придумал, эту штуку... Хочешь их видеть?

— Кого? — спросил я испуганно.

— Ну, этих: попа, городского голову и пристава. Они у меня все заперты в свином хлеву. Как только инспекция уедет, мы их отпустим по домам... Ты не думай, никто ничего не узнает. К могилам никто не допускается. Мои молодцы умеют держать язык за зубами. А ты сможешь все-таки кое-чем похвастаться перед инспекцией.

Я взглянул на него. В профиль его черты напомнили мне князя Потемкина... Пошел проверить, правду ли он говорит, удостоверился, что все так и было. Из свиного хлевка доносился поповский бас, который гудел какие-то очень жалобные псалмы, сопровождаемые неизменным рефреном: «Господи, помилуй, господи, помилуй».

Ну, как тут было не вспомнить о потемкинских деревнях?

ЗАТРУДНЕНИЯ С ПЛЕННЫМИ

Подозрения товарища Ерохимова не оправдались: Петроградский кавалерийский полк не только не переметнулся к врагу, но и привел еще с собой пленных — два эскадрона башкир, которые взбунтовались против своего ротмистра Бахивалеева и добровольно перешли на сторону Красной Армии. А взбунтовались они потому, что Бахивалеев не разрешил им поджечь при отступлении какую-то деревню. Искали теперь счастья на другой стороне.

Кроме башкир, петроградцы привели и других пленных. Это были парни лет по 17—19, в лаптях; насильно мобилизованные белыми, они выжидали благоприятной возможности, чтобы разбежаться по домам.

Пленных насчитывалось около трехсот человек, худых, в потрепанной домашней одежде. Среди них были мордвины, татары, черемисы, которым смысл гражданской войны был понятен не более, чем, скажем, решение уравнения десятой степени.

Перешли они в полном порядке, с винтовками и боеприпасами, и привели своего полковника, которого гнали перед собой. Старый царский полковник был разъярен до предела. Он дико вращал глазами и даже в плену не переставал кричать на своих бывших подчиненных, обзывая их сволочами и грозя, что «набьет им морду».

Я распорядился разместить пленных в пустующем винокуренном заводе и зачислить их на довольствие —

часть при Петроградской кавалерии и часть при Тверском полку.

Получив этот приказ, ко мне тут же примчались товарищ Ерохимов и командир Петроградской кавалерии и категорически потребовали, чтобы я, как командующий фронтом и городом, взял заботу о снабжении пленных на себя.

Товарищ Ерохимов даже пригрозил при этом, что скорее велит перестрелять тех пленных, которые падают на его долю, чем будет их кормить. Тут командир Петроградской кавалерии наступил ему на ногу и посоветовал не болтать глупостей. Он своих пленных никому не даст расстреливать. Это можно было делать на фронте, а не сейчас, когда его ребята все это время делились с ними хлебом и табаком. Если уж кого-то нужно расстрелять, так это только того полковника из 54-го Стерлитамакского полка — Макарова.

Против этого возразил я, сказав, что, согласно декрету от 16 июня 1918 года, все офицеры старой царской армии, даже если они попадают в плен, считаются мобилизованными.

Полковника Макарова нужно будет отправить в штаб Восточного фронта, где уже сидят несколько бывших царских офицеров, неся службу непосредственно в штабе.

Товарищ Ерохимов заметил, что вот таким образом контрреволюция и проникает в штабы Красной Армии. Пришлось объяснить ему, что там за ними осуществляется надзор со стороны политических органов и что они используются исключительно в качестве специалистов.

Но Ерохимов не сдавал своих радикальных позиций и чуть ли не со слезами на глазах продолжал клянить:

— Голубчик, ничего у тебя не прошу — выдай мне только этого полковника.

Затем он перешел на угрожающий тон:

— Не забывай, что в ближайшие дни сюда придет инспекция. Что она скажет? В наши руки попал полковник и выбрался от нас жив и невредим. Наплюй ты на декреты! Может, их составляли такие же «специалисты».

Командир петроградцев быстро вскочил и закричал на Ерохимова:

— Ты что?! Ленин тебе «специалист»?! Говори, негодяй! Совет Народных Комиссаров, который издает декреты, тоже «специалисты»?! Сволочь ты, сукин сын!

Он схватил Ерохимова за шиворот, вытолкал за дверь, а сам продолжал бушевать:

— Где был его полк, когда мы брали Чишмы и захватили два эскадрона башкир и батальон 54-го Стерлитамакского полка вместе с полковником? Где он скрывался вместе со своим Тверским Революционным полком? Где он был со своими паршивцами, когда каплеводы и поляки подступили к самой Бугульме?

Вот возьму свою кавалерию и выволоку весь его славный революционный полк на позиции! А пулеметы велю расставить сзади, за полком, и погоним их в атаку! Сволочь паршивая!

Попутно он упомянул матушку Ерохимова да и матушек всех его солдат. Умолк он лишь после того, как я заметил ему, что проводить подобные дислокации войск имеет право лишь командующий фронтом на основе приказа Верховного штаба.

Тогда он вернулся к началу нашего разговора, повторив, что обеспечение пленных продовольствием падает исключительно на коменданта города и командующего фронтом. Он не даст на это дело ни копейки. У него в полковой кассе всего 12 тысяч рублей, и он уже трижды посылал в военное казначейство за деньгами, но пока не получил оттуда ни гроша.

Я сообщил ему, что в моей кассе осталось всего-навсего два рубля, а если сосчитать, сколько я задолжал за месяц разным организациям, снабжавшим проходящие части, получится сумма, превышающая миллион рублей. И хотя я посылал счета в Симбирское интендантство через государственный контроль, до сих пор ни один из них не был оплачен. Так что баланс моего месячного пребывания здесь составляет: актив — два рубля, пассив — свыше миллиона рублей.

И при таком колоссальном обороте я уже третий день — утром, в обед и вечером — пью только чай с молоком да с белым хлебом. Сахару нет ни куска, мяса не

видел больше недели, щей не ел свыше двух недель, и как выглядит мясо или сало, даже не помню.

У командира Петроградской кавалерии слезы навернулись на глаза.

— Если уж дело так плохо, буду кормить всех пленных,— сказал он, явно тронутый.— Запасов у нас порядочно. Мы немножко поднабрали в тылу врага.

Выяснив точное число пленных, он ушел. После его ухода я связался непосредственно со штабом Восточного фронта и передал туда несколько депеш: две чисто хозяйственного характера и одну — относительно пленных.

Тут же получил ответ: «Военному казначейству был дан приказ выдать вам авансом 12 миллионов рублей. Пленных зачислите в воинские части: башкирские эскадроны — в Петроградский кавалерийский полк, в качестве самостоятельной единицы, которую пополняйте пленными башкирами вплоть до создания Первого Советского Башкирского полка. Батальон 54-го Стерлитамакского полка включите в Тверской полк. Распределите пленных по ротам. Полковника Макарова немедленно направьте в распоряжение штаба Восточного фронта, в случае сопротивления — расстреляйте».

Я послал за Ерохимовым и командиром Петроградской кавалерии. Пришел лишь командир петроградцев, а вместо Ерохимова явился полковой адъютант, который сообщил, что товарищ Ерохимов только что вывел из винокуренного завода, где находятся пленные, полковника Макарова и, взяв с собой двух вооруженных солдат, направился с ним к лесу.

Я вскочил на лошадь и догнал Ерохимова в низком ельнике, когда он со своими солдатами и полковником Макаровым уже поворачивал на Малую Бугульму.

— Куда? — заорал я на него.

В этот момент Ерохимов был похож на школьника, которого учитель застиг в своем саду запихивающим в карман наворованные груши. Некоторое время он беспомощно глядел на полковника, на ельник, на солдат, на свои сапоги, потом отозвался несмело:

— Иду с полковником в лес... немного прогуляться.

— Ну,— сказал я,— нагулялись уже достаточно!

Идите вперед, а я возвращусь с полковником один.

На лице раздраженного полковника не видно было никаких следов страха. Я повел коня за узду, полковник шел возле меня.

— Полковник Макаров,— обратился я к нему,— я только что высвободил вас из весьма неприятной ситуации. Завтра вы будете направлены в Симбирск, в штаб. Вы мобилизованы...

Едва я это произнес, как полковник внезапно ударил меня своей громадной медвежьей лапой по виску, и я, не успев даже вскрикнуть, повалился в придорожный снег.

Так бы я там и замерз, если бы несколько позднее не нашли меня двое мужичков, ехавших на санях в Бугульму. Они взвалили меня на сани и доставили домой.

На другой день я вычеркнул из списка пленных полковника Макарова, а из реестра конского состава комендатуры — своего верхового коня, на котором исчез полковник, чтобы от красных снова попасть к своим белым.

А в это время товарищ Ерохимов выехал в Ключкино и через железнодорожное телеграфное отделение отправил Революционному Военному Совету в Симбирск телеграмму:

«Товарищ Гашек отпустил на свободу захваченного в плен полковника 54-го Стерлитамакского полка Макарова и подарил ему свою лошадь, чтобы тот мог добраться на сторону противника.

Ерохимов».

На этот раз телеграмма до Симбирска дошла.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

«...schlechte Leute haben keine Lieder»¹,— написал немецкий поэт, завершая одно из своих двестишестидесятишести стихов*. В этот вечер я до поздней ночи распевал татарские песни, так что никто из окружающих не мог ни уснуть, ни даже просто спокойно лежать. Из этого я заключаю, что немецкий поэт явно солгал.

Наверно, я все-таки заснул раньше всех в комендатуре. В конце концов меня самого утомили эти монотонные мелодии с неизменными повторами «Эль, эль, бар, але, эле, бар, бар, бар».

Разбудил меня один из моих чувашей, доложивший, что приехали на санях какие-то три человека, которые показывают постовым внизу свои бумаги.

Точная передача его сообщения звучала бы так: «Три сани, три люди, внизу полно бумаг. Одна, две, три бумаги».

— С тобой говорить,— продолжал он.— Злые, ругаются...

— Проводи их наверх.

Распахнулись двери, и гости вторглись в мою канцелярию-спальню.

Первым был блондин с окладистой бородкой, вторым — женщина в овчинном полушубке, третьим — мужчина с черными усами и необычайно пронзительным взглядом.

¹ «...дурные люди песен не имеют» (нем.).

По очереди представились: «Сорокин *, Калибанова, Агапов».

Последний при этом твердо и неумолимо добавил: — Мы — коллегия Революционного Трибунала Восточного фронта.

Я предложил им закурить, причем Агапов заметил:

— Как видно, товарищ Гашек, вам здесь не плохо живется. Такой табачок не могут позволить себе курить люди, которые честно служат революции.

Когда принесли самовар, мы начали беседовать о самых различных вещах. Сорокин говорил о литературе и рассказал, что, еще будучи левым эсером, он издал в Петрограде книжечку своих стихов под названием «Восстание», которая была конфискована Комиссариатом печати; но он теперь об этом не жалеет, потому что это была страшная глупость. Изучал филологию, а сейчас — председатель Революционного Трибунала Восточного фронта.

Это был действительно очень милый, приятный человек с мягкой русой бородкой, за которую я его во время чаепития осторожно потрогал.

Товарищ Калибанова была студенткой-медичкой, в недавнем прошлом тоже левая эсерка; очень живая, симпатичная особа, которая наизусть знала всего Маркса.

Агапов — третий член Революционного Трибунала — был самым радикальным из них. Служил раньше секретарем у одного московского адвоката, у которого когда-то скрывался генерал Каледин *. По словам Агапова, адвокат был величайшим подлецом на свете, поскольку платил ему всего 15 рублей в месяц, а сам в три раза больше дал как-то на чай официанту в Эрмитаже, который разрешил ему плюнуть себе в лицо.

По виду Агапова можно было судить, что все предшествовавшее падению царизма сделало из него человека сурового, неумолимого, жесткого и страшного, который давно уже сводит счеты с теми, кто платил ему те несчастные 15 рублей. И он борется с этими тенями прошлого везде, где бы ни появлялся, и переносит свои подозрения на окружающих, видя в каждом возможного предателя.

Говорил он короткими, отрывистыми фразами, полными иронии. Когда за чаем я предложил ему кусок сахара, он сказал:

— Жизнь сладка лишь для некоторых, товарищ Гашек, но и для них она может стать горькой.

В ходе разговора речь зашла о том, что я по национальности чех, тогда Агапов заметил:

— Как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Товарищ Сорокин ответил на это:

— Все выяснится при расследовании.

Товарищ Калибанова, улыбнувшись, предложила:

— Вероятно, все-таки нужно показать товарищу Гашеку наши полномочия.

Я сказал, что мне будет приятно узнать, с кем имею честь познакомиться, поскольку без важной причины я не позволил бы никому будить себя среди ночи.

Агапов раскрыл портфель и показал мне мандат:

«Революционный Военный Совет штаба Восточного фронта № 728-в г. Симбирск

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие Революционным Военным Советом Восточного фронта товарищам Сорокину, Калибановой и Агапову в том, что они являются коллегией Революционного Трибунала Восточного фронта и, на основе своих полномочий, имеют право производить расследования в любом месте и по отношению к любому человеку. Для выполнения вынесенных ими приговоров все воинские части обязаны предоставлять в их распоряжение необходимую военную силу. (подписи)».

— Думаю, что этого вполне достаточно, товарищ Гашек,— сказала Калибанова.

— Разумеется,— согласился я.— Но разденьтесь все-таки, здесь достаточно тепло, и, кроме того, скоро принесут самовар.

При этом Агапов не преминул вставить:

— А вам не тепло? Думается, что вам даже жарко.

— У меня есть градусник,— отозвался я.— Если хотите — взгляните, вон там, у окна. По-моему, здесь как раз вполне нормальная температура.

Сорокин, самый серьезный из них, положил свой полушубок на мою постель и сказал, что сразу после чая приступим к делу.

Вспоминая сейчас товарища Агапова, я чувствую, что и теперь еще люблю его за прямоту и откровенность. Именно он первый попросил, чтобы я распорядился убрать самовар, так как пора начинать допрос и разбирательство дела. Приглашать свидетелей нет необходимости. Вполне достаточно того обвинительного заключения, которое было составлено в Симбирске на основании телеграммы товарища Ерохимова о том, что я отпустил на свободу полковника Макарова и подарил ему свою лошадь, чтобы он мог добраться к белым.

Агапов предложил судебное разбирательство на этом закончить и потребовал приговорить меня к расстрелу. Приговор должен быть приведен в исполнение в течение 12 часов.

Я спросил у товарища Сорокина, кто, собственно, является председателем, ведущим судебное разбирательство. Он ответил, что все в полном порядке, поскольку Агапов — представитель обвинения.

Тогда я попросил позвать товарища Ерохимова, потому что в конце концов каждый может в порыве гнева послать телеграмму. Нужно выслушать его как свидетеля лично.

Агапов согласился со мной, заметив, что раз Ерохимов посылал телеграмму, у него можно узнать и нечто большее.

Мы договорились, что Ерохимов будет сейчас же позван для свидетельских показаний. Я послал за ним.

Ерохимов пришел заспанный и угрюмый. Когда Агапов сообщил ему, что он видит перед собой Революционный Трибунал Восточного фронта, который прибыл, чтобы на месте провести расследование по делу товарища Гашека и вынести приговор, лицо Ерохимова приняло выражение безграничной тупости. Он взглянул на меня... По сей день остается психологической загадкой, что происходило тогда в его душе.

Его взгляд перебегал с одного члена Революционного Трибунала на другого, потом — снова на меня.

Я дал ему сигарету и сказал:

— Закурите, товарищ Ерохимов, это тот самый табак, который мы тогда вместе с вами курили.

Ерохимов еще раз окинул взглядом всех собравшихся и произнес:

— Я эту телеграмму, голубчики, послал спьяну.

Поднялся товарищ Сорокин и прочитал целую лекцию о вреде «зеленого змия». В том же смысле высказалась и Калибанова. Затем встал Агапов и, весь кипя от возмущения, потребовал сурово наказать Ерохимова за пьянство, поскольку он совершил этот поступок, будучи командиром Тверского Революционного полка. Прекрасный в своем негодовании, Агапов предложил приговорить Ерохимова к расстрелу.

Я тоже поднялся и сказал, что здесь не найдется ни одной живой души, которая согласилась бы стрелять в Ерохимова. Это привело бы к восстанию в полку.

Тогда Калибанова предложила приговорить его к 20 годам принудительных работ. Сорокин высказался за разжалование.

До самого утра обсуждались все «за» и «против» по поводу каждого предложения. В конце концов сошлись на том, что Ерохимову будет вынесен строгий выговор с предупреждением, а если нечто подобное повторится, к нему будет применено самое суровое наказание.

В течение всего разбирательства Ерохимов спал.

Утром Революционный Трибунал Восточного фронта выехал из Бугульмы. На прощание Агапов еще раз повторил мне с иронией:

— Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Гляди, брат, а то голова прочь!

Мы пожали друг другу руки.

ЧЖЕН-СИ, ВЫСШАЯ ПРАВДА

Мне было приказано организовать культпросвет при китайском полку в Иркутске, который свалили нам на голову с буфера Восточно-Сибирской республики *. Я тотчас послал командиру полка Сун-Фу коротенькую записку: «Прошу явиться в Политотдел армии». Ответ пришел в красном конверте с адресом, наклеенным на голубой полоске, в знак уважения первой степени.

Текст был составлен по всем правилам мандаринской вежливости:

«Досточтимый и всемилостивейший господин! Вчера я имел честь получить от Вас послание, в котором Вы употребили столько лестных для меня выражений, что, читая, я был смущен и стыдился, чувствуя себя недостойным такой высокой благосклонности.

В настоящем письме спешу выразить Вам, досточтимый и всемилостивейший господин, величайшую мою благодарность, о всем же остальном надеюсь побеседовать с Вами при личном свидании. Приношу вам письменное выражение величайшего моего восхищения и почтения, пользуюсь этой незабываемой для меня возможностью пожелать Вам самого полного счастья.

Сун-Фу, ваш покорнейший слуга, командир 1-го китайского полка Иркутской губернии, бывший командующий китайскими гарнизонами Китайской республики в Нау-Цине, Лин-Ху, Чжен-Це, Син-Ши, У-Чжене и Шуан-Лине».

Я вспомнил, что, когда китаец так выпренне пишет о личном свидании, он будет избегать встречи с вами за сто шагов, — поэтому решил за ним послать.

Ко мне ввели пожилого китаецца в засаленном английском пиджаке, высоких сапогах и рейтузах.

Сун-Фу не поднимал своих раскосых глаз от земли в знак почтения и, после того как мы совершили несколько учтивых церемоний, связанных с вопросом о том, кому первому сесть, он вынул свою визитную карточку, как требует вежливость.

На визитной карточке с одной стороны было имя, а с другой — заключенный в квадрат девиз владельца, унаследованный от предков: «Хао-мин, бу-чуминь-эмин-син-цзянли — добрая слава на месте лежит, а дурная далеко бежит».

Мы закурили сигареты и с помощью переводчика начали беседовать.

Вежливость требовала, чтобы Сун-Фу поделился теми сведениями о себе, которые найдет подходящими для данного случая.

— Я — Сун-Фу, — начал он, — в восемнадцатилетнем возрасте, не имея денег, продал через посредника Хоу-Ци купцу Ши дом, доставшийся мне от предков, у ворот Шим-Чжи-Мин, за тюрьмой Ци-Шоу-Вей в Пекине. В доме было шестьдесят восемь комнат, чьи окна, двери, перегородки, деревянные ставни видели моих предков. Я получил тысячу двести ланов серебра, которые были вручены мне в полном порядке покупателем Ши через посредничество Ван-Цуна и чиновника Тун-Цжи, и в свою очередь передал им девять купчих крепостей на дом. Потом я оплатил долговой вексель, выданный мной банковской фирме Юй-Тай в Сау-Денской губернии Лиценцянского округа, — тысячу ланов серебра — и уехал в Шанхай. Это было на восьмом году шестой луны, в тринадцатый день правления наместника Гауау-Цуя. В Шанхае я поступил в казармы Шау-Чеу-Хен, где учился двенадцать лет и был произведен в генералы, получив от властей бесплатно два мешка сушеных малых черных черепах, один мешок ласточкиных гнезд второго сорта, два мешка корицы, один мешок сушеных рыб и три мешка коровьих шкур. Все это купил у меня купец Шан-Чеу-Хау за четыре тысячи

сто ланов чистого серебра и коробку опиума. Меня должны были назначить начальником Шанхайского порта, но со мной случилось несчастье: на прощальном ужине со служащими военного гарнизона я обидел маркера игорного дома Хоу-Фа, которому все служащие были должны, и меня в наказание послали в северные гарнизоны, стоявшие в Нау-Чеу, Лин-Ху, Шин-Ши, У-Чжен, Шуан-Лин и Чжен-Це. Каждые полгода мне выдавали красный лист бу-фа с лу-чен-цзеном, — распоряжением совершить объезд для взимания налогов от имени превосходительнейшего председателя Юань-Ши-Кая, который был воплощенным Ду-Цза, мамоном. Все гуань-фу, мандарины северных провинций, боялись меня, так как я придавал особое значение нравственности, домогаясь в северных провинциях, чжен-си, высшей правды, ведущей к совершенству. Но, как говорится, правда глаза колет, и нечестные враги сообщили властям севера, будто я — тань-мо, или, как говорят на севере, — тань-цзан-ди, человек, берущий взятки, хотя, как мною уже сказано, я придавал особое значение нравственности и принимал только си-чен-чен-и, небольшие подарки на покрытие дорожных расходов. В то время как я, стремясь к совершенству, занимался и во время объездов чтением книг древних мудрецов времен первой династии *, враги мои, находясь в плену величайших пороков, обвинили меня в том, что я дал начальнику почты провинции Син-Си, моему милому и добродетельному другу Ю-Цжен-Гуану, везшему в Пекин с границ Монголии собранные налоги и таможенные сборы, специальный конвой — только для того, чтобы Ю-Цжен-Гуан мог без помех бесследно исчезнуть. Когда-то во времена пятой династии * при дворе была издана книга «Мо-И-Мо», то есть руководство по возбуждению подозрения к своему ближнему; не знаю, ходит ли по рукам ее список в северных провинциях, но думается, что там он есть, ибо в высший сенат судебного ведомства Ней-Ге поступали все время жалобы, где меня обвиняли в величайшем распутстве и правонарушениях, указывая на то, что мои солдаты — не «цзюнь-ши», регулярное войско, а «цзье-лу-дуань-син», разбойники, грабящие по большим дорогам и деревням, хунхузы, хайкон. Может быть, я был недостаточно строг со своими

солдатами, так как старался быть добрым ко всем и, зная, что никто не обладает полным совершенством, никогда не спрашивал у них, кто прав и кто виноват. Клевета моих недругов приобрела, однако, такие размеры, что в последнем месте моей деятельности, когда мы стояли гарнизоном в городе Шуан-Лин, против меня было послано войско с требованием «си-син», то есть добровольного обезглавливания без суда и следствия, при каковом условии отпадают все тридцать две степени пытки. Тогда я взорвал шуан-линские казематы и воскликнул: «Чу-чжен-чу-бин! Выступим в поход через границу!» И мы пошли походом по Монголии, принимая подарки для поддержания дружбы и сокрушая всех оказывавших нам сопротивление. Мы проявляли милосердие к тем, кто обращался с нами любезно, воздавал нам ю-ли-куан-дай, братский почет, ибо ученый Лао-Цзы говорил, что наивысшее и предельное совершенство есть братство всех людей, а потому я никогда не позволял своим солдатам складывать пирамиды из отрубленных голов пленных.

Сун-Фу замолчал. Оба они — и он сам и переводчик — говорили страшно быстро. Если Сун-Фу говорил на птичьем наречии Южного Китая, то переводчик-кореец пел перевод с не меньшим совершенством, чем Сун-Фу — свой оригинал. Оба заметно устали; кроме того, Сун-Фу надо было собраться с мыслями, чтобы как-то объяснить, каким путем попал он в буферную Восточно-Сибирскую республику, а оттуда в Иркутск.

Наконец Сун-Фу поклонился переводчику и мне и продолжал:

— Мы пришли в пустынную песчаную область Хан-Ау, где вместо овец нашли енчен-ту, горы пыли. На север от нас была Урга, на юг, там, где солнце клонится к закату, — Си-цзань, Тибет, а на запад — О-Го, Россия. Мы шли на запад, все время на запад, пока не пришли в Россию, к бурятам в Селенгинский аймак, что на реке Селенге, Юн-Дар, долиной, которая доходит до самого Шан-Тоу-Ду-И-скина, то есть Верхнеудинска, где местная власть Чао-Тун-Шен приняла нас в свои войска. Но и там преследовали меня мои недруги, и поэтому нас послали за Байкал, в О-Го, Россию. Вижу теперь, что очень многим многого не хватает до совершенства,

и если я несовершенен, то есть такие, которым далеко до того, чтобы искать пути к совершенству, придавая главное значение нравственности, как я старался всю свою жизнь, ища спасения в сознании правды.

Он замолчал, и косые глаза его начали переходить с предмета на предмет, потом совершенно равнодушно остановились на мне — с такой холодностью, словно он хотел сказать: «Цьюань-цза-бай, белый дьявол, ты для меня не существуешь».

Я велел переводчику перевести следующее:

— Очень благодарен за вашу краткую биографию, которая говорит о вашем совершенстве. Ясно представляю себе и не меньшее совершенство вашего полка, которому не хватает единственно только культпросвета — фа-гхуан-цзяо-хуа. Школы, театр, доклады. Это полку необходимо иметь. Представьте мне послезавтра наметки, как все это устроить в соответствии с потребностями ваших соотечественников.

Сун-Фу заставил переводчика передать мне следующее:

— Просвещение играет роль на всех ступенях воспитания и нравственного совершенствования. Цзяо-хуа, просвещение, стремится постичь правду, оно не должно зависеть от пристрастий и заблуждений, а обязано исходить из глубины сердца и нравственности, и опираться на чуан-цзо, знание недостатков человеческого характера. Я счастлив, что могу послезавтра представить свои наметки в этом направлении, но чувствую себя слишком цю-е, ничтожным и незначительным, и мне стыдно, что именно на меня пал ваш выбор, посредством которого вы хотите оценить способности человека, слишком вам обязанного, чтобы он мог отказать вам в такой мелочи.

Сун-Фу встал и подал мне руку, такую же холодную, как его глаза. Кореец-переводчик, подавая мне руку, в знак уважения снял очки.

После их ухода остался запах чеснока и бобровой струи — китайский дух, который приходится выветривать.

Я вспомнил, что комиссар штаба Пятой армии, коснувшись в разговоре со мной Сун-Фу, сказал:

— Это негодяй.

Вечером меня посетил другой китаец. Это был маленький человек с совершенно голым черепом, в черной одежде. Лицо его имело бледно-желтый оттенок, как у курильщиков опиума. Усы были сбриты, и только подбородок украшал клочок очень редких черных волос. Выражение лица было смешливое, но трудно было понять, смеется он или ухмыляется.

У китайцев необычайно развита служба информации. Если встретились два китаец, можно быть уверенным, что они заговорят о третьем: «Я только что видел, как Бо-Цзя-дза покупает зелень у Шен-Шена». А другой наверняка прибавит: «С которой он пошел к Жень-Чжу-Женю».

Поэтому меня несколько не удивило, когда мой посетитель сказал:

— Сем-Фу была, полковник Сун-Фу была, моя Лу-И-Иао, моя говорила русски, моя не хотела переводчик, моя хорошо русский язык. Моя все говорила русски. Хо-хо (хорошо). Сун-Фу, полковник, была-была. Сун-Фу, полковник, мала-мала-машинка¹.

Я угостил его чаем и сигаретами, а Лу-И-Иао, приятно склабясь, продолжал свою речь, употребляя множество китайских слов из северного наречия, что еще более затрудняло и усложняло наше взаимопонимание.

— Я, Лу-И-Иао, никогда не была ша-дай, дураком. Моя хан-ши-чжан-лио, моя май-май-син-ци-лай-лио.

Я прервал его и постарался убедить в необходимости присутствия переводчика, но он возразил:

— Держалась на ногах. Дышала, дышала, не упала.

Эта загадочная фраза была дословным, но скверным переводом сложного китайского понятия, смысл которого можно передать словами: «В таком случае я уйду».

Но он все же остался сидеть, и мне было ясно, что собственно великим его желанием было как раз присутствие переводчика, а отказывается он из вежливости, чтобы не затруднять меня хлопотами.

¹ Очень трудно передать испорченный русский язык Лу-И-Иао. «Моя» — значит «я». У китайцев нет родов, падежей, склонений и спряжений. Кроме того, они изменяют значения слов в чужом языке. Так «мала-мала-машинка» — это русское слово «мошенник» (Прим. автора).

Я позвонил по внутреннему телефону и передал в канцелярию, чтобы прислали переводчика Ли-Пи-Ти.

С первых же слов я понял, что Лу-И-Иао осведомлен, что переводчик — кореец, то есть принадлежит к народу, который, зная нечто дурное о ком-либо из китайцев, так радуется, что ни одному китайцу этого не скажет.

При помощи Ли-Пи-Ти я быстро установил, чем вызвано любезное посещение Лу-И-Иао.

— Я, Лу-И-Иао, пришел затем, чтоб обратить Ваше внимание на Сун-Фу. Этот человек — цзяо-чжан, то есть в подметки мне не годится. Вы еще не знаете, кто такой Лу-И-Иао. А мое имя известно в двадцати двух провинциях Китая. Вы знаете, что такое «Цио-Вень-Бу-Я-Я-Юй-Жень»? Как? Вы не знаете журнала «Ученостью не уступает другим»? Не знаете журнала «Братство объединенных сердец», который выходил в Сычуане? Не знаете издателя этих журналов, меня, Лу-И-Иао? Да, это я, Лу-И-Иао, который так хорошо знает Сун-Фу. Что натворил Сун-Фу в провинциях Кантон, Чже-цзян, Гуанси? Почему его хотели арестовать в портах Си-Мао, Мен-Цзи, Су-Чжоу, почему он бежал из тюрьмы в Чен-Ду, Фу-Чжоу и в Юньнани и в Шан-Дуне? Почему скрывался три года в Корее — в Чемульпо, Фусане, Кунзанпо, Юаушане. Генерал? Ничуть не бывало. Я очень желал бы, чтобы вы напрягли слух: Сун-Фу — это сьун-шоу, коварный разбойник и убийца. Очень желал бы, чтоб это сообщение не огорчило вас, так как я желаю вам всего самого лучшего, от чистого сердца. Хоть я и далек от совершенства, но люблю чжен-си, высшую правду, которая ведет к совершенству. Поэтому я пользуюсь здесь всеобщей любовью и надеюсь, что всякий раз, как вам понадобятся сведения о ком-либо из моих земляков, вы будете обращаться только ко мне и при этом всякий раз будете убеждаться в справедливости моего отзыва, потому что таков я, Лу-И-Иао, которого так любят его земляки.

Все время, пока я благодарил его за его сведения, уверяя, что буду всегда обращаться к нему, и прося, чтоб он оставил мне свой адрес, Лу-И-Иао смотрел такими же холодными глазами, как Сун-Фу. Словно тоже хотел сказать: «Цьюань-цза-бай, ты для меня не существуешь, белый дьявол!»

На другой день перед обедом мне доложили, что со мной хотят говорить два китайца. Когда их ввели, я обнаружил, что буду иметь честь беседовать с китайцами, одетыми в безукоризненные европейские костюмы и обутыми в элегантные ботинки американского фасона. У более пожилого были даже перчатки. Оба бойко говорили по-французски, и старший представился:

— Цзун-Ли-Иа-Мин, китайский консул в Иркутске. А это мой секретарь Гу-Цзяо-Чжан.

В получасовой речи он объяснил мне причину своего посещения.

Прежде всего он пришел представиться и предложить мне свои услуги — на случай, если мне что потребуется. (Смысл этого предложения остался для меня загадкой.) Во-вторых, он узнал, что у меня был вчера вечером некий Лу-И-Иао. И он пришел, чтобы предостеречь меня насчет этого человека. Я еще не разбираюсь в его земляках и должен быть предупрежден, что Лу-И-Иао — самый дурной человек на свете. Это негодяй, которому нет равных. У него была шайка хунхузов и контрабандистов, бесчинствовавшая в районе Харбина. Он убил несколько русских купцов. Да, вот каков Лу-И-Иао; а в последнее время он обокрал много китайцев, продавая им под видом опиума какую-то смолу. Лу-И-Иао ездил в глубь России и только притворяется, будто плохо говорит по-русски. В русско-японскую войну он был японским шпионом и переводчиком. В России, в Москве, он несколько лет тому назад выманил у богатого китайского купца большие деньги, взявшись доставить тело его покойной жены в Китай, довез гроб до Одессы и похоронил на тамошнем кладбище, а остальные деньги, которые должны были пойти на перевозку до Китая, прикарманил и открыл игорный дом в порту, где разорились многие посетители. А здесь, в Иркутске, он плетет теперь интриги против него, Цзун-Ли-Иа-Мина, пишет революционному комитету доносы, будто китайский консул тайно отправляет китайцев из Иркутска в Китай с золотом. Все китайцы ненавидят Лу-И-Иао, все его сторонятся.

Секретарь китайского консула, господин Гу-Цзяо-Чжан прибавил к этому, что Лу-И-Иао отдал одному бурятскому кочевнику свою жену за прескверную клячу,

на которой уехал, когда его чуть не поймали под Читой за какое-то ограбление и многочисленные убийства.

Я осведомился, каково мнение этих господ о полковнике Сун-Фу.

— Замечательный человек, — ответил консул. — Превосходный человек. Искренний, правдивый, быстро приближающийся к совершенству, согласно всем требованиям, предъявляемым священным учением Лао-Гур.

— Самый искренний человек, — подтвердил и секретарь, — честнейший, самый лучший из тех, с кем мне приходилось встречаться.

— Так что, — сказал в заключение господин Цзун-Ли-Иа-Мин, — будьте покойны: если вам понадобится какая-нибудь информация о ком бы то ни было, я к вашим услугам. Я знаю здешнюю китайскую колонию как свои пять пальцев. Все они мне очень обязаны, так как я им все время нужен. Я для них отец и мать.

После того как консул и секретарь ушли, какой-то китаец принес мне лаковую шкатулку с обычным китайским рисунком, изображающим птицу, летящую среди камышей. В шкатулке были конфеты из тростникового сахара, противно пахнущие мускусом. Сверху лежало письмо на красной бумаге, необычайно любезного содержания, как это выяснилось при помощи переводчика Ли-Пи-Ти:

«Ваше высокопревосходительство!

С особым удовольствием узнал я о Вашем пребывании в этом городе, который после Вашего приезда стал милым и незабываемым, так как улицы этого города озаряет Ваше присутствие. Беру на себя смелость просить о величайшей чести в моей жизни — беседе с Вами с глазу на глаз. Прошу Вашего разрешения. Судьба моя в Ваших руках. Каково бы ни было Ваше решение, ответ Ваш навсегда останется для меня бесценнейшей драгоценностью. Прошу простить мою смелость и желаю высшего и совершенного счастья.

Хуан-Хунь».

— Не верьте китайцам, — сказал переводчик, когда я продиктовал ответ в том смысле, что меня очень радует честь увидеть г-на Хуан-Хуня с глазу на глаз.

— Китайцы,— продолжал кореец, уходя,— дай-дзардичжу; по-русски — «супоросые свиньи».

Господин Хуан-Хунь говорил довольно хорошо по-русски и на мой вопрос, почему писал мне по-китайски, ответил, что из желания сделать приятное, так как подумал, что я составляю коллекцию таких вещей. Находясь много лет тому назад в Москве по делу, связанному с торговлей чаем, он даже продавал торговые письма для коллекций.

Но пришел он по другому поводу. Визит его имеет целью просто обратить мое внимание на славную парочку известных мошенников — Цзун-Ли-Иа-Мина, который выдает себя за китайского консула, и Гу-Цзяо-Чжана, выдающего себя за его секретаря. Чтоб мне было все ясно, я должен знать, что, когда Иркутск был еще под властью адмирала Колчака, эти негодяи присвоили на поставках риса для армии несколько миллионов и были осуждены на каторжные работы в Черемховских угольных шахтах. После переворота они бежали с шахт и явились в Иркутск как раз в тот момент, когда оттуда бежал китайский консул, у которого на совести была излишняя приверженность к покойному адмиралу. Оба сейчас же объявили, что принимают на себя консульские обязанности, заказали печати — и дальше все пошло как по маслу.

— А какого вы мнения о Лу-И-Иао? — спросил я господина Хуан-Хуня.

— Прекрасный человек,— услышал я в ответ.— Честный, искренний. Жаждет стать совершенным, стремится к правде.

Хуан-Хунь сердечно простился со мной, попросив разрешения прислать мне чаю, настоящего чаю из южного Китая.

Когда он ушел, у меня, признаться, закружилась голова. Где же во всем этом высшая правда, ведущая к совершенству, как требует Будда, правда «чжен-си»?

Но в последующие дни голова моя закружилась еще сильнее. Сперва пришел некий Тоу-Му и обвинил г-на Хуан-Хуня в подделке кредитных билетов и других преступлениях.

Господин Сьун-Цзянь объявил, что Сун-Фу — мерзавец, а китайский консул и его секретарь — самые поч-

тенные люди, какие только существуют под солнцем. Господин Лао-По-Цза высказался в том смысле, что господин Тоу-Му, Хуан-Хунь, китайский консул и его секретарь, Лу-И-Иао и господин Сьюн-Цзьянь — величайшие злодеи и изверги на свете. Благородным исключением из всей колонии является господин полковник Сун-Фу, совершеннейший глашатай правды, человек незапятнанной репутации.

Господин Фа-Дза представил господина Лао-По-Цза в весьма неблагоприятном свете, употребив целые четверть часа на перечисление его преступлений.

Господин Лао-Бин обвинил господина Фа-Дза в убийстве собственных родителей и нескольких менее значительных проступках.

Каждый день приносил новые разоблачения...

*

Полковник Сун-Фу получил из интендантства для своего полка две тысячи солдатских шинелей, две тысячи комплектов обмундирования и две тысячи пар сапог и поместил их на складе в Иннокентьевской. Третьего дня он пришел ко мне, и переводчик передал мне следующие его слова:

— Я счастлив снова увидеть вас, хотя предстаю перед вами, как шен-лин, существо, расплывающееся в слезах и печали. Я пришел не с наметками насчет культ-просвета, фа-гхуан-цзяо-хуа, в моем полку. Сердце мое плачет, и брови мои отуманены скорбью. Стряслась беда, хо-хуань, стряслось величайшее несчастье, цза-нань. Злодеи ограбили мой склад в Иннокентьевской и похитили, проклятые дьяволы, две тысячи шинелей, две тысячи комплектов обмундирования и две тысячи пар сапог. Будь они прокляты!

И в знак печали полковник Сун-Фу стал вопить:

— Ку, ти-ку, ку-шен, ку-ку-ти-ку!

Я велел посадить его в главную караульную — для расследования. Следствием было установлено, что полковник Сун-Фу организовал общество взаимного кредита, которое и обчистило склад полка.

В этом обществе состояли все, которые перед тем побывали у меня. И господин Лу-И-Иао, и господин Хуан-

Хунь, и господин Тоу-Му, и Сьюн-Цзьянь, Лао-По-Цза, Фа-Дза, и господин Лао-Бин.

Китайский консул с секретарем, достигшие совершенства господа Цзун-Ли-Иа-Мин и Гу-Цзяо-Чжан одолжили для этого дела свой автомобиль, удовлетворившись всего двумястами пятьюдесятью комплектами, которые и были найдены у них на складе.

Говорят, что на суде все они произнесли необыкновенно красивые речи, уснащенные цитатами из старых философов древнего Китая, все подчеркивали, что в жизни они всегда придавали важное значение нравственности, ища чжен-си, высшую правду, ведущую к совершенству! А что в поисках ее они случайно забрели на склад обмундирования в Иннокентьевской, в этом есть нечто роковое.

Чжен-си, высшая правда, не может разбиться о какие-то две тысячи солдатских шинелей и две тысячи пар сапог...

И ОТРЯХНУЛ ПРАХ ОТ НОГ СВОИХ...

I

Четвертого декабря, через 1850 лет после разрушения Иерусалима, через 428 лет после открытия Америки, а если и этих данных мало, то через 540 лет после изобретения пороха я покинул пределы Советской России и появился на границе Эстонской республики.

В Нарве я с интересом прочитал пожелтевший плакат от прошлого года, извещающий, что эстонское правительство выдаст 50 000 эстонских марок в награду тем неведомым господам, которые поймают и повесят меня.

Дело в том, что тогда я издавал в окрестностях Ямбурга татаро-башкирскую газету * для двух диких дивизий башкир и прочих головорезов, оперировавших против белых войск Эстонской республики, поскольку эстонцы вторглись в Россию и, поддерживаемые Англией, решили во что бы то ни стало получить взбучку.

50 000 эстонских марок! Правда, курс у них мизерный, за одну немецкую отдай десять эстонских марок, и все же сумма была заманчивой, тем более что я нуждался в деньгах, истратив последний миллион советских рублей на дорогу ст Москвы до Нарвы.

К счастью, я вовремя сообразил, что если я даже добровольно повешусь в Нарве, все равно никто не поверит, что это я, потому что путешествовал я под чужим именем, с фальшивыми документами *, на которых только моя фотография и не была подделанной.

Размышления мои нарушил какой-то прилично одетый господин, который на ломаном русском языке спро-

сил, не пожелаю ли я обменять советские рубли на эстонские марки.

Я сразу же понял, кто он такой. После стольких лет — первый сыщик!

Эстонских жандармов и полицейских я уже видел — длинной цепью торчали они за проволочными заграждениями вдоль границы. Смотрел я на них с очень односторонним чувством, которое, надеюсь, всем понятно.

Эстония вся опутана проволокой, чтоб внутри не проскользнула социалистическая идея.

Первый сыщик все говорил, пытаясь вытянуть хоть что-нибудь из незнакомого иностранца. Он говорил о беспорядках в Эстонии и хвалил Советскую Россию.

К счастью, я еще в Москве почерпнул глубокие сведения о России из одного номера газеты «Народни политика», которую сотрудники чешской миссии под руководством пана капитана Скалы раздают чехам, возвращающимся из России.

И я сказал сыщику, что нечего ему так хвалить эти Советы, потому что я читал в «Народни политике», как у одного чешского сапожника в Петрограде жена сошла с ума от голода и умер дедушка в Храстовицах, под Белоуном. Трупы валяются на улицах. Из полутора миллионов жителей Петрограда в живых остался один Зиновьев, который средь бела дня грабит лавки в обезлюдевшем городе. Но это еще что, там делают вещи похуже, например, с новорожденными...

Господин сыщик даже не попрощался со мной и поспешно отошел в другой конец вокзала.

Я присоединился к транспорту возвращенцев из России.

Рваные серые шинели старой австрийской армии, выцветшие за шесть лет солдатские «рюкзаки», смесь голосов и языков всех национальностей бывшей монархии...

В тихом уголке у маленького строения на перроне, где красуется надпись «Для мужчин», какой-то венгерский капитан пришивал звездочки к засаленному воротнику.

Перед древней нарвской крепостью и замком представитель Международного Красного Креста по-немецки приветствует «перечесших суровые испытания защитников отечества».

Сестра-немка от Международного Креста раздает первый немецкий кофе с сахаринном.

На воротах карантина в старой крепости одни венгерские и немецкие надписи.

Национальные флаги всевозможных народов, кроме славянских.

Члены американской Ассоциации молодых христиан раздают библии и спекулируют, выменивая «романовки», «керенки» и советские рубли на эстонские деньги.

Все ругают Россию, а эстонские солдаты из-под полы продают возвращенцам водку.

Ворота древней крепости немецких крестоносцев закрылись за нами. Мы проведем здесь четыре дня, и никому не разрешено будет выходить в город.

На большом дворе крепости начинается сортировка по нациям. Какой-то господин кричит по-немецки:

— Граждане венгерской республики налево, австрийской — направо, чехословацкой — в середину, румынской — к воротам!

Происходит ужасающая неразбериха. У дверей канцелярии стоит какой-то бывший кадет и плачет, сотрудник Международного Красного Креста добивается от него ответа, к какой же стране он относится.

Кадета ведут в канцелярию к карте. Ищут Колошвар и в конце концов устанавливают, что кадет, согласно Версальскому договору, стал теперь румыном.

Кадет плачет еще сильнее, сестра из Красного Креста капает ему на сахарок валерьянку...

II

Карантинный лагерь и канцелярия Международного Красного Креста расположены внутри просторной старинной нарвской крепости, выстроенной немецкими крестоносцами, некогда огнем и мечом опустошавшими балтийские земли.

Теперь их опустошают английские торговые компании, поставляя непригодные пушки, фарфоровые миски для курятников, электрические кипятильники и спортивный инвентарь, каковые предметы в высшей степени необходимы, поскольку эстонцам нечего есть.

Нарвская крепость — образцовая развалина. Несколько раз ее разрушали шведы, изгоняя из Нарвы немецких рыцарей. Потом ее обратил в руины Петр Великий, изгоняя шведов. (Более подробных сведений о ней вы не найдете ни в одном научном словаре.) В гражданской войне крепостные стены испробовали гранаты белых и красных.

Дело разрушения довершает Международный Красный Крест, который из остатков старинного рыцарского зала, не жалея кирок, выстроил для бывших военнопленных, возвращающихся из России, нужники без признаков канализации.

Кирки Международного Красного Креста превратили и крепостные башни в разнообразные склады, в которых не дай бог появиться ревизорам.

Предприимчивое спекулянтское местное население пробило в крепостных стенах многочисленные бреши, через которые и проникает внутрь с вонючими колбасами.

Но так как существует строгий запрет жителям вступать в общение с возвращенцами, то у каждой такой бреши стоит эстонский солдат и ждет, как кошка мышку. Отсюда проистекает постоянный доход местного гарнизона — 50% с каждого проданного фунта колбасы и прочих пищевых продуктов столь же гнусного качества, как и колбаса.

Повсюду царит образцовая грязь. Полное впечатление, будто мы внутри осажденной крепости в давние времена, когда неприятель метал через стены горшки с нечистотами. И будто черепки осторожно убрали, чтоб не порезать об них обувь, а содержимое горшков валяется всюду, куда ни кинь взор.

Тот же прелестный вид в здании бывших русских казарм, где размещены возвращенцы из России.

Грязные нары, дымящие печи, тяжелый дух фасоловой похлебки. Жены возвращенцев развешивают пеленки.

Пойдемте лучше, заглянем в «Soldatenheim»¹.

Международный Красный Крест, на который американцы отпустили столько денег, носит чисто немецкую окраску и в Нарве производит впечатление предприятия, организованного в целях наживы.

¹ Солдатское общежитие (нем.).

Сестрички торгуют колбасой и кофе. Кофе — из консервов, предназначенных для бесплатной раздачи среди возвращенцев. Колбасу они покупают за 5 марок, а продают за 25 марок эстонских, или 125 рублей романовских (царских), или 320 думских (керенок), или 1 000 советских рублей.

Все это совершенно безразлично тирольцу, уезжающему сегодня с очередной партией. Он вдыхает аромат немецкого кофе, наслаждается надписью «Behüt euch Gott»¹. Он растроган.

— Милосердная сестрица,— взволнованно говорит он, запихивая в карман кусок колбасы, приобретенной на последние рубли,— спасибо за все, что вы для нас сделали.

В «Soldatenheim'e» — одни немецкие газеты. Только я собрался просмотреть статью в газете «Фрейхейт» о последних локаутах в немецкой «социалистической республике», как на дворе раздался страшный шум и крик, что какой-то венгр бросился с башни в крепостной ров.

Я пошел посмотреть и вот что узнал: в крепостной ров бросился бывший капитан Гараньи из 18 Гонведского, прогоревший на денежной спекуляции.

Это был грустный пример неудачной спекуляции.

Из Красноярского лагеря военнопленных капитан Гараньи был отправлен в Москву как инвалид, где и продал на Сухаревке (московская ярмарка) свои брюки за 120 000 и мундир за 80 000 советских рублей, то есть за 200 000 в совокупности.

Услышав, что за границей советские рубли не принимают и ничего за них не дают, он стал скупать у спекулянтов на той же Сухаревке романовки, царские десятирублевки и пятирублевки, по тысяче за пятьдесят тысяч советских. Таким образом он приобрел 4 000 романовских рублей. Потом ему кто-то сказал, что Врангель разбит и романовки за границей не берут, а что, мол, цену там теперь имеют керенки (думские рубли). И вот он выменял 4 000 царских на 2 000 думских рублей, за которые, к его ужасу, в Нарве ему дали только 400 эстонских марок. Он поспешил обменять их на немецкие деньги и получил 80 немецких марок. Тут он взбесился и на-

¹ «Храни вас бог» (нем.).

чал опять скупать советские рубли, отдавая по 10 немецких марок за тысячу. Стало у него 8 000 советских рублей, которые он в полном уже отчаянии выменял на 40 марок, потому что за это время курс опять упал. Во вторник он произвел новую спекуляцию, обменяв марки на царские деньги, а в среду, с единственной эстонской маркой в кармане, бросился с самой высокой башни, воскликнув: «Eljen a Magyarország»¹.

Его похоронили за крепостной стеной, где спят последним сном 400 солдат русской Красной Армии, попавших в плен к эстонцам и расстрелянных из пулеметов на валу.

Завтра едем в Ревель.

III

Попасть из Нарвы в Ревель — дело вовсе не простое и не легкое. Предварительно вы проходите через целую систему разнообразных мер предосторожности. Сначала вас заставляют раздеться донага и отдать свою одежду в дезинфекционную камеру, где ее выпаривают. Если же вам не повезет и никто не объяснит вам, что в такой камере кожаные изделия, как, например, сапоги и сумки, совершенно уничтожаются, то вы увидите картины кошмара и ужаса.

Один бедняга завязал в узелок свои башмаки и бумажник, набитый романовскими пятисотрублевыми ассигнациями. Два года он грабил Россию, прежде чем сколотил приличный капиталец, который вышел из вошебойки в виде спекшегося, сморщенного монолитного комка из кожи и вареных ассигнаций, возвращенных к первичному состоянию высушенной бумажной кашицы.

Что до башмаков, то осталось неразрешимой загадкой, какие, собственно, предметы были вынуты из вошебойки. Два непонятных куска каменно-твердой массы лежали перед несчастным, который сжимал в руке то, что пятнадцать минут назад еще называлось бумажником и состоянием, и с идиотским выражением тарашился на свои бывшие башмаки.

В конце концов босоногого страдальца отвели в канцелярию Международного Красного Креста, где ему

¹ Да здравствует Венгрия (венг.).

выплатили пособие в 50 немецких марок и выдали грубые сапоги, в удостоверение чего он должен был подписать штук пятнадцать разных документов.

Пока происходили все эти беды, остальные возвращенцы мылись в холодной грязной бане, и надсмотрщики раздавали подзатыльники наглецам из бывшей Транслейтании*, воровавшим кусочки зеленого мыла из банных шаек.

Наконец всех вымытых и продезинфицированных выстраивают у канцелярии Международного Красного Креста, и начинается новая процедура. Эстонский чиновник выкликает по списку, кто поедет вечером в Ревель. Венгерские, румынские и чешские фамилии для него головоломный ребус, он понятия не имеет, как их выговаривать. То и дело происходят недоразумения. Чиновник кричит:

— Йозеф Нефех!

Никто не откликается. Йозефа Нефеха ищут среди турок, румын, и никому невдомек, что это — Йозеф Новак, который стоит в группе чехов, ожидая, чтоб его назвали, и тогда он гордо выкрикнет на весь двор: «Hier!»¹

Вполне возможно, что Йозеф Новак до сих пор ждет в Нарве, когда назовут его имя.

Потом начинается следующая эра: борьба за консервы, которые выдают по банке на двоих. Делается это без всякой системы. Принцип альтруизма исходит слезами среди обломков. Напрасно ищут того, кто получил банку на себя и кого-то другого, и этот другой, в полном отчаянии, снова пристраивается в очередь, надеясь, что ему удастся скрыться с целой банкой. Потом склад закрывают, и злополучный кладовщик с экспедитором письменно решают трудную математическую задачу.

Сегодня отправляется партия в 726 человек. Одна банка на двоих, значит, всего 363 банки, а выдано 516. (Горячо рекомендую журналу чешских математиков и лично министру финансов разрешить это доселе неизвестное уравнение.)

Нечто подобное происходит и с подарками американского Красного Креста. Приятная молодая дама выслушивает устные претензии просителей, которые еще в ка-

¹ Здесь! (нем.)

зарме наспех стянули с себя рубашки и теперь, расстегнув мундиры на голой груди, безмолвно доказывают, что у них нет белья. Один проситель пытается даже доказать молодой даме, что у него, честное слово, нет исподников...

Все-таки в шесть часов вечера нас строят в колонну по шесть человек, окружают эстонскими солдатами и выводят из ворот в сад у моста, где опять пересчитывают.

Цифры удивительно неустойчивы. Как я говорил, нас должно было уехать 726 человек. На дворе нас было 713, у ворот 738, а теперь нас 742.

Эстонский чиновник в изнеможении машет рукой, промолвив: «Иваја!», что соответствует всеобъемлющему русскому «Ничего!»

Нас гонят через мост, и еще два километра через город, в котором гражданская война оставила заметный след.

Площадь пересекает длинная полоса незасыпанных окопов — в назидание потомкам, а также на случай канализации, которая сейчас тут на той же стадии эволюции, как и столетия назад, когда немецкие крестоносцы возводили сей град.

На углу улицы Мая, я видел миленькую сценку. Полицейский разнимал дерущихся: толстого борова и бродячего бородатого козла.

Вот и все, что я видел в Нарве, и могу закончить этот очерк, как и предыдущий, словами: «Завтра едем в Ревель!» Даю читателям и редакции честное слово, что завтра-то мы уж наверняка тронемся в этот самый Ревель.

IV

180 километров от Нарвы до Ревеля мы покрыли за двое суток. Эстонские власти на нескольких станциях снова и снова обыскивали наш эшелон, никого не выпускали на перрон, ничего не позволяли покупать, и в вагонах было, как на вулкане: возвращенцы сидели вокруг чугунных времянок, — в которых давно, еще в первый день, погас огонь, потому что выдали нам по несколько торфяных брикетов, — и на чем свет стоит поносили Эстонию и представителей Международного Красного Креста.

Дольше всего мы простояли в эстонском городе Иггэ-ратис; там произошел открытый бунт в трех последних вагонах, где сидели румыны и венгры. Они окружили несчастного представителя Красного Креста и свирепо требовали от него хлеба, грозя физической расправой.

Тут-то и познакомился я с господином инженером Йожкой. До того момента он, никому не ведомый и никем не оцененный, жил среди австрийцев в вагоне номер 7. Никто и не подозревал, что этот скромный господин из офицерского лагеря пленных в Семипалатинске такой «мудрец-идеалист».

Он заслонил своим телом представителя Красного Креста и, обращаясь к разъяренной толпе, проговорил укоризненным тоном:

— Господа, господа, образумьтесь, вы меня удивляете, зачем так громко кричать! Подумайте, ведь мы в чужой стране, мы гости на эстонской земле, и каждое такое нарушение порядка глубоко унижает нас в глазах эстонцев.

— Мы требуем немедленно хлеба! — кричали румыны, а венгры орали, перебивая их:

— В Нарве нам выдали хлеба на полдня, и вот уже больше полутора суток морят голодом! Бей его!

— Но, господа,— успокаивал их инженер,— имейте терпение, не допускайте насилия! Пусть эстонцы увидят, что мы умеем вести себя достойно... Рассудите, если б эстонские дети возвращались сейчас из школы, что бы они о нас подумали?

В толпе возникает смутное подозрение, что, верно, господин инженер тоже как-то замешан в этом деле, и уже кто-то бессовестно утверждает, что в том вагоне, где едет господин инженер, хлеба столько, что им топят печку.

Представитель Красного Креста, воспользовавшись бурей, разразившейся над головой господина инженера, исчезает. Ток высокого напряжения получает разрядку. Два эстонских солдата спокойно созерцают, как линчуют господина инженера и как он потом с трудом лезет в свой вагон.

— Ну и отделали меня! — говорил инженер, забравшись на место.— Как обидно, что это случилось в чужой стране, на глазах у иностранцев, хорошо еще,

дети не шли из школы, а то бы они подумали, что мы дикари.

Представитель Красного Креста, за которого господин инженер расплатился своими боками, все-таки почувствовал моральную обязанность сделать что-то для эшелона, и пошел договариваться с эстонскими властями, чтоб для нас сварили хотя бы суп.

Переговоры имели успех: как только он завел речь о супе, заработали все телефоны, и начальнику станции было приказано немедленно отправить нас дальше. Представителю Красного Креста обещали выдать нам суп в Игве.

Поехали мы в Игву и там узнали, что супа для нас не варили, так как в Мёригёлье нам дадут полный обед.

Станция Мёригёлье быстро отделяется от нас заверением, что на станции Вейнемаяе нас ждет и обед и ужин.

К чести своих спутников могу сказать, что того господина, который осведомил нас об этом, свезли в лазарет. Едем дальше. На станции Вейнемаяе поезд даже не остановился, так что, если и был среди нас кто-нибудь, кто воображал, будто зря обидели того господина из Мёригёлье, то он полностью переменял точку зрения.

Ночью поезд приближался к Ревелю — поезд, пассажирами которого были люди, уже готовые на все. Настроение было такое, что угроза разграбления Ревеля казалась более чем правдоподобной.

К утру не было среди нас ни одного человека, который не выглядел бы закоренелым старым грабителем и злодеем.

Только господин инженер не терял надежды, полагая оптимистически, что хоть в Ревеле-то нас накормят.

Он все время говорит вещи, давно всем известные.

— В самом деле, — изрекал он, — как странно, что, не евши полтора дня, испытываешь голод. Если нас в Ревеле накормят, чувство голода пройдет само собой. Без хлеба очень трудно жить, а хлеб очень хорошо насыщает.

— Господин инженер, — доносится голос из угла вагона, — если вы не заткнетесь, честное слово, открою дверь и выкину вас на полном ходу.

Господин инженер бормочет что-то о гармонии красоты, добра и прогресса, о том, что надежда помогает

душе восторжествовать над проклятиями, и о духовном возрождении грубиянов.

Светает. Господин учитель Земанек спорит со всем вагоном, что мы, должно быть, уже у самого моря и что он уже обоняет соленый морской воздух. Потом он замечает наконец, что кто-то из нашей компании сунул ему в штаны горсть икры от гнилых селедков, которыми нас облагодетельствовали в Нарве. Господин учитель, естественно, оскорблен, но господин инженер деликатно замечает ему, что величайшая добродетель в том, чтобы сносить насмешки. Любовь должна быть евангелием мира.

Несколько человеколюбивых угроз заставляют господина инженера закутаться в шинель и замолкнуть до станции Кюльмё, где все мужчины эшелона бросились растаскивать штабеля дров и хвороста, чтоб отопить вагоны.

Принесли добычу грабительской вылазки, и огонь весело затрещал в маленьких печках; тогда господин инженер слез со своего места и заявил:

— Отчуждение вещи, не принадлежащей нам, называется воровством, и о том, кто так поступает, говорят, что он вор. Мы все ответственны. Если я согреваюсь украденными дровами, углем или хворостом, то я соучастник хищения.

В ходе спора выясняется, что раз он заявляет, что не участвовал в вылазке, то и не имеет прав греться. Хочет сидеть в тепле — пусть пойдет и стащит полено.

— Кто принимает добро, должен платить тем же.

Перед ним открыли дверь и вытолкали вон. А на дворе 12 градусов мороза. Вскоре господин инженер вернулся с большим поленом и сказал:

— Я похитил чужую вещь, я вор.

На станции Кюльмё разнесся слух, что представитель Красного Креста остался в Мёригёлье, чтоб договориться по телефону с ревельскими властями. Этот слух, подобно искре надежды, пробежал по всем вагонам и затух в скепсисе, выраженном в простых словах одним гражданином из Смихова: «Опять задумали какое-то жульничество».

Точка зрения смиховца была совершенно правильной. Когда наш поезд уже совсем подъехал было к ревель-

скому вокзалу, он вдруг свернул на ветку к порту, в объезд города Ревеля, где нам следовало получить: 1) обед, 2) ужин, 3) завтрак.

На повышенной скорости мчится поезд по берегу моря. На море никто не обращает внимания. Все глядят назад, где трусливо за песчаными дюнами прячется от нас город Ревель, столь счастливо избежавший встречи с отчаявшимися и на все готовыми людьми.

Но вот мы у цели. Причал, у причала транспортный пароход «Кипрос», дальше в море, между нами и островом Сильгит, еще пароход на якоре.

На причале нас ожидает депутация от какого-то общества — дамы и девицы из Ревеля, с пастором во главе; они раздадут нам газеты с родины, причем хор дам и девиц поет трогательную немецкую песенку:

Кто счастливым хочет быть,
Должен о грехах забыть.
А тогда и на том свете
Бог пути его осветит.

Через полчаса пастор и хор дам и девиц купаются в волнах, а мы все с ужасающим ревом «урра!» кидаемся на пароход «Кипрос»...

V

Команда «Кипроса», старые морские волки, быстро навела порядок. Вот так же чабан пересчитывает овец: хватается одну за другой за загривок и швыряет в загон. Каждый из нас прошел через турникет, то есть через несколько пар мускулистых, волосатых матросских рук, передававших нас как бы по конвейеру, чтобы закончить это стремительное путешествие где-то внизу, в трюме, где нас моментально разбивали на десятки, выроставшие в трюме, как грибы после дождя. И не успевал ты опомниться, как шагал со всей своей десяткой в другой конец парохода, получал буханку хлеба, банку мясных консервов, ложку, алюминиевую тарелку с кружкой — и уже снова оказывался на своем месте в трюме. Через полчаса вся партия накормлена и размещена.

Господин инженер воспрянул духом и возобновил свои рассуждения:

— Когда человек сыт, он удовлетворен, голодный же человек несчастен.

Слушателей у него очень мало, но он тем не менее продолжает свои неоспоримые утверждения:

— Прежде чем нам отплыть, пароход должен поднять якоря, и в кстах следует развести пар. Если б это было парусное судно, то пришлось бы ждать благоприятного ветра. Без ветра парусники не могут двигаться, все равно, как автомобили без бензина.

«Кипрос» сигналил катерам береговой службы—мол, собираюсь отплыть — и получает от них ответ: «Море свободно». Тогда наш пароход дает гудки, и мы прощаемся с эстонским берегом, который окутался туманом, как бы говоря: «Не стоит вам оглядываться, ничего хорошего вы у нас не видели».

Все-таки несколько сентиментальных возвращенцев машут грязными платками. На причале стоят эстонские детишки из соседних рыбацких домиков и дразнятся языками.

Трое обросших волосами тирольцев, схватившись за руки, заводят:

Wann ich kumm, wann ich kumm,
Wann ich wieder, wieder kumm...¹.

Разглядываю надписи на корабле. Они полны остроумия. «Заметив пожар на борту, сообщите старшему офицеру». «На капитанский мостик входить пассажирам воспрещается». «Ключ от кладовой со спасательными поясами — у младшего офицера, которому надлежит сообщать о каждом несчастном случае».

Снизу я приписываю: «Если пароход потонет, сообщите капитану».

Иду заглянуть в буфет, и — как нож в сердце — меня встречает надпись: «Продажа спиртных напитков строго запрещена».

Где же романтика матросского рома, виски, грога? Где старые пьяницы-матросы Киплинга, которые пили так много и орали «йо-го-го» и снова пили?

Вместо этого продают овсяное пиво, лимонад, леденцы, пряники и шоколад; можно подумать, школь-

¹ Когда я вернусь, когда я вернусь,
Когда я снова, снова вернусь... (нем. диалект).

ники под надзором учителей совершают прогулку на пароходе в конце учебного года.

В другом конце корабля есть еще буфет, являющий ту же печальную картину, словно над ними властвует дух доктора Фоустки * и профессора Батека *. Там продают лимоны, яблоки, селедку, сардинки, прочие рыбные консервы и открытки. Там же вы можете получить сквернейшие немецкие сигареты и еще худшие сигары.

Продолжаю осматривать пароход и обнаруживаю еще несколько надписей, трактующих о спасательных шлюпках и о правилах спуска их на воду. Одна шлюпка заинтересовала меня: у нее в днище порядочная дыра.

Заглянул я и в матросский кубрик. Матросы пьют кофе, они трезвы и не курят короткие трубки. В руках у одного — толстая книга с алым обрезом. Подозреваю, что это библия. Тихо закрываю дверь, пробормотав извинение — ошибся, мол, — и иду подышать свежим воздухом на носу; наш пароход как раз сигналил встречному судну, на борту которого русские пленные, возвращающиеся на родину.

Все вылезает на палубу. На судне с русскими поднимают красный флаг.

Пароходы встретились, завели разговор. Они и мы — все машут платками, кричат «ура», на обоих судах кое у кого блеснули слезы, которых никто не стыдится.

Долго еще разносятся наши взаимные приветственные крики по просторам морского залива и отдаются эхом от меловых скал острова Сильгит.

Водная гладь спокойна. Чайки летают над морем, падают на воду, ныряют.

Господин инженер, как всегда, мудро замечает:

— Эта птица называется чайка-хохотунья, потому что крик ее похож на человеческий смех, а если бы он не был похож...

— ...то я швырнул бы вас за борт, — заканчиваю я с серьезным видом.

Проплываем мимо длинной полосы земли, и господин инженер откровенно признает:

— Это остров, так как со всех сторон его окружает вода. Если бы эта полоска земли была с одной стороны соединена с сушей, то был бы полуостров.

Вокруг него собирается кружок слушателей. Господин инженер показывает рукой на рыбацкие лодки в валиве и уверенно сообщает:

— Море богато рыбой, и рыбная ловля — единственное занятие рыбаков. Многие рыбы пожирают друг друга, в противном случае они погибли бы от голода. Акулы опасны для людей, купающихся в море. Море бывает мелкое и глубокое. Морская вода соленая.

Слушатели дружно поднимают господина инженера и раскачивают над морской гладью. Господин инженер кричит:

— Если вы меня отпустите, я утону!

Кто-то приносит ведро морской воды, господина инженера кладут на палубу, окатывают и ведут сушиться в кочегарку. Он до того ошеломлен, что не может припомнить ни одной истины; приходит в себя он только за ужином, заметив как бы между прочим:

— Горох сстаетя круглым даже в вареном состоянии.

Это, конечно, святая правда, но тот горох, который нам предложили в супе, вероятно, объявил забастовку и остался твердым, как камни Карлова моста.

Но что нас приятно удивило в супе, так это сушеные сливы, яблоки, овсяные отруби и селедочная икра.

Теперь представьте себе, что большинство из нас до этого съели холодные жирные мясные консервы, затем в буфете — шоколад, марципаны, яблоки, маринованную селедку с луком, сардинки в масле и выпили овсяного пива и лимонада.

Сколь достойная подготовка к морской болезни, подстерегающей нас где-то за пустынным морским горизонтом!

Совсем стемнело. На острове Сильгит во тьме мигали маяки, задул северо-западный ветер, и когда мы вышли из залива, волны не заставили себя ждать и заявили о себе по собственной инициативе, полные рвения и энергии.

«Кипрос» начал резать волны, а они ревели в ночи от боли и, разъяренные, старались потопить его, ввергнуть в пучину.

«Кипрос» пошел отплясывать такой кек-уок *, что нам не в шутку сделалось худо. Идея единства победила

по всем линиям. Все, без различия партийной принадлежности, мировоззрений и национальности, схватились за животы, и, по прекрасному выражению господина учителя Земанка, «думали, что нас разорвет».

Все писатели, повествующие о своих морских путешествиях и упоминающие о морской болезни, изображают себя героями. По их словам, всех рвало, кроме господина писателя. Я составляю почетное исключение.

Меня тоже схватило. Да так сильно, что я, впервые в жизни, вспомнил о господе боге и страстно молился над ревушим морем: «Великий боже, взываю к тебе в душе своей и, честное слово, жажду говорить с тобой, хотя ты и видишь, что я делаю. Но ты сотворил меня во славу свою и должен сжалиться надо мной, несчастным. Обещаю тебе, что с помощью твоей буду следовать твоим законам, отрекусь от заблуждений и пороков, не хочу больше влачить ярмо вкупе с неверующими и безбожниками и клянусь сотрудничать в «Чехе» и написать хвалебную оду на папского нунция».

Результат был таков, что я дрожащей рукой записал в дневнике: «Мне все хуже и хуже. Молитва не помогла».

Солнце, взошедшее над расходившимся морем, застало нас все в той же позиции над перилами, в какой мы провели ночь.

Господин инженер, перегнувшийся рядом со мной над перилами, шепотом произнес:

— На суше морской болезни не бывает.

И у меня, бедного, не было даже сил бросить его за борт в жертву бушующим водам...

VI

Исполнение на практике всех разнообразных движений, совокупность которых в науке и в народе обозначается термином «морская болезнь», продолжалось в общем около полутора суток. Положение на корабле было грустным, потому что никто, даже капитан, не знал, куда мы, собственно, плывем.

Капитан утверждал, что пароход должен идти наперерез волнам, прстив чего, правда, никто не возражал, однако ветер и волны то и дело меняли направле-

ние, и вот мы бороздили море вдоль и поперек, словно пиратское судно, опасаящееся берегов.

К вечеру второго дня опять началась пляска по волнам, еще сильнее, чем в первый день, и у всех у нас было одно желание, чтоб уж все это чем-нибудь кончилось.

Капитан утешал нас, говоря, что это еще ничего, вот однажды ему пришлось кружить по морю и резать волны целых четырнадцать суток, и шел-то он в недалекий рейс, из Данцига в Ригу, а теперь мы плывем куда дальше — из Ревеля в Штеттин.

Мы начали привыкать к морской болезни и даже находить вкус в пресловутой немецкой похлебке из сушеных слив и разварной селедки.

Под утро господин инженер выполз на палубу и принялся орать:

— Земля, земля!

Так же, наверное, орал матрос на мачте Колумбова корабля, когда тот отправился открывать Америку. И в школе учителя еще твердили нам, что матрос кричал «Земля, земля!». Господин инженер вы зубрил это на память и теперь применил историческую формулу, он еще раз крикнул:

— Земля, земля!

Спросили мы капитана, где же это мы. Он долго осматривался, производил измерения и заявил, что мы либо у датских, либо у шведских берегов, но, может быть, та земля на горизонте — какой-нибудь остров, принадлежащий то ли одному, то ли другому королевству.

Такое точное определение нашего местонахождения вызвало всеобщую взволнованность. Одна женщина расплакалась, что не видать ей больше Германии, раз нас вместо Штеттина привезли к противоположному берегу.

Я ходил среди расстроенных людей и подливал масла в огонь, распространяя слух, что нас везут в Америку.

К счастью, ветер опять изменился, и «Кипрос» был вынужден резать волны в южном направлении, носом к Германии. Однако тем дело не кончилось, и в тот день мы еще держали курс на юго-восток, на северо-

восток, опять на юг, потом на северо-запад и в заключение на юго-запад.

Господин инженер, лежа в трюме на своем соломенном тюфяке, громко рассуждал:

— После изобретения компаса корабли могут определять, где юг, север, восток и запад. На юге лежит Южный полюс, на севере — Северный.

Та женщина, которая плакала, когда мы находились «то ли у Швеции, то ли у Дании», впала в истерику и принялась кричать, что на Северный полюс она не поедет, потому что боится.

Но господин инженер не смутился и продолжал:

— Западного или восточного полюса не существует, есть только два, Северный и Южный, так же как есть северное и южное полушария. Мы живем в северном полушарии, а если бы среди нас были австралийцы, то они были бы из южного полушария. Земля круглая и вращается вокруг своей оси непрерывно, день за днем, год за годом. Если мы завтра будем в Штеттине, это будет означать, что мы счастливо доехали и что Штеттин — морской порт.

Затем он хлебнул овсяного пива и, провожаемый враждебными взглядами, улегся спать.

На следующую ночь ветер утих, «Кипросу» уже не нужно было разрезать волны, и он вел себя вполне мирно. Капитан определил курс на Свинемюнде, небо прояснилось, и к полудню опять появились чайки. Горизонт уже не качался, и вода была такая тихая, спокойная, как на прудах в Гостиварже*.

После полудня показался холмистый берег, поросший густым сосновым лесом, и мы еще засветло прибыли в Свинемюнде с его маяками, рыбаками, брошенными купальнями и казармами для матросов, которых можно теперь тут сосчитать по пальцам.

Крупный укрепленный военный порт, гордость Германии, лежит в развалинах. Немцам пришлось взорвать его, так же как и надменные дредноуты, останки которых валяются в разрушенном порту.

Но невозможно было обойтись без оркестра, и на земле прусской Померании, при впадении Свины в Балтийское море, нас приветствовали старой военной музыкой.

При виде всего этого разорения господин инженер не мог удержаться от слов:

— Взорванное военное судно уже не годится в употребление. Так как здесь Свина впадает в море, а «устье» по-немецки называется «Münde», то это место совершенно справедливо носит название Свинемюнде; если бы это была Эльба, то называлось бы Эльбемюнде, а Рейн — Рейнмюнде. Это вполне логично.

Пароход входит в Одерский канал, соединяющий порт со Штеттином, что опять побудило господина инженера к логическому умозаключению:

— Если бы не было Одера, Штеттин перестал бы быть крупнейшей немецкой торговой гаванью, и мы должны были бы ехать в Штеттин не по воде, а по железной дороге, и без воды тут не могли бы строить суда. Поэтому можно сказать, что Одер — благословение Штеттина.

Эти ученые рассуждения прервал грохот спускаемого якоря. Мы будем стоять здесь, пока нас не осмотрит медицинская комиссия.

Когда комиссия прибыла на борт, нас стали вызывать по одному. Разговор с нами был короткий: нас просили показать язык, и дело с концом.

После того, как все несколько сот бывших пленных показали язык почтенной комиссии, она почувствовала себя вполне удовлетворенной и съехала на берег. Мы подняли якорь. Оркестр на берегу сыграл нам на прощание «Heil dir im Siegeskranz»¹, и мы, проплыв по Одерскому каналу, причалили в столице Померании.

Говорят, там нас ждет торжественная встреча.

¹ «Слава тебе в победном венце» (нем.).

ИСТОРИЯ ЗАСЛУГ ПАНА ЯНКО КРИЖА

Ручаюсь, что крупинский обыватель пан Янко Криж никогда не предполагал, что́ приключится с ним в конце его жизни. Я разговаривал со многими, которые его раньше или позднее знали, и все утверждали, что это был очень хороший человек, не любивший причинять неприятности другим, хотя и принадлежал к семье, у которой было немало недоразумений с соседями в те далекие времена, когда они еще жили в Погронье и имели под Дюмбьером свои пастбища. Говорили, будто тогда их постигали одни несчастья, и это отчасти правда.

Может быть, все началось с тех пор, как Яношик трижды обошел в пляске свою виселицу* в Виглашском замке, а среди его добрых молодцев появился и один из семьи Крижей.

После этого семейство Крижей стремительно покинуло Погронье и через Альмаш перебралось в Пуканец. В судебных записях Гонтского округа отмечается, что пуканецкие Крижи занимались колдовством и поэтому были изгнаны из Пуканца. К сожалению, там не было указано, в чем это колдовство заключалось. Город Крупина, который стойко противостоял нападениям турок, когда еще в Будине восседал их паша, не смог устоять против рода Крижей, и они в нем окончательно обосновались.

Старый Янко Криж торговал скотом и лошадьми, а в конце своей жизни, посвященной неудавшемуся изучению всевозможных цыганских трюков в торговле ло-

шадьми, заложил небольшие купальни под самой Крупной на пути к Жибржитову, где находится минеральный источник.

От купален теперь остались только четыре голые стены, разбитые венгерскими гонведами в знаменательные дни венгерской революции 1848 года. Для укрепившихся здесь словацких добровольцев под водительством Гурбана * это была действительно горячая баня, и даже лечебная вода не могла им помочь.

После революции старый пан уже не пытался восстановить купальни и снова занялся продажей скота и лошадей. Когда же ему стукнуло семьдесят лет, у него, на удивление всей Крупине, родился сын. Поэтому, пожалуй, правы были те, кто обвинял род Крижей в колдовстве.

Молодой Янко Криж начал новую эпоху в жизни своего рода, эпоху спокойствия и удовлетворения. Так продолжалось до тех пор, пока ему не исполнилось сорок лет. Было у него прекрасное хозяйство, дом на площади, свои виноградники, и жил он до этого рокового года вполне счастливо.

Думается мне, что поэтому его и называли Счастливейший пан Янко. Потом вдруг напала на виноградники болезнь, с этого и началась пора невзгод. Едва уничтоженные виноградники стали возрождаться и пан Янко Криж снова начал пить свое собственное вино, как черт его попутал, и он женился на мельничихе Гелене.

С тех пор все в округе его знали, потому что, куда бы он ни пришел, он всем советовал не брать в жены мельничих, которые научились у своих жерновов перемалывать мужей в муку.

К счастью, это была женщина, которая все мельничное хозяйство держала в железных руках и даже залезла под мельничное колесо, чтобы посмотреть, все ли там в порядке.

Однажды в такой момент колесо, неизвестно почему, вдруг пришло в движение — и пан Криж неожиданно овдовел. Когда пришли сообщить ему, что он вдовец, Криж попивал вино в своих винных погребах на виноградниках и ставил новые чаны. Он угостил послов по-королевски и вернулся ночью с виноградных

холмов в весьма веселом настроении. А за день до этого он еще уверял, что никогда ни в чем жене не уступал:

У меня жена непокорная.
Нужен кнут на нее.

Но позднее пан Криж уже твердил, что бог снял с Крижа крест¹.

С тех пор он стал уделять больше внимания своей дочери Оленке, которую отправил в Гёдёллэ в монастырь, чтобы она там хоть немного научилась вести себя, потому что до сих пор ее любимым занятием было кидать камнями в птиц да показывать мальчишкам язык. Но в монастыре Оленка научилась врать: когда она вернулась домой, то скрыла, что ходила с учителем Беднариком на прогулку к Крупинским скалам.

Крупинские скалы интересны тем, что они испещрены удивительными надписями, напоминающими первобытные рунические письмена, а под ними находятся старые пепелища. Эти таинственные места привлекают по вечерам молодых людей из Крупины, которые в столь романтически укромных уголках испытывают такой страх перед тайнами далекого прошлого, что невольно прижимаются друг к другу.

Учитель Беднарик также утаил, что ходил с Оленкой любоваться непонятными надписями на скалах, и говорил, что у него нет времени интересоваться такими вещами, потому что он занят голубями пана Крижа.

И это действительно было так.

Когда бог снял с Крижа крест, Янко снова смог много времени уделять своим голубям. Он сдал в аренду все хозяйство, кроме виноградников и мельницы, а свое пристрастие к вину заботливо поделил с любовью к голубям.

В свою очередь, учитель Беднарик поделил интерес к голубеводству с интересом к Оленке и, чтобы иметь к ней доступ, соорудил роскошный голубятник на чердаке дома Крижа.

По вечерам он вдохновенно говорил с паном Крижем о голубях и в то же время прикасался к Оленкиной

¹ Здесь игра слов, так как фамилия Криж в переводе на русский означает «крест».

ножке и чувствовал себя на вершине блаженства: ведь с ним была его голубка.

В июне директор сообщил Беднарику, что школьный королевский совет переводит его в Брезно над Гроном и что он должен занять новое место сразу же после каникул.

Поэтому когда пан Криж поднялся на голубятню, он нашел учителя необычайно озабоченным, но несколько не удивился этому, потому что Беднарик с грустью сообщил ему, что опять, мол, этот мохнатый голубь не высидел яйца.

Вечером в лабиринте Крупинских скал учитель сказал Оленке, что он должен раздобыть почтовых голубей и что он объяснит ей потом, как она сможет получать от него весточки из этого проклятого Погронья.

В связи с этим после ужина в доме Крижа завязался большой спор. Пан Криж, как человек консервативных взглядов, выразил свое недоверие к почтовым голубям, которых по неизвестной причине называл фиглярами. Но в конце концов он согласился, потому что Оленка вдруг заявила, что почтовые голуби ей очень нравятся. Отец был этим крайне удивлен, так как она до сих пор не проявляла ни малейшего интереса к его питомцам. И тут она шепнула пану Беднарику, что любит того, кто занимается голубями.

Так были удержаны позиции почтовых голубей, и вскоре четыре пары их были получены из Зволени.

Этот вид голубей весьма понравился пану Крижу, а когда, обученные Беднариком, они прилетели однажды к нему на виноградники и под крылышком одного из них оказалось маленькое письмецо, в котором его звали домой к ужину, он заявил, что это самые совершенные голуби на свете.

Пан Криж знал цену своему счастью и спокойствию и мечтал о том, что когда-нибудь он выдаст свою Оленку замуж за какого-нибудь жителя Крупины, владеющего виноградниками, домом и почтовыми голубями, которые будут приносить ему записки с сообщениями, что все уже готово к ужину и пора идти домой.

Поэтому ему и нравилось, что Оленка проявляет все больший интерес к голубям. А по правде говоря, интерес этот все возрастал по мере того, как приближал-

ся день, когда молодой учитель должен был уехать в это проклятое Погронье.

Когда же этот день неотвратимо наступил (я полагаю, что не стоит распространяться о душевном состоянии двух молодых людей), то первым, кто заплакал при расставании, был пан Криж. Он не мог отказать Беднарику ни в чем и подарил ему две пары прекрасных почтовых голубей.

— Ждите от меня сообщения,— шепнул учитель Оленке, в то время как пан Криж снова доставал из фалды своего пиджака большой платок.

Случилось так, что как раз в это время министр внутренних дел Берчевич собрался проехать инкогнито на автомобиле через Северную Венгрию, чтобы убедиться, что словаки выражают полное доверие правительству.

Кроме того, ему хотелось немного проветрить свою официальную персону и испытать новый автомобиль.

Между тем пан Криж так грустил об отъезде своего управляющего голубятней, что целыми днями пропадавал в своих винных погребах и дегустировал там вина, пытаясь хоть немного утешиться. А Оленка проявляла необыкновенный интерес к голубям, она сидела все время на чердаке и смотрела по направлению к северу, не придет ли известие от Ивана Беднарика.

Было около пяти часов, когда она увидела летящего со стороны Зволенья голубя. Он кружился над Крупиной, не выражая желаний опуститься. Ей же казалось, что он выбирает место.

На чердаке лежал флаг, королевский венгерский флаг с тремя полосами — зеленой, белой и красной. Оленка схватила его и начала, стоя на крыше, махать им, чтобы привлечь, заманить голубя.

Она махала флагом, и теперь каждый ребенок в Крупине знает, какие удивительные события тут произошли: какой-то автомобиль, в котором было двое мужчин, выехал на площадь и остановился перед домом Крижа. Из автомобиля вышел некий господин и, с удивлением показывая вверх на флаг, сказал, обращаясь к другому:

— Невероятно! Откуда они знают, что я приехал?

Известно также, что это был министр внутренних дел Берчевич, проезжавший инкогнито через Крупину. По-

том прибежал уездный начальник, а Оленка, видя, что голубь полетел к виноградникам, в отчаянии оставила на голубятне развевающийся флаг и спустилась вниз, чтобы броситься к виноградникам.

Уездный начальник хвастался потом, что он внизу представил Оленку министру, но это неправда, потому что сам министр, когда Оленка выбежала из дому, первый подошел к ней и сказал удивленной девушке, что это его действительно радует и что с ее стороны это очень мило. Затем в припадке демократизма он вошел в дом, и тут только Оленка поняла, что у них гости.

Тем временем голубь подлетел к винным погребам пана Крижа, и тот узнал в нем своего почтового голубя.

Под крылом его он обнаружил маленькую записочку, в которой говорилось: «Нежно Вас целую. Ваш верный Иван».

Почтовый голубь уселся на плечо пана Крижа, и тот стал спускаться с виноградников, размышляя об открывшейся тайне и о том, что творилось за его спиной.

Когда пан Криж вернулся в город, то обнаружил, что это еще не все, что могло его сегодня удивить, потому что его разыскивал городской нотариус. Когда тот заговорил с ним о министре внутренних дел, то Криж сначала подумал, что нотариус, наверное, рехнулся, но потом вздохнул: «Ну и номера она сегодня выкидывает!»

Через час министр внутренних дел покинул дом Крижа, выразив свою благодарность за гостеприимство. А после его отъезда пан Янко трясущейся рукой показал Оленке записку от Ивана Беднарика и закричал:

— Я запрещаю это!

— Хорошо, отец,— спокойно ответила Оленка,— больше этого уже не случится, потому что Его превосходительство только что пообещал мне, что Иван в самое ближайшее время будет снова переведен в Крупину.

— Ну что ж, сдаюсь,— вздохнул поверженный пан Янко Криж, который через некоторое время совершенно неожиданно, как гром среди ясного неба, получил за заслуги железный крест короля Стефана.

Вот что случилось с ним в конце его жизни.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ БАБАМА

I

Между истоками Белой Тиссы и Черемоша все хорошо знали Бабама, он недаром обшарил каждую гору в Лесистых Карпатах. Сегодня он ночевал на горе Говерла, самой высокой во всей Роденской горной цепи, а два дня спустя засыпал под горными соснами на Негровце, на другом конце Мармарошского комитата *. Он лазил по скалам с искусством, достойным изумления, но еще более поразительно было то, что его не трогали гуцульские разбойники, постоянно тревожившие жителей северной части комитата. Поговаривали, что в те дни, когда золото, намытое в Борше, Кабола-Поляне и Будафала, еще возили по тропе,— теперь там проложена дорога,— Бабам указал гуцулам место в одном ущелье, где было удобно преградить путь валунами и грабить возы с золотом. И хотя в этих слухах была, по-видимому, доля истины, Бабаму не смогли предъявить никакого обвинения. Не могли даже решить, какому участку окружного суда следовало разбирать это дело — мармарошсигетскому или берегсаскому. Был, говорили, в Сигете в то время очень хороший судья, он сам родился в девственных лесах Карпат, где-то у Шугатага, и хорошо разбирался в подобных делах, случавшихся довольно регулярно. Такие операции обычно обходились без кровопролития, и сам отец главного судьи помогал сбрасывать с возов мешочки с золотым песком.

Таким образом, не было ничего удивительного в том, что Бабам выпутался из этого дела. Он сам говорил, что два волка не перегрызутся. Более удивительным было, однако, то, что с Бабамом вообще ничего не случилось, когда он целыми ночами бродил по Лесистым Карпатам, где в девственных лесах обитают медведи, волки, лисы, вепри, рыси и дикие кошки. Ни для кого не было тайной его знакомство со старым черным медведем, жившим в пещере под Попадьей; проходя поблизости, Бабам приносил своему другу диких кроликов, которых убивал палкой с топориком на конце. Говорили даже, что он частенько спал в пещере медведя, и люди действительно видели, как медведь провожал его по лесу и как Бабам вполне серьезно говорил ему: «Помни же, старый дурень, что тот кролик, которого я тебе принес, был от самого Свидовца».

Однажды Бабам, заглянув к своему приятелю медведю, сообщил ему, что через Лесистые Карпаты на соляные копи собираются прокладывать дороги, так что очень затруднительно будет добывать золото тем, другим, путем. Он рассказал медведю о людях, которые уже измеряют расстояние от Акна-Слатины до Мармарош-Киш-Бочко, от Шокаманы на Шугатаг и Шокамара-Ронашек, и о том, что уже делают насыпь на Тарацкез-Терешельпатаг через тисовые и буковые леса.

Неделю спустя он сообщил своему медведю, что против гуцулов, которые снова перешли с галицийских границ в Роденские горы, движутся солдаты 85-го пехотного полка, посланные командованием резерва в Мармарошсигете.

Эти новости, казалось, произвели на старого медведя необычайно сильное впечатление, ибо он заворчал и судорожно вытянулся.

Наутро, когда Бабам стал будить его, оказалось, что старый медведь совсем окоченел: он навсегда покинул своего друга.

Бабам содрал с него шкуру со всей учтивостью, на которую был способен по отношению к давнему другу, закопал его мясо, а на дереве, под которым был похоронен медведь, вырезал ножом крест. Медвежью шку-

ру он отнес вниз на равнину и в Сигете Мармарошском предъявил ее чиновникам, за что и получил установленную премию — двадцать гульденов. Потом он заказал себе шубу из шкуры. Это была та самая шуба, в которой впервые, как это выяснится впоследствии, увидел Бабама ученый-энтузиаст, профессор Фальва.

Так и ходил Бабам в платье своего умершего друга, — как говаривал он сам, утверждая, что унаследовал шубу от своего знакомого, — и, продав одному еврею в Буковине мешочек золотого песка, зажил благонамеренной, упорядоченной жизнью. У него был свой банк в пещере под Попадъей, и когда ему было нужно, он доставал из земли гульден-другой; зная, что в Густе родится доброе вино, он отправлялся туда, а на другой день мог вполне довольствоваться хотя бы минеральной водой, которую черпал прямо шапкой в Шулигули, что за Фельшэ-Вишо.

Однажды он пришел в Акна-Слатину и рассказал там, что в Шулигули уже ни один бедняк не может напиться целебной воды прямо из источника, так как источник огородили и вокруг него строят курорт.

Мужчины из Акна-Слатины отправились вместе с ним; чтобы поглядеть на эти перемены, они подожгли все сооружения и сломали ограду у источников.

По этому поводу у Бабама были снова кое-какие неприятности с властями в Берегсэге, и ему пришлось дважды навещать свой пещерный банк; он приходил не только за серебром, но и за бумажками, на которые судья Варга, человек, несомненно, разумный, и купил себе потом пару прекрасных коней, что вовсе ни для кого не секрет.

В те времена на Негровце обосновался пустынный, и когда Бабам попал во время своих странствий на эту гору, пустынный принялся уговаривать его покончить с кочевой жизнью. Бабам слегка стукнул его топориком по голове, а когда выяснил, что пустынный этого не перенес, похоронил его с великим благочестием и на могиле поставил большой деревянный крест.

Поговаривали, что Бабам завладел наследством пустынного, состоящим из грубо сколоченной хижины. Он нашел там в горшке триста золотых, что повергло его в глубочайшую набожность. Целый месяц он усердно

молился у могилы пустынного, питаюсь все это время только мамалыгой — кукурузной кашей, которую варил из запасов, обнаруженных в хижине.

Молился он так:

— О господи, сделай милость, прости все грехи этому пустынно, ведь он, конечно, был порядочным и достойным человеком. Господи, клянусь тебе, это был очень хороший человек, и да прославится имя твое, если ты примешь его на небо, а я никогда не забуду твоей услуги. Я думаю, ты меня понял, господи. А если нет, пошли мне какое-нибудь знамение.

Прождав месяц, но так и не получив никакого знамения, Бабам решил, что помолился достаточно; он навалил камней на могилу, чтобы волки не вырыли и не сожрали пустынного. После этого Бабам ушел на Киш-Бочко и за десять гульденов поставил в местном костеле большую свечу в память о пустынно.

«Теперь я сделал для него все, что мог», — сказал себе Бабам и отправился обратно в горы, на Шокамару.

Там он купил небольшое хозяйство и стал жить-поживать, избавляя крестьян от забот об овцах, что, конечно, было большим благодеянием для всей округи. Однако крестьяне не поняли его добрых намерений и сочли это просто-напросто грабежом. В один прекрасный день к Бабаму явились шестеро шокамарских пастухов и вывели его за околицу деревни. По дороге они обратили внимание Бабама на то, что ему предоставляется право выбора: быть повешенным немедленно или позже, в том случае, если он вздумает вернуться на Шокамару. Бабам пообещал и не думать о возвращении, прибавив, что хотя ему счень грустно покинуть таких хороших людей, но он никогда не совался туда, где ему не были рады. Он сказал еще, что Шокамара — самая паршивая деревушка на свете и он просто понять не может, как он мог там так долго выдержать. После чего он выпил с пастухами вина в Шугатаге, сердечно попрощался с ними и прочно осел в Кабола-Поляне, где его и открыл молодой ученый, профессор Фальва, страдавший навязчивой идеей, что все нации вышли в доисторические времена откуда-то с Боршы и Будафалу, с горных плато Роденской цепи Лесистых Карпат.

В Кабола-Поляне Бабам поселился в заброшенном цыганском шалаше, обитатели которого перемерли от черной оспы, и снова зажил веселой, беззаботной жизнью. Каждый день он ходил в горы и однажды принес домой молодую рысь, которую приручил, как кошку. Рысь приносила ему разную живность, водившуюся в окрестностях, и так они жили в страхе божьем. В поросших лесом долинах уже свистели локомотивы, сюда приезжали туристы — явление новое для Лесистых Карпат. Бабам частенько встречал их в лесу, его не раз подмывало выкинуть с ними какую-нибудь штуку, но он всегда успевал вовремя одуматься и вместо этого за скромное вознаграждение бродил с туристами по горам и продавал им маленькие, правильной формы кристаллы хрусталя — так называемые мармарошские алмазы, которые он собирал в горах.

Тут, около Кабола-Поляны, Бабам и познакомился с профессором Фальвой. С любопытством следил Бабам, как какой-то мужчина с киркой и лопатой на плече направляется из Кабола-Поляны в лес; Бабам пошел туда из простого желания быть полезным даже этому чудаковатому незнакомцу, если только, не дай бог, его не одолеет злое искушение...

К счастью, искушение не одолело Бабама, хотя незнакомец и он были одни в лесной чаще. Незнакомец как одержимый скитался по холмам, внимательно рассматривая местность через очки. На одном холме, поросшем низким кустарником, где почва местами была обнажена, он начал копать.

Тут искушение стало все больше одолевать Бабама. «Если этот человек ищет клад, — решил он наконец, — пусть себе копает. Зачем мне утруждать себя? Если он найдет клад, я всегда успею отобрать его». Он с интересом следил за работой, как вдруг незнакомец воскликнул: «Я так и знал!» — и, вытащив из земли какой-то глиняный черепок, внимательно стал его рассматривать.

Бабам, стоявший на самом краю обрыва, от любопытства наклонился немного ниже, чем следовало, потерял равновесие и мигом скатился к ногам профессора, который приветливо сказал ему:

— Это пепелище не моложе восьмого века до рождения Христова.

Бабам так рот и разинул, а незнакомец в очках еще спросил его, нет ли здесь каких-нибудь языческих захоронений.

Затем Бабаму пришлось выслушать целый поток слов, из которых он понял, что этот господин интересуется какими-то разбитыми горшками.

Вечером в трактире «У великого строгого святого Яна» Бабам завел со своими соседями разговор на эту тему. Староста, который больше месяца провел в столице, рассказал, что немало таких чудаков бродит по свету. У некоторых это от запоя, у других от горя. У человека делается неладно в голове, и он начинает собирать коробки от спичек или бумажки на улицах. У каждого это проявляется по-разному. Староста клялся, что знал человека, который от такого затемнения в голове собирал даже почтовые марки.

Бабам рассудительно заметил, что, верно, это очки виноваты в том, что речи у того господина такие странные. Все толковал о чем-то до Христа и о чем-то после Христа, о язычниках и каких-то нациях. А под конец сказал Бабаму:

— За каждый большой глиняный черепок, который вы найдете и принесете мне, получите пять крейцеров, а за маленькие черепки — по два крейцера.

На прощание староста подчеркнул, что не одобряет поведения незнакомца, хотя, конечно, жаль, что это случилось с ним в столь молодом возрасте.

— Впрочем,— веско добавил он, желая дать понять всем, что он ничего не упускает из виду,— кто знает, не кроется ли здесь нечто другое. Говорят, тут бродят люди, которые хотят продать венгерские земли русским.

— Ничего такого я за ним не заметил,— возразил Бабам.

И они расстались.

Бабам вытянулся на траве перед своей хижинкой; у ног его урчала рысь, словно мурлыкающая кошка. Бабам смотрел на ясные звезды над Лесистыми Карпатами и думал о маленьких и больших черепках и обещанном за них вознаграждении; и чем дольше он размышлял, тем яснее становилась разгадка.

«Англо-французы в Сибири»

«Жертва немецкой контрреволюции в Сибири»

Через полчаса вся археология стала ему ясна. Он встал и сбежал вниз, к еврейской лавке.

— Эй, хозяин! — крикнул он, стукнув в окно. — Продай мне горшки! Знаешь, вичербачские, необлитые, языческие такие горшки.

Лавочники старались угодить Бабаму даже ночью, ибо он был достаточно известен. Хозяин лавочки быстро принес три глиняных горшка, с которыми Бабам и удался, заверяя, что с деньгами все будет в порядке, а глупых напоминаний он, дескать, не любит.

Перед своей хижинкой Бабам поставил горшки на землю, с минуту любовался ими при свете месяца, потом воскликнул:

— Ньольц сас эвел Критуш элёт, восемь веков до рождества Христова! — и, перекрестившись, разбил горшки топориком на большие и маленькие куски.

Затем он разрыл землю напротив, на другом берегу Черемоша, уложил черепки в яму, а наутро отправился в полянскую корчму навестить профессора Фальву, прихватив с собой вещественное доказательство своих исследований старины.

— Друг мой, это превосходит мои ожидания! — вскричал профессор. — Я поистине в восторге.

— Они здорово старые, — бросил Бабам, раскуривая трубку, чтобы скрыть, насколько взволновала его радость ученого.

— Ведите меня туда, — кричал профессор, надевая пальто наизнанку, — скажите, пусть запрягают...

— Это недалеко отсюда, — скромно произнес Бабам, — я постарался избавить вас от долгой ходьбы, и там этого добра вполне достаточно.

По пути профессор расспрашивал, не рассказывают ли что-нибудь в окрестностях о месте находки.

— Много я не знаю, — ответил Бабам, — говорят только, что старые люди рассказывали, а они это, в свою очередь, слышали от своих прадедов, которым об этом сообщили еще более старые люди, что в давние времена здесь были совсем чужие солдаты и что потом они ушли в Румынию.

— Древняя Дакия *! — радостно вырвалось у профессора. А когда вслед за тем они стали выкапывать со-

кровища на указаниом Бабамом месте, он воскликнул с благодарностью:

— Я так и предчувствовал! Эти черепки римского происхождения.

— Что это? — восторженно воскликнул он, осмотрев в лупу один из осколков.— Смотрите, тут типичными древнеримскими буквами вытиснено МА. Это осколки сосудов,— продолжал он, обнимая удивленного Бабама,— которыми пользовались воины римских легионов Марка Аврелия, проникшие сюда, на север Паннонии *. А уже отсюда они ушли в Дакию, как я и предполагал.

III

Вичербачский горшечник Миклош Адам продолжает выдавливать на своих самодельных горшках неуклюжие буквы МА. Черепки Бабама хранятся в новом городском Мармарошсигетском музее с надписью, гласящей, что это остатки древнеримских сосудов времен Марка Аврелия.

А Бабам стал смотрителем нового музея, он часто вспоминает профессора Фальву, и ему кажется, что бедняга уж, верно, не вылечится никогда.

КАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С АВТОРОМ НЕКРОЛОГА ОБО МНЕ

За мое 5—6-летнее пребывание в России я был несколько раз убит различными организациями и отдельными лицами*.

Вернувшись на родину, я узнал, что был трижды повешен, два раза расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами-киргизами у озера Кале-Ышела.

Наконец, меня окончательно закололи в дикой драке с пьяными матросами в одесском кабаке. Эта версия мне кажется самой правдоподобной.

Правдоподобной казалась она и моему доброму другу Кольману, который, найдя очевидца моей позорной и в то же время геройской смерти, написал об этом так неприятно окончившемся для меня событии целую статью в своей газете.

Он не ограничился небольшой заметкой. Его доброе сердце принудило его написать обо мне некролог, который я прочел вскоре по своем возвращении в Прагу.

Будучи уверен, что мертвые из гроба не встают, он весьма элегантно выругал меня в этом некрологе.

Чтобы убедить его в том, что я жив, я пошел его искать,— так возник этот рассказ.

Даже Эдгар По, мастер кошмаров и ужасов, не мог бы придумать более страшного сюжета.

*

Автора своего некролога я нашел в одном из пражских винных погребков, как раз в двенадцать часов, ко-

гда, согласно какому-то императорскому предписанию от 18 апреля 1856 года, закрываются винные погребки.

Он смотрел на потолок. Со стола убирали залитые скатерти. Я присел к его столику и спокойно спросил:

— Разрешите? Здесь не занято?

Он все еще обозревал заинтересовавшее его место на потолке и ответил вполне логично:

— Пожалуйста. Как раз закрывают, думаю, что вам безразлично, свободно или занято.

Я взял его за руку и повернул к себе. Он минуту молча смотрел на меня и наконец шепотом спросил:

— Простите, вы не были в России?

Я засмеялся.

— Вы меня только теперь узнали? Я был убит в России в одном грязном кабаке в дикой схватке с пьяными матросами.

Он побледнел.

— Вы... вы...

— Да,— сказал я ему твердо,— я был убит в корчме в Одессе матросами, и вы посвятили мне некролог.

Он чуть слышно прошептал:

— Вы прочли, что я о вас писал?

— Ну, конечно, некролог очень интересный, если отбросить некоторые небольшие недоразумения. Он только длинноват. Даже когда умер государь император, ему не отвели столько строчек. Ему ваш журнал посвятил 152 строчки, а мне 186, по 33 геллера за строчку,— как нищенски прежде платили журналистам! — что всего составляет 55 крон и 15 геллеров.

— Что вы, собственно, от меня хотите? — спросил он испуганно.— Хотите эти 55 крон и 15 геллеров?

— Оставьте этот заработок себе,— ответил я,— мертвые не берут гонораров за некрологи о себе.

Он побледнел еще больше.

— Знаете что,— сказал я непринужденно,— заплатим и пойдем еще куда-нибудь. Я хочу провести эту ночь с вами.

— Нельзя ли это отложить хотя бы на завтра?

Я пристально посмотрел на него.

— Счет! — крикнул мой собеседник.

Позвав на углу извозчика, я предложил сесть автору своего некролога в фиакр и грубовым голосом сказал извозчику:

— Везите нас на Ольшанское кладбище.

Автор моего некролога перекрестился.

Долго царила томительная тишина, нарушаемая только хлопаньем бича и фырканием лошадей.

Я наклонился к своему спутнику.

— Не кажется ли вам, что где-то в тиши Жижковских улиц завывали собаки?

Он задрожал, приподнялся и спросил, заикаясь:

— Вы действительно были в России?

— Убит в корчме в Одессе в драке с пьяными матросами,— ответил я сухо.

— Иисус Мария,— отозвался мой спутник,— это ужаснее, чем «Свадебные рубашки» Эрбена.

И опять наступила томительная тишина... Где-то действительно завывали собаки.

Когда мы очутились на Страшницком шоссе, я предложил своему спутнику расплатиться с извозчиком. Мы стояли во тьме Страшницкого шоссе.

— Скажите, пожалуйста, нет ли здесь какого-нибудь ресторана? — обратился ко мне безнадежным и жалобным тоном автор некролога.

— Ресторан? — засмеялся я.— Мы сейчас перелезем через кладбищенскую стену и поговорим где-нибудь на могильной плите об этом некрологе. Лезьте вперед и подайте мне руку.

Он молча подал мне руку, и мы соскочили на кладбище. Под нами затрещали сучья кипариса. Ветер меланхолически шумел между крестами.

— Я дальше не пойду! — сорвалось с уст моего приятеля.— Куда вы хотите меня утащить?

— Сегодня,—весело сказал я, поддерживая его,—мы пойдем посмотреть на склеп старого пражского семейства Бонепиани. Совершенно заброшенный склеп в 1-м отделении, 6-й ряд, у стены. Заброшенный с того самого времени, как в нем похоронили последнего потомка, которого привезли в 1874 году из Одессы, где он был убит матросами в корчме во время драки.

Мой спутник вторично перекрестился.

Когда мы уселись на надгробную плиту, покрывавшую прах последних потомков пражских горожан Бонепиани, я взял осторожно автора своего некролога за руку и произнес тихим голосом:

— Дорогой друг! В гимназии преподаватели учили вас прекрасному, благородному правилу: о мертвецах ничего, кроме хорошего! Вы же отважились написать обо мне, мертвече, всякие мерзости. Если бы я сам писал о себе некролог, я написал бы, что ни одна смерть не оставляла такого тяжелого впечатления, как смерть господина такого-то! Я написал бы: «Самой крупной заслугой умершего писателя была его любовь к добру, ко всему, что свято для чистых душ». Вы же написали, что умер жулик и комедиант! Не плачьте! Бывают моменты, когда сердце бурлит от желания описать самое прекрасное из жизни умерших. Но вы... написали о том, что покойный был алкоголиком.

Автор моего некролога зарыдал еще сильнее, его скорбные рыдания разносились по тихому кладбищу и терялись где-то вдали у еврейских печей.

— Дорогой друг,— сказал я решительно,— не плачьте, теперь уже ничего не исправите...

Сказав это, я перепрыгнул через кладбищенскую стену, подбежал к будке кладбищенского привратника, позвонил к нему и заявил, что, возвращаясь с ночной работы, я слышал за кладбищенской стеной первого отделения плач.

— Это, наверно, какой-нибудь нализовавшийся вдовец,— цинично ответил привратник,— мы его арестуем.

Я ждал за углом. Приблизительно через десять минут ночные сторожа вели с кладбища автора моего некролога в участок. Он упирался и кричал:

— Сон это или действительность?! Господа, вы знаете «Свадебные рубашки» Эрбена?

ВОЗЛЮБИМ ВРАГОВ НАШИХ

*(Из подготовленной книги «Как писать
полемические статьи»)*

В одном из недавних номеров газеты «Час» * (год издания XXXI) была напечатана статья, направленная против меня. Считаю совершенно излишним и бессмысленным выступать с официальными опровержениями, в которых при помощи фраз вроде: «Неправда, что... а правда то, что...» — только размазываются подробности к невыгоде жертвы нападения, — ограничиваюсь следующими строками.

Я постараюсь научить редакцию «Часа» вежливости и поговорить с ней по душам. Уверен, что она исправится. Откровенный разговор очень часто выводил на правильный путь грубиянов гораздо более солидного возраста, чем «Час» XXXI года издания.

Простудировав Калига, Йозефа Кожишка * и Андерсена, обращаю внимание «Часа» на некоторые мысли о внешней стороне благовоспитанности, которую вышперечисленные господа называют вежливостью.

Население нашей планеты составляет более полутора миллиардов человек — цифра весьма внушительная. Все эти люди, как, наверно, известно уважаемой редакции «Часа», делятся на разные племена и нации, подчиняющиеся, каждая на свой лад, определенным законам нравственности и правилам приличия; это относится и к господам редакторам «Часа». И каждая из этих разных наций выпускает разные газеты, что, безусловно, известно даже издателю «Часа» пану Густаву Дубскому.

К сожалению, последний выпад «Часа» по моему адресу заставляет меня прийти к выводу, что если так пойдет и дальше, то «Час» станет серьезной помехой для любви к ближнему.

Но я убежден, что еще не поздно и все редакторы означенной газеты могут исправиться.

Поэтому обращаю их внимание на то, что вежливость бывает двух родов: вежливость сердца и вежливость манер. «Часу» очень часто недоставало первой, а вторая у него совсем отсутствовала, так что дело дошло до опубликования и доведения до сведения читателей настоящей статьи, которая — я твердо, всем сердцем надеюсь! — окажет необходимое воздействие.

Две вышеуказанные стороны вежливого обращения, оказавшиеся для уважаемой редакции «Часа» китайской грамотой, в свою очередь, делятся на тактичность и хороший тон.

Под тактичностью мы подразумеваем поведение, диктуемое нам сердцем и явившееся для «Часа» источником стольких неприятностей.

Наоборот, хороший тон есть знание внешних приемов и форм, очень часто выражавшееся и выражаемое словами: «Час» опять ругается».

Тактичность не позволяет нам, например, выставять кого бы то ни было в смешном виде, смеяться над человеком в беде, когда он имел несчастье вступить в Армию спасения *, — как это делает «Час» в своей статье обо мне.

А хороший тон учит нас приличному поведению на людях, которое совершенно исключает такие приемы, как недостойные утверждения «Часа», будто я продаю книги со своими автографами, смотря по одежде покупателя.

Какое впечатление произвело бы, например, на редактора «Часа» пана Кунте *, если бы я дал в газетах объявление: «Меняю автограф редактора «Часа» на граммофон или белого петуха-виандота?»

Я этого не сделаю, потому что люди добросердечные и не испорченные в нравственном отношении вежливы, хотя им не приходилось учиться вежливости у «Часа». Они действуют просто по принципу: «Не делай другому того, чего не хочешь себе».

Частным подтверждением этого правила является судьба неопытных, но бойких редакторов провинциальных газет, чья непринужденность, не ограниченная избытком застенчивости, приводит к тому, что им приходится фигурировать перед судом присяжных по поводу нарушения законов о печати.

Вежливость редактора, естественно, обнаруживается главным образом в его статьях. Как было бы хорошо, если бы «Час» никого не огорчал, не оскорблял, а старался бы каждого чем-нибудь порадовать: например, собрал бы кладненскую красную гвардию *, которая, как он писал, разбежалась из-под моего начала!

Как было бы прекрасно, если бы «Час» вел себя с окружающими так, чтоб они были им довольны, охотно с ним общались, искали бы встреч с ним,— а теперь вон пан Дубский ломает себе голову над страшной проблемой «потерянных подписчиков»!

Если бы «Час» вел себя так, его называли бы родным братом скромности, цветом человечности и благоуханием любви к ближнему. А теперь о нем говорят совсем в других выражениях.

Мы должны соблюдать вежливость, даже предостерегая и обличая. Чем предупредительней и учтивей мы предостерегаем и порицаем, тем сильнее наше воздействие, многоуважаемая редакция «Часа».

Никогда не забывайте, что обличение, сопровождаемое бранью и проклятиями, не дает нужных результатов, так как грубость внешней формы убивает хорошее внутреннее содержание, как отметил Ис. Калиг в своей книге «О джентльмене», отрывки из которой публиковались в «Часе».

По-французски вежливость — *la politesse*, что значит устранение всего грубого, шероховатого.

Что сказал бы «Час», если бы я поместил в газетах объявление: «Редакции «Часа» требуются опытные шлифовальщики»? Конечно, обозлился бы!

Точно так же и мне неприятно, когда «Час» пишет дурно — не обо мне, это не важно, — но о людях вообще.

Не будет сентиментальностью, если я все же замечу, уважаемая редакция «Часа», что я никогда не задевал вас и что единственное мое желание заключается в том, чтобы эта моя статья нашла путь к вашему сердцу и вы

впредь писали бы, не обрушиваясь на спорные мнения, не оскорбляя чужих чувств, не высказывая никаких подозрений и не касаясь тем, способных кого-либо обидеть или огорчить.

Не за горами время, когда пан Густав Дубский ввиду непрерывного уменьшения числа подписчиков прекратит издание «Часа». Я желал бы высечь на надгробном камне редакторов «Часа» следующую надпись: «Они прожили такую жизнь, о какой грезили и писали. А грезили они о ней художественно, благородно, почти с женской деликатностью. Правда, чтение «Часа» было не столь уж любимой духовной пищей...»

Последняя фраза меня остановила. Она говорит о том, что при всем желании быть вежливым страшно трудно. Как же это я...

ПОЕДИНОК С АРМИЕЙ СПАСЕНИЯ

I

Господин Карл Ларсон, командующий Армией спасения в Чехословакии, только что составил для «Центрального органа Армии спасения» (отдел «Международные новости: Южная Африка») сообщение о трагическом происшествии: подполковник Смит, который тридцать лет проповедовал среди южноафриканских туземцев, был съеден вместе со своими двумя офицерами семьюдесятью новообращенными христианами, доказавшими тем самым всему миру, что религия любви имеет практическую ценность.

Господин командующий был в отвратительном настроении. В Южной Африке туземцы пожирают подполковников и других офицеров, а здесь, в Чехословакии, торговля душами идет из рук вон скверно. Вечером, в канун Нового года, был сбор воинства Армии спасения, и в зале пришлось открыть все окна: так нестерпимо воняло ромом. А ночью, от 10 часов и за полночь, происходило широкое публичное собрание; хотя оно и принесло Христу несколько новых душ, но позднее все они были подобраны стражниками на улице мертвецки пьяными. В самый же Новый год на скамье кающихся можно было насчитать не более десятка жаждущих спасения грешников, да и у тех торчали из карманов бутылки с коньяком.

В воскресенье капитан Пивонька выехал в Пардубице, где, по слухам, одиннадцать человек алкали спасения

своей души, выяснилось же, что на самом деле они просто хотели выклянчить у него денег на трактир.

31 декабря из Швеции прибыла на помощь капитан Блейда Гелльспонг, и ее первым благотворительным актом было разучивание с грешниками модной песенки «Кружитесь, пантеры...».

Работа в Словакии была начата 7 января, а уже 9 января в штаб поступила телеграмма, что руководитель группы успел получить в Скалице за счет Армии спасения триста литров вина...

Капитан Гунт выехал на свою родину — в Англию — на лечение...

У поручика Кукачка исчезли брюки от мундира офицера Армии спасения; он уверяет, что променял их на мармелад для бедных деточек, что выглядит более чем правдоподобно...

Лига молодежи направила на рождественское собрание на Винограды сержанта Либушу Аронову, которая прочитала подряд тридцать восемь стихотворений и для разнообразия пополнила свою программу игрой на пианино и пением; в результате в виноградской больнице (отделение для нервныхбольных) и до сих пор лежат еще до двух дюжин мальчишек и девчонок, пришедших на собрание ради обещанных рождественских подарков...

Командующего Карла Ларсона вывел из тяжких размышлений приятный голос капельмейстера бригады гитаристов:

— Не теряйте надежды, Ларсон!

— Да, черта лысого, капельмейстер! Видимо, свет уж так испорчен, что не остается вовсе никакой надежды.

— Зраком веры пронизаем и тьму страшного времени, она связывает нас с *Ним*.

— Отвяжитесь от меня и с *Ним* вместе! Вы прекрасно знаете, что я был вызван генералом Браммуэллом Боотом, чтобы провести в 1921 году торжественную процессию во имя спасения грешников, а дело никак не клеится! Баланс трещит по всем швам! Мне до зарезу нужно обратиться на пугь истины какого-нибудь настоящего бандита, чье обращение вызвало бы сенсацию!

— Одно такого я знаю, командир. Сидел с ним вчера в винном погребеке.

Командующий Ларсон даже побледнел от возмущения:

— И вы, капельмейстер нашей бригады гитаристов, вы барахтаетесь в тенетах распутства!

Досточтимый капельмейстер ласково усмехнулся и произнес:

— Что важнее, командир Ларсон: отказаться от ничтожной четвертушки вина, чтобы не приобрести репутации человека, «барахтающегося в тенетах распутства», или же вырвать хогя бы одну душу грешника из когтей дьявола? Впрочем, я пил только вино «Lacrimae Christi» — «Христовы слезы». Что же касается того бандита, на него нужно напустить какого-нибудь молодого энтузиаста, каковым является, например, наш секретарь Гоппс.

— О, Вилли Гоппс — это действительно сущий ангел! На Цейлоне его чуть было не повесили туземцы, когда на плантации он начал учить их петь песни Армии спасения. Позовите его сюда и дайте ему адрес, куда ваш бандит ходит пить вино.

II

Вот каким образом встретился я в винном погребе с господином Гоппсом, секретарем местного штаба Армии спасения.

— Я направлен Армией спасения, — сообщил он мне приветливо. — Может быть, вам интересно будет познакомиться с моими взглядами? Нет ли здесь уголка, где бы мы могли побеседовать без помех? Я был бы вам очень признателен...

— А, понимаю... — проговорил я, многозначительно ему подмигивая. — Вполне с вами согласен. Идемте вот сюда, в отдельный кабинет. Я велю принести нам бутылку вина...

— Но позвольте...

— Какие там позволения! — воскликнул я, приятельски похлопывая его по спине. — Я ведь знаю, что Армия спасения рекрутируется из бывших алкоголиков. Не беспокойтесь, мы закажем еще бутылочку рому.

Когда мы уютно устроились вдвоем, молодой секретарь Гоппс сказал:

— Извините, но мои убеждения вполне искренни. Может быть, мне спеть вам что-нибудь?

— Пойте,— разрешил я и, покуривая сигару, удобно вытянул ноги. Он начал петь тихим, проникновенным голосом:

Идем вперед против силы зла,
Пусть то будет даже дьявол сам.
Идем к победе против мира лжи,
Царство божие впереди лежит...

Когда он кончил, я сказал, что тоже кое-что умею.
— Послушайте! — И я запел:

Кто отринет заблужденья,
Божью правду предпочтет,
Тот не знает огорчений,
Сном спокойным он заснет.

Итак, за ваше здоровье!

Он посмотрел на меня своими невинными голубыми глазами.

— Простите, сударь, почему вы пьете?

— Потому что мне это нравится. Вы не желаете? Впрочем, принуждать вас я не собираюсь. Некая чешская дама — Павла Моудра — делала однажды доклад об Армии спасения. Она доказывала, что Армия спасения совершает подлинные чудеса. Пьяницы становятся чуть ли не за одну ночь трезвыми людьми; гнезда распутства и грязных страстей превращаются в благонравные семейные очаги; проститутки — в сестер милосердия; опустившиеся преступники делаются пламенными проповедниками нравственности...

Вы мне не импонируете. Были вы алкоголиком? Нет! Барахтались вы в тенетах порока и грязных страстей? Не барахтались! Были вы проституткой? Не были! Были вы опустившимся преступником? Также не были! Ну, так скажите мне, молодой человек, как же вы осмеливаетесь претендовать на то, чтобы быть проповедником нравственности, если у вас нет необходимого для этого предварительного образования преступника, грабителя и алкоголика?

Знаете ли вы, из какой семьи вышел открыватель Средней Африки Давид Ливингстон? Его дед и отец

были повешены за срятотатство. А где получил образование Ян Патон, миссионер, проповедовавший среди людоедов? На галерах, на которые был осужден за отцеубийство.

Лучше выпейте-ка и не болтайте глупостей!

Он механически взял рюмку рома и выпил.

— Я действительно из порядочной семьи,— произнес он извиняющимся тоном.

— Не унывайте, молодой человек. Это еще не несчастье! С течением времени все можно будет исправить. Вы еще имеете возможность обокрасть где-нибудь, скажем, чердак, а если, бог даст, вам повезет, то даже и какой-нибудь банк.

Не вешайте головы, выпейте еще разок. Не правда ли, ром великолепен?

У господина Гоппса, не привыкшего к такому напитку, глаза стали слипаться. Я начал тихонько напевать ему колыбельную песенку:

Уж в рощах звучит трель соловушки,
Под стрехой воркуют голубички.
Зима отступает — злая колдунья,
Цветочки расцветают — хвала, аллилуйя!

Он спокойно заснул на стуле. Я поцеловал его в лоб, нежно погладил по головке и осторожно, на цыпочках, вышел из комнаты.

— Наш счет оплатит тот господин,— сказал я кельнеру.— Он немножко вздремнул.

Очутившись на свежем воздухе, я взглянул на звезды, сверкающие в небе, и огласил тишину пражских улиц девяносто первым псалмом:

Как велики дела твои, господи!
Дивно глубоки помышления твои!
Человек несмысленный не знает,
И невежда не разумеет того.

Это стоило мне двух крон штрафа за нарушение ночного покоя.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Газета «28 октября» * в ряде фельетонов старается очернить меня в глазах всей чешской публики. Подтверждаю, что все там обо мне написанное — правда. Я не только отпетый прохвост и негодяй, каким изображает меня «28 октября», а еще гораздо более страшный злодей.

Принеся эту чистосердечную повинную перед всем чешским обществом, передаю редакции «28 октября» дополнительно подробный материал для нападок.

Итак, исповедуюсь господу всемогущему и вам, господа депутаты Модрачек и Гудец ¹.

Уже своим появлением на свет я причинил большую неприятность моей матушке, которая из-за меня в течение нескольких суток не знала покоя ни днем, ни ночью.

В возрасте трех месяцев я укусил кормилицу. Дело разбиралось в высшей инстанции уголовного суда в Праге. Ввиду моей неявки матушка была приговорена к трем месяцам — по обвинению в недостаточном надзоре за ребенком.

Уже в то время я был таким извергом, что и не подумал явиться на суд, чтобы сказать хоть слово в защиту бедной матушки. Напротив, я как ни в чем не бывало продолжал расти, проявляя зверские наклонности.

В возрасте шести месяцев я съел своего старшего брата, украл у него из гроба образки святых и спрятал их в постель к служанке. Служанку выгнали за кражу и при-

¹ Фамилии Модрачек и Гудец в переводе на русский язык означают: «синица» и «певчая птица».

судили за ограбление покойника к десяти годам тюрьмы. Там она умерла насильственной смертью, подравшись с другими арестантками на прогулке.

Жених ее повесился, оставив шесть внебрачных детей, из коих несколько единоутробных братьев и сестер стали впоследствии международными ворами, промышляя по отелям, один — прелатом у премонстрантов, а последний, самый старший, сотрудничает в газете «28 октября».

К тому времени, как мне исполнился год, в Праге не было кошки, которой я не выколол бы глаза или не отрубил бы хвост. Когда я гулял со своей няней, все собаки, завидев меня издали, убегали прочь.

Впрочем, моя няня недолго гуляла со мной, так как, достигнув возраста полутора лет, я отвел ее в казармы на Карловой площади и отдал там за два кисета табаку на потеху солдатам. Не пережив позора, она кинулась возле Велеславина под пассажирский поезд, который, наткнувшись на это препятствие, сошел с рельсов, причем восемнадцать человек было убито и двенадцать тяжело ранено. Среди убитых находился торговец птицами; все его клетки были разнесены в щепы, а из птиц, по милости providения, спаслась лишь синица (*супескула суетика*), пернатый из породы певчих птиц, окраска сверху серо-бурая, над хвостом светлее, на груди и зобе оперение синее с белой или красно-рыжей полоской посредине, брюшко белое; родина — Чехия; водится обычно в небольшом количестве в местах влажных, поросших кустарником; питается червями и насекомыми, которых ловит, виляя хвостом. В неволе быстро приручается и без умолку поет (см. «Научный словарь Отто» *, том 17, стр. 491).

В три года я превосходил распутством всю пражскую молодежь. В этом нежном возрасте я состоял в любовной связи с женой одного высокопоставленного лица; если бы эта преступная тайна стала достоянием гласности, был бы скандал на всю страну.

В возрасте четырех лет я убежал из дому, так как проломил швейной машинкой голову сестре Мане. При побеге похитил у родителей несколько тысяч гульденов, которые прокутил в пражских трущобах в воровской компании.

После того как деньги вышли, жил попрошайничеством и карманными кражами, выдавая себя за сына князя Туна * (тогда еще графа). Был задержан и отдан для исправления в либненский исправительный дом, который поджег. В огне погибли все преподаватели, так как я запер их в помещении.

Настало опять трудное время. Голодный бродил я, пяти лет от роду, по улицам Праги, воруя булки в пекарнях и яблоки у торговков. Но положение заметно улучшилось после того, как я совершил кражу со взломом в церкви св. Томаша, похитив золотую дароносицу. Дароносицу я продал одному перекупщику за один гульден. Пропив эти деньги в знакомом заведении в Мертвецком переулке, я стал ходить к перекупщику и шантажировать его, грозя выдать. Я вымогал у него один гульден за другим, пока он сам не явился в полицию с повинной, решив, что так выйдет дешевле.

Мне пришлось оставить Прагу, и я переселился в Польну. Желая исповедаться со всей искренностью до конца, довожу до всеобщего сведения: ту девушку в Польне убил не Гильснер, а я! *

На этом дельце я заработал три гульдена!

Дальше мне, понятное дело, оставаться в Польне было невозможно, и я пошел пешком в Вену, до которой добрался в возрасте шести лет. Не имея средств на переезд в Прагу, был вынужден совершить кражу со взломом в банке на Герренштрассе, предварительно задушив на всякий случай одного за другим четырех сторожей.

Это было действительно одно из самых ужасных моих преступлений, коему нет оправдания; но не забудьте, что я тосковал по дому, хотел увидеть после долгой разлуки своих престарелых родителей...

Впрочем, не надо сентиментальности!

До Праги я доскал благополучно. В пути мне удалось выманить одну пожилую даму на площадку, вырвать у нее из рук сумочку, а ее столкнуть на полном ходу с поезда. Когда этой дамы хватились, я сказал, что она вышла на последней станции и просила передать всем привет.

Родителей я уже не застал в живых. Узнав о моих злодействах, отец за два месяца до моего возвращения с горя повесился, а матушка кинулась с Карлова мо-

ста в воду и, когда се пытались спасти, опрокинула лодку, пустив всех спасающих ко дну.

Я остался один-одинешенек, так как отравил всю семью бедного моего дяди и присвоил его сберегательную книжку, в которой подделал цифры, чтобы побольше получить...

Многоуважаемая редакция «28 октября»!

Перо вываливается у меня из рук. Я хотел бы продолжать, хотел бы исповедаться до конца. Но поток жарких покаянных слез туманит глаза мои. Я плачу, горько плачу над своей юностью, над прошлым своим, в то же время искренне радуясь предстоящему продолжению обличительных фельетонов обо мне в вашей газете. Это явится и пребудет дополнением к моей исповеди.

Для того чтобы весь чешский народ убедился в полноте и искренности моего раскаяния, заявляю о своем желании вступить в партию прогрессивных социалистов*.

Обещаю примерным поведением оправдать ваше доверие.

Прошу сообщить, где и когда могу я внести первый членский взнос.

Пока до свидания!

КАК Я РЕДАКТИРОВАЛ ЖУРНАЛ «ОБОЗРЕНИЕ ДЛЯ ЧЕШСКИХ ЖЕНЩИН И ДЕВУШЕК».

Зашел как-то ко мне редактор и издатель журнала «Обозрение для чешских женщин и девушек», но цель своего визита объяснил лишь после долгих колебаний.

В интересах журнала он должен жениться на самой старой его подписчице. Этим он надеется поддержать финансовое положение журнала и увеличить его объем. Но по случаю бракосочетания он вынужден покинуть Прагу, потому что его невеста живет в Оломоуце, где она тридцать лет тому назад похоронила своих старых родителей и брата, который был старше ее на десять лет. Так что речь идет вот о чем: он решительно убежден, что для меня не составит никаких трудностей во время его отсутствия выпустить очередной номер журнала. Писать мне ничего не придется, так как рукописей хватит на два номера. Единственно, о чем он меня просит,— это держать корректуру и присутствовать при верстке, чтобы в типографии не перепутали полосы.

Я подал ему руку и сказал:

— Сделаю для вас все. Ваш журнал идет по стопам нашей милой Ольги Фастровой * из «Народни политики», поэтому он мне очень симпатичен.

Редактор «Обозрения для чешских женщин и девушек» уехал в Оломоуц, а я направился в типографию, чтобы отобрать рукописи и составить новый номер журнала.

Все, с чем я ознакомился, мне не понравилось. Например, там были такие уже подготовленные к печати

статьи, как «Практичные пеленки для детей», «Воспитательное значение уроков танцев», «Почему кухонная мебель должна быть белого цвета», «Можно ли готовить блюда из карпа в разное время года», «Обязанности жениха», «Как заколоть кролика».

Статьи были водянистые, без вдохновения и размаха.

Я сказал управляющему типографией, что все статьи забираю домой, потому что ни одна из них не годится, и что весь номер напишу сам.

Вначале я составил сенсационное сообщение о бракосочетании редактора и издателя журнала со старейшей его подписчицей. Я написал, что невесте девяносто лет, а ее состояние равно 1 500 000 крон, так что после уплаты долгов, составляющих 500 000 крон, можно будет приступить к расширению и улучшению журнала. И чтобы этот знаменательный день остался в памяти всех подписчиц, издательство снижает подписную плату на четверть стоимости.

Под этим сообщением были помещены мои острые нападки на Ольгу Фастрову из «Народни политики» за ее статью «Сервировка стола при званом обеде», помещенную в рубрике «Обозрение для женщин». Я писал, что «Народни политика», по-видимому, устраивает званые обеды для спекулянтов, поскольку Ольга Фастрова предлагает в своей статье, чтобы на каждого человека было отведено самое меньшее 70 сантиметров места, чтобы приборы были серебряными, а порядок блюд такой: суп, рыба, мясное жаркое, пицца, сыр, фрукты, сладости, конфеты, и к сему напитки: ликеры, херес, малага, французские вина. Закончил я пожеланием, чтобы все спекулянты, вместе с редакцией «Народни политики», во время такого угощения обожрались и лопнули.

После этого грубого выпада я поместил свои размышления о кухне, доказывая, что кухня должна быть отделена от квартиры и перенесена за город, а в загородных усадьбах — в сад, чтобы воздух в комнатах, прилегающих к кухне, не был загрязнен испарениями. Если нет возможности перенести кухню за город или в другой дом, то кухня окажется прекрасным средством утепления в период угольного кризиса, и тут я рекомендовал перенести спальню в кухню. Однако я решительно протестовал против уничтожения в кухне рыжих тараканов, по-

тому что из них можно приготовить изумительный суп. К сему я приложил рецепт:

«Мясной суп из рыжих тараканов.»

Приблизительно 180 граммов тараканов вымой в холодной воде, залей их неполным поллитром воды и поставь варить. Пока содержимое не загустеет, помешивай, чтобы тараканы не пристали ко дну. Как только они разварятся, перенеси кастрюлю на менее жаркое место, чтобы все могло постепенно тушиться. Можешь также варить их на пару. Когда вода сверху уже совсем выкипит, а тараканы станут достаточно мягкими, добавь кусочек масла величиной примерно с кокосовый орех и можешь положить десяток желтков, а затем все как следует перемешай. После этого залей содержимое бульоном и неси к столу, только будь осторожен, не споткнись и не ошпарь кого-нибудь. Если же все-таки кого-нибудь ошпаришь, натри его льняным маслом, посыпь порошком, приготовленным из вываренных сухих панцирей рака, и отвези пациента в больницу. Мясо раков не выбрасывай. Наруби его, добавь к нему нарезанной зелени петрушки, приготовь белый соус и рачьей приправой залей цыплят. Затем отнеси свое изделие ошпаренному в больницу. Если он тем временем умер, зайди к Ольге Фастровой и спроси ее, какое черное траурное платье тебе следует шить, чтобы оно было к лицу. Во время похорон не плачь, чтобы по лицу не расплылась пудра и ты не выглядела бы как размалеванная индианка из племени сиу».

После этой универсальной инструкции шла небольшая статья под названием *«Разделение домашнего труда и маленькие советы молодой хозяйке».*

«Главным условием удовлетворения и спокойствия в домашней жизни является правильное распределение времени и последовательность в выполнении работ. Если хозяйка замечает, что для приготовления определенного блюда ей потребуется много времени, она должна начать готовить его заранее. Например, если ты хочешь предложить в воскресенье суп с печеночными кнедликами, распредели всю работу на неделю. В понедельник проверни в мясорубке кусок говяжьей печени, а во вторник протри ее через сито. В среду положи в кастрюльку кусок масла (количество его роли не играет). В четверг все это посоли и прибавь немного перца, растолченных

цветов и майорана; в пятницу добавь еще головку чеснока и два желтка. В субботу основательно все перемешай и затем сделай кнедлики величиной с орех. В воскресенье купи в ближайшем ресторане кастрюлю говяжьего супа, опусти в него кнедлики и неси на стол. Можно не сомневаться, что таким образом в течение недели ты сэкономишь массу свободного времени, которое сможешь использовать для самообразования. Одной из самых важных черт каждой хозяйки является бережливость и умение мудро обращаться с деньгами, то есть не расходовать больше того, что получаешь. Поэтому мы советуем хозяйкам все брать в долг. В случае, если они будут осуждены за обман, наша редакция, имеющая влиятельных знакомых в министерстве юстиции и на Градчанах *, добьется отсрочки наказания. Мы решительно не рекомендуем выплачивать все долги сразу, потому что всегда надо думать о будущем, чтобы однажды, когда злая судьба начнет играть человеком, не оказаться перед открывающимися воротами Панкратца.

Хозяйка должна знать, что для того, чтобы еда шла впрок телу, нужно постоянно менять пищу. Поэтому помните, что мясо надо ежедневно чередовать. В понедельник вы варите из задней ноги, во вторник — из верхней части задней ноги и обрубленного хвоста, в среду — из боковой части задней ноги, в четверг — из тонкого края задней ноги, в пятницу — из почек, в субботу — из хвоста, в воскресенье — из жилистого мяса. Если у вас гости, то еды всегда должно быть столько, чтобы еще немного осталось. Поэтому лучше всего рассчитывать так, чтобы на каждого гостя приходился по крайней мере один баран, как это бывает на дипломатических обедах. Если гость уже не может больше есть, отведите его в соседнюю пустую комнату, суньте ему два пальца в горло, а потом снова приведите к столу. Так рекомендуют делать многие, в том числе и знаменитые врачи. За накрытым столом необыкновенно ласкают глаз свежие цветы, и гости бывают искренне удивлены, когда видят зимой на столе букетики из пестрых луговых цветов, полевого клевера и златоцвета, нарванные собственноручно. Это, несомненно, растревожит каждую нежную душу, просветлит взор, разгонит тучки со лба и развеселит каждого участника обеда».

Вслед за этой статьей следовало размышление на тему «Должна ли девушка быть целомудренной?». Здесь я вдребезги разбил целомудрие, ссылаясь на то, как делают карьеру многие «голубчики» в министерствах республики.

Затем шла статья «Жених и невеста», вернее, отрывок из книги «Половая гигиена» доктора Шильмана из Лейпцига.

После этого были напечатаны стихи под названием «Счастье домашнего очага»:

Сдоба с маргарином, пирожок с маком,
Снабжение продовольствием, пасхальный ягненок,
Министр Брдлик *, пасхальный кулич.
Пирожок с маком. Кекс.
Кекс из картофельной муки.
Аграрии. Скоты, пирожок крахмальный.
Кекс из нежного теста, еще один кекс.
Долой министра! Кекс со взбитыми сливками!

Новый номер журнала вышел точно в срок. Я проследил, чтобы в администрации не было задержки с его рассылкой, а сегодня, к своему удивлению, читаю в газете:

«Вчера в десять часов утра перед зданием типографии братьев Карасов застрелился известный редактор и издатель «Обозрения для чешских женщин и девушек», который ночью прибыл из Оломоуца. Случай тем более трагичный, что неделю тому назад самоубийца женился. Последний изданный им номер журнала позволяет судить, что это он сделал по причине душевного расстройства...»

ОТДЕЛ ПИСЕМ В «НАРОДНИ ПОЛИТИКЕ»

Мне очень нравится раздел «Письма» в «Народни политике» и других газетах. У меня накопился даже целый сборник газетных вырезок с такими письмами.

У одного моего приятеля есть дочка, которая учится в Высшем коммерческом училище; она продала мало-помалу все свои книги и заложила доставшийся ей от покойной бабушки браслет, чтобы оплатить публикацию своих писем.

Знаю одну гимназистку, заложившую в отсутствие своей квартирной хозяйки ее перину, чтобы поместить в «Народни политике» такое объявление:

«Молодая интеллигентная дама желает завязать переписку с веселым молодым интеллигентом. Предложения присылать в контору газеты, под девизом «Голубые глаза» 57672».

Знаю одного гимназиста четвертого класса, уже три недели переписывающегося таким способом с сорокапятилетней вдовой, выдающей себя за двадцатитрехлетнюю учительницу, в то время как гимназист выдает себя за тридцатилетнего помещика, сдающего экзамены по юриспруденции.

Юный четырнадцатилетний гимназист крадет дома деньги — у отца из жилетки, у матери из гардероба — и даже разбил глиняного поросенка, в котором его младшие братья держали свои сбережения. Его счастье началось с объявления:

«Черные глаза ищет молодой человек приятной наружности со средствами. Девиз: «Одинокие пути» 5376».

На страницах «Народни политики», в разделе «Письма», можно найти захватывающие, полные глубокого трагизма романы:

«Господина, поклонившегося мне 23 января в половине третьего в Национальном театре и назначившего мне свидание на семь часов вечера в понедельник у Музея *, прошу объяснить: почему он не пришел? Девиз: «Жижков» 5076, в контору газеты».

Какая катастрофа! Представьте себе: вы кланяетесь некоей даме в половине третьего в Национальном театре и обещаете в семь часов вечера прийти к Музею. Дама ходит туда регулярно каждый вечер — с 23 января до 3 февраля, затем дает вышеприведенное объявление, которое, однако, не приносит решительно никаких результатов, судя по тому, что 6 февраля появляется новое:

«Жду до 12 февраля, после чего порву с вами всякие отношения. Это относится к господину, не явившемуся в понедельник 23 января, в семь часов, к Музею. Девиз: «Жижков» 5076, в контору газеты».

Из этого получился бы роман под заглавием «Разошлись, как в море корабли».

Есть, однако, письма другого, не менее серьезного характера, где люди чистосердечно признаются в краже, бросая при этом тень на определенные политические партии. Недавно в «Народни политике» появилось такое письмо:

«Бальный веер на балу чешских банковских служащих был мною взят на сохранение и по оплошности унесен. Охотно верну и помню. Покорно прошу сообщить адрес. Девиз: «Аграрий».

Давать таким способом оружие в руки своим политическим противникам более чем легкомысленно. Аграрии крадут веера! До чего же докатилась эта партия!

Я занимаюсь теперь тем, что выбираю в конторах газет письма под девизами, которые покажутся мне интересными, чтоб использовать их как материал для своих юмористических очерков. Знаю, это известие будет страшным ударом для многих молодых людей. Например, девиз «Добрая душа» 7877 в «Народних листах» дает мне такой материал: некий Франтишек Рихтер грозит Мане Розгоновой, что отошлет все ее письма ее родителям, если она не одолжит ему до вторника пятьсот крон.

Мне удалось достать в конторе «Народни политики» письмо под девизом «Согласие», представляющее собой ответ на письмо под девизом «Славек». «Славек» заманил «Согласие» в бельведер и там, на глазах у всей Средней Чехии, сорвал с пальца своей жертвы брильянтовое кольцо. И вот теперь «Согласие» пишет: она, мол, удостоверилась, что он вовсе не Йозеф Эккерт и не живет на Таборской, № 68, и она сразу заподозрила неладное, как только он назвал себя Йозефом, а для переписки указал девиз «Славек». Она просит его прийти в субботу в бельведер и обязательно принести кольцо.

Дома у меня хранятся письма, взятые мною из разных газетных контор.

Это ответы на письма под девизами: «Ладя-Воковице», «Маня» (еще одна «Маня»), «Весна у Хлумца над Цидлиной», «Голубые глаза», «Черные», «Карие», «Блондинка», «Четверо веселых студентов», «Деревенская девушка», «Томление», «Весеннее томление», «Домашний уют», «Май», «Душевная красота» и т. п. Всего шестьсот восемьдесят писем.

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ В «НАРОДНИ ПОЛИТИКЕ»

(*Брачные предложения*)

С необычайным удовольствием читаю я раздел «Брачные предложения» в газете «Народни политика». Он верстается так, что тут же рядом вы видите объявления о продаже электромоторов, генераторов, шерстяных материй, брюк, автомобилей, щеток, экспортных насосов, осей и остатков шифона. Кто-то конфиденциально предлагает специальную воду для укрепления бюста — и тут же продаются господа и барышни, вдовы и вдовцы, наряду с шветатским луком, сливовыми деревьями, кормовой свеклой, великолепными масками, краковской колбасой и разным скотом.

Делопроизводитель восемнадцати лет продается пожилой вдове с солидным капиталом.

Двадцатидевятилетний интеллигентный американец, обладатель миллиона чешских крон, желает приобрести восемнадцати — двадцатилетнюю девушку. При этом несколько загадочно звучит фраза, что он «может увидеться через год, по причине позднейшего брака». Видимо, его объявление в конторе плохо перевели.

Иной раз приходится ломать голову над какой-нибудь шарадой, например:

«Глуховатый промышленник ищет для своей двадцатилетней красивой и вполне сохранившейся сестры претендента, который оценит ее способности».

Какое отношение имеет глуховатость брата к тому факту, что сестра его вполне сохранилась?

Или вот:

«*Дочь помещика, за которой дают хорошее имение, желала бы познакомиться с доктором, крупным чиновником или т. п. Необходима фотография. Девиз «Человек, который смеется», у-3880, отдел объявлений «Народни политики».*

Почему этот человек обязательно должен смеяться? Кто он? Тихий идист, вот уже пятнадцать — двадцать лет расхаживающий по саду Богниц *, ухмыляясь себе под нос? Или герой романа Виктора Гюго?

Необычайную смелость обнаруживает «*Независимая бездетная дама пятидесяти четырех лет, владелица хорошего домика и хозяйства».* Она желает государственного служащего-путейца, в возрасте тридцати одного года, которому могла бы обеспечить покой и довольство. Почему этот несчастный должен иметь от роду тридцать один год, представляется неразрешимой загадкой.

Просто, но по-деловому ставит вопрос в своем объявлении неизвестный:

«*Женюсь на вдове с капиталом или сахарным заводом. Девиз: «Холостой».*

Так ли, сяк ли — лишь бы подсластить жизнь.

Наибольшую симпатию вызвало во мне объявление, из которого явствует, что в Чехословацкой республике можно найти идеальнейшие создания, составляющие цвет нации. Одно из них поместило в «Народни политике» объявление о том, что существует:

«*Красивая дама двадцати одного года, представительной внешности, высокого роста, с идеальным характером и безупречным прошлым, приятными манерами, здоровая, благородного происхождения, из высшего круга, безукоризненного поведения, простая, милая, мягкая, бережливая, прилежная. Девиз: «За неимением других возможностей».*

Я отвечаю ей объявлением под девизом «Гречневая каша сама себя хвалит».

Немного удивило меня следующее объявление:

«*Интеллигентная барышня с безупречным прошлым ищет доброго папочку для двух своих деток. Предложения присылать под девизом «Домашний уют».*

Какой-то человек писал объявление, видимо, волнуясь и путая слова, так что получилось: «*Фотография необя-*

зательна, но желателен капитал». Что слова тут явно переставлены, вывожу из девиза: «Бедность не порок» и т. д.

Любопытно, что, судя по объявлениям, все женщины веселые; даже «Веселая шестидесятичетырехлетняя вдова ищет веселого вдовца не старше семидесяти лет. Девиз: «Навсегда».

До слез растрогало меня объявление:

«Ищу муженька. Неужели не найду? Я — деревенская брюнетка. Девиз: «Деревня».

Черта лысого найдешь, милая! Подожди результатов переписи: увидишь, что на одного мужчину приходится шесть с четвертью женщин.

Иные брачные предложения полны лжи. Например:

«Благородный владеет собачьего питомника желает...» и т. д.

Какое же может быть благородство у владельца собачьего питомника, ежели он во время купирования щенят режет им хвосты и уши?

Это то же самое, как если б появилось объявление:

«Благородный помощник палача желает...»

В этом случае я предложил бы «Народни политике» следующий девиз: «От алтаря к виселице».

О нескромности мужчин дает понятие «Честное предложение». Этот господин требует ни много ни мало восемьсот тысяч чешских крон, крупное поместье, большую благоустроенную квартиру в Праге. Его будущая жена должна иметь представительную внешность и безупречную репутацию, быть здоровой, красивой блондинкой, должна говорить по-русски, по-французски и по-английски. Девиз этот болван указал такой: «Чувство добра и красоты — высший жизненный критерий».

И тянутся, тянутся вереницы объявлений. Этот хочет выдать свою родственницу за профессора высокого роста, та свою дочь — тоже за рослого профессора. А как же быть холостым профессорам маленького роста?

Шестидесятилетняя дама называет себя невинной девушкой, хромой переплетчик ищет хромую помещицу, заика-чиновник — интеллигентную заику-вдову с капиталом и с детками; число последних значения не имеет.

Один хочет поступить в дипломатическую школу в Париже и желает поэтому познакомиться с богатой разводкой на предмет заключения в дальнейшем брачного союза.

Интеллигентные богатые дамы, бездетные, пользуясь жилищной нуждой, заманивают в свои благоустроенные квартиры образованных господ с положением.

Две самостоятельные подруги выражают желание немедленно выйти замуж за хорошо обеспеченных господ. Девиз: «Необычные общие интересы»... Ах чтоб их! Тра-ля-ля-ля!

Один виноторговец предлагает свою руку, извиняясь за то, что он человек воздержанный.

Происходит обмен фотографиями. У меня их полный альбом: мужчин, дам, вдов, барышень, брюнеток, блондинок и т. д.

В скором времени я издам его на свои средства.

ПРОТОКОЛ II СЪЕЗДА ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

ВВЕДЕНИЕ

Приступая к публикации протокола II съезда партии умеренного прогресса, мы не можем не напомнить о I ее съезде, состоявшемся перед самой войной, в 1913 году, в небольшом ресторане «На Сметанке» в Жижкове. В тот раз собралось сравнительно немного членов партии, большую же часть присутствующих составляли сотрудники полицейских органов, причем одному из них, полицейскому комиссару, председатель съезда нечаянно продал фуражку, что послужило причиной роспуска съезда и многолетнего преследования партии.

II съезд партии состоялся при огромном количестве участников в зале ресторана «Югославия» в Жижкове, причем главным пунктом повестки явилась дискуссия о международном положении, сопровождавшаяся скромным угощением свинными отбивными, так как партия не располагает такими запасами, как ресторан Национального собрания.

Протокол съезда составлен по стенограмме, а если что пропущено, предоставляю восстановить это воображению читателя.

СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ ЗАСЕДАНИЯ II СЪЕЗДА ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

Съезд открывается ровно в восемь часов вечера при наличии трехсот участников. В качестве гостей присут-

«Крестный ход»

«Славные дни Бузульмы»

ствуют представители всех политических партий, представители редакций пражских газет, французского и английского посольств, чешской колонии в Балтиморе (Америка), представители министерства торговли и министерства обороны, представители литературы и искусства, а также государственной полиции.

К сожалению, самое начало заседаний съезда ознаменовывается нарушением порядка со стороны провокатора, подосланного со специальной целью сорвать работу съезда и совершенно пьяного.

УДАЛЕНИЕ ПРОВОКАТОРА

производится перед самым открытием съезда. Распорядители хватают его за шиворот и под несмолкаемые овации делегатов съезда выталкивают на улицу, несмотря на крики изгоняемого:

— Я делегат от Виноградов!

ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА

Открыв съезд, председатель исполнительного комитета партии зачитывает поздравительную телеграмму папского нунция, напоминающего в своем горячем послании о преследованиях, которым подвергались папские нунции при гуситах, и отмечающего горячую встречу папского посла в Чешской республике, что является несомненным признаком прогресса. «Прогресс, милостивые государи, должен следовать лишь путями мирного развития,— говорится в телеграмме,— путями веры в торжество католической церкви, путями, ведущими к возвращению Конопиште бедным сироткам эрцгерцога Фердинанда*. Папа вас приветствует! От Белой горы, через революцию — к Риму, вот направление, которого должен держаться каждый благомыслящий гражданин! Аллилуйя, братья мои возлюбленные!»

Председатель исполнительного комитета дает краткую характеристику значения святейшего престола для положения чехословацкой кроны на мировом финансовом рынке и предлагает участникам съезда встать и возглавить: «Аллилуйя!»

Делегаты встают и, сияя от радости, троекратно возглаголюют «аллилуйю» и «ура» папе.

Затем председатель исполнительного комитета, напомнив вкратце о преследованиях, которым подвергается партия, предлагает приступить к выборам президиума. К сожалению, избранные почетные и непочетные члены президиума, опасаясь преследований и оглашения их фамилий, остаются сидеть на своих местах, не решаясь приблизиться к столу президиума, за исключением председателя, известного члена партии еще с I съезда.

Итак, на трибуне только секретарь и председатель, который, объявив заседания съезда тайными, продолжает свою речь так:

ВНЕСЕМ НАКОНЕЦ ЯСНОСТЬ

— Милостивые государи! Читая газеты, чувствуешь себя последним дураком. (*Крики: «Браво!»*) Ни в чем не можешь разобраться. (*Продолжительные аплодисменты.*) Просто не знаешь, что с тобой происходит. (*Крики: «Браво!»*) Но мы наконец раскусили, в чем дело. Все, мной сказанное, относится не к нам, а к остальным партиям. (*Пятиминутная бурная овация.*) К чему ведет их политика? Как они расценивают международное положение? Способны ли взять правильную ориентацию? (*Возглас: «Позор!»*) Вот, чтобы внести наконец ясность, предоставим слово по вопросу о международном положении председателю исполнительного комитета партии.

РЕЧЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ

— Милостивые государи! Я выступаю в тот момент, когда над всей Европой, Азией, Америкой, Африкой и Австралией снова нависли тучи, когда население этих близких нам и далеких от нас частей света ждет солнца, которое прогнало бы тучи с нашего международного небосклона. Предыдущий оратор упомянул здесь о ряде выступлений в печати и в Национальном собрании, касающихся международного положения и того, в какую сторону должна быть направлена политика нашей республики. Я же считаю своим долгом заявить с

этой трибуны, что это далеко не такое простое дело, что тут необходимо принять во внимание не только взаимоотношения между определенными группами государств, но главным образом отдельные элементы, на которых тайная дипломатия строит свои вытекающие из международного положения предпосылки и выводы. И тут да позволено мне будет сказать несколько слов в защиту уважаемого доктора Крамаржа. В честности его не может быть сомнения, так как он очень часто заявляет, что конь о четырех ногах, да и тот спотыкается. Если он иногда по ошибке скажет глупость, то не прячется за чужую спину, а если напишет вздор, то всегда под ним подпишется, — совершенно так же, как сделал бы я. (*Несмолкаемые возгласы: «Браво!», «Да здравствует доктор Крамарж!»*) Его выводы отлично построены и не так запутаны, как выводы доктора Бенеша *. Мир разделен ныне на два лагеря. По одну сторону — большевики, по другую — доктор Крамарж. Весной он выступает в поход против них во главе редакции «Народних листов» и вместе с инспектором армии Махаром * начнет бомбардировать Москву из Марианской гаубицы * пана Махара. О весне очень много говорят, но я с этой трибуны торжественно провозглашаю: *Весной будет праздник святого Матея!*

Я хотел еще коснуться вопроса о наших отношениях с Францией, Англией и Америкой, но не стану этого делать на том основании, что они чрезвычайно ясны и просты и что лучше всего предоставить это целиком доктору Бенешу, который отвечает за это дело. (*Крики: «Браво!»*)

Я убежден, что мне нет надобности распространяться о таких ясных предметах, которые многим нашим политическим деятелям кажутся китайской грамотой, и поэтому предлагаю единогласно принять следующую резолюцию:

Партия умеренного прогресса в рамках закона заявляет: международное положение настолько скверно, что всеобщую экономическую катастрофу можно предотвратить, лишь взорвав весь земной шар! (*Продолжительные возгласы: «Браво!»*)

Резолюция принимается единогласно. Избрана рабочая комиссия, которая в перерыве составляет следующий текст объявления в газету «Народни политика»:

«Купим любое количество экразита и динамита. Согласны и на другие взрывчатые вещества. Предложения посылать по адресу: Жижков, проспект Палацкого, «Югославия», Костракевичу».

После перерыва на ораторскую трибуну поднимается владелец ресторана «Югославия» пан Костракевич и объявляет, что он ночью повесится, так как зарезал четырех свиней и приготовил две тысячи свиных и полторы тысячи кровяных колбас и два гектолитра мясного супа, поскольку председатель исполнительного комитета сказал ему, что явится более тысячи человек и состоятся выборы, для которых он, кроме того, достал несколько гектолитров рома. Он просит собрание не разорять его и занять позицию, благоприятствующую мелкому предпринимательству. (*Бурные крики: «Позор!» Возглас из одной группы делегатов: «Что посеешь, то и пожнешь!»*)

Среди всеобщего волнения появляется контролер сборов со зрелищных и увеселительных предприятий — Филипп; он заявляет, что произошло мошенничество, так как несколько делегатов не уплатили сбора, и он требует, чтобы полиция разогнала съезд.

Поднимается неопиcуемый гвалт, и участники съезда расходятся в полном порядке после напоминания председателя, что «порядок, спокойствие и умеренный прогресс — лучшее оружие против полицейских дубинок».

О сроке созыва следующего тайного съезда будет дано объявление в «Народни политике» и «Народних листах», в рубрике «Куда сегодня пойти?».

БУРЖУЙ РАМЗЕЛИК

С паном Рамзеликом я познакомился не в большевистской России. Пан Рамзелик даже не знал, что я был в России. Он и не подозревал, что я советский комиссар, а мои честные карие глаза внушили ему полное доверие ко мне. Познакомились мы, когда я, выйдя на полустанке в лесу, спросил пана Рамзелика, как пройти в Баланово. Пан Рамзелик медленно поднял голову и сказал:

— Я из Баланова.

День был жаркий, и я присел в тень около пана Рамзелика. Скоро я узнал все его анкетные данные и через полчаса стал его приятелем. А еще через полчаса он пригласил меня на свою виллу, и мы отправились в путь.

— То-то старуха удивится, что я не подождал ее. Понимаете, здесь у нас вообще-то спокойно, но мало ли что может случиться. У меня, видите, золотая цепочка, ношу цилиндр, издали видно, что идет господин. Каждому известно, что у меня вилла. Она единственная в Баланове. Поэтому через лес я никогда не хожу один. Это не так-то просто. Вот и приказываю я жене выходить мне навстречу. Если бы она не пришла, а вы случайно не направлялись в Баланово, я остался бы на полустанке. Наказал бы ее. Через час идет поезд на Илове. Купил бы я билет до Илове. Пошел бы там на почту и послал телеграмму: «Старуха, я в Илове». Завернул бы в трактир и сидел там, пока она не приехала за мной. Я не робкого десятка. Нет. Явись сюда большевики, я защищал бы

свое имущество и стрелял бы в них, псов, покуда этот сброд не издох бы. В политике я разбираюсь, как никто. Посмотрите на царскую Россию. Что было? А что сейчас? Вот я и говорю: «Старуха, встречай меня. Я через лес один не пойду!»...

— А как ваша жена? Вы не боитесь, что на нее кто-нибудь нападет, к примеру, вон в той лоштинке, в тени густых елей?

— Да что вы,— засмеялся пан Рамзелик.— Кому нужна старуха! Старуха — старуха и есть. Да она, если надо, и в 4 часа утра в лес пойдет. Знаете грибников? Не то, чтобы нам грибы были нужны, у нас вилла, держим поросят, двух коз, одежды у нас на несколько тысяч, белья на столько же, золото, серебро. Есть и поле, куры, вилла красивая, с верандой. На одной стороне комната и кухня, и на другой — комната и кухня. Там у нас квартиранты. Бедняки, но женщина порядочная, знает свое место. Придет ко мне в сапожную мастерскую и так вежливо попросит: «Пан хозяин, будьте добры, почините мне ботинки». Придет к жене в кухню: «Пани хозяйка, попробуйте те малины».

Вообще люди здесь меня уважают. Пражанина сразу видно, им это лестно. Живет здесь одна гольтьба. Против меня зуб у них, потому что я из Голешовиц, в жизни кое-что повидал и здесь вот виллу заимел. Знают, что вздумай я ее продать, так до конца дней ни я, ни моя старуха можем пальцем не шевельнуть. Кругленьких 30 тысяч получили бы. Да кабы эти деньги имели прежнюю стоимость. Во всем социалисты виноваты. Вот если бы их не было! Подметка — 30 крон, каблук — 5. Человек мог бы жить, есть дыпят — жареных, вареных и пареных. Да не тут-то было. Никто работать не хочет. За яичко просят 50 крейцеров, за все приходится платить: за кофе, за уксус, за каждую ерунду. Спекулянты и большевики! Один для другого ничего не сделает. Благодеяний и в помине нет. А любовь к ближнему! Сироту никто не пригреет. А на буржуя каждый плюет. Кто призрел сироту в Баланове, парнишку той потаскушки, что служила у крестьянина Гампейза? Какой-нибудь аграрник или социалист? Нет, не аграрник, не социалист. Это сделал буржуй, хозяин это сделал — пан Рамзелик. Приютил сироту.

Причаю его работать и говорю: «Ты не для меня это делаешь, а для себя. Трудись. Погляди на меня. Я не вечно буду жить. Погляди на мою старуху. И она не вечна. Старайся и будь прилежен, носи воду, паси коз, ходи в лес за дровами, коси траву. Делаешь все для себя. Я что-нибудь с этого имею? Ничего. Я мог бы взять служанку, платить ей 10—20 гульденов. Мне это нипочем, у меня не убудет. А что бы стало с тобой? Завяз бы в трясине, захлебнулся бы в волне социализма. Для себя трудись. Погляди. Вилла — словно замок, в хлеву поросята, две козы. Ухаживай за ними как следует. Кому это достанется? Вырастешь, окрепнешь, станешь мужчиной. Не пропадешь в жизни».

Однако благоденствия, дорогой пан, не вознаграждаются. Думаете, Лойза нам благодарен и за любовь нашу платит любовью? Лентяй он. Будишь его в 4 часа, чтобы шел за грибами,— плачет. В 11 часов вечера есть просит. Ему нипочем лечь в постель с полным желудком. Ничего не понимает в гигиене. Да еще разборчивый. Наша картофельная похлебка ему уже приелась. А какая похлебка! Старуха заправляет ее мукой, кладет свежие грибы, чеснок. А картошка! Я, дорогой пан, до смерти люблю картошку. Вот мы и едим ее каждый день. Не потому, что я не мог бы позволить себе что-нибудь господское, нет. Не в этом дело. Подметка — 30 крон, каблук — 5. Две козы в хлеву, молока хватает. Грибы Лойза приносит. Дрова мы не жалеем. Лойза их наносит, затопим печь, наедемся досыта, и сиротка у нашего очага греется. Хотя мы и городские, но встаем рано. В 4 часа, с жаворонком. Пример парнишке показываем. Иногда стрелки на часах перевожу, чтобы Лойза пораньше в лес пошел. На рассвете грибов больше найдет. Ранняя пташка носок прочищает, а поздняя глазки продирает. Да мы со старухой уже не пташки. Нам вставать спозаранку трудно. Что поделаешь! Ну, мы еще подремлем малость. Мы люди старые да и городские. Нам ни к чему спину гнуть. Но люди мы работающие. Старуха помогает крестьянам в поле и по хозяйству. Иной раз вместо себя Лойзу пошлег. Паренек молодой, и сила, конечно, другая. Однако мальчишка сгорчает нас, ох, как огорчает. Придется, видно, отправить дармоеда. А зимой ему почти делать нечего. Да еще отвечай за него. Обленился может,

распуститься. Молодое тело должно быть в движении. А зимой у него работы нет. Нам и самим-то зимой нечего делать. За козами квартирантка ходит, я не спрашиваю, нравится ей это или нет. В другом месте ей квартиры не найти. Радоваться должна, что мы себя ограничили и дали ей две комнаты. Я бы тоже мог жить на широкую ногу и завести салон. Купил бы фортепиано, письменный стол, набожную картину повесил. Но зачем? Пусть бедная женщина имеет хорошую квартиру. Ей и во сне не снилось, что на старости лет будет жить в вилле.

Мы вышли на опушку леса. Перед нашим взором раскинулась прелестная деревушка. Благоустроенные усадьбы, красивые домики. Пан Рамзелик махнул рукой и показал на домик, стоящий на другом конце деревни.

— Вот наша вилла. Ни у кого здесь нет виллы, это единственная.

Он забыл, что пригласил меня, и сердечно пожал мне руку. Мы распрощались. Я стоял на лесной опушке и смотрел вслед пану Рамзелику. Я не видел, как покачивалась золотая цепочка, но блеск его цилиндра был роскошен.

Он свернул за угол, а я зашел в трактир. Меня согрело сознание, что, сопровождая по лесу пана Рамзелика, буржуя и благодетеля, я охранял его.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ПРАКТИКАНТОВ ЭКСПЕДИТОРСКОЙ ФИРМЫ «КОБКАН»

Владелец экспедиторской фирмы «Кобкан» вызвал в свой кабинет розовощекого практиканта канцелярии Пехачка и имел с ним продолжительную беседу.

Когда Пехачек вернулся к своему столу, он был бледен, дрожал всем телом, а волосы у него стояли дыбом.

— Уволили? — спросил бухгалтер.

Вместо ответа практикант Пехачек взял пальто и шляпу и, не говоря ни слова, вышел из канцелярии. Бухгалтер тотчас же отправился в кабинет шефа, а возвратившись, покачал головой и произнес:

— Ничего не понимаю. Шеф отпустил его в винный погребок на все послеобеденное время.

Пятеро практикантов с завистью посмотрели на пустой стул Пехачка и вновь углубились в свои бумаги.

В конторе экспедиторской фирмы «Кобкан» воцарилась атмосфера таинственности, загадочности и неизвестности.

А все было очень просто, хотя и несколько необычно.

Шеф вел с Пехачком весьма приятную беседу. Он сказал ему:

— Пан Пехачек, вы молодой, талантливый человек. Наш управляющий и бухгалтер очень вас хвалят. Вы прилежны, расторопны, толковы, скромны, проворны, трудолюбивы. Не пьете, не курите, в карты не играете, девушек не обольщаете, долгов не делаете, авансов в счет жалованья не берете, вы хороший счетовод и каль-

кулятор, у вас отличный, красивый почерк, вы экономите бумагу, приходите в канцелярию вовремя и уходите последним. У вас коммерческий кругозор, вы стенографируете очень быстро и умело, без ошибок, печатаете на машинке любой системы. Вы знаете несколько языков, одеваетесь скромно, но прилично. Ботинки ваши всегда тщательно вычищены, а воротничок свеж...

У образцового практиканта от блаженства увлажнились глаза, и он, не отрываясь, смотрел на своего шефа, который, бросив на него любезный, добродушный взгляд, продолжал мягким, взволнованным голосом:

— Через две недели у меня именины. Мне хотелось бы увидеть в газетах поздравления от знакомых, друзей и подчиненных. Само собой, расходы, связанные с этим, я беру на себя. Но я не хочу, чтоб поздравление к именинам было избитым, банальным. Пусть это будет нечто оригинальное, скажем, в экспедиторском стиле. Что-нибудь такое, чего еще не бывало. Что-нибудь столь блистательное, чтоб читатели долго помнили об этом поздравлении к моим именинам. Что-нибудь такое, чтоб все прослезилось. Вот я и подумал о вас. Понятно, вы никому об этом не проболтаетесь. Дайте мне вашу руку.

Практикант протянул свою дрожащую руку шефу. Тот, пожав ее, продолжал:

— Вы это сумеете сделать. Сегодня чудесный солнечный денек, в такой день мысли так и роятся в голове. Отпускаю вас до конца дня. Чтобы лучше писалось, ступайте сперва в винный погребок, выпейте две рюмки муската или вермута. Я знаю, допьяна вы не напьетесь. А затем поезжайте в Стромовку, сядьте где-нибудь на скамейку и сочините поздравление к моим именинам. Вот вам пятьдесят крон.

После этого Пехачек и вернулся к своему столу бледный как мел.

Первую и вторую часть приказания он выполнил неукоснительно. Отправился в винный погребок и выпил рюмку муската и рюмку вермута, допьяна не напился и, словно заведенный механизм, поехал в Стромовку. Там он сел на какую-то скамейку и стал сочинять.

Однако, к своему ужасу, он тотчас установил, что мысли у него в голове не роятся и что мнение шефа о талантливом практиканте весьма превратно, что не помога-

ет ни великолепный солнечный денек, ни мускат, ни вермут.

— Господи боже,— вздохнул он,— я совсем обалдел. Что за белиберду я написал, ведь тут нет ничего оригинального. Ну не глупо ли написать:

«Услышьте наши горячие пожелания, которые мы страстно вам желаем. Дай бог, чтобы ваша жизнь была прекрасной, как небо, усыпанное звездами; чтобы труд ваш ежедневный был успешным. Помогите вам в этом небо. Здоровья, счастья, многих лет, фирме вашей — полный расцвет. Живите долгие годы в радости и счастье, все желания ваши пусть исполнятся, чего вам от всей души желают знакомые, друзья и подчиненные».

Пехачек вырвал из записной книжки страничку с поздравлением и швырнул ее в урну. Затем подумал и принялся писать дальше.

В записной книжке появилось несколько вариантов поздравлений к именинам:

«И в нынешнем году пусть будет нашим пожеланием вам желание счастья, от всего сердца желаем вам это снова на весь год. Ежедневно одних только радостей и всего наилучшего, здоровья крепкого и всего в изобилии! Чтоб экспедиторские фургоны подешевели на пятьдесят процентов вместе с уважаемой супругой и семьей,— самым любезным образом желают вам знакомые, друзья и подчиненные!»

«Нам снова выпал случай поздравить вас, пожелать вам доброго здоровья, всех благ во множестве, счастья и успеха в начинаниях, благословения свыше! Дай бог, чтоб болезни вас миновали. Желаем одних только радостей, еженедельно — крупных заказов, доставки мебели, охраны багажа, переездов по всей республике, перевозок товаров по дорогам, миллионных прибылей. Горячо желают знакомые, друзья и подчиненные!»

«Одни только радости и долгую жизнь да ниспошлет вам фортуна! Желаем усердия, удач и счастья, крупных заказов! Вместе с уважаемой супругой радостно пользуйтесь всем своим имуществом. Искренне желают знакомые, друзья и подчиненные!»

«Пусть цветет ваше дело в радости, пусть не будет печали в старости. Пусть ваша жизнь течет счастливо, как тихий ручеек. Пошли вам господь долгие лета. Всем

вашим начинаниям — успех! Избави бог вас от болезней всех. Пусть брезжиг на горизонте экспедиторских тарифов повышение. Этого желает вам дружное мнение знакомых, друзей и подчиненных!»

Далее в записной книжке появились наметки рифм: протекать — миновать; в лесу — несус; излишек — свыше; предрекать — благодать; снесу — в лесу; имей — пей; забава — слава; переселение — благословение.

Горемычный практикант перечеркнул все это, изорвал, выкинул и направился прямо в «Трою»*, хватаясь за голову.

— Болван я, идиот, кретин, и все тут! У меня разжижение мозгов. Что-нибудь оригинальное в экспедиторском стиле... Баранья башка! Олух, идиот! Какой я интеллигент? Осел я! Солома в голове вместо мозгов!

В одном из винных погребок «Трои» он попытался вдохновиться с помощью бутылки вина. Но вместо ожидаемого божественного наития им овладел приступ такой тупости, что он написал:

«В приятный день, столь радостный для нас, горячо желаем вам, чтоб ваша жизнь и впредь была счастливой и веселой, всегда, в любое время! Пусть ваше дело расцветает, желаем успеха во всех начинаниях и долгих лет здоровья, и да цветет вечно под вашим окном множество цветов. Горячо желают знакомые, друзья и подчиненные!»

— Готово! — сказал он, придурковато смеясь над собственными строками. — У меня наследственный кретинизм, я банальный идиот и паралитик.

К утру его шляпу нашли на плотине шлюза у Клеца. В шляпе лежал клочок бумаги с его адресом и словами: «Не могу!..» Больше ничего.

*

В конторе пятеро практикантов обсуждали загадочное самоубийство коллеги Пехачка. Говорили вполголоса, с надлежащей дозой скорби, ибо не было уже с ними добродушного, веселого Пехачка.

Появился служитель и возгласил:

— Практиканта Клофанду к шефу!

— Иду!

И шеф сказал ему:

— Пан Клофанда, вы молодой, талантливый человек. Наш управляющий и бухгалтер очень вас хвалят. Вы прилежны и расторопны, скромны, проворны и трудолюбивы.

И так далее, вплоть до: «Вот вам пятьдесят крон».

Когда Клофанда вернулся к своему столу, он был бледен, дрожал всем телом, волосы у него стояли дыбом. Ни слова не говоря, он взял шляпу и пальто и вышел из канцелярии.

Атмосфера загадочности, таинственности и неизвестности сгустилась.

Четверо оставшихся практикантов только покачивали головами.

Клофанда не обладал таким литературным даром, как покойный Пехачек, но это была чистая, нежная и добросовестная душа. Сколько он ни ломал головы — ничего не придумал. Прежде чем удавиться ночью в Годковичском лесу, он сумел сочинить лишь одно:

«Наше горячее желание—пожелать вам самое искреннее поздравление, желаящее вам пожелание, которого желают вам знакомые, друзья и подчиненные!»

«В моей смерти прошу никого не винить»,— было начертано на клочке бумаги, приколотом к его пальто.

*

Не успели четверо практикантов обсудить толком загадочную смерть второго коллеги, как появился сотрудник и возгласил:

— Пана Венцла к шефу!

— Иду!

И шеф сказал ему:

— Пан Венцл, вы прилежны, расторопны, толковы, скромны, проворны и трудолюбивы...

И так далее, вплоть до: «Вот вам пятьдесят крон».

Атмосфера таинственности, загадочности и неизвестности сгустилась еще больше. Дыхание смерти веяло над конторой.

Практикант Венцл вообще ничего не сочинил. Он умер в Кийских каменоломнях близ Праги, вскрыв себе вены на руках. Умер, не оставив после себя ни строчки.

*

— Практиканта Коштыка к шефу!

— Иду!

Коштык долго боролся со смертью. Целых два дня он скрывался на Петршине и лишь на третий день бросился с вышки для обозрения окрестностей. Этот уж совсем рехнулся: ему мерещилось, будто его шеф не глава экспедиторской фирмы, а владелец зоомагазина и он должен написать ему поздравление к серебряной свадьбе.

Этим и объясняется, что в записной книжке Коштыка на одной странице была найдена следующая запись:

«Пусть счастливые времена вновь расцветают, пусть серебряная свадьба повторяется из года в год, пусть успехи фирмы блистают, чтоб вы весело наслаждались ими, и тысячи пар голубей, кроликов, крольчат и золотых рыбок имелись в продаже! Желает вам Ян Коштык».

В конторе «Кобкан» осталось уже только двое практикантов.

*

— Практиканта Гавлика к шефу!

— Иду!

Сочинив оригинальное поздравление в виде деловой телеграммы: «Кобкан, экспедитор, именины, сердечное поздравление! Знакомые, друзья, подчиненные»,— Гавлик зарезался перочинным ножом в уборной Дома представительства *.

*

— Практиканта Пиларжа к шефу!

Последний практикант, оставшийся в конторе экспедиторской фирмы «Кобкан», побледнел. Он смутно угадывал, что за дверьми кабинета шефа кроются причины грандиозной трагедии практикантов, трагедии, которой еще не видывал мир, и что это таинственное, загадочное и неизвестное надвигается на него.

— Практиканта Пиларжа к шефу! — повторил служитель.

Последний практикант поднялся и в отчаянии выкрикнул:

— Не пойду!

Теперь в конторе было уже четыре бледных физиономии: практиканта, управляющего, бухгалтера и служащего.

— Пан Пиларж,— нарушил молчание бухгалтер,— опомнитесь, что вы говорите! В Чехии еще не видавали подобного: чтобы практикант ослушался, когда его вызывает шеф.

— Не пойду,— отчаянно повторил последний практикант,— никуда не пойду!

В дверях появился сам шеф.

— Пан Пиларж, ступайте в кабинет. Я уже дважды посылал за вами.

— Не пойду! — закричал последний практикант.— Сказал, не пойду — значит не пойду!

Он принялся дико жестикулировать и вопить:

— Все шли — покойный Пехачек, покойный Клофанда, покойный Венцл, покойный Коштяк, покойный Гавлик. Один я не пойду, никуда не пойду!

Он схватил увесистую приходо-расходную книгу и стукнул ею по столу.

— Буду сидеть, и точка! Все сокрушу, всех вас порешу! Я капитан Мограс, мировая сенсация, новый непревзойденный аттракцион в воздухе! Не боюсь я вас!

*

Санитары не могут пожаловаться на последнего практиканта фирмы «Кобкан». У него на халате пять пуговиц, и он всем повторяет, указывая на пуговицы и пересчитывая их:

— Первый — Клофанда, второй — Венцл, третий — Коштяк, четвертый — Гавлик, пятый — Пехачек... Нет, не так. Первый — Пехачек, второй — Клофанда, третий — Венцл, четвертый — Коштяк, пятый — Гавлик. Все шли, а я не пойду, никуда не пойду!

Врачи теряют надежду на его выздоровление.

Именины пана Кобкана прошли без оригинального поздравления в газетах. В конторе сидят шестеро новых, свежих практикантов. До следующих именин наступило затишье.

МЫТАРСТВА ЛИТЕРАТОРА

В наше время условия литературного труда гораздо лучше, чем до войны. У послевоенного литератора, если он усердно работает и не очень много тратит, всегда найдутся деньги, чтобы оплатить свой паек: муку, хлеб, сахар, табак, — да еще останется, чтобы раз в месяц сходить в театр. Если он не абстинент и считает вино особым деликатесом, если ему доставляет наслаждение привкус рома, он теперь имеет возможность всюду получить эти удовольствия в долг, так как и в этом отношении стало лучше, и литератор пользуется теперь большим доверием и уважением, чем до войны.

А тогда положение было совсем другое. Приведу несколько примеров.

Раньше в Праге выходил журнал «Весела Прага», для которого я писал юморески — три юморески за две кроны, которых всегда ожидало несколько алчущих и жаждущих ртов.

Однажды я принес шесть юморесок, однако издатель отказался уплатить мне четыре кроны наличными и предложил заключить с ним договор. Я должен написать для него двадцать юморесок, за которые он мне уплатит вперед, но не деньгами, а товаром. Оказалось, что он случайно получил для раздачи подписчикам в качестве премии партию часов, стоивших тогда в магазине по две кроны. Он посчитает мне их не дороже двух крон за штуку, и я могу хоть сейчас взять 14 штук, а одни он мне еще прибавит, потому что точно подсчитать нужную сумму трудно.

Итак, я заключил с ним договор на двадцать юморесок и унес из издательства четырнадцать часов.

Меня ожидал один молодой человек, писавший стихи по два геллера за пять строк.

— А что с этим делать? — спросил романтически настроенный непрактичный поэт (в те времена еще жили на свете идеалисты).

— Распродадим их по трактирам.

Молодой поэт покраснел.

— А если не удастся распродать по трактирам, — сказал я, — будем продавать в кабаках.

— Я не буду продавать, — заявил поэт. — Вы ведь знаете, что я член объединения молодых литераторов «Сиринкс»*.

— Ладно, — ответил я, — не продавайте, будете только ходить со мной.

Мы отправились. Сначала пришли к «Примасу», где собираются мясники, которые носят тяжелые серебряные часы. Один из них сказал, что купил бы серебряные, затем, заводя наши часы, сломал в них пружину и в порядке компенсации великодушно предложил нам две кружки пива. Потом эти часы со сломанной пружиной мы продали за тридцать крейцеров одному господину, который сказал, что они все равно ворованные.

От Шенфлока, находящегося напротив, нас вышвырнули, заявив, что мы негодяи и у нас нет разрешения на торговлю вразнос.

В «Куржим оке» на Виноградах продали за 80 крейцеров одну штуку какому-то студенту, у которого часы были заложены в ломбарде, а вот-вот должен был приехать отец.

Мы ходили по Виногодам, но никто у нас ничего не покупал. Тогда мы отправились в пятый квартал, который был еще в полном расцвете перед близившимся упадком, и в одном кабаке у нас кто-то украл двое часов.

В другом притоне к нам подошел мужчина в плоской фуражке и спросил, откуда мы. Потом вытащил записную книжку, заглянул в нее и сказал: «Все соответствует».

После этого он схватил нас за шиворот и отвел в полицейский участок, где нас продержали до утра, так как

издателя, у которого мы получили часы, не оказалось дома.

И лишь на следующий день он удостоверил нашу невиновность и был столь благороден, что откупил оставшиеся у нас часы за полцены, то есть по 50 крейцеров.

Выплачивая эту незначительную сумму, он выразительно напомнил:

— Не забудьте о двадцати юморесках.

Спустя несколько дней, когда я принес ему две юморески, он уже менее уверенно произнес:

— Не забудьте, что вы мне должны еще 18 юморесок!

Ждет их и по сей день.

А вот другой случай. Крупная газета опубликовала ваше произведение. Вы, наивный человек, воображали, что получите деньги, как только придете и скажете:

— Вчера был опубликован мой рассказ, я пришел за гонораром.

Но то одного, то другого не оказывалось на месте — приходите завтра!

И наконец, когда вы хотите получить в кассе 5 крон 22 геллера, кассир протягивает вам 6 крон и требует сдачи, глядя на вас, как на жулика. Обычно у вас не оказывается ни гроша, он отбирает у вас 6 крон и орет: «Принести мелкие!» И вы отправляетесь разыскивать по Праге 78 геллеров, чтобы получить свои 5 крон 22 геллера.

Сейчас, как я уже сказал, положение гораздо благополучнее.

Не лучше обстояло и с книжными издательствами. Вы получали за лист 32 кроны, а когда просили аванс, вам его швыряли по кроне и, если вас осеняла безумная идея получить гонорар книгами, ничуть не стеснялись отпустить их автору по розничной цене. Естественно, что при продаже книг вы теряли 66 процентов своего гонорара, причем издатель заботливо говорил:

— Мы рассчитались бы с вами наличными, но боимся, что вы все деньги растратите и у вас ничего не останется.

Если вы хотели получить хоть какой-нибудь аванс, вам приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям. Обстоятельства заставляли литераторов лгать,

невесть что выдумывать, и только в силу своей высокой нравственности они не попадали в Панкрац.

Однажды, стремясь получить под свою книгу 25 крон аванса, я вынужден был придумать следующее. Послал своего друга, известного поэта Густава Р. Опоченского, к издателю с таким письмом:

«Многоуважаемый! Я только что попал под автомобиль, и у меня сломана нога. Прошу выдать мне аванс 25 крон под мою книгу».

Опоченский вернулся без денег со следующим ответом: «Объясните, зачем вам нужны эти 25 крон».

«На расходы, связанные с доставкой меня домой», — ответил я.

На что получил ответ: «Скорая помощь» доставит вас бесплатно».

«Скорая помощь» отвозит только в городскую больницу. Поскольку я настаивал на лечении дома, она уехала», — написал я.

Опоченский вернулся веселый, принес 10 крон и надпись на моей записке: «Десяти крон вполне достаточно».

Это были годы тяжких боев, уже отошедших в область истории, кроме одного случая, явившегося отголоском старых времен и преследующего меня по сей день, вызывая ужасное довоенное настроение.

Сейчас издается несколько моих книг. (Не хочу хвастать, но мне они очень нравятся.)

Одну из них я издаю за собственный счет — «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» — и усиленно пропагандирую ее в деревнях. Один господин любезно вызвался отвезти эту книгу, выходящую отдельными выпусками, в Будейовицы и рекомендовать ее там книготорговцам. Привожу отрывок из его письма об этой пропагандистской поездке:

«Пришел я к книготорговцу пану Сватеку, который сказал мне, что уже получил один выпуск из Праги; он очень обрадовался, узнав, где находится пан Гашек, потому что 21 апреля 1915 года, еще до отъезда на фронт, пан автор Гашек, служивший вольноопределяющимся в Будейовицах, заключил с ним договор, согласно которому должен был поставлять ему военные юморески, причем обязался в течение десяти лет ни для кого, кроме пана Сватека, не писать. Поскольку пан Гашек был в пле-

ну, он, конечно, этого сделать не мог, но сейчас, после возвращения, он должен выполнить свое обязательство; и на этом основании пан Сватек передаст дело адвокату, чтобы получить удовлетворение. Его удивляет, как пан Гашек мог забыть, что в течение десяти лет не имеет права ни для кого, кроме пана Сватека, писать. А может, он только притворяется, будто не знает, что мы унаследовали от Австро-Венгрии ныне действующие законы. И тут же посоветовал мне отказаться от моего намерения относительно «Швейка», ибо эти выпуски все равно конфискуют...»

Повторяется история с часами...

21 апреля 1915 года я, будучи вольноопределяющимся, как Фауст, продал себя на десять лет за жалкие пятьдесят крон. И человек, которому я продался, хранил меня во время самых жестоких сражений.

А сейчас он с помощью адвоката явился за моей душой.

Тут мне даже святая вода не поможет...

КАКИЕ Я ПИСАЛ БЫ ПЕРЕДОВИЦЫ,
ЕСЛИ БЫ БЫЛ РЕДАКТОРОМ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА

I. Всюду хорошо, а дома лучше

Истина эта в наши дни не находит должного уважения и признания. У нас в республике, особенно за последнее время, укоренилась дурная привычка утверждать обратное. И хотя мы, со своей стороны, не намерены и не считаем возможным говорить о полном благосостоянии наших граждан, однако необходимо одернуть болтунов, критикующих государственный строй и разглашающих по всему свету о том, что у нас плохо.

Очень хотелось бы, чтобы наши слова не были гласом вопиющего в пустыне и не упали на каменистую почву. Допустим, в жизни наших сограждан бывают мгновения, когда они легко могут стать добычей подстрекателей, но мы не должны забывать, что после плохого может наступить хорошее. Только человек злонамеренный способен в этом сомневаться.

Государственная власть существует с тех пор, как существует человечество, и с самого начала истории не было такого государства, механизм которого был бы совершенно свободен от каких бы то ни было — пусть даже самых маленьких — недостатков. А с другой стороны, в каждом государстве всегда находятся беспокойные люди, которые всегда недовольны.

Таких людей следует избегать, так как они нарушают наш душевный покой и учат нас ненавидеть некоторые классы, государственный строй, общество, определяющее судьбу того или иного государства. В конце концов все иллюзии рушатся, и это открывает путь к преступлению.

Если в государстве порядок, то это и на каждого гражданина накладывает отпечаток порядочности; порядочный же человек дорожит душевным миром и благодеянием, а благодеяние народа является основой благополучия политического.

Поглядим вокруг. Разве мы не видим, что люди, получающие приличные доходы, имеющие солидный капитал, живут зажиточно, пользуются уважением не только в своем кругу, но и у своих рабочих? Конечно, только человек предубежденный способен это отрицать.

У нас в республике много таких, которые добились богатства благодаря усердию своих рабочих или же получили его по наследству. Отчего же не порадоваться их успеху? Неужели мы должны завидовать им, ненавидеть их?

И как можно верить тем, кто утверждает, будто у нас все плохо? Недавно в газетах промелькнуло сообщение, что в Китае, в провинции Ганьсу, погибло от голода пятьсот тысяч, а в провинции Шаньси — восемьсот тысяч человек. Наблюдается ли что-либо подобное в нашей республике, покупающей китайскую муку?

Статистика говорит языком цифр. В Чехии, Моравии, Силезии и Словакии от нищеты и голода погибает ежегодно лишь незначительная доля процента всего населения. А сколько народа умирает от голода в Индии, откуда к нам вагонами прибывает рис? Полмиллиона! Столь незначительный процент смертности в Чехии по сравнению с Индией есть лучшее доказательство в глазах каждого беспристрастного человека. Наше вечное недовольство способно вызвать на устах статистика лишь улыбку сострадания.

В настоящее время 1 кг говядины стоит 16 чешских крон, 1 кг гуся — 32 кроны, 1 кг курицы — 36 крон, 1 кг свинины — 28 крон, 1 кг индейки — 42 кроны. И тем не менее слышатся постоянные жалобы на дороговизну.

Во время франко-прусской войны 1871 года в осажденном Париже курица стоила 300 франков, гусь — 500 франков, вол — 80 000 франков, свинья — 50 000 франков. Переведите это на чешские кроны по теперешнему курсу!

Пусть каждый недовольный сравнит эти цифры. Не может быть спору, что мы живем в период необычайной дешевизны съестных припасов. Сто семьдесят лет назад, когда французы были в Праге, фунт муки стоил тринадцать талеров. А сколько он стоит теперь, когда французов нет?

На Аляске вы не достанете говядины, а у нас скот в изобилии. Индийское племя Чамакоко в Южной Африке не имеет представления о сахаре, а у нас каждый видный чиновник, министерский служащий страдает сахарной болезнью.

Таким образом, народ не может у нас пожаловаться на плохое питание. Посмотрим теперь, какова политическая обстановка в республике. Для сравнения возьмем обстановку в Тонкине, где парламент был распущен, а депутаты казнены, запороты насмерть, четвертованы. А был ли у нас такой случай, чтобы после роспуска Национального Собрания какого-нибудь депутата четвертовали? Кто толкует о репрессиях, пусть поглядит на Сиама. Там царит полное самовластие: иначе говоря, монарх может по своему усмотрению отрубить голову любому, кому вздумает. У нас же люди добровольно обходятся без головы.

Зная это, жаловаться на недостаток свободы может только человек злонамеренный.

Свобода гарантирована нам законом. А кто же у нас осмелится открыто наплевать на закон? Если же нечто подобное и случится, так это просто по недоразумению, которое тотчас выяснят и поправят.

Разветвленная система органов безопасности бдит над нами, пока мы спим.

Произойдет ли где убийство, органы эти тотчас отвечают на него повальными обысками и арестами, в результате которых нередко обнаруживается до тех пор не раскрытая и действовавшая безнаказанно шайка фальшивомонетчиков.

Школа учит наших детей уважать законы и молиться богу, воспитывая их хорошими гражданами. Наши дипломаты получили признание, а наши финансисты имеют такой вес на международной финансовой бирже, что сами устанавливают курс нашей кроны.

Миром и спокойствием дышит каждая чешская хижина, каждый домашний очаг. Прилежные руки работают на фабриках, в мастерских, а по окончании рабочего дня тысячи тружеников радостно съедают за ужином свой ломоть хлеба, вознося хвалы богу и выражая благодарность работодателям, которые обеспечивают им этот хлеб.

Годами обсуждают рабочие лидеры вопрос о том, как улучшить положение рабочего класса.

Но вопрос этот самым успешным образом разрешен предпринимателями, предоставляющими рабочим заработок. Он попросту отпадает, поскольку даже с точки зрения самого левого крыла социалистического движения, коммунистов, кто не работает, тот не ест.

Имеющий работу работает и ест.

Представление о том, будто предприниматели не работают, в корне ошибочно. Каждый предприниматель хлопочет.

А кто хлопочет, тот работает.

Всеобщая забота о положении рабочих в нашей республике очень скоро доказала самим рабочим совершенную бессмыслицу революционных иллюзий. Развитие капитализма, на котором основано существование нашей молодой республики, обеспечивает заработок всем, кто искренне желает трудиться на пользу этому развитию.

В наши дни, когда положение неимущих составляет предмет самого пристального внимания всего общества, невозможно говорить о какой-либо политике репрессий по отношению к рабочему классу. Суровые мероприятия, о которых столько толковали у нас, разбились о всеобщую любовь к ближнему, как это прекрасно показал социал-демократический депутат Бехине * в своей статье «Потерпевшие крушение», где он колеблется между ненавистью и симпатией, пока в конце концов не заговорила его чистая душа.

Текст его «Потерпевших» звучит прямо как стихи:

И вот мой корабль разбился,
И я на пустынном острове
Сажу одиноко.
Море и небо, а между ними
Бьется мое «человеческое сердце»,
О Робинзон Крузо!

Как раз в наше время эти прекрасные, гуманные стихи особенно много говорят нашему сердцу благодаря той гармонической любви к ближнему, которая в них звучит.

Именно теперь, когда мировая социалистическая революция ликвидирована попятным движением всего исторического процесса, деспотические мероприятия правительства в известных вопросах вполне оправданы и принятое им решение с точки зрения государственных интересов заслуживает всяческой поддержки и не подлежит критике. Необходимо понять, в какое ответственное время мы живем, и из этого исходить при оценке политических событий!

II. Не завидуйте!

Величайшим злом в жизни нашей республики является то, что в широких кругах ее населения распространена жестокая зависть, стремящаяся вставлять палки в колеса нашему счастливому будущему.

Завидовать кому-нибудь у нас в республике — разве это не позор и не величайший разврат?! Каждый, кто хочет, чтобы наш народ опомнился и снова нашел себя, должен прежде всего уничтожить и растоптать чудовище зависти, вторгающееся всюду и опутывающее своей паутиной всю республику. Зависть отравляет своим тлетворным дыханием самый воздух нашей страны и разрушает нравственные устои республики.

Зависть побуждает всяких лжепророков и волков в овечьей шкуре забрасывать грязью чистый кристалл нашей общественной жизни. В ту великую эпоху, в которую мы живем, когда Карла Габсбурга изгнали из Венгрии, чем мы доказали всему свету наличие у Малой Антанты своей твердой линии, нельзя допускать, чтобы зависть

расстраивала наши ряды. О, если бы вернулись времена древних греков и римлян, когда патриций и раб, не зная зависти, работали плечом к плечу во славу своего государства!

У нас же в самых широких слоях укоренилась зависть.

Каждое повышение окладов нашим министрам или членам законодательных органов вызывает завистливые толки людей, не умеющих логически мыслить. Этим господам непонятны слова датского министра внутренних дел, сказанные им на празднестве по случаю восьмисотлетия датского государства:

«Народ будет всегда крепок и силен своими хорошо обеспеченными министрами и членами законодательных органов».

Вот что говорят в стране, где нет зависти, где государственный бюджет принимается без всяких дискуссий и выкриков! А у нас ни одно, даже самое незначительное, повышение окладов нашим ответственным руководителям не обходится без дебатов в парламенте и завистливой критики.

Если б у нас, скажем, министру финансов повысили оклад на сто тысяч крон в год, в стране поднялся бы вой,— множество служащих, мелких и средних чиновников налогового управления тотчас потребовало бы ничем не оправданного повышения своих окладов, не считаясь с тем, что республика переживает тяжелый финансовый кризис.

Они утверждают, будто все страшно дорого и им не на что содержать свои семьи.

Это неправда. Никто из наших государственных служащих, ведя скромный, невзыскательный образ жизни, не может умереть с голоду. А завистливые разговоры насчет того, что я, мол, тоже не прочь получать на представительство, как наш министр, внушены опять-таки зловредными подстрекателями.

В самом деле, только руками разводишь, слыша такие речи:

«Если министр может представлять от имени республики, почему бы не могли это делать мы? Ведь нас тысячи, целый ведомственный аппарат!» Или еще: «У министра — особняк, министр ездит с семьей на

дачу. Мы и не представляли себе, что так будет выглядеть на практике провозглашенная Масариком в его декларации Чехословацкая республика».

Не говоря уже о том, что в период всеобщего кризиса строительной промышленности немислимо каждому из полумиллиона чиновников и государственных служащих обеспечить возможность покупки или постройки особняка, смешно толковать о полумиллионе дач, когда все квартиры в городе заняты или заранее законтрактованы сановниками из министерства и нашими капиталистами, которые представляют наш народ на мировом рынке и открывают нашей валюте выход на международную арену, за что каждый из нас должен был бы от всего сердца пожелать им хорошенько отдохнуть, если б нам не мешала зависть.

Недавно один гражданин говорил при мне: «Они на машинах разъезжают, а у меня на трамвай денег нет». Я хотел сказать ему: «Так ходи пешком, завистник! Если у тебя нет денег на трамвай, что же удивительного, что их нет на машину? Иди работай, старайся. Иначе тому, кого ты сегодня видишь катающимся на автомобиле, придется ходить пешком, а ты по собственному опыту знаешь, как это неприятно. Не желай зла ближнему, будь нравственным, ибо лишь в нравственной чистоте — залог нашего национального здоровья».

Нравственная чистота, отмывание сердец наших от яда зависти — вот что необходимо для упорядочения наших внутренних взаимоотношений!

Надо учиться уважать материальные возможности ближнего и свято хранить в душе сознание собственных обязанностей. Что многим до этого еще далеко, свидетельствует такой случай.

Недавно вышло распоряжение платить швейцарам, открывающим вам дверь ночью, не больше десяти геллеров. Оно появилось в тот момент, когда правительство в соответствии с ростом цен на предметы первой необходимости повысило оклады министрам.

Вдруг слышу, один швейцар ругает этот порядок на чем свет стоит. «Нам снизили плату за открывание дверей в ночное время до десяти геллеров, — горячился он. — А министрам, у которых и без того все есть, повысили оклады на тысячу крон! Мы тут здоровье теряем. Кто —

ночью, утром ли — с попойки ни придет — вставай, дверь отворяй!.. О сне забыли...» и т. д.

Я не выдержал: «Милый друг! — говорю. — Это вас все проклятая зависть с толку сбивает. Одно дело — швейцар, другое дело — министр. Вы что же? Хотите, чтобы министр стал швейцаром, а швейцар министром? Да вам бы тогда еще больше завидовали, чем вы теперь министру завидуете. И не потому, что вы не сумели бы лучше с делом справиться, чем теперешний министр, а просто так, из чистой зависти. Вы забываете о том, какие у вас обязанности. Что должен делать швейцар? Ночью и днем следить, чтобы дому не угрожала никакая опасность, за что домовладелец берет с вас пониженную квартирную плату. Спать швейцар вообще не имеет права и дверь отворять должен бесплатно, не завидуя тем, кто кутит в ресторанах, пока он выполняет свою обязанность. Так что даже эти десять геллеров, в сущности, совершенно лишние. Ваш труд полностью вознаграждается возможностью меньше платить за квартиру — возможностью, которую при теперешнем жилищном кризисе трудно переоценить».

Мы хотели бы, чтобы широкие слои населения в конце концов поняли, что зависть разрушает национальное единство и подрывает международное положение нашей республики.

Если рабочий завидует своему хозяину, говоря: «Он живет лучше меня: мне за год не заработать десятой доли того, что он тратит за день», — то разве это правильно?

Нет, совершенно неправильно. В сердце рабочего должно говорить чувство более высокое, чем зависть, а именно — радость труда. Рабочий не должен расценивать все с точки зрения платы: он должен быть идеалистом. Его идеал — не борьба за жалкие гроши, а — еще раз повторяю — радость труда. Рабочий должен оставить тот сомнительный путь, по которому его вела до последнего времени зависть, и, забыв о бедности, о повседневных нуждах, видеть в труде вечный двигатель своего существования.

Рекомендуем вниманию всех трудящихся, сбиваемых с толку бессовестными агитаторами, одно прекрасное стихотворение. Оно напечатано 24 апреля 1921 года в Вос-

красном занимательном и поучительном приложении к «Народни политике» за подписью Ад. Альфа* и озаглавлено «Сонет»:

Для очень многих жизнь течет легко.
Цветы их счастья пышны, ярко блещут;
Уста улыбкой радостной трепещут;
Грудь с наслажденьем дышит глубоко,
А от другого радость далеко.
Нетопыри забот крылами плещут
Над ним. Его бичи тревоги хлещут:
«Где мне детишкам взять на молоко?»

Но если б жизнь была для всех одна,
В ней вовсе не было б очарованья,
Исчезли бы стремления, желанья...
Ведь радость и трудящимся дана,
Их радость — труд. И в вешнем одеянье
Даль манит их, цветами убрана.

Прекрасно показал здесь поэт, что если б всем было хорошо, не стоило бы жить на свете! Как было бы ужасно, если бы люди не умирали с голоду, если бы не было несчастных, бьющихся, как рыба об лед, ради куска хлеба. Тогда жизнь стала бы до того скучной, что капиталистам из «Народни политики» пришлось бы раздать свои капиталы бедноте, а самим помирать с голоду, лишь бы, как совершенно правильно пишет автор «Сонета», жизнь человеческая не утратила очарования.

Кроме того, он подчеркивает одно обстоятельство, которого мы до сих пор не касались, но которое является нашим драгоценным союзником в борьбе против зависти. В этой борьбе играет роль не только уже помянутая здесь чистая радость труда, заставляющая труженика забыть свою нужду и свои житейские горести, но также чудное ощущение, испытываемое маленьким, придавленным жизнью человеком при виде весеннего наряда убравшейся цветами природы.

Любовь к цветочкам, к траве, к цветущим деревьям, к одуванчикам, маргариткам изгоняет зависть из сердца человека, из души бедного пролетария. Насытившись благоуханием, он несет его домой, своим близким, в виде букета полевых и лесных цветов, который и их питает своим ароматом.

Вот о чем не следует забывать самым завистливым из завистливых — нашим безработным; а органы со-

циального обеспечения республики должны проводить для них экскурсии за город, где безработные могли бы наслаждаться запахом цветов и пением птичек, журчанием чистых ручейков и шелестом деревьев.

Вот о чем не следует забывать и лидерам социалистических партий, которые лучше сделали бы, если бы меньше толковали о политике, а прививали бы массам интерес к ботанике и почаще устраивали доклады о красоте природы.

Не может быть ни малейшего сомнения, что красоты природы в соединении с чистой радостью труда уничтожат зависть в широких массах чешского народа, а устройство экскурсий для рабочих привлечет к нашей республике симпатии всего мира.

ИДИЛЛИЯ ВИННОГО ПОГРЕБКА

Эти четыре человека, встречаясь ежедневно по утрам в винном погребе и рассуждая о большевиках, не ведали страха и сомнений.

О них они говорили каждый день, вкладывая в беспощадное осуждение большевиков всю свою душу.

Эти люди были живым газетным архивом, прекрасным фонографом с постоянно наточенной иглой и треснувшей пластинкой, которая шипит, хрипит, но продолжает наигрывать одно и то же. Каждый из них — и торговец кофе, и фабрикант стеклянной посуды, и архитектор, и старший инспектор страхового общества — имел свою излюбленную тему. Торговец кофе рассуждал о смертных казнях; фабрикант стеклянной посуды — о замученных буржуа и царской семье; архитектор — о хозяйственной разрухе и преследовании архитекторов, о комиссарах и голоде; старший инспектор страхового общества — о свободном браке, мятежах и ликвидации страхования жизни.

За их столом с табличкой «Занято» ежедневно умерщвлялись тысячи людей и пылали города. Здесь четвертовали детей фабрикантов, а китайцы совершали бесчисленные зверства. Здесь вырезали всех большевиков и комиссаров, обрекали на голодную смерть всю Россию. За этим столом вешали и расстреливали русскую интеллигенцию, тут увенчивались успехом ежедневные бунты против Советов, и народные комиссары, навсегда изгнанные из Москвы и Петрограда, бежали с похищенным золотом за границу.

За этим столом разыгрывались потрясающие трагедии; за границу для ведения пропаганды посылались ящики с русским золотом; тут уж щедрость собеседников не знала предела и граничила с расточительством.

С каждой выпитой стопкой условия жизни в Советской России становились все ужаснее. Ни «Народни листы», ни Аверченко, ни Станислав Николау *, ни «Право лиду», ни «Пражски вечерник» * не могли додуматься до подобных каннибальских пиршеств. Расходясь, друзья пожимали друг другу руки в знак взаимного восхищения и признания, словно хотели сказать: «Итак, завтра опять здесь. Будем беспощадны. За ночь в России обязательно что-нибудь произойдет».

И, пыхтя, они отправлялись обедать. За все время, что они ходили в погребок, их единственной жертвой стал некий молодой статистик, который, на основании сведений торговца кофе, отмечал в своей записной книжке число лиц, казненных большевиками.

Как раз перед своими именинами статистик подвел итог и обнаружил, что большевики казнили в три раза больше людей, чем их насчитывается на всем земном шаре. Молодой человек потерял рассудок, будучи не в силах объяснить, как он сам существует на безлюдной планете.

Когда четверо друзей встретились вновь, торговец кофе сказал:

— Русские большевики опять выкинули номер. В Харькове забили насмерть дубинами трех внуков и внуку Божены Немцовой *. Мало того, они отрезали им головы и послали в ящике Ленину, который собственно-ручно выколол им глаза. Я прочел об этом сегодня в вечерней газете.

Завязался интересный разговор, в ходе которого архитектор сообщил, что русские большевики вообще имеют зуб против потомков и родственников чешских писателей и поэтов. Так, недавно в Новочеркасске они повесили брата Гейдука *, в Москве четвертовали троюродного дядю Бенеша Тршебизского * и утопили младшего брата Арбеса *. Сестру Элишки Красногорской * посадили на кол в Тамбове. Племянника Сватоплука Чеха * сожгли в Туле. Племянницу Врхлицкого * задушили в Нижнем Новгороде, а брата Пеланта * застрелили в аэроплане. Шурина Махара привязали к рельсам и пустили пас-

сажирский состав, а увидев, что несчастный еще жив, отправили следом товарный.

Фабрикант стеклянной посуды дополнил эти факты сведениями о том, как большевики в России поступают со своими собственными писателями и журналистами. С Горького заживо содрали кожу и бросили его в яму с негашеной известью. Аверченко раздели донага при сорокапятиградусном морозе и поливали водой до тех пор, пока он не превратился в огромный ледяной сталактит. Теффи * поджарила на конопляном масле, а потом замариновала в уксусе. Борисом Соколовым зарядили царь-пушку в Кремле и выстрелили в сторону Ходынки. Если уж большевики творят такое с собственными людьми, если они зажарили едову Толстого, а через Мережковского пропустили электрический ток в два миллиона вольт, от чего он сошел с ума, то нечего удивляться тому, что они учинили в Харькове с тремя внуками и внучкой Божены Немцовой.

Старик, сидевший за соседним столиком, встал и подошел к четырем знатокам русской жизни.

— Господа,— сказал он дрожащим голосом,— господа... это... ошибка... Я сам... сам внук... Божены Немцовой. Мы... вернулись... только вчера... из России. Мы все... живы... С нами, извините... ничего не сделали. Разрешите мне... подсесть к вам... я...

— Не важно, кто вы такой,— пробасил старший инспектор страхового общества.— Этот столик для наших друзей, а не для тех, кто заступает за большевиков. Если вы собираетесь защищать их, так и оставались бы в России, чтобы участвовать в их зверствах. У нас, в чешском народе, вы не найдете поддержки.

Когда «замученный большевиками» внук Божены Немцовой отошел, торговец кофе многозначительно произнес:

— Это какой-то старый интриган. Видимо, он собирается вести здесь пропаганду на денешки Москвы.

Архитектор заметил, что для таких мерзавцев нет ничего святого.

И вновь, как вчера и позавчера, за столом четырех собеседников умерщвлялись тысячи людей и пылали города.

А торговец кофе, возглавлявший это общество кан-

нибалов, после каждой фразы стучал кулаком по столу и кричал:

— Мне бы попасть туда, черт подери, показал бы я этим большевикам! Они бы у меня и не пикнули!

Накануне вынесения приговора кладненским забастовщикам * торговец кофе еще раз резюмировал свои обвинения и добавил:

— Значит, завтра их приговорят к повешению... Что вы говорите, пан трактирщик? Хрена к сосискам мне не надо, предпочитаю горчицу... Знаете, я разговаривал со многими, и все требуют для них петли. Что вы говорите? Хлеба или булочки? Вот если бы у вас нашелся соленый рогалик... Нет? Тогда дайте булочку. Вчера вечером сидел я в будейовицкой пивной, так там никто не сомневался, что их повесят.

— Боюсь,— сказал архитектор,— как бы повешение не заменили им пожизненным заключением.

— Что вы, пан архитектор, кто это вам сказал? — разгорячился фабрикант стеклянной посуды.— Ни о каком помиловании не может быть и речи. Висеть им как миленьким!

— Мне бы попасть туда, да еще с правом решающего голоса,— вставил старший инспектор страхового общества,— я бы настаивал на исполнении приговора в двадцать четыре часа.

— Это не выйдет,— рассудительно заметил торговец кофе.— Если бы вешали одного, а тут их целых четырнадцать! Это будет самая крупная казнь в истории Чехии, и ее надо как следует подготовить. Один палач не справится, даже при трех помощниках. Ведь нельзя же поставить четырнадцать виселиц за сутки. Недавно у меня в лавке делал полки очень опытный столяр, и все же ему понадобилось три дня.

— А еще гробы заказать,— продолжал он, обмакивая дребенскую сосиску в горчицу.— Даже если их сбить из необструганных досок, все равно, считаю, не меньше трех дней. Да, еще булочку, пожалуйста. Я полагаю, их повесят не раньше чем через неделю.

— А если они будут апеллировать? — заметил архитектор.

— В таком случае все задержится,— важно ответил торговец кофе.— Несколько лет тому назад в Триесте приговорили к смерти через повешение одного итальянца, он подал апелляцию, и прошло целых три месяца, пока его повесили. Я получил тогда пропуск, ведь мне еще не приходилось видеть казни, но, к сожалению, накануне я лег поздно и проспал. Ходила моя жена, но не получила никакого удовольствия, потому что итальянец даже не дергался.

— А однажды в Шопроне я видел, как вешали цыгана,— сказал архитектор.— Тот сильно дергался.

— Такая уж у них беспокойная натура,— отозвался фабрикант стеклянной посуды, зажигая сигару.

В то утро, когда был объявлен приговор, в винном погребке за столом четырех собеседников стояла унылая тишина — безмолвие разбитых надежд и неоправдавшейся буйной фантазии.

Первым нарушил молчание архитектор.

— В воскресенье поеду с семьей в Розтоки: смотреть, как цветут черешни.

— А у меня в саду,— сказал торговец кофе,— расцвела яблоня.

— Эх, если б только люди поумнели и перестали быть варварами,— сокрушался фабрикант стеклянной посуды,— да не ломали бы веток!

— Я бы за это наказывал на месте,— заявил торговец кофе.

И присмирившие друзья снова впали в мрачное уныние.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ДОМА, НА УЛИЦЕ, В УЧРЕЖДЕНИЯХ, В МАГАЗИНАХ, В ТЕАТРЕ, В АЭРОПЛАНЕ И НА ФУТБОЛЬНОМ МАТЧЕ

Эта статья предназначена для тех, кому недосуг посещать лекции пани Лаудовой-Горжицовой *, у кого нет времени заниматься чтением катехизиса гражданина Гута * или же стать слушателем курсов для делегации пражского городского магистрата, отъезжающей в Париж.

Мой труд, бесспорно, содержит нечто новое, и его со спокойной совестью можно рекомендовать всем. В нем вы найдете ряд идей и указаний, которых не почерпнете ни у Лаудовой-Горжицовой, ни у Гута, ни на вышеупомянутых курсах.

Полагаю, я дал ему вполне подходящее название: «Как вести себя дома, на улице, в учреждениях, в магазинах, в театре, в аэроплане и на футбольном матче».

Если у кого-либо возникнет недоумение, как вести себя в иных местах — скажем, в парламенте,— прошу обращаться ко мне письменно, поскольку я не намерен предавать подобные советы гласности.

Мое руководство и указания кратки, практичны и весьма доходчивы. На мой взгляд, это единственно настоящее введение к правилам хорошего тона. Обращаю ваше внимание также на то, что я, излагая свои воззрения, действую весьма деликатно: например, не созываю людей на лекции, как пани Лаудова-Горжицова. Читатели прочтут мою статью, и никто не будет их контролировать, в

то время как на лекциях подобного рода любой присутствующий думает про другого: «Ишь ты, он тоже не знает, как вести себя дома, на улице, в учреждениях и т. д.».

Равно и катехизис Гута: покупая его в книжных магазинах, невольно выдаешь пробелы в своем воспитании.

А статья? Чисто случайно оказалась в книге, поди покопайся, что ты ее читал, чтоб обучиться правилам хорошего тона.

Соображения мои продиктованы самой жизнью, они не мертворожденно: дитя. Ознакомившись с ними, каждый скажет: отныне я дерзну жить среди людей!

Как вести себя дома

Дома каждому надлежит вести себя пристойно, дабы не огорчать ни себя, ни окружающих. Порядочный человек никогда не ломает мебель в ночное время, чтобы не нарушать сон соседа. Он делает это днем, причем заводит граммофон, чтобы никому и в голову не пришло, чем он, собственно, занимается. Если мебель взята напрокат, он боится ее в страховом обществе. Вообще он ведет себя весьма солидно.

Если он бьет тарелки или бутылки, то кидает их на ковер, чтобы заглушить звон и не приводить в отчаяние жильцов нижних этажей. Разумеется, если его квартира расположена над подвалом, можно бить тарелки прямо об пол, выяснив предварительно, не спустился ли кто туда за углем.

Со своими гостями он обходится дружески, а коли уж случится конфликт, всегда старается вышвырнуть гостя так, чтобы не попортить дверей. Ругаться в этот момент можно лишь по-французски или по-английски. Если хозяин этими языками не владеет, он выставляет гостя молча. Истинный джентльмен никогда не станет рвать воротничок или жилет того, кого прогоняет вшей. Он просто хватается его правой рукой за кисть левой, выкручивает назад и, приподняв его сзади левой рукой за брюки, выносит из квартиры, корректно попросив при этом открыть дверь свободной правой рукой. Если дело дойдет до бокса, хозяину не следует снимать пид-

жак при госте. Абсолютно недопустимо, чтоб у гостя пропали часы или кошелек.

Дома всякий обязан следить за порядком и стараться не плевать на пол или в потолок. Наш дом должен быть для нас святыней.

Как вести себя на улице

Следует помнить, что улица — для всех прохожих, а не для вас одних. Правила приличия требуют, чтобы вы не толкали людей, идущих по тротуару, не приставали к незнакомым дамам и господам и не затевали на мостовой драк с полицейскими. Это лучше делать в подъезде. Столь же непристойно и некрасиво орать на прохожих и показывать язык проезжающим мимо в трамвае, в экипаже, в автомобилях. На прогулке вы должны следить за тем, как бы не высадить витрину, не прожечь папирсой или сигарой сдежду идущих впереди, не раздавить чужую собаку и не сунуть руку в чужой карман. Если все-таки это случится, нужно сказать: «Пардон, простите, пожалуйста, не извольте гневаться!» Ваш долг — извиниться как можно вежливее, тем самым вы избежите судебного разбирательства, а пострадавший унесет с собой отнюдь не кровоподтек, а лишь впечатление, что встретил джентльмена. Из этого, впрочем, не следует, что на улице надо быть сентиментальным — падать на колени перед встречными дамами не рекомендуется: это производит неблагоприятное впечатление, ибо выходной костюм не должен быть запылен на коленях. Одежду и обувь надлежит содержать в порядке; чистить на тротуаре ботинки или одежду во время прогулки недопустимо. На улице надо очаровывать всех прохожих безукоризненными манерами. Избегайте появляться на улице в расстегнутой одежде и с развязанными тесемками на кальсонах и ботинках. Совершенно неприлично подставлять подножку господам или дамам старше вас по возрасту, идущим по тротуару навстречу. В каждом отдельном случае это надо делать незаметно, чтобы избавить себя от взрыва негодования. Следует уважать старших и здороваться со всеми, кто старше вас, вежливо сняв шляпу и приветливо улыбнувшись. Если вы не уве-

рены, что встречный господин или дама старше вас, учтиво подойдите к ним и поинтересуйтесь их возрастом. На улице всегда надо быть любезным. Валяться на тротуаре недопустимо.

Как вести себя в учреждениях

Войдя в учреждение, вы здороваетесь со всеми присутствующими и приветливо машете им рукой.

Затем, переходя от одного к другому, расспрашиваете об их здоровье, о том, откуда они родом, какое жалованье получают, до тех пор, пока вас не попросят объяснить, что вам здесь, собственно, угодно. Чувство такта диктует вам никому не навязываться. Недопустимо на глазах у всех оделять чиновников папиросами или сигарами. Жизнь не знает подобных примеров. Подкупать чиновников следует крайне деликатно. Деньги вкладываются в розовый конверт, чтобы создать впечатление, будто речь идет о любовной интрижке.

Если вы учините в учреждении скандал, стремитесь незаметно исчезнуть. А коли уж дело дойдет до драки, остерегайтесь недозволенных приемов. Нельзя стрелять в учреждении из револьвера. С вызванным полицейским следует бороться по всем правилам джиу-джитсу. В любом случае вы обязаны помнить, что только достойными и приличными манерами можно снискать расположение чиновников. Уносить из учреждений пальто недопустимо.

Как вести себя в магазинах

Войдя в магазин, вы любезно и учтиво справляетесь о ценах на товары, стараясь при этом не щипать продавщицу за щеки и не похлопывать панибратски приказчиков по плечу. Затем вы отправляетесь к хозяину или директору магазина, подаете ему свою визитную карточку и просите разрешения закурить. Бестактно расспрашивать при этом, сколько он зарабатывает на том или ином товаре. Побеседовав с ним, сердечно пожимаете ему руку и возвращаетесь в магазин, где рассказываете продавцам и покупателям несколько пристойных анекдотов. Если вас просят удалиться, вы с мужественной гордостью, присущей всем истинным джентльменам, раскланиваетесь и

потихоньку отступаете к дверям, стараясь не изувечить кого-либо из нападающих. Если вы расквасите кому-нибудь нос, пошлите письменное извинение, как только вас выпустят из полиции.

Использовать возникшую панику, чтобы очистить кассу, недопустимо.

Как вести себя в театре

Если вы хотите, чтобы театр утолял вашу жажду культуры, не следует являться на спектакль в пьяном виде. Если же вы все-таки хлебнули и пришли в театр, постарайтесь не свалиться с галерки в партер, чтобы не нарушить мирный ход спектакля. Нельзя во всеуслышание браниться с соседями, читать во время спектакля газеты вслух, а в опере подпевать артистам. Если вы чистите в театре апельсин, корки следует бросать не в партер, а под кресло. Если вы принесли с собой бутылку пива, старайтесь во время действия извлечь пробку бесшумно. На сцену пробки не швыряют. Взятый напрокат бинокль следует вернуть билетерше, если же вы снесли его в ломбард — квитанцию стошлите по почте, наклеив на конверт марку. Если вы курите во время спектакля, следите, чтобы не возник пожар. С вызванным полицейским не следует переругиваться в зрительном зале, все можно обсудить в коридоре. Если удастся проникнуть за кулисы в дамскую уборную, самое лучшее — спрятаться под стол, чтобы переодевающаяся актриса не испугалась, увидев чужого человека.

Как вести себя в аэроплане

Истинный джентльмен даже на высоте шести тысяч метров не выражается вульгарно и грубо. Перед полетом он пишет своим кредиторам дружеские послания, в которых прощается с ними и просит извинить, что пустился в столь рискованное предприятие. Вывалившись из аэроплана, он должен принять все меры, чтобы не грохнуться кому-нибудь на голову. В любом случае перед полетом он вписывает в свою визитную карточку нижеследующее: «Извините, пожалуйста».

Как вести себя на футбольном матче

Протыкать судью ржавым ножом недопустимо.

Послесловие

Хотя вышеупомянутые советы и указания неполны и многого здесь еще недостает, я убежден, что любой легко усвоит и запомнит их. Это краткое подспорье к правилам хорошего тона должно иметься в каждой семье, и я прошу достославный школьный совет и министерство просвещения воспитывать учащуюся молодежь согласно моим наставлениям и указаниям. Предлагаю также включить мою статью в школьные учебники. От гонорара отказываюсь в пользу обедневших джентльменов.

СОЛИДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Я сидел с Местekom в садике на Карловой площади. Местек, владелец блошиного цирка, был в совершенно подавленном состоянии, так как пришел к выводу, что больше нет смысла дрессировать блох. Незадолго до того в его блошином цирке произошла катастрофа. Какой-то пьяный, одержимый навязчивой мыслью, что все это жульничество, пробрался в балаган и, даже не потрудившись проверить свое подозрение, палкой сокрушил коробку с цирком. Дрессированные блохи очутились на свободе и избавились от повинности таскать микроскопические бумажные повозочки. На дне коробки лежал раздавленный труп блохи-самца, первоклассного артиста, души цирка. Местек нежно называл его Франтишком. Рассмотрев труп артиста в увеличительное стекло, его опознали по отсутствию одной ноги, что, впрочем, является тайной цирка. Таким артистам обычно отрывают одну ногу, чтобы они не скакали слишком высоко и не нарушали гармонию циркового представления.

Подле трупа осталась только одна блоха с перебитыми ногами и перевернутой повозочкой, в которую она была впряжена.

— Я думал,— вздохнул Местек,— что вылечу ее, но ничего не получилось. Пепина чахла. В конце концов пришлось раздавить ее.

Местек рассказал мне о любви Пепины и Франтишка, о том, как маленькая блоха всегда любовалась танцами самца.

— Больше никогда в жизни не увижу таких умных созданий,— сказал Местек.— Современное поколение блох вырождается. Блохи поглупели. Стали несообразительными. А может, у нас появилась новая порода блох. Недавно я купил у служителя из староместской ночлежки полную бутылочку блох, но ни одна из них никуда не годилась. Были у меня блохи из полицейского управления и нескольких сиротских домов, из пансиона «Счастливый приют» и пансиона имени Элишки Красногорской, из исправительного дома и различных казарм, блохи из ломбарда, из ряда гостиниц, из Каролинума и Клементинума*, из Высшей женской школы, Производственного союза и Эмаузского монастыря—и все они были бездарными. Правда, я обнаружил среди них двух-трех, которых можно было бы назвать талантливыми. Но они оказались лодырями—их не соблазняла карьера. Сбежали, несмотря на то, что их ждала громкая, блистательная слава. Новое, молодое поколение блох никогда не даст ни Франтишка, ни Пепины. Их ценность невозможно выразить краткими словами, перед ними можно только преклоняться и восхищаться ими...

Нами снова овладела меланхолия, мы вспоминали триумфальный путь с блошиным цирком по Чехии и Моравии с короткими гастролями в Венгрии, откуда венгерские жандармы выпроводили нас на границу, усмотрев в блошином цирке скрытую панславистскую пропаганду.

В некоторых городах Моравии нам вставляло палки в колеса духовенство.

Когда в Гельштине я пришел пригласить священника на представление нашего блошиного цирка, он сказал мне:

— Я не могу рекомендовать своим прихожанам ваше предприятие, на нем не может быть благословения божьего, ибо дрессировка блох противоречит природе человека. В средневековых монастырях, как пишет аббат Ансельмус, блохи, которые кусали по ночам монахов и не давали им уснуть, тем самым побуждали их денно и нощно прославлять господа.

— Значит, вы считаете блох священными творениями? — сказал я.— Что же, могу вас заверить, что у нас в цирке потомки тех самых блох, что кусали младенца Христа в Вифлеемском хлеве.

Я подрался с ним и нокаутировал его, но все же нам пришлось удрать с нашим блошиным цирком в горы, потому что священник восстановил против нас весь край до самой Валахии.

Мы предавались молчаливым воспоминаниям, которые нарушил Местек:

— Терпеливый и предприимчивый человек обязательно одержит верх над человеческой глупостью. Надо только умненько взяться за дело. Важно не просто нарисовать, скажем, утку, а убедить собравшуюся поглазеть публику, что это не утка, а ягуар. Если прогорит одно предприятие, должно преуспеть второе, третье. Люди глупы,— продолжал он философствовать,— чем большую нелепость или чепуху вы им покажете, тем больше людей выложит денежки, чтобы поглядеть на нее. Надо изобретать для них все новые и новые сюрпризы. Что вы об этом думаете?

— Я полагаю, что очень мало людей имеет собственное суждение,— ответил я.— Те, у кого есть собственный взгляд на вещи, в наши балаганы не ходят, их заполняют люди, верящие, что увидят все, что мы им обещали показать. Помните летучую мышь, которую мы поймали в Богдальце и выдали за австралийскую летающую ящерицу? И все готовы были пожертвовать монету-другую, лишь бы только увидеть ее. Или помните, как перед нашей палаткой толпа дралась за билеты, чтобы посмотреть на потомство того боа, который задушил английского вице-короля Индии? Между тем это был самый обыкновенный уж. А вспомните-ка, сколько народу валило к нам, когда Пепичек Ванек из Коширж изображал орангутанга с Борнео?

— Как же не помнить, негодяй он был,— заметил Местек.— Перед последним представлением потребовал у нас 20 крон, заявил, что за 15 крон и кормежку не будет изображать орангутанга. А ведь этот парень зарабатывал хорошие деньги на фруктах и конфетах, которые публика бросала ему в клетку. Он припрятывал их, а вечером, после закрытия цирка, продавал лавочнице, что была через дорогу. Поэтому мы и не хотели ему прибавлять. Так он обозлился и посреди представления, изображая орангутанга, вдруг затянул: «На дороге в Рад-

лице...» Ну и паника поднялась! Тогда нас выслали из Табора. С мумией английского короля Ричарда III все получилось удачнее, а ведь это была всего-навсего свернутая свиная кожа. В этом разобрались только через полгода. Вы произносили над этой свиной кожей замечательную речь: «Перед вами один из самых знаменитых и отвратительных выроdkов, когда-либо сидевших на королевском троне. Этого подлого короля, которого физическое уродство превратило в страшилище, купавшееся в крови своих многочисленных жертв и поразившее самого Шекспира своим коварством и кровожадностью,—этого чудовищного короля высушили и... мы позволяем себе демонстрировать его уважаемой публике консервированным, в виде мумии...»

— А потом,—сказал я,—начальник округа конфисковал у нас Ричарда III.

— Но из этого следует,—рассуждал далее Местек,—что на свете все возможно. Готов спорить, что большая часть населения земного шара кормится всякого рода жульничеством. Сейчас все дело в том, чтобы придумать что-нибудь новенькое. Подготовить для зрителей маленький сюрприз. Одурачить их настолько, чтобы каждый из них сам рекламировал нас. Показать им что-то такое...

— Подождите: показать что-то такое...—перебил я его, рисуя палкой на песке.—А зачем показывать «что-то»? Пойдем дальше. Поймите меня: абсолютно ничего не показывать публике.

— Ну, хоть какой-нибудь камешек,—умоляюще откликнулся Местек.—Я всегда что-нибудь показывал.

— Никакого камешка,—решительно возразил я.—Это вздор! Старая школа. Заявляю вам, что мы больше ничего публике показывать не станем. Это-то и будет сюрпризом. Вы говорите: «Хотя бы камешек» — так это делалось раньше. Зрителям говорили: «Это камешек с Марса». И они уходили, убежденные, что «что-то» видели, но поражены не были. Но когда они абсолютно ничего не увидят, они будут потрясены. Увидите.

Я рисовал палкой на песке.

— Наш цирк будет круглым, просторным. Без окон, без отверстия в крыше. Там должна быть кромешная тьма. Два входа, прикрытые портьерой. Через один, впереди, публика входит, через другой, позади,—выходит.

Потрясающие афиши: «Величайший сюрприз в мире! Незабываемое переживание! Только для взрослых мужчин! Дамы и дети не допускаются! Военные платят половину!» Людей мы впускаем по одному, с небольшими перерывами. Я стою снаружи, зазываю публику и продаю билеты. Вы стоите внутри, в темноте. Как только кто-нибудь входит, хватается его за брюки и за шиворот и, не произнося ни звука, выбрасывает через заднюю дверь. Небольшая, доступная плата за вход. Увидите, что никто о ней не пожалеет. Люди желают друг другу только зла, ручаюсь, что они будут нас рекламировать и подбивать других пойти посмотреть на этот «потрясающий сюрприз», говорить, что это нечто замечательное. Наше представление будет построено на психологической основе.

Местек некоторое время колебался, собственно не из-за принципа нашего предприятия, а потому что хотел усовершенствовать его.

— А не следовало ли бы нам разок хлестнуть каждого розгой? — спросил он, подумав немного. — Это было бы еще большим сюрпризом.

Я категорически возражал. Это только задержит нас. Вся процедура должна разыгаться как можно быстрее. Едва человек войдет в темноту, как, не успев опомниться, уже оказывается снаружи. Именно в этом все дело. Наше предприятие вполне солидно. Мы обещаем сюрприз и держим свое слово. Никто не посмеет сказать, что мы жулики.

Наше солидное предприятие и вправду имело колоссальный успех. Открыли мы его сначала в Бенешове, где для этого были подходящие условия: войска, любопытная публика. Я заказал афиши, соответствующие надписям на нашем балагане:

ПИКАНТНО!
ТОЛЬКО ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ МУЖЧИН!
ПОТЯСАЮЩИЙ СЮРПРИЗ!

*Никогда в жизни вы не забудете
нашего предприятия! Никакого надувательства!
Солидные гарантии!*

Общедоступная плата — 20 геллеров, афиши, соблазн таинственного, пикантного сюрприза для взрослых муж-

чин привлекли в огромном количестве и военных и штатских. В толпе были и шестнадцатилетние подростки, готовые на мой вопрос о возрасте ответить, что им сорок или пятьдесят, только бы попасть внутрь.

Начали мы в шесть часов. Первым вошел толстый господин, с пяти часов ожидавший у входа, чтобы молниеносно пронестись через наше сооружение и вылететь с другой стороны.

Я слышал, как он говорил публике:

— Это замечательно, пойдите и посмотрите!

Я не ошибся в психологии толпы. Все, кого мы выбрали, горячо рекламировали нас. В течение полутора часов через мускулистые руки Местека прошла не одна сотня взрослых мужчин. Некоторые проходили по нескольку раз, снова возвращались и снова попадали в руки Местека. Все лица сияли радостью и удовольствием. Я заметил, что многие приводили знакомых и от всего сердца желали им увидеть «потрясающий сюрприз».

Где черту не справиться, он пошлет окружного начальника. Начальник появился в половине восьмого.

— Есть у вас разрешение?— спросил он меня у входа.

— Войдите, пожалуйста,— ответил я.

В темноте между окружным начальником и Местеком произошла короткая схватка. Начальник, сознавая важность своего должностного положения, отчаянно сопротивлялся «потрясающему сюрпризу», но в конце концов все-таки вылетел через вторые двери к ликующей толпе.

Потом пришли полицейские, опечатали нашу палатку и отдали нас под суд за оскорбление должностного лица и публичное насилие над ним.

— До конца своих дней не буду больше создавать солидных предприятий,— заявил мне Местек, когда мы с удобством расположились на тюремных нарах.— С сегодняшнего дня буду жить только мошенничеством.

ЧТО Я ПОСОВЕТОВАЛ БЫ КОММУНИСТАМ,
БУДЬ Я ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА
«ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Вместо вступления

Уважаемая редакция газеты «Руде право»!

Никак не могу согласиться с тем, что вы называете правительственный орган «Чехословацкая республика» «правительственным лакеем». Ведь вполне естественно и понятно, что правительственный орган не может поступать иначе как по пословице: «Чей хлеб жуешь — того и песенку поешь».

Сотрудники «Чехословацкой республики» не проявляют собственной инициативы, да и вообще никто еще никогда не видел, чтобы редактор правительственного органа писал статьи, направленные против правительства. Я знаю только один случай: в шестнадцатом столетии, во времена Маньчжурской династии, редактор правительственной газеты, издававшейся при императоре Син Вэй-чжи, написал, что Владыка Неба и Земли сломал себе ноготь на мизинце правой руки. За это сей редактор был повешен на крюке, как наш Яношик, и вдобавок четвертован. Представляете себе теперь моральный облик редакторов китайского официоза, живших под постоянной угрозой столь жестокого членовредительства?

И, надеюсь, вы не требуете, чтобы редакторы правительственного органа объявили себя коммунистами и начали бичевать правительство? Разве главный редактор Сватек, редактор Филип или Адольф Земан, работая в

редакции австрийских «Пражских уржедных новин»*, выступали когда-нибудь против Австрии? Редактор Филип, ныне сотрудничающий в «Чехословацкой республике», в свое время написал даже панегирик к юбилею покойного Франца-Иосифа. А Сватек был тайным советником. Вот это действительно высокий моральный уровень! А если что и сгнило в Датском королевстве*, то это не касается правительственного органа, где все рассортировано по чинам. Сотрудники «Чехословацкой республики» не редакторы, а чиновники. И поучают они не так уж назойливо. Они могли бы еще больше командовать, но, как я уже заметил, им не хватает инициативы и воображения.

Полагаю, что моя статья будет весьма полезна и поможет правительственному органу выработать правильную линию поведения.

Жофин, 7 апреля 1921 года

Таким образом, статья в «Чехословацкой республике», призывающая коммунистов быть паньками, могла бы выглядеть примерно так:

Педагогическая мудрость

В высшей степени неприлично, что некоторые коммунистические ораторы говорят слишком громко. Желательно, чтобы ораторы, выступающие на митингах, произносили речи мягким тоном и по возможности щадили свои голосовые связки.

Было бы полезно, чтобы перед каждым митингом они являлись в редакцию нашего органа и получали от тайного советника ясные указания, как и что говорить. Мы их тут же сфотографируем, а снимки пошлем в полицейское управление — на память.

Мы уверены, что наших добрых советов никто не употребит во зло. Нам всегда приятно подать идею, помочь советом, указанием. Для ораторов-коммунистов мы изготовили изящные жетоны с надписью: «Одобен «Чехословацкой республикой». Обладатель такого жетона может не опасаться, что его арестуют полицейские.

Мы настолько идем навстречу коммунистическим ораторам, что даже составили для них программы речей, с которыми они могут выступать на митингах и собраниях.

Мы вовсе не собираемся баловать коммунистов своей любовью, не потакаем каждому их желанию, не воспитываем в них изнеженность, своеволие и непокорность, но в то же время взвешиваем как следует и собственную строгость. Мы стараемся приказывать не грубо, а мягко, однако не идем ни на какие уступки. Если мы что-нибудь запрещаем — значит, это необходимо. Если наше правительство и наказывает, то избегает наказаний телесных. Наказание у нас не месть, а серьезное предупреждение, которое должно последовать сразу же за совершением проступка, как это было, например, в Трганове*.

Теперь ясно, что наша любовь к коммунистам вовсе не такая, какой ее считают некоторые. В основе ее лежат терпение и настойчивость, которые ведут наш правительственный орган к педагогической мудрости, а она, в свою очередь, помогает правительству с присущей ему деликатностью определить, что коммунистам на пользу и что во вред. «Чехословацкая республика» избирает наилучшие пути и средства, чтобы сблизить коммунистов с правительством.

Наш правительственный орган не желает ничего иного, как только вести коммунистов на поводу своей любви от самых зачатков их развития, не теряя и в дальнейшем дружеской власти над ними. Мы постараемся с помощью любви преодолеть все препятствия, чтобы навсегда оставить в сердцах коммунистов благодарную почву для наших увещаний.

Пусть почувствуют коммунисты благотворное воздействие нашей любви — и в их жизни не останется пробелов.

Наши советы и указания — великое благодеяние, неопенимый дар.

Прежде всего мы не хотели бы, чтобы коммунисты утруждали себя политикой и решением социальных вопросов.

Как было бы чудесно, если бы вместо митингов и собраний они играли бы в песочек, резвились на детских площадках в наших многочисленных парках и вместо докладов о III Интернационале занимались массовыми играми. Ради этого мы готовы завести в «Чехословацкой республике» отдел «Игры и забавы», какой уже был когда-то в «Счастливом домашнем очаге»*.

А пока мы рекомендуем игры в отгадки, в фанты, в третий лишний. Если на политическом горизонте тучи, давайте забавляться вырезыванием бумажных куколок и штопкой чулок.

В случае безработицы, если мы окажемся без места, у нас будет достаточно свободного времени, чтобы мастерить из картона всевозможные безделушки для украшения своей квартиры.

Главное — остерегаться читать другие газеты, кроме правительственного органа. Будем выезжать на лоно природы, дышать свежим воздухом, наблюдать, как прилежно трудятся муравьи.

«Руде право» недавно упрекнуло нашу газету в том, будто мы предписываем ораторам, что им говорить на первомайских митингах. Мы еще не опубликовали, как именно представляем себе первомайские речи коммунистов, но принимаем вызов «Руде право» и даем здесь примерные тезисы выступлений коммунистических ораторов:

«Первое мая — первый день мая месяца. Май — первый месяц массовой посадки цветов, и главное — месяц весеннего сева. В начале мая мы высаживаем рассаду всех овощей, но особенно чувствительных — только в середине месяца. Высаживаем также выращенную заранее рассаду цветов и прямо в почву высеваем семена тех растений, рассада которых могла бы пострадать от холода, а именно — фасоли, дынь, огурцов».

В таком духе должны быть выдержаны речи всех ораторов, и мы не сомневаемся, что массы разойдутся с первомайской демонстрации, полные чувства удовлетворения, твердо зная, что в мае сажают кочанный салат, брюкву, цветную капусту, горох, морковь, редиску, летнюю редьку и т. д.

Никто не может отрицать, что мы, к сожалению, не пользовались достаточным влиянием, чтобы попытаться изменить лозунги демонстрантов. Но мы с грустью видим, что чем дальше, тем больше углубляется пропасть между капиталом и пролетариатом. Но ведь «Правда суда не боится!» Так давайте не будем ссориться!

Заинтересован ли пролетариат в капитализме? Как было бы замечательно, если бы демонстранты несли пла-

каты с надписями: «Да здравствует капитал! Ваши преданные рабочие».

Но для этого нашим рабочим недостает внутренней культуры и душевного благородства; надо, чтобы весь рабочий класс поднялся на такую ступень, когда он будет вполне доволен своей участью. Если к подобному состоянию совершенства уже пришли так называемые правые, то будем надеяться, что и коммунисты, умудренные прилежным чтением нашего правительственного официоза «Чехословацкая республика», воспримут блага подлинной духовной культуры. Вот тогда-то Первое мая и станет подлинным праздником труда и трудящихся — к вящей выгоде их братьев-капиталистов. Ибо есть ли что-нибудь более прекрасное в жизни человека, нежели сознание, что ты можешь быть полезен своему соотечественнику?

Если все последуют нашим советам, мы уверены: в самой бедной рабочей семье каждый день будет подаваться к обеду то, что теперь даже министр получает разве только по воскресеньям. А именно:

1. Суп из куропаток.

2. Рагу из омаров в масле, с итальянским салатом, украшенным цветами мака.

3. Бифштекс под соусом из мадеры, с овощами.

4. Цветная капуста в розетках из ветчины.

5. Окорок косули с венским кнедликом.

6. Брусника в корзиночках из лимонов.

7. Жареные цыплята с салатом и компотом.

8. Крем «Крамарж» в ванильных вафлях.

9. Торт «Тусар»*, торт «Бенеш».

10. Корзина конфет. Черный кофе. Фрукты.

МАРАФОНСКИЙ БЕГ

Бродяжничая перед войной по Венгрии, я попал в город Надьканижу, где имеется пивоваренный завод с пивоваром чехом, 120 метров старинных крепостных стен и могила какого-то турецкого визиря тех времен, когда Надьканижа была еще резиденцией турецкого паши, окруженной морем безбожных наемников принца Евгения Савойского *. Малечкий аббат, как называли этого палача, так удачно бил из мортиры по городу, что на площади одному визирю ядро оторвало голову. Тюрбан с этой головы находится в музее Надьканижи, но кажется мне весьма подозрительным. Опасаюсь, не устроили ли с этим тюрбаном такого же жульничества, как у нас с языком Яна Непомуцкого. Уж очень он новенький на вид. В городском музее выставлены также кости верблюда, на котором сидел визирь, когда с ним случилось это несчастье. Здесь уж подлог ясен как божий день. Только у карликовой овцы могут быть такие тонкие и маленькие косточки.

Больше никаких достопримечательностей там нет. Улицы утопают в пыли, в садах на окраине города тучи комаров. За неделю до моего приезда в этот город там была разоблачена чуть ли не десятая растрата в городском управлении и в ратуше да закончилась сессия суда присяжных, на которой было рассмотрено 8 дел местного масштаба об убийствах с целью грабежа и 32 дела о крупных мошенничествах. По-видимому, волна цивилизации докатилась и сюда.

В городском саду тоже кусали комары, а в ресторане офицеры венгерского ополчения без конца заказывали дыганам свою любимую «Ugam, ugam, bígó ugam» («Господин, господин, господин судья»). Глупая и противная песенка!

В таком городе долго не проживешь. Я попал в гостиницу, где происходил съезд всех клопов Надьканижи и окрестностей. Комната, которую мне отвели, не отличалась элегантностью. Там были даже корыто, ящик для мусора и кувшин вместо умывальника.

Все это настолько вывело меня из себя, что на следующий день я снова отправился в городской сад и там познакомился с барышней из почтенной чиновничьей семьи. Представился я как миллионер, от скуки путешествующий пешком по Европе. Мое имя она, конечно, должна была слышать: «Гордон Бенетт» *.

Барышня была очень рада, что я немного говорю по-венгерски. Я согласился принять приглашение к ужину и какую-то женщину из их дома послал в гостиницу за моим туристским мешком с грязным бельем.

Отец барышни оказался добродушным, чистосердечным человеком, матушка — доверчивым созданием. В Ваше — районе виноградников, у них жил дядюшка, владелец винных погребов, поэтому в доме было много хорошего вина.

Еще не опьянев, я пообещал, что, как только обойду пешком земной шар, наверняка женюсь на Этельке. А потом, уже подвыпив, поклялся перед висевшими в столовой портретами ее дедушки и бабушки, что ни у одного венгерского короля не было такой роскошной виллы, какую я построю для Этельки у озера Балатон.

Позже отцу пришлось обещать мне завтра же взять отпуск на службе и вместе со мной пойти пешком через Венгрию в Турцию, чтобы я ненароком не заблудился.

Меня замечательно угостили и отнесли в кровать.

Проснулся я около полудня и услышал в соседней комнате необычайную суету. Там что-то передвигали, слышно было, как открывают и закрывают какие-то ящики.

Я еще валялся в постели, когда раздался стук в дверь и вошел отец барышни Этельки.

— Господин Гордон Бенетт,— сказал он,— все готово, все в полном порядке. Врач страховой кассы долго осматривал меня и в конце концов все-таки прописал мне двухмесячный ступок для поездки на юг. Все бумаги я уже получил. Женщины приготовили мне белье, туристское снаряжение, жарят нам на дорогу цыплят, и завтра утром мы отправляемся через Венгрию в Турцию. Как вы думаете, куда бы нам отправиться из Турции?

Через несколько минут я опомнился.

— Мы переплывем через Босфор в Малую Азию,— ответил я,— обойдем ее всю и через Месопотамию направимся в Персию. Перевалим через Гималаи и окажемся в Индии. Затем, через Китай, Корею, Камчатку, Берингов залив — в Северную Америку, а оттуда — в Южную Америку и Патагонию. Из Патагонии поплывем в Австралию. Пересечем ее и из Австралии поплывем в Южную Африку. Высадимся на мыс Доброй Надежды и будем идти на север, все время на север, через всю Африку до самого Марокко. Там переплывем из Марокко к Гибралтару и снова пойдем на север через Испанию во Францию. Затем свернем на запад через Францию в Швейцарию, Тироль, Штирию и снова окажемся в Нидканиже. Если вам такое путешествие придется по вкусу, мы можем два-три дня отдохнуть, а затем двинуться в Исландию, Гренландию, на Северный полюс и через Сибирь вернуться домой. Хотели бы вы посмотреть Мадагаскар?

Он почесал затылок и неуверенно спросил:

— Это вправду самое большое озеро Австралии?

— Самое большое и самое глубокое,— кивнул я.— Но оно высыхает регулярно каждые пять тысяч лет.

В этот день я пережил в садике несколько восхитительных минут с Этелькой. Между поцелуями я обдумывал, как бы смыться. В крайнем случае сбегу от господина Чендеша завтра утром, когда выйдем за город. Брошу мешок и хорошим спортивным темпом помчусь по шоссе на Балатон.

У Этельки все географические понятия совершенно перепутались в голове. Что касается господина Чендеша, то я уверен — он знает, что такое Африка. Если из его памяти и улетучилось, что это часть света, то,

во всяком случае, он считает Африку каким-то государством.

Но, развивая перед этим нежным ребенком свои планы странствий, я убедился, что такие понятия, как Австралия, Индия, Корея и Камчатка, не лишили ее ум очарования абсолютной невинности. Она действительно не имела представления о мире. Отстала даже от древнего Геродота, который все-таки подозревал, что, кроме Греции, существуют и другие страны.

Время между обедом и ужином промелькнуло быстро, в бесконечных обещаниях. Я обещал ей привезти препарированный хобот индийского слона, шкуры всех хищных зверей, географический атлас Андре, черепа жителей Полинезии, индейские скальпы, алмазы из Кейптауна и рубины с горы Килиманджаро, золотые цепи из Перу и Чили, крышу дворца далай-ламы из Тибета, стеклянный глаз японского микадо, парочку живых китайцев и эскимосов, целую семью негров из Замбези и тому подобное.

Она, бедняжка, была счастлива и задавала мне самые фантастические вопросы. Наиболее замечательным из них был, в порядке ли городской водопровод в Новой Зеландии. (За неделю до того в Надьканиже были повреждены водопроводные трубы.) С детским обаянием спрашивала она: «Хочешь, я угадаю, куда падает Кейптаун?» Подробности уже улетучились из моей памяти, но могу поклясться, что, окажись на моем месте самый хладнокровный преподаватель географии, он задушил бы ее.

Ужин прошел торжественно. Это было прощание пана Чендеша с семьей. Уверяю вас, я не говорил много о своем богатстве. Лишь между прочим заметил:

— Если бы даже я имел во сто раз больше, чем сейчас, я не смог бы купить себе большего счастья или чашкой шоколаду больше.

Всех изумили мои изорванные ботинки.

— Крокодила, из кожи которого сделаны эти ботинки, я убил в Ниле,— сказал я,— и это лучшее доказательство того, что крокодилия кожа тоже рвется. Утверждения ученых о ее прочности смешны.

— Интересно,— продолжал я, показывая заплаты на локтях моего пиджака,— что дамы-аристократки из

самого большого спортивного клуба Англии не умеют чинить пиджаки, а ведь я десять раз обошел пешком всю Англию.

«Хоть бы они вышвырнули меня, что ли,— думал я, с ужасом наблюдая, как вся семья ловит каждое мое слово и всему верит.— Или вызвали бы полицию».

Но они продолжали засыпать меня самыми разнообразными вопросами:

— Живы еще ваши родители?

— Отец,— ответил я,— прочел роман Жюль Верна «Путешествие на луну» и решил осуществить его идею. Он заказал мортиру и приказал выстрелом отправить себя на луну. С тех пор прошло восемь лет, а он все еще не вернулся. У нас нет никаких сведений о нем. Матушка на своей яхте «Торпеда» поехала в южные моря разыскивать его и сейчас плывет по океану на льдине.

«Теперь меня обязательно выкинут»,—ничуть не сомневаясь, подумал я. Но вместо этого Этелька спросила:

— А сестричка у вас есть?

— Сестра вышла замуж за американского президента,— ответил я,— но несчастлива с ним, потому что влюбилась в знаменитого певца Карузо и купила для него на Суматре имение и ферму для разведения тигров и ягуаров.

«Сейчас,— промелькнуло у меня в голове,— сейчас они должны послать за полицией».

— Да, у каждого свои неприятности,— сказала госпожа Чендеш, глядя на меня теплым, материнским взглядом,— в каждой семье что-нибудь не так. А брат есть у вас?

— Мой брат чудак. Он роздал все свое огромное имущество и служит в банке «Славия» в Праге.

«Ну, теперь-то уж меня наверняка вышвырнут»,— решил я. Но тут заговорил господин Чендеш:

— А куда вы едете в свадебное путешествие с Этелькой после нашего возвращения?

— В Занзибар и в Аравию,— заявил я,— в Италии слишком жарко. Кроме того, арабы — очень гостеприимный народ.

Надеясь, что у меня начнется *delirium tremens*¹ и меня отправят в больницу, япил столько, что в Саха-

¹ Белая горячка (лат.).

ре от такого количества жидкости могли бы вырасти леса. А вместо этого уснул на стуле, и меня осторожно уложили в кровать.

Рано утром господин Чендеш разбудил меня. Он был совершенно готов, и его круглая фигурка выглядела в туристском одеянии очень комично. После завтрака, во время которого госпожа Чендеш и Этелька не просто плакали, а ревели во всю глотку, мы вышли на шоссе, ведущее к Балатону.

С непрерывными воплями и рыданиями они проводили нас до последних городских садов.

— Присматривай за господином Гордоном Бенеттом,— в последний раз напомнила госпожа Чендеш, и мы остались вдвоем.

Перед нами расстилалась местность, ведущая к озеру Балатон, белое, пыльное шоссе тянулось в бесконечность. Стволы шелковицы были покрыты пылью, выжженная солнцем трава выглядела грустно, и в моей голове созрел план бегства.

— Вы хороший ходок?— спросил я господина Чендеша.

— Отличный, господин Гордон Бенетт,— ответил он.— Когда-то я участвовал в соревновании по бегу в Шопроне как член местного легкоатлетического клуба.

Я закусил губу. Мы поднялись на небольшой холмик, шоссе спускалось вниз. Я побежал. Сразу взял хороший темп.

Господин Чендеш бежал за мной и кричал:

— Я понял вас, господин Гордон Бенетт: кто будет раньше у Балатона! Бег на 40 километров!

Он бежал за мной. Пробежав десять километров, я выиграл всего-навсего десять метров. На двенадцатом километре, за Мезёлагом, он догнал меня и бежал рядом. На пятнадцатом километре я опередил его на добрых пятнадцать метров, но в Бодафале расстояние между нами сократилось до пяти метров.

На двадцать втором километре мы опять бежали рядом, а в Капотфалве, на тридцатом километре, я потерял его из виду. У меня было преимущество в полкилометра. Но силы мои иссякли. Я минутку отдохнул и снова побежал. Из-за поворота шоссе появился господин Чендеш, а в ста метрах за ним — какой-то чело-

век, догнавший его. Вдали бежало еще несколько человек. Я не понимал, что происходит, и это начало волновать меня.

Я мчался вперед. Мимо проехал велосипедист с флажком в руке, дружески кивнул мне и спросил: «От какого общества?»

Я не ответил и продолжал бежать.

На тридцать восьмом километре я увидел, что человек, бежавший позади господина Чендеша, обогнал его и летит за мной.

Собрав последние силы, пыхтя, как паровоз, я примчался к первым домикам Балатона.

У сорокового километра меня встретила радостным ревом большая толпа. Оркестр грянул «Марш Ракоци».

Я наткнулся на веревку, протянутую поперек улицы, но не успел разбить нос о землю. Меня подхватили, сфотографировали, и какие-то энтузиасты подняли на плечи и отнесли в отель.

Я не мог произнести ни звука. Меня раздели и потащили в ванну. Потом принесли того человека, который догонял меня на тридцать восьмом километре. Через пять минут принесли высунувшего язык господина Чендеша, который радостно улыбался. Он был третьим.

Оказалось, что, по несчастной случайности, легкоатлетический клуб в Надьканиже проводил в этот день марафонский бег Канижа — Балатон.

Это очень быстро выяснилось. Нас хотели линчевать, но кончилось тем, что полицейские по распоряжению начальника полиции выставили нас из города.

*

От господина Чендеша я избавился только в Албании, где на нас напали разбойники. Я сказал им, что это известный миллионер и они получают за него большой выкуп. Разбойники угнали его в горы, а у меня в благодарность за сообщение отобрали только туристский мешок с грязным бельем.

Разумеется, я ничего не знаю о судьбе господина Чендеша, так как из деликатности не решаюсь заводить переписку с его несчастной семьей в Надьканиже.

ТОВАРИЩЕСКИЙ МАТЧ МЕЖДУ «ТИЛЛИНГЕН» И «ГОХШТАДТ»

Между баварскими городами Тиллинген и Гохштадт на Дунае царит лютая вражда. В средние века тиллингенцы, посадив в лодки солдат с большим запасом запальных средств, отправлялись в поход на Гохштадт, который после таких посещений не раз горел. Случалось, что гохштадтцы гнали тиллингенцев обратно все 40 километров, и десятикилометровая дубовая аллея, что за Гохштадтом поднимается в гору к Тиллингену, называется «У повешенных тиллингенцев».

Тиллингенцы же — и в этом отличие одного города от другого, — взяв в плен своих гохштадтских соседей, топили их, как котят, в Дунае, а когда однажды член гохштадтского магистрата попал в руки тиллингенцев, они четвертовали его и одну четверть отправили со специальным послем в Гохштадт, а там этого посла повесили на городских воротах, несмотря на все уверения бедняги, что он лицо неприкосновенное.

Так продолжалось до той поры, когда города были лишены привилегии устраивать такого рода игры и развлечения, ибо новые времена смягчили жестокость набегов и пришлось ограничиться драками на постоялом дворе «У ангела-хранителя». Двор этот находится в 20 километрах от Гохштадта и в 20 километрах от Тиллингена — на границе обеих вражеских земель.

Сюда ходили драться из этих городов каждое воскресенье и по престольным праздникам. Бойцы приходили сюда пешком, а отсюда их увозили в обе сторо-

ны на телегах для сена и в навозницах, с разбитыми головами и переломанными ребрами, весьма довольных прекрасными результатами.

Каждая сторона старалась поддержать свою репутацию города-победителя в боях, которые длились столетиями, и драки «У ангела-хранителя» были так же упорны, как сотни лет назад, когда тиллингенцы с горящими смоляными факелами лезли по приставным лестницам на стены Гохштадта, защитники которого stalkивали их в городские рвы палицами весом в полцентнера.

Они были так же настойчивы, как и в те времена, когда гохштадтцы тараном разбивали ворота града Тиллинген, а тиллингенцы поливали их сверху кипящей смолой.

Ни одна сторона никогда не признавала, что была наголову разбита, пока краевые власти не передали гохштадтцев в руки тиллингенцам. Гохштадтский округ был ликвидирован, и Гохштадт вошел в округ Тиллинген. В Гохштадте был районный суд, а в Тиллингене — окружной. Гохштадтцы производили над своими людьми только следствие, а следственные материалы посылали в тиллингенский окружной суд, который судил строго и сурово. Гохштадтцам приходилось ходить в Тиллинген на призывной пункт, и во всех официальных делах Тиллинген был на первом месте, а Гохштадт шел за ним.

Гохштадтцы по всем статьям были гандикапированы, посрамлены, обижены. А когда в одно из воскресений они как следует наподдали тиллингенцам на постоянном дворе «У ангела-хранителя», в следующее воскресенье там было столько жандармов из тиллингенского округа, что гохштадтцы при всем желании не могли закрепить свой успех.

С той поры они встречались только случайно, когда им вместе приходилось отбывать военную службу, и гохштадтцы, окруженные со всех сторон врагами, уступали перед превосходящими силами, а вернувшись домой, говорили, что в таких условиях бессмысленно вступать в драку, и домашние считали их трусами. Казалось, что гохштадтцы уже никогда не посрамят своих соперников, но тут новое время принесло в южную Германию футбол.

Поначалу клубу «Тиллинген» нечего было и совать-ся против футбольной команды из Гохштадта.

Нападающие клуба «Гохштадт» играли неподражаемо. Они шли на мяч так же энергично, как некогда их предки отгоняли от городских ворот тиллингенцев. Посылали мячи в ворота вражеских клубов с такой непреодолимой силой, как сто лет тому назад тараны и пращи гохштадтцев разбивали ворота града Тиллинген.

Благодаря своей сыгранности игроки клуба «Гохштадт» — полузащитники, крайние нападающие — разбивали стенку игроков перед вражескими воротами, и однажды случилось так, что вместе с мячом они забросили в ворота противника и своего защитника, причем никто не понял, как это произошло.

Удары их были страшны. Мяч, забитый в ворота противника, отбрасывал вратаря в сторону, прорывал сетку, отрывал ухо болельщику, сидящему за воротами, убивал собаку, игравшую за стадионом, и подбивал ногу прохожему, пытавшемуся его остановить. Это один пример.

Другой пример: в игре «Гохштадта» с «Ингольштадтом» мяч «Гохштадта», посланный в ворота «Ингольштадта», привел к двум жертвам. Вратарь и мяч испустили дух, игру пришлось прервать на десять минут, пока не пришел новый вратарь и не принесли новый мяч.

И гохштадтцы, возвращаясь с поля боя, гордо запева-ли свою боевую песню.

Мы, гохштадтцы-молодцы,
Любят нас красавицы.
Не промажем никогда.
Клубу нашему — ура! ¹.

Их игру называли исключительно суровой, и в спортивной рубрике газеты в Ржезне об одном матче с их участием писали, что это был не футбол, а страшный суд. В другой газете о встрече «Гохштадт» — «Рингельскейм» говорилось, что она напоминала битву под Верденом *.

¹ В оригинале песня на немецком языке.

В осеннем сезоне зелено-синие гохштадтцы могли похвастаться следующими успехами: сломанных ног — 28 пар, переломанных ребер — 49, вывихнутых и переломанных рук — 13 гар, сломанных носов — 52, сломанных лопаток — 16, сломанных или поврежденных переносиц — 19, ударов в живот, выведших противников из игры, — 32, выбитых зубов — 4 дюжины. Если принять во внимание, что за осенний сезон они в общей сложности забили 280 голов, а в свои ворота пропустили только 6, то это был потрясающий результат активной игры.

Печатные органы клубов противников из зависти к их успеху писали о лучшем игроке клуба «Гохштадт»: «Фридмана преследует неудача. Он сломал соперникам только две ноги и не дотянулся до колена вратаря».

Они победили все клубы южной Германии, а когда пригласили на товарищеский матч с севера клуб «Альтону», из всей команды вернулся только вратарь с перевязанной головой, оставив всех игроков, включая запасных, в больнице Гохштадта на Дунае.

Могли ли тиллингенцы спокойно взирать на это, имея свой клуб бело-желтых? Команда клуба «Тиллинген» была не на плохом счету: она играла резко, и удары игроков по голени или колену противника были так же сильны и опасны, как и у гохштадтцев. Их удары в живот были весьма точны и награждались бурными аплодисментами тиллингенских зрителей... Тем не менее они проигрывали матч за матчем.

Однажды их осенило, и они пригласили к себе тренера из Мюнхена, англичанина Бернса, который учил их играть корректно, искусно пасовать, комбинировать, занимался с ними с утра до вечера, пока наконец мог сказать:

— Можете пригласить команду — чемпиона Лейпцига.

Они пригласили и проиграли со счетом 2 : 4.

— Это не страшно, — утешал их тренер Бернс, — еще три таких поражения — и можете никого не бояться.

И они вновь усердно тренировались в корректной комбинационной игре, где индивидуалист, действующий только на свой риск, — ничто, считается фанатиком и где признается только коллективная игра.

Пригласили первоклассную команду «Пруссия» и проиграли со счетом 1:2. Затем вничью сыграли с отличной командой «Мюльгаузен 1912», и тренер сказал им, что теперь вряд ли найдется противник, который смог бы их одолеть.

Ответная игра чемпиона Лейпцига с клубом «Тиллинген» закончилась полным разгромом лейпцигских футболистов. Они привезли домой пять голов и оставили в сетке ворот «Тиллингена» только один гол, забитый со штрафного удара.

Когда в клубе «Гохштадт» узнали о блестящей победе «Тиллингена» над Лейпцигом, все позеленели от злости. Прочитав же в «Альгемейне Спортцейтунг», что бело-желтые игроки из Тиллингена после своего блестящего воскресного успеха не имеют серьезного соперника в южной Германии и что их игра привела в восторг даже команду противника, гохштадтцы почувствовали себя, как их предки, когда однажды тиллингенцы овладели Гохштадтом и разграбили его.

А в газетном отчете их привели в неописуемую ярость и гнев фразы: «Блестящая игра полузащиты «Тиллингена», «Самоотверженность вратаря «Тиллингена», «Безупречная атака нападающего», «Ураганный огонь по воротам Лейпцига», «Блестящие пасы крайнего нападающего».

— Я бы его так запасовал,— угрюмо сказал центральный нападающий Томас,— что ему уже больше ни с кем не пришлось бы играть, разве только на небе против ворот святого Петра.

— Из вратаря «Тиллингена» я сделал бы копченое мясо с капустой, а из защитника — натуральный шницель,— слышался уверенный голос крайнего нападающего команды «Гохштадт».

Все сидели в клубе, и разговор на минуту затих. Ожидали, что кто-нибудь скажет веское слово, которое сразу прояснит ситуацию и снимет со всех тяжесть.

Этим человеком оказался секретарь клуба.

— Сыграем с ними товарищеский матч,— предложил он.— Пригласим их сюда. Это сделают наши газеты. Ответный матч играть не станем, поскольку команда «Тиллинген» сыграет у нас свой последний матч. Кто не искалечит полностью хоть одного игрока, будет иск-

лючен из клуба, а если он где-то работает, нажмем на хозяина, чтобы его уволили с работы. Кроме того, его привяжут к сетке ворот и все будут бить по нему мячом.

*

Местные газеты, немедленно предоставленные в распоряжение клуба «Гохштадт», начали соблазнять «Тиллинген» приехать на вулканическую почву их города.

Особенно искусно была написана статья «Лучшая команда южной Германии». В ней отдавалось должное последней победе «Тиллингена», высоко оценивались их игра и ошеломляющие результаты. Автор утверждал, что клуб «Гохштадт» тоже может продемонстрировать ряд блестящих побед, но решить вопрос, какой клуб лучше, «Тиллинген» или «Гохштадт», может только встреча обоих клубов в товарищеском матче, в котором нужно забыть все, что когда-то разделяло два города, чьи имена гордо носят клубы. Футбол — это игра международная, и местные интересы не играют здесь никакой роли. Побеждает не физическая сила средневековых солдат, а чистая идея спортсмена, который вкладывает в свою игру смелость и высокое спортивное мастерство. С приездом «Тиллингена» в Гохштадт навсегда исчезнут все недоразумения между двумя городами старой Швабии.

Нечто подобное писали гохштадтцы несколько столетий тому назад, приглашая бургграфа Тиллингена почтить их своим приездом: у них, мол, самые честные намерения, они посылают ему охранную грамоту, пусть он приедет договориться о границе тиллингенских и гохштадтских земель.

Когда господин бургграф из Тиллингена приехал, ему и в самом деле никто не причинил зла, благо разумно обсуждали с ним все спорные вопросы, но при этом господин бургграф так разгорячился, что гохштадтцы, чтобы успокоить гостя, вынуждены были его повесить. Он так и раскачивался на зубцах стены с охранной грамотой в руке.

В одной статье, которой редактор «Моргенблатт» в Гохштадте хотел полностью ослепить Тиллинген, мы читаем: «Если когда-либо Тиллинген выйдет на стадион

Гохштадта, это будет вершина весеннего сезона и одновременно манифестация братских чувств обоих городов. Все старое уже забыто. Зелено-синие подадут руку бело-желтым и крепко прижмут их к своим сердцам. Редакции стало известно, что на следующей неделе в Тиллинген будет послан секретарь местного клуба, чтобы обсудить возможность встречи двух клубов. Ему поручено сообщить, что тиллингенцев встретят у нас по-братски не только наши спортсмены-джентльмены, но и вся спортивная общественность, которая заранее радуется тиллингенцам и их игре в надежде, что обе команды покажут лучшую игру, достойную их славных традиций,— это гарантирует нам отличная спортивная форма той и другой команды. Окончательное решение о квалификации обоих клубов можно будет вынести только после матча».

— Ну, что же, посмотрим на них,— сказали в клубе «Тиллинген», когда прочли все это.— Вот что делает успех в спорте!

Еще в прошлом году о нас почти никто не знал, а теперь даже гохштадтцы рассыпаются в похвалах. Не прошло и четырнадцати месяцев, как они писали о нас, что мы самая ничтожная команда в мире, и рекомендовали нам лучше играть в чижика, чем в футбол. Что ж, если они хотят, чтобы им всыпали, мы не возражаем сыграть с ними товарищеский матч. Разгромим их. Они пишут, что «Гохштадт» тоже может продемонстрировать ряд блестящих побед. Зарвавшиеся ввали. С ними играли клубы Ингольштадт, Регенсбург, Труттендорф, Кейхенталь. Известные драчуны, которые даже представления не имеют об игре головой. Лучшая комбинация у них — это окружить игрока со всех сторон и сбить его с ног. Они прут на игрока, а не на мяч.

— И мы так делали,— вздохнул крайний нападающий,— поверьте, это было хорошее время. Помните, как я покалечил центрального нападающего из Ульмербрюдер. Сломал ему позвоночник, шею и переломил левую ногу, и все это одним ударом.

— Мы похоронили его за счет клуба,— язвительно заметил кассир,— ваш удар обошелся нам в 2 000 марок, потому что у всех возникла дурацкая идея заказать гроб в форме мяча.

— Но матч мы доиграли, и нам не пришлось возвращать плату за билеты,— сказал в оправдание крайний нападающий.

— Конечно, мы выиграем у Гохштадта,— торжественно провозгласил капитан «Тиллингена»,— выиграем тонкой комбинационной игрой. Нам никто не сорвет атаку. С краев даем в центр, центр подает на другой край, центр бежит вперед, распасовка с защитником и небольшой трюк, подача на правый край, удар и гол! Мы не станем бить на игроков и поэтому избежим прямых столкновений с ними. Пусть носятся в пустом пространстве. Мяч должен быть для них недосягаемым. Только мы будем орудовать с ним ногами и головой. Для них он должен стать абстрактным понятием, сказкой и больше ничем. Гип, гип, ура!

Секретарь клуба «Гохштадт» приехал в следующее воскресенье, в сущности, договориться об уже решенном деле, поскольку тиллингенская «Моргенпост» написала, что в ближайшее время закончатся переговоры о проведении товарищеского матча между Тиллингеном и Гохштадтом, в котором «Тиллинген» будет защищать цвета своего города и честь клуба. Он будет играть не на кубок, а сражаться за победу над «старыми знакомыми», за победу города Тиллинген над Гохштадтом на Дунае. На вокзале Гохштадта из поездов выйдет масса тиллингенцев, чтобы составить почетный эскорт команде, носящей белый и желтый цвета, и на месте обнять победителей из Тиллингена.

Не считая нескольких враждебных взглядов, брошенных на секретаря «Гохштадта», с ним ничего не произошло, и он без помех обо всем договорился. Товарищеский матч между обоими клубами на стадионе «Гохштадт» состоится в следующее воскресенье. Чистый доход от продажи билетов делится поровну между обоими клубами.

Затем, по старой клубной привычке, отправились в трактир, где пили до утра за счет клуба. К утру договорились еще о следующем: 1) Нейтральный судья — из клуба Регенсбург. Проезд и прочие расходы оплачивают ему оба клуба. 2) Прадедущка капитана клуба «Гохштадт» был при нападении на город Тиллинген рассечен от головы до пят мечом прадедущки

капитана клуба «Тиллинген», которого потом проткнул копьем прадедушка секретаря клуба «Гохштадт».

Затем веселье начало спадать, и секретарь клуба «Гохштадт» счел за благо незаметно уйти и исчезнуть, так как заметил, что капитан клуба как-то странно на него поглядывает, словно собирается что-то предпринять для реабилитации своего рода.

Наконец наступил славный день, когда тиллингенцы после стольких столетий вновь направились в Гохштадт, где все было приготовлено к обороне.

В Тиллингене и Гохштадте были распроданы все плетки, свинчатки, дубовые трости и револьверы. Ручные чемоданы тиллингенцев были подозрительно тяжелыми — они везли с собой камни. У гохштадтцев камнями были набиты карманы. Матч начался точно в половине четвертого, а в три часа тридцать три минуты началось светопреставление.

Первым пал нейтральный судья. Он получил два удара по голове плетью — по одному от сторонника каждого клуба. В двух местах ему пробил череп, и перед кончиной он прохрипел: «Офсайд», — так как не мог свистеть — новый удар плетью раздробил свисток в его губах.

Тиллингенцы имели численный перевес, поскольку их приехало 10 000, а в Гохштадте всего 9 000 жителей.

Гохштадтцы отчаянно защищались и во всеобщей суматохе сумели повесить капитана «Тиллингена» на перекладине ворот «Гохштадта».

Центральный нападающий «Тиллингена» загрыз двух защитников «Гохштадта» и был застрелен центральным нападающим того же клуба.

*

В спортивной рубрике всех ежедневных газет Германии на следующий день появилась краткая телеграмма:

«Интересный матч «Тиллинген» — «Гохштадт» не был окончен. На стадионе погибло 1 200 гостей и 850 местных зрителей. Оба клуба ликвидируются. Город горит».

Вспоминая после этого матч «Славия» — «Спарта» *, — я ясно вижу, что у нас футбол еще в пеленках.

ДОНЕСЕНИЕ АГЕНТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО РОЗЫСКА
ЯНДАКА (КЛИЧКА «ТРЕШБИЗСКИЙ»)

Донесение 1-е

Многоуважаемый пан Гайшман *1

Смею доложить, что вчерашний день мною начаты слежка и розыск о передвижении и встречах лица — имя и фамилия Йозеф Поупе, — которое, согласно инструкции департамента № 3, уже несколько лет подрывает государственные устои, проживая по адресу: Радлицы, № 48, имея рост высокий, лицо круглое, чистое, усы английские подстриженные, глаза голубые, волосы и усы русые, нос прямой, речь правильную.

Согласно указаниям, чтобы расспросами на месте не навести подозреваемого на мысль, что оная личность, Йозеф Поупе, находится под наблюдением, я занял пункт на тротуаре против дома № 48 в Радлицах и стал ждать, когда оттуда выйдет на улицу лицо, подходящее по приметам; наблюдение начал с трех часов утра. В половине восьмого подопечный показался в воротах означенного дома, откуда и вышел, осторожно осматриваясь по сторонам; причем я делал вид, будто закуриваю сигарету. Но, видя, что он переходит на мою сторону, быстро перешел на противоположный тротуар — так, чтобы находиться с ним на прямой линии, не спуская с него глаз, причем следил за его сношениями с окружающими, каковых, однако, не обнаружил.

С целью удостовериться, не присваивает ли себе Йозеф Поупе какой-либо другой фамилии, я подозревал одного школьника, видимо, направлявшегося в школу, дал ему крону и попросил, чтобы он, будучи подростком, подошел к означенной личности, шагающей по другому тротуару, и спросил ее, не будет ли она Йозефом Поупе, каковую мою просьбу школьник исполнил и, получив от моего подопечного подзатыльник, поспешил убежать, не сообщив мне результата.

Однако этот факт ясно и определенно говорит о том, что произнесение его настоящей фамилии в местах, где он считает себя никому не известным, заставляет его терять хладнокровие и приводит в раздраженное состояние, что подтверждается также тем, что после этого он несколько раз, обернувшись назад, раздраженно сплюнул и пошел дальше, по направлению к Сантошке, а оттуда — в обход газового завода — к Ангелу *, где сел в вагон трамвая № 14. Я, стоя на площадке, имел возможность следить за всеми его действиями и поведением. Вынув из правого кармана желтый кошелек с отделениями для почтовых марок, что говорит о его обширной переписке, он купил билет. Установить содержание кошелька не удалось из-за тесноты. Однако я заметил, что он умышленно избегал разговоров с попутчиками, за все время езды не проронил ни слова и в его поведении не было ничего примечательного до остановки у земского уголовного суда, где он вышел, перешел мостовую, свернув с Лазарской, вошел одновременно со мной в кафе «Тумовка» и сел за столик у патентованной печи, где было место и для меня, так что я мог бы легко завязать с ним разговор, от чего, однако, воздержался, опасаясь, как бы это не показалось ему подозрительным.

Зато я благодаря этому имел возможность лучше наблюдать его поведение — в частности установить, какие он потребует журналы и газеты и будет ли делать из этих политических изданий выписки или вообще какие-либо заметки, нужные для подрывной работы.

Однако он изворотлив: потребовал отнюдь не политические издания, а «Скорняцкую газету», «Вестник купли-продажи», «Ресторатор», «Кондитерское дело». Затем вынул из кармана записную книжку в черном ко-

жаном переплете, с серебряной монограммой «Э. К.» в углу, что говорит о чрезвычайной изворотливости— ведь по-настоящему-то он Йозеф Поупе. Я сидел совсем рядом, и мне удалось прочесть некоторые его выписки из этих журналов. Трясущейся рукой он написал: «Зимние трикотажные сорочки, кальсоны мужские и панталоны дамские, детские костюмчики, набрюшники из мако и беж; чулки, носки хлопчатобумажные, вигоневые и шерстяные; гамаша, фуражки, шарфы, канва, оксфорд, зефир, коленкор, парусиновые брюки, фланелевые женские сорочки».

Дальше я не видел, так как он прикрыл рукой то, что писал, и наклонился над записной книжкой еще ниже, а мне было неудобно заглядывать. Успел только заметить начало какой-то новой записи: «Парша, чесотка у людей и животных быстро излечиваются при помощи нового патентованного аппарата...»

Что он делал эти заметки с каким-то умыслом,— ясно как день, и в данном случае нужно будет идти и по этому следу. Расход его составил пять крон восемьдесят геллеров, включая чаевые старухе в уборной, куда он ходил при моем соупутствии, после того как выпил стакан чаю с лимоном, съев при этом кусок кекса и кусок торта. Видимо, сумма в пять-шесть крон на утренний завтрак в кафе — его ежедневный расход; откуда следует, что за месяц он оставляет по утрам в кафе сто пятьдесят — сто восемьдесят крон.

Находясь в кафе, он вынул из кармана мельхиоровый портсигар с простым тисненым орнаментом и закурил самодельную сигарету с необычайно тонкой гильзой (окуроч прилагаю). Уплатив по счету, он поспешно взял шляпу и вышел, причем я, расплатившись одновременно с ним, следовал за ним по пятам. Пройдя Лазарскую, он остановился на Спаленой — у книжного магазина фирмы «Сердце». Войдя в этот магазин, он купил брошюрку о налоге на прибыль, которую я также купил одновременно с ним, чтобы не потерять его из виду и в то же время узнать, что он хочет прочесть, чтобы получить материал для своей подрывной деятельности. Выбранная им брошюра служит доказательством последней.

Не имея мелочи, я был вынужден ждать сдачи с двадцатикроновой бумажки, причем во время этой опера-

ции мой подопечный, выйдя из магазина раньше меня, получил возможность исчезнуть, повернув на Опатовицкую, либо дойдя до Владиславовой, где опять-таки мог пройти воротами городского клуба на проспект Юнгмана, либо Хорватским переулком — на Национальный проспект. Мог он также пройти прямо по Спаленой направо, либо налево и Национальным проспектом — на Перштын, а оттуда либо на Вифлеемскую площадь и переулками на вокзал Масарика, либо — через Скоржепку — на Угольный рынок и переулками в Карлову улицу, откуда либо на Карлов мост и вверх на Градчаны и Малую Страну, либо с Карловой улицы направо — на Староместскую площадь, откуда опять-таки — либо по Микулашскому проспекту, либо по Целетной улице — на Гибернскую и направо через Гавличкову площадь на Индржишскую, а от св. Индржиха — чего проще — трамваем № 14 с удобством вернуться в Радлицы, к себе домой, где я завтра опять возьму его под наблюдение.

ГИД ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Я сомневаюсь, что на свете существует более неблагодарное занятие, чем труд гида, дающего объяснения перед какой-нибудь грудой кирпича, известки и мусора, именуемой руинами крепости.

Такой бедняга-гид из кожи вон лезет, чтобы добросовестно пересказать то, что он в свое время вычитал из книг, и сообщает вам убежденно и со знанием дела:

- а) что за красота была здесь, пока все это не развалилось;
- б) как могло случиться, что от прежней красоты почти ничего не осталось;
- в) кому мешало то, что все здесь было в целости;
- г) как ухитрились люди сровнять все это с землей;
- д) куда залезали для того, чтобы получше все развалить.

Вынести это невозможно, особенно вдохновенный голос гида, который шпарит наизусть:

— Вступив в крепость, вы оказываетесь на маленьком холмистом дворике, где в изобилии произрастает кустарник и шумит одинокая ель...

— Смотрите у меня,— пригрозил я однажды такому gidу, поднося кулак к его лицу,— как бы я не сообщил в лесное управление про эти безобразия. Елям положено расти в лесу, а не на каких-то там двориках. Леса охраняются государством. А у вас на двориках шумят ели. Разве дворики предназначены для того, чтобы на них шумели деревья? Спрашиваю вас в последний раз: что сделали лично вы, чтобы помешать

захламлению дворика кустарником и елями? В Праге курицу не разрешают держать во дворе, а вы тут целые джунгли развели.

Он обалдело посмотрел на меня, но все-таки выдавил будто сквозь сон:

— На противоположной стороне дворика мы видим стену с бойницами и мысленно переносимся в ту эпоху, когда здесь жили мужественные рыцари и в лесах раздавались веселые звуки рогов, созывающих охотников на коварных медведей, рыскающих стаями волков и диких кабанов...

— Сударь,— строго перебил я его,— вы глубоко заблуждаетесь, полагая, будто в лесах было веселее оттого, что вместо белочек и зайцев в них бродили медведи, волки и дикие кабаны. Вам также должно быть известно, что медведи вовсе не коварные животные, как вы осмеливаетесь утверждать. Медведь — животное славное, добродушное и ласковое. Вы когда-нибудь видели медведя?

— Да.

— Где же?

— В Хрудиме, он ходил с поводырем.

— Когда же это было?

— Лет пятнадцать тому назад.

— А что вы делали пятнадцать лет тому назад в Хрудиме?

— Я был там на ежегодной ярмарке.

— Так, так, а почему вы именно пятнадцать лет тому назад отправились на ежегодную ярмарку? Что именно там привлекало вас? Какие цели вы преследовали? Какие у вас были мотивы?

Я достал из кармана блокнот и пустую самописку.

Гид посмотрел на меня и двумя прыжками очутился за стенами полуразрушенной башни, в следующий момент он уже карабкался по скалам над глубокой пропастью.

Он промелькнул, как серна, его кепка замаячила где-то внизу среди покрывавшей долину поросли кустарника и наконец совсем скрылась из виду. А я кричал ему вслед:

— Мой взор наслаждается видом развалин замка высотой в два этажа со стороны фасада, с низкой огра-

дой. За ней слева высятся величественные стены с круглой башней и многочисленными бойницами. Так, что ли?

Он мне не ответил, и я растянулся на дворике, погружившись в размышления о том, что в этих благословенных местах вполне можно обойтись без провожатого, хотя полчаса тому назад смотритель замка уверял меня, что развалины доступны исключительно в сопровождении гида.

Я вспомнил, как всю дорогу сюда гид приставал ко мне с вопросами:

— Хотите ли вы увидеть прелестнейший уголок земли? Желаете ли насладиться зрелищем величественной природы?

— Да, не мешало бы,— ответил я ему, после чего он умолк и молчал до самого верха, где снова забарабанил наизусть:

— Вступив в крепость, вы оказываетесь на маленьком...

Звали его Марек. А скалу над молодой порослью, где исчезла из виду его кепка, местные жители называли «Марекон утес». До последнего времени на одной из скал трепетал на ветру обрывок его штанины...

Надеюсь, теперь вы в полной мере представляете себе, что на свете нет ничего более неблагодарного, чем труд гида.

Есть у этой профессии и другие теневые стороны, например, если посетитель развалин не пассивен, а наоборот, обладает повышенной любознательностью и обуреваем страстным желанием разузнать в подробностях, как и кто все это разрушал и так далее. Я испытал все это на собственной шкуре, и мне стоило немалого труда избавиться от подобных экскурсантов.

Их было четверо. Два господина и две дамы. Действие разыгралось в замке Липнице возле Немецкого Брода *. Издали эти руины похожи на уродливый паровоз, «труба» которого (сохранившаяся часть одной из башен) простирается к небесам с мольбой ниспослать наконец на нее гром и молнию или ураган, который повалил бы ее на землю, потому что она не в силах больше

выслушивать разговоры о том, что ее нужно реставрировать. Слышит их уже более пятнадцати лет и со злости сама швыряет камни на школу внизу, на которую вот-вот рухнет...

Я живу сейчас у подножия замка в добровольном изгнании, изучаю местные нравы и жду, «когда это меня захватит».

Это край, отравленный водкой. На полевых дорогах здесь повсюду стоят унылые кресты в память о тех, кого «когда-то в этом месте прихватило».

В уцелевшей дальней части замка, где стены еще подпирают своды второго этажа, сохранилась трапезная. Столетия тому назад здесь подкреплялась замковая челядь. Прежний владелец замка восстановил трапезную и поставил тут два дубовых стола, лавку и печь. Я сижу здесь в полной тишине и кое-что пописываю. Местный лесничий доверил мне ключи от крепости, но осенние ветры дуют с такой силой, что, того и гляди, меня унесет к Немецкому Броду вместе со всем замком. Неторопливо осыпается штукатурка, выпадают камни, крошатся стены, внизу пасутся козы, а эти четверо любопытных явились наверх как раз в тот момент, когда я начал новую главу о трапезной.

— Мы были внизу в замке,— сказал пожилой господин в пенсне,— и нам сказали, что крепость открыта, так как ключ находится у вас. Пожалуйста, проведите нас по крепости.

В это время остальные — господин и две дамы — не то что разглядывали своды трапезной, а прямо пожирали их глазами.

— Извольте,— сказал я,— только сначала, пожалуйста, предъявите документы.

Они удивленно переглянулись.

— Если документы у вас не в порядке,— продолжал я,— осмотр крепости придется отложить.

Я услышал, как одна из дам достаточно громко заметила:

— Очень странное требование.

— Вы заблуждаетесь,— сказал я подчеркнуто,— мое требование совершенно разумно. Согласитесь, я же не знаю, кто вы, зачем вы здесь, какую цель преследуете, собираясь осмотреть развалины крепости Липнице.

При этом я продолжал сидеть; тогда господин в пенсне, в течение всего нашего разговора стоявший со шляпой в руке, заявил, что они с удовольствием сообщат, с кем я имею дело: он учитель по фамилии такой-то, второй господин—архитектор из Словакии, а обе дамы—преподавательницы такого-то лица. В настоящее время они совершают поездку по всей Чехословацкой республике с целью составить новую монографию чешских замков и крепостей, так как сведения, которые дает Седлачек *, уже недостаточны. Поскольку они историки...

— Ну ладно,— перебил я его,— вы историки по профессии или как? Просто историки или в самом деле историки — по призванию или из спортивного интереса, так сказать, скауты?

Я заметил, что второй господин посмотрел на меня с грустью, как будто хотел сказать: «Какой же ты осел».

Они молчали, тогда я встал и предложил им следовать за мной.

Мы вышли во внутренний двор крепости.

— Дамы и господа,— начал я торжественно,— то, что вы видите,—это руины. Они дают возможность предполагать, что прежде здесь стояла крепость. Об этом свидетельствует также то обстоятельство, что это место называется развалины крепости Липнице. Само собой разумеется, прежде развалины были обитаемы. Здесь жил зимний король Фридрих Пфальцский *. В замке была его зимняя резиденция, отсюда пошло его прозвище «зимний король». Если бы он жил в замке летом, его наверняка звали бы...

— Позвольте,— перебил меня господин в пенсне,— вы ошибаетесь, здесь жили Трчки.

— Нет, это вы позвольте,— вызывающе произнес я,— я знаю всех в округе и заявляю вам, что Трчки живут в охотничьей сторожке под Мелиховом. Есть еще один Трчка, он сейчас перебрался в Часлав, работает в пулеметном цеху.

— Липнице принадлежала старым Трчкам,— заметила одна из дам.

— Старым Трчкам вообще ничего не принадлежало, барышня,— объявил я,— была у них несколько лет назад хибара в Кейжлицах, да и ту старик поджег, за что его и посадили.

— Уважаемый,— сказал господин в пенсне, поймав меня за пуговицу на жилете,— вспомните, один из этих Трчков был казнен вместе с Вальдштейном.*

— Не припомню ничего такого,— ответил я,— но сегодня же спрошу об этом местного старого жандармского вахмистра. Вы мне оставьте свой адрес, и я вам напишу, если, конечно, старик что-нибудь знает об этом. Но, насколько мне помнится, он никогда не рассказывал ничего подобного.

Посетители обменялись вопросительными взглядами, но пожилой господин все же предпринял новую попытку что-нибудь узнать.

— Скажите, у вас не сохранились на стенах какие-нибудь фрески?

— Были тут какие-то, как раз вон там, на втором этаже,— ответил я,— но я велел их соскрести, потому что мы собирались побелить стены, чтобы туристы могли на них расписываться.

Кто-то из них вздохнул. Кажется, это был архитектор из Словакии.

— А старый колодец цел? — спросила одна из дам.

— Мы его засыпали,— сказал я,— чтобы кто-нибудь ненароком не свалился в него. Летом у нас бывает много туристов, и каждый норовит перегнуться через край, того и гляди, случится несчастье.

— Здесь должен быть подвал для пыток,— не сдавался господин в пенсне.

— Был,— согласился я,— но, поскольку теперь никого не пытаются, да к тому же там не сохранились орудия для этого, мы этот подвал отвели под хранилище для картошки и частично засыпали.

— А рыцарский зал? — раздался тихий вопрос архитектора.

— Рыцарский зал? Вы знаете, надо было вымостить тротуары в городе, так мы этот зал разобрали. Правда, камня все равно не хватило и пришлось разрушить последнюю сохранившуюся башню.

— Что же, выходит, у вас тут вообще нет никаких памятников?

— Нет, почему же,— гордо возразил я,— извольте следовать за мной.— Я подвел их к арке возле полузасыпанного прохода.— Прошу обнажить головы.

Оба господина сняли шляпы.

— Господа,— торжественно провозгласил я.— На этом самом месте незадолго перед войной мы замуровали двух не в меру любознательных учителей. Мое почтение, господа!

И, тихонько насвистывая, я направился к своей трапезной, чтобы приняться за работу, от которой меня оторвали.

Я видел, как господа молча надели шляпы и вместе с дамами повернули через двор к выходу.

Проскрипел под их ногами деревянный мостик, переброшенный через крепостной ров, и я снова остался в крепости один. Старый Трчка удивленно взирал на меня с портрета на стене трапезной.

РАЗГОВОР С ЦЕНЗОРОМ

Канцелярия полицейской цензуры в Кочавамбе *. На столах разбросаны бумаги. Над столом начальника полицейской цензуры висит национальный флаг, состоящий из трех горизонтальных полос разной ширины: голубой наверху, золотисто-желтой посередине и зеленой внизу. Над входом в канцелярию — портрет генерала Санта-Круса *, который объединил Чили с Боливией, выпустил в обращение большое количество серебряных монет, провозгласил свободу печати и учредил военный суд (*córtte marcial*) для нарушителей закона о печати. За большим письменным столом сидит начальник полицейской цензуры Хосе Мария Линарес. Против него на стуле Мариано Мельгарехо. Несчастный в короткий срок написал три театральных пьесы. Полицейская цензура с еще большей поспешностью запретила их и закрыла театр, где они должны были идти. Господин Мариано Мельгарехо пришел узнать о судьбе театра и своих пьес и ведет теперь беседу с цензором. Сам он считает эти пьесы самыми безобидными на свете

Хосе Мария Линарес. Ну и удружили вы нам, господин Мельгарехо. Из-за ваших пьес мы с господином префектом полиции попали в скверное положение. Карамба! Можно сказать, получили по носу сверху, из Ла-Паса *. Как вам могло прийти в голову сравнивать государственного министра генерала Пласида Ионеса с

печью? Что вы вертитесь? Думаете, мы сразу не догадались, прочтя заглавие вашей пьесы «Печь и уголь», что под печью вы подразумеваете Пласида Ионеса, а под углем — министра внутренних дел генерала Чусиагу?

Мариано Мельгарехо. Господин помощник префекта, уверяю вас: я не имел ни малейшего намерения писать что-либо против генерала Пласида Ионеса или министра Чусиаги. Я хотел написать нечто совершенно новое. Там действительно речь идет только о печи и угле. Не забывайте также, что я был в психиатрической лечебнице. Моя пьеса означает победу мертвой матери над другими сущностями. Вы знаете сказки, иллюстрированные Эдмондом Дюлаком, этот яркий образчик культуры старой Англии, где беседуют скорлупа краба и каменный утес? А у меня разговаривают печь и уголь. (*Про себя: «Господи, как объяснить этому болвану?»*) Знаете бразильского поэта Иллариона Дасу*, господин помощник префекта? Его эссе о лестнице?.. Где он пишет, что вынужден молчать при виде лестницы, потому что она говорит ему так громко, что покрывает его голос... Ах, господин помощник префекта, если бы вы только себе представили, что может рассказать какой-нибудь кол, к которому привязывают (в пампасах) лошадей? Моя пьеса «Печь и уголь» тоже основана на разговорах неодушевленных предметов. Но, господин помощник префекта, ни один человек во всей Южной Америке, прочтя заглавие моей пьесы «Печь и уголь», не скажет: «Ага, печь! Так это же господин государственный министр Пласид Ионес, а уголь — не иначе как министр внутренних дел Гарантисадор Чусиага». (*Смущенно смеется.*) Вот если б я написал драму «Керосин и фитиль»...

Хосе Мария Линарес (*прерывает*). Положи руку на сердце, кого вы подразумевали, господин Мариано Мельгарехо?

Мельгарехо (*с тем же смущенным смехом*). Но, господин помощник префекта...

Хосе Мария Линарес. Не вышло, господин Мельгарехо. Мы проникли в ваш замысел. (*Торжественно.*) В пять минут проникли. Цензура не так глупа, как думают. Стоило мне только прочесть заглавие «Печь

и уголь», как я все понял.. Теперь скажите мне, как вы узнали, что отец генерала Пласида Ионеса был печником в Югаве, а мать министра внутренних дел Гарантисадора Чусиаги торговала углем в Биркесе, Потосийского департамента? «Печь и уголь»! Ведь это прямо бросается в глаза. У вас там печь поглощает уголь. Как вы узнали, что генералу Пласиду Ионесу передается также ведомство внутренних дел, которым до сих пор руководил генерал Гарантисадор Чусиага? Что? Попались? Вывели вас на чистую воду? Уж больно поторопились вы афиши отпечатать, дорогой мой господин Мариано Мельгарехо. Счастье еще, что мы в последнюю минуту остановили; и то нам наверху, в Ла-Пасе, голову намылили. Пишите без всяких политических намеков — и не придется рисковать. А то пожалуйте: «Печь и уголь»!

Мельгарехо. Позвольте вам объяснить, господин помощник префекта...

Хосе Мария Линарес. Не нужно никаких объяснений. Они совершенно излишни. Вы хотели устроить своей «Печью и углем» политический скандал. А мы вам не дали, голубчик. Когда на бирже в Монтевидео наша патачао¹ каждый день поднимается, нет решительно никаких оснований волновать общественность какими-то скандалами. А другая ваша пьеса — «Кабель из Пернамбуко в Лисабон»? И это сейчас, когда правительство уделяет особое внимание средствам связи! О чем вы только думаете, господин Мельгарехо?

Мельгарехо. Это тоже, позвольте вам сказать, господин помощник префекта, случай, который вопиет к небу!

Хосе Мария Линарес (смеясь). Ишь как у вас ловко получается, господин Мельгарехо! «Случай, который вопиет к небу», — а сами публично оскорбляете государственный кабель. Как? А вот как, дорогой мой господин Мельгарехо: в вашей пьесе «Кабель из Пернамбуко в Лисабон» пять раз заходит разговор о заднице*. Вы, видимо, забыли, что каждая задница и каждое г... проходят через руки нашего департамента цен-

¹ Патачао — монета, соответствующая примерно чешской кроне. (Прим. автора.)

зуры в Кочавамбе. Теперешняя политическая обстановка требует больше культурного такта. Так, как вы пишете в своих театральных пьесах, говорили, может быть, в эпоху Гонсалеса Писарро *, когда на нас шел войной Тупак Амару * со своими индейцами.

Мельгарехо. Я думал...

Хосе Мария Линарес (насмешливо). Вы думали... Это нечто совершенно новое, господин Мельгарехо! Когда с нами завязывает отношения граница, когда мы не одни, когда на нас смотрят представители других стран,— каждая ваша «задница», как вы сами только что выразились, вопиет к небу. Какое культурное государство после этого подпишет с нами военный договор?

Мельгарехо. А по какой причине запрещена третья моя пьеса?

Хосе Мария Линарес. По очень простой. После того, как я запретил первую и вторую, естественно, пришла очередь третьей... Итак, господин Мельгарехо, мы все с вами выяснили. Полагаю, к взаимному удовольствию. Не заблудитесь в коридоре. Отсюда направо, потом в дверь налево и опять направо. А прямо — попадете в полицейскую тюрьму. Будьте осторожны!

«О чем же писать? — подумал Мариано Мельгарехо.— Перейду-ка я на научные статьи: стану писать глупости».

Вернувшись из канцелярии полицейской цензуры в Кочавамбе к себе домой, он написал статью: «О глупости, тупости и недостатке умственных способностей».

При этом он произвел научную классификацию глупости, разделив ее на глупость врожденную, глупость от старости и глупость с юридической точки зрения.

Политическая цензура департамента в Кочавамбе изъяла всю статью целиком.

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

«Секретарю министерства финансов Ярославу Выжралеку земским политическим управлением разрешено впредь носить фамилию Блатенский».

«Народни политика» от 18 января 1922 г. Рубрика «Дела личные и семейные».

Я не знаю секретаря министерства финансов Ярослава Выжралека и думаю, что в жизни бы не заинтересовался им, если бы он не попался мне в руки через процитированное выше сообщение из «Народни политики». Человек, который служит секретарем министерства финансов и целые десятилетия именуется Выжралеком, вдруг в один прекрасный день спохватывается и присваивает себе, как это было принято у поэтов времен будителей*, поэтичную фамилию Блатенский,— такой человек — явление достопримечательное не только в общем смысле, но и главным образом в связи со своим служебным положением.

На человека, котсрый, по существу, отрекся от самого себя, нужно обратить внимание и сурово покарать земское политическое управление, чтобы в интересах общественного порядка оно не разрешало менять фамилии людям, которые столь близки министерским креслам и именуются Выжралеком, Выжранда, Выжирка, Выжирач и т. п., ибо впечатление от этого такое, как если бы они в чем-то признавались.

Я советую министру финансов избегать в будущем подобных позорных историй и не допускать на столь высокие посты в министерстве никаких Выжралек, так как их пошеп-ошеп¹ прямо провоцирует людей на самые разнообразные истолкования. На такие посты сразу надо назначать секретарей, издавна носящих поэтические имена. Теперь уже поздно, и ничем не исправишь того факта, что в министерстве финансов будет сидеть некий Блатенский, после того как там так долго сидел Выжралек, имя которого ныне опубликовано во всех газетах.

Во всей этой трагедии самое печальное заключается в том, что этот человек сам разгласил перед всем миром, как противна ему фамилия Выжралек именно в связи с должностью в министерстве финансов. Ему следовало бы оставить все как есть, и никто не обратил бы внимания, во всяком случае, серьезного, на подобное стечение обстоятельств.

Пан министр финансов, я надеюсь, вы наложите дисциплинарное взыскание на своего секретаря за то, что он так внезапно и беспричинно возмутил общественность.

В министерстве финансов есть еще два чиновника с подозрительными именами. Одного из них зовут Лис, а другого — Пресс.

Теперь нам остается только ждать сообщения в газетах о том, что пан Лис из министерства финансов получил разрешение земского политического управления именоваться Винаржицким*, а пан Пресс — Яблонским*. Блатенский у вас уже есть, значит, теперь министерство финансов может издавать поэтический альманах, который будет бесплатно рассылаться всем налогоплательщикам, чтобы они немного отдохнули душой от уплаты налогов и не обалдевали окончательно от налогового прессы и прочего оборудования финансовой инквизиции.

*

Пан Ярослав Выжралек не получил никакой выгоды. Если он полагал, что теперь все в порядке, то он жестоко ошибся.

¹ Имя, выражающее характер поведения человека (лат.).

Он оказался в положении человека, который хотел разом встать на ноги, но тут же рухнул на землю.

Если раньше в узком кругу друзей его встречали словами: «А, вон идет министерский секретарь, пан Выжралек», — то произносили это имя без подчеркивания, ну, как обычно говорится: Выжралек то, Выжралек се. Ни у кого не возникало никакой задней мысли. А сегодня?

С каким смаком его ближайшие друзья будут делать ударение на слове *Выжралек*, с каким чувством начнут они произносить каждый слог — *Вы-жра-лек*, каким тоном скажут: «Добрый день, пан *Выжралек*, пардон... пан *Бла-тен-ский!*»

А на улице, где он живет, соседи будут показывать на него пальцем и говорить: «Это тот блатенский *Выжралек* из министерства».

И швейцар в министерстве, который раньше говорил: «Для вас есть письмо, пан министерский советник», — сегодня добавит со странной улыбкой: «пан министерский советник... *Блатенский!*»...

И даже министр ошибется и дружески скажет в телефон:

— Послушайте, *Выжралек!*...

А *Выжралек* робко ответит:

— Позвольте обратить ваше внимание, пан министр, на рубрику «Дела личные и семейные» в «*Чубичке*» от восемнадцатого января этого года...

И министр еле выговорит, захлебываясь от смеха:

— Знаю, знаю, пан *Блатенский!* Хе-хе-хе, но у вас, я слышал, хе-хе-хе, кое-какие затруднения из-за этого, хе-хе-хе!

Видите, к чему ведет опрометчивость, пан *Выжралек-Блатенский!* Даже это сочетание фамилий напоминает что-то зоологическое.

Но если вас все же называют теперь «пан *Блатенский!*», то и от этого вы ничего не выиграли, потому что у фамилии *Блатенский* не слишком хорошие исторические традиции. Некий Вацлав *Блатенский* в 1520 году служил чиновником в Ровднице и был четвертован за кражу городских печатей. Прокоптившиеся останки вашего нового предка висели на городских воротах вплоть до 1541 года.

Зикмунд Блатенский, владелец крепости Иштирбы в Литомержицком крае, был повешен в 1528 году в Литомержице за то, что грабил литомержицких купцов. Об Иржике Блатенском вы прочтете в архиве следующее (можете послать в архив служителя министерства): в 1589 году, в Праге, он под пыткой признался, что отравил свою сестру Анну, вдову Микулаша Светецкого из Черниц. Этот ваш новый предок тоже окончил свою жизнь на плахе.

Затем совсем недавно некий Блатенский убил старуху в Сватоборжицах, в Моравии.

Впрочем, тут-то положение можно исправить. Напишите просто в «Народни политику»: «Секретарь министерства финансов пан Ярослав Блатенский извещает, что он не состоит ни в каких родственных отношениях с грабителем и убийцей Блатенским, о котором сообщала недавно наша газета».

И все будет в порядке!

А в общем, что в лоб, что по лбу. Вам ничуть не стало лучше от перемены фамилии Выжралек на Блатенский.

Жители Блатны говорят о себе:

Я из Блатны.

А толку от этого мало..

Итак, спокойной ночи, пан Блатенский!

ХРЕСТОМАТИЯ ПРИЯТНЫХ МАНЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для тех, кто в течение длительного времени занимается изучением человеческих характеров, всегда крайне прискорбно и горько убеждаться, что самые разумные и толковые люди сплошь да рядом ведут себя так, что остается только развести руками.

Это дало повод Адольфу Книгге *, суммировавшему печальный опыт общения с людьми, с которыми сталкивала его судьба, издать в 1788 году в Ганновере очень приятную книгу: «Из опыта общения с людьми». В ней он излагал правила счастливой, спокойной и полезной жизни.

Его книга доставила мне в ранней юности массу удовольствия. Для меня она была не только *vade mecum* ¹ светских манер, но и десятью заповедями благородства, указывающими, как вести себя с ближними, дабы снизить их расположение. Когда позднее я попытался в практической жизни действовать согласно этим правилам, то встретил столько помех и разочарований, что мне не оставалось ничего иного, как приспособить науку общения с людьми к современной эпохе, или, точнее говоря, написать нечто вроде «Хрестоматии приятных манер», где трактуется вопрос об обязанностях, которые налагает на нас наше общественное положение, ибо человек зачастую оказывается в крайне запутанных ситуациях.

¹ В данном случае «руководство» (лат.).

Книга подготовлена к печати, и мне осталось лишь присовокупить общее оглавление, упорядочить материал, да составить алфавитный указатель.

Пока привожу некоторые выдержки из своей «Хрестоматии приятных манер».

НЕКОТОРЫЕ ВЫДЕРЖКИ

Анекдоты. Любой рассказанный тобой анекдот должен в известной мере быть связан с жизнью того общества, в котором ты обращаешься и рассказываешь анекдоты. Предпочтительны анекдоты, бросающие тень на кого-либо из знакомых и предающие огласке интимные семейные разговоры и сцены. Если они, на твой взгляд, недостаточно скандальны, выворачивай их по собственному разумению.

Не исключены неприятности; лечиться можно дома. Опухоли лечат компрессами из свинцовой примочки, ее найдешь в любой аптеке. Синяки и ссадины — смесью камфарного спирта, чистого скипидара и нашатыря. В легких случаях достаточно компресса из тертого хрена.

Есть люди, которые, рассказывая пикантные или до известной степени похабные анекдоты, допускают нарушение приличий, то есть говорят громко, не обращая внимания на присутствие молодых дам. Подобные анекдоты следует пересказывать шепотом, с глазу на глаз. Старайтесь отвести молодую даму в сторону. Если возникнет недоразумение, что, понятно, случается очень редко, то при лечении в домашних условиях применяются вышеупомянутые лекарства и мази.

И еще одно: многие пикантные анекдоты, которые мы позволяем себе рассказывать в дамском обществе, очень часто вызывают краску на лицах мужчин.

В общем, следует запомнить: нет ничего скучнее так называемых приличных анекдотов. Порядочному человеку они не могут прийти по вкусу, и ты лишь затронешь его деликатные чувства и вызовешь нарекания, потому что все ожидали от тебя чего-то возбуждающе-пикантного, а ты мелешь всякую благопристойную чушь. Приличные анекдоты рассказывают друг другу лишь члены Армии спасения, да и то — пока не напьются в стельку.

Вежливость. Еще Книжке говорил: если хочешь быть вежливым, не уходи от собеседника и не отпускай

его от себя, покуда не расскажешь чего-нибудь назидательного и занимательного. Из этого следует: никто не должен считать потерянным время, проведенное в твоём обществе. Развлекай любой ценой.

Беседуя с какой-нибудь барышней, которую видишь впервые, сообщи ей, к примеру, что ты чешский поэт, известный под фамилией Г. Р. Опоченский, и тебе принадлежит стихотворение «Легла беспросветная мгла, не спит Бржетислав-воевода»; что, помимо того, ты летаешь на аэроплане, а негр Джемс перебил тебе носовой хрящ, когда он жил в Праге инкогнито.

Если ты разговариваешь с господином, у которого на носу бородавка, обрати его внимание на то, что в Англии у двухсотпятидесяти двух тысяч сорока восьми человек такие же бородавки на носу и на подбородке.

Что же касается поучительных бесед, то, прежде чем отправиться в общество, загляни в любой том Научного словаря, а затем рассуждай о том, что «стегно», например,—это верхняя часть ноги от таза до колена; «стегнатки» — животные (смотри chalcididae); Стегров — деревня в Чехии (смотри «Гуть», № 28) *.

Неисчерпаемым источником развлечений служит также цитирование посвящения Софьи Подлипской * в ее книге «Муравейник»: «Посвящается памяти моего деда и бабушки с материнской стороны в память о столетии со дня рождения бабушки. Примите, дорогие души, сошедшие в могилу, сей скромный букет...»

Итак, поймите меня правильно. Быть вежливым — значит быть общительным. Следите, чтобы никто не мог отделаться от вас слишком быстро, и, как говорил Книжке, не отпускайте собеседника, покуда не расскажете ему что-нибудь назидательное и занимательное; а я добавлю: и приятное. Что именно — зависит, разумеется, от личности собеседника. По-моему, каждому приятно услышать, что, если бы он снялся, то на фотографии выглядел бы чуть старше.

О негодях. В круговороте жизни под влиянием кинематографа многие становятся негодьями вопреки собственному желанию и, совершив какое-либо деяние, о котором мы читаем в рубрике «Из зала суда», лишают себя надежды на возвращение в общество. Человек, ставший негодяем, должен приложить все усилия, чтобы

удержаться на этом поприще и не сделаться всеобщим посмешищем.

Он обязан быть последовательным среди подобных себе, особенно когда дело касается дележа краденого. Он должен до тех пор плести интриги, пока его сообщники не передерутся между собой, а тогда вся добыча твоя и — исчезай.

Юный друг негодяй! Шагай по мере сил прямым путем, но не избегай и окольного! Если хочешь стать законченным негодяем и мошенником, не останавливайся на полпути, иначе, молодой человек, ты и до суда не дотянешь.

Если судьи полагают, что ты можешь исправиться, будь стойким. Приведи доказательства своего душевного спокойствия в знак того, что совесть твоя неподатлива. Твое исправление — всего лишь бессмысленное великодушие по отношению к судьям. Когда судьи призывают тебя исправиться, они делают это отнюдь не из симпатии к тебе. Просто боятся, как бы ты — при нынешнем широком размахе преступности — вновь не предстал перед ними и не задал им новую работу, а канцелярии — новые хлопоты.

Пусть тебя не сбивает с толку и условное наказание по первому приговору. Это всего-навсего признак слабости общества. Если ты негодяй, мошенник, — гни свою линию и будь непреклонен в своей подлости, не принимай благодарений со стороны закона. Ведь если тебе удастся еще до отмены смертной казни угодить на виселицу — все равно ты покажешь всем язык. Кем бы ты ни был — будь им до конца!

Отношение должника к кредитору. Считай, что когда тебе дают в долг, то оказывают незначительную услугу, которую следует без смущения принимать от своего ближнего, — и ты совершишь неблагодарный поступок, если пожелаешь возратить своему кредитору занятую сумму, ибо тем самым кровно обидишь благодетеля, напомнив, что некогда он был добр к тебе. Невозвращение долга несравненно ценнее всей взятой в долг суммы. Такое невозвращение имеет цену моральную, ибо хорошо воспитанный ближний отнюдь не должен рассчитывать, что ему когда-либо вернут одолженные деньги. Всякий, кто стал твоим кредитором, будет испытывать к тебе признательность за то, что ты никогда не

упомянешь о благодеянии, которое он тебе в свое время оказал.

Благородные и деликатные должники предпочитают избегать своих кредиторов, дабы ненароком не проговориться о долге, не отравлять этим встречу со старым другом и не портить столь бесцеремонно его воспоминаний о содеянном когда-то добре. Если же должник занимал в менее ценной валюте, а возвращает ту же сумму, но в более ценной, можно подумать, будто он хочет вознаградить своего кредитора за оказанную услугу и тем самым унижить его. Если уж он настолько бестактен, что возвращает деньги, по крайней мере пусть переведет их на прежний курс.

Разумеется, совсем иное дело, если твой кредитор — человек, лишенный всяких моральных принципов и утративший последние остатки скромности, и сам начинает напоминать тебе о долге. В таком случае выслушай его слова сочувственно, благосклонно и внимательно! Не перебивай его! Для бедняги известным утешением служит уже то, что он может излиться и облегчить свою душу. Подумай только, как, вероятно, трудно было ему сделать первый шаг к попрошайничеству! Постарайся тотчас, как только он выговорится и у него отляжет от сердца, деликатно перевести разговор на совершенно иную тему, например, о том, что в 1860 году господин Иван Маркати первым открыл на далматинском острове Гваре знаменитые мраморные каменоломни; а если и это не поможет, крикни ему прямо в ухо: «В Ракомазе, в Сабольчском комитате Венгрии, один мельник сшил жупану * брюки и получил за это мешок картошки и литр вина. Жупан остался весьма доволен как покроем, так и всем остальным; и что самое поразительное — этот мельник даже не снимал мерки, а кроил и шил по памяти, увидев один раз фотографию жупана». Обычно после этого остаешься в комнате один.

Если же и это не поможет, начни величать своего кредитора Гедвичкой, обними его за талию, погладь волосы и поцелуй в лоб, причем шепни на ухо: «Знаю, я еще молод, дорогая моя Гедвичка, у меня еще нет никакого положения, и я не могу жениться. Но моя золотая Гедвичка меня подождет! Вот видишь, Гедвичка, я открылся тебе, и мне стало легче. Теперь я смогу погово-

рить и с твоим отцом». Уверен: кредитор молниеносно исчезнет, лепеча с испуганным видом: «То-только, только успо-спо-спокойся, Ка-ка-карли-ч-ч-ек, я-я и-иду-ду под-подготовить от-от-отца».

Следует еще напомнить, что должник обязан соблюдать законы человечности по отношению к кредитору: никогда не воображай, будто ты вправе разрезать своего кредитора на куски или прикончить чем под руку попадет.

Путешествие по железной дороге складывается в основном из следующих этапов:

1. Приобретение билета. 2. Скандал с попутчиками.

В последнем случае надлежит руководствоваться нижеследующими правилами: если ты первым вошел в купе, считай себя аборигеном, чем-то вроде патриарха по отношению к тем, кто займет места после тебя. Это не значит, что ты должен сидеть, надувшись, как индюк, и вообще ни с кем не разговаривать. Приличие требует, чтобы ты отвечал всякому, но так, чтобы этот человек испытывал к тебе сыновнюю почтительность. Если тебя, положим, спросят: «Скажите, пожалуйста, здесь свободно?» — ответ вполне корректно: «Что вы, не видите?», или: «Вы что, ослепли?», или: «У вас что, глаз нет?» А если тебе на это скажут: «Но позвольте, сударь...» — ответ: «Смотрите, как бы я вас отсюда не вышвырнул, сударь...»

В поезде ты обязан испытывать непреодолимое отвращение к соседу, особенно усиливающееся в том случае, если ты опоздаешь и все места окажутся занятыми. Тогда решительно входи в купе, бегло огляди собравшихся, прикидывая, справишься ли с ними, если заварится драка, — а затем кивни самому слабосильному, по твоему мнению: «Простите, сударь, как ваше имя?» — «Пан Звара». — «Благодарю, пан Звара, я сразу сообразил, что это вы и есть. Какая-то дама из четвертого купе хочет с вами побеседовать». Когда он удалится, комфортабельно усаживайся на его место и, пока он ищет воображаемую даму, спокойно объяви всем присутствующим, что это была всего-навсего шутка, тебе просто хотелось сесть. Симпатии окажутся на твоей стороне, и все с нетерпением будут ждать, что сделает этот пан Звара, когда вернется; и вы всю дорогу будете развлекаться на счет этого человека, а он, стоя перед вами, будет неустанно твердить что-то о хамстве, пока кто-нибудь из попут-

чиков не крикнет, чтобы он заткнулся наконец, если не понимает шуток. Тебя же, конечно, все сочтут приятным попутчиком.

Случается, конечно, что судьба забросит тебя в общество невежд; тогда рекомендую сойти на ближайшей же станции. Среди людей, путешествующих по железной дороге, встречаются и грубияны, и тогда у вас, как правило, не остается времени, чтобы придумать иной выход из положения. Если дерешься в вагоне, следи, как бы не нанести ущерба железнодорожному имуществу; старайся прижать своего противника к той стенке, где нет стоп-крана.

Игра в карты. Чтобы нажить состояние игрой в карты, надобно знать целый ряд самых различных трюков, носящих общее название «шулерство». Это своего рода расчет, и, если ты хорошо передергиваешь, тебе нечего опасаться, что ты когда-либо испытаешь бедность, лишения и нищету. Однако не забывай ежедневно тренироваться дома, чтобы не выйти из формы и сохранить ловкость и гибкость пальцев.

Юный игрок-префессионал, не берись за такие игры, которые не носят характера азартных и имеют мизерные ставки. Это бессмысленная трата времени. Здравомыслящий человек презирает подобные игры, ибо они не что иное, как самонадувательство. Играй только на крупные суммы и объектом своей добычи выбирай лишь круглых идиотов, находящихся развлечение в том, что ты снимаешь с них последние штаны.

Если же они случайно обнаружат какую-нибудь карту у тебя в рукаве или под столом, не показывай дурного настроения: хороший тон предписывает не обращать внимания на подобные пустяки. Если тебе будет доказано, что ты шулер, ступай домой и набей себе перед зеркалом морду за то, что ты такой разиня. Когда же тебя выведут на чистую воду во второй и третий раз, брось игру и ступай в монастырь, шляпа!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Надеюсь, данных примеров достаточно, чтобы оценить огромное культурное значение моей «Хрестоматии приятных манер».

Было уже немало попыток — я бы сказал, отчаянных попыток — составить подобную «Хрестоматию», из которой каждый мог бы извлечь полезные знания, как достичь в жизни определенной цели, а также умение смотреть на мир широко открытыми глазами. Богатый жизненный опыт, положенный в основу моей «Хрестоматии приятных манер»...

Кто-то стучит — отрывают от работы. Здравуюсь с заведующим начальной городской школы, — он входит в тот момент, когда я заканчиваю свою «Хрестоматию приятных манер» предметным каталогом — «Развод», «Ребенок», «Ревность», — подготавливая ее для печати.

— Чем могу служить?

— Я слышал, пан Гашек, — отвечает заведующий, — что вы как раз закончили свою «Хрестоматию приятных манер». Вчера об этом толковали в трактире. Я, педагог, с педагогической точки зрения горячо приветствую ваше начинание!

Голос его крепчал, набирал высоту.

— У нас, пан Гашек, не было приличной «Хрестоматии приятных манер». Был бы весьма признателен, если бы вы оказались столь любезны и по выходе книги подарили нашей школьной библиотеке хотя бы два экземпляра «Хрестоматии приятных манер». У нас так мало хороших, назидательных и облагораживающих книг для школьной молодежи.

Заверяю пана заведующего, что по выходе «Хрестоматии приятных манер» каждый класс, начиная с третьего, получит от меня по пяти экземпляров.

Заведующий искренне доволен и заводит разговор о том, что школьные библиотеки при республиканском режиме пришли в жалкое состояние. Впрочем, правительство неминуемо падет, коль скоро оно продельывает эксперимент над учителями. Вчера он отказался от подписки на «Народни листы»*.

Мы расстались, я продолжаю заниматься своей «Хрестоматией приятных манер» и прихожу к выводу, что будет чрезвычайно интересно проверить ее воздействие на учениках местной начальной пятиклассной школы.

КРАХ ФИРМЫ «ГАРРАХ И ГАВЕЛКА»

Пребывая в Словакии, господа Гаррах и Гавелка занимались весьма сложными торговыми операциями, которые всегда оканчивались неудачей, хотя и были довольно сомнительного характера. А как известно, в Словакии обычно удаются именно сомнительные предприятия.

Одним словом, кредитная фирма «Гаррах и Гавелка» в Братиславе обанкротилась. Оба едва избежали судебного преследования, после того как тщетно пытались убедить одного состоятельного американца в том, что в долине Вага, под Бецковом, им посчастливилось открыть богатейшие источники чистого бензина и лигроина.

В эту аферу они чуть было не втянули министерство торговли, которое начало проявлять большой интерес к их находке; в кулуарах парламента уже стали поговаривать о том, что Бецков вместе с бензином и лигроином продают какому-то англо-французскому акционерному обществу.

Затем господа Гаррах и Гавелка вознамерились построить подвесную канатную дорогу на Кривань * и уже едва не получили концессию, но министерство национальной обороны пришло к выводу, что строить такую подвесную дорогу недопустимо по стратегическим соображениям.

На этой проблематичной операции пострадал лишь некий энтузиаст — один из первых акционеров, — да и тот в счет своего пая выдал фальшивый вексель.

Так же неудачно окончился новый замысел обоих компаньонов, а именно: продать небольшой участок земли, который они купили близ Баньской Быстрицы, одному англичанину, рыскавшему по Словакии в надежде разбогатеть. Они наговорили англичанину, что открыли огромные залежи топазов, аметистов и так называемых мармарошских алмазов. Но и тут они здорово просчитались: одна друза аметистов, два топаза и горсть мармарошских кристаллов стоили кучу денег, англичанин же не удовольствовался тем, что один нанятый цыган действительно выкопал все это из земли: для проверки он нанял половину цыганской деревни, и весь участок взрыли и вскопали так, будто на нем хозяйничало стадо диких кабанов.

Господа Гаррах и Гавелка проводили англичанина к поезду, заверяя его, что надо копать на сорок метров вглубь. То, что нашли на поверхности, — это лишь след, и если сверху лежала такая уйма самоцветов, то сколько же должно быть в глубине!

Англичанин, ничего не отвечая, молча вошел в вагон, а перед самым отходом поезда подозвал к окну обоих концессионеров и расквасил им носы, опять не проронив ни единого слова.

После этого Гаррах и Гавелка поспешно переключились на другое дело, на этот раз менее опасное. Они открыли в Братиславе производство пилюль против алкоголизма, изготавливая их из хлебных шариков с примесью ментола. Способ употребления, весьма простой, был основан на психологии. Начало инструкции, то есть преамбулу, они позаимствовали из какой-то листовки профессора Батека, перевели на словацкий и добавили следующее указание:

«Как только у тебя появится желание выпить, быстро проглоти одну за другой три таблетки и трижды прочитай «Отче наш» и «Верую».

Учитывая воспитательную тенденцию нового предприятия Гарраха и Гавелки, государство выдало им даже субсидию для производства пилюль. Но, как назло, и здесь их преследовала неудача.

Чуть ли не в двадцати местах около двадцати человек в двадцати трактирах одновременно, будучи уже в силь-

27. Ярослав Гашек. Т. 5. 417

ной стадии опьянения и ощутив новый приступ жажды, проглотили означенные пилюли по всем приложенным правилам и задохнулись: пилюли попали им «не в то горло», так что они не успели даже, согласно приложенному руководству, трижды произнести «Отче наш» и «Верую».

Газета Глинки * и других словацких националистов тотчас выступила против чешских бесчинств в Словакии. Все словацкие националистические газеты поместили большую статью патера Глинки под заголовком: «Что это опять у нас творится?»

Приводим отрывок из этой статьи:

«Наши убийцы, чехи, выдумали новый способ губить наш народ. Субъекты, засевшие в Братиславе, рассылают в наши края объявления касательно препарата против алкоголизма. Перед нами — двадцать свежих могил их жертв».

Министерство внутренних дел сочло нужным в целях предотвращения беспорядков в некоторых жупах Словакии запретить распространение пилюль против алкоголизма фирмы «Гаррах и Гавелка».

Так же провалился план Гарраха и Гавелки уловить в свои сети очередного простака, который соблазнился бы проектом организации воздушного сообщения между Братиславой и Кошице. На их объявления, опубликованные в газетах, откликнулся один гражданин из долины Грона, предложивший им купить самолетный пропеллер, на который он наткнулся, вспахивая свое поле. Затем явился еще какой-то человек и предложил свои услуги в качестве пилота. Тотчас после его ухода подошли полицейские агенты, — оказалось, что это был не кто иной, как разыскиваемый уже целый год шпион — капитан Шавани.

За этим удивительным совпадением, естественно, последовал обыск у фирмы «Гаррах и Гавелка». После шестимесячного заключения в следственной тюрьме обоих господ концессионеров выпустили на свободу. Полицейское управление в Братиславе выплатило им даже десять процентов от премии в две тысячи крон, объявленной за поимку опасного шпиона капитана Шавани.

Еще в следственной тюрьме у фирмы «Гаррах и Гавелка» возник новый план, который ясно свидетельство-

вал о том, какую культуртрегерскую миссию в Словакии взвалила фирма на свои плечи.

В газете «Народни политика» появилось следующее объявление:

«Ищем писателя, способного писать романы для народного чтения. Залог — согласно договоренности при личных переговорах. Предложения посылатъ на адрес фирмы «Гаррах и Гавелка», Братислава, Штранзентальская улица, 96. Личное знакомство обязательно. Работа постоянная, квартира и питание на месте».

Предложений фирма получила множество, но ни один претендент не заикался о залоге — наоборот, кое-кто из писателей романов для народного чтения требовал авансов, уверяя, что напишет роман у себя в Чехии, а уж потом привезет его в Словакию. Наконец в один прекрасный день явилась пожилая дама, представившая сберкнижку и вырезку из занимательного приложения к газете «Народни политика», где за подписью Анны Брумlikовой был опубликован трогательный рассказ о несчастной семье, которая за две недели вся вымерла от туберкулеза, за исключением матери и старшей дочери, работавшей кассиршей в Праге; последняя присвоила вверенную ей крупную сумму, которую должна была сдать на почту, и все для того, чтобы похоронить отца, сестер и братьев. После похорон мать и дочь отправились топиться, но им помешал жандарм, уже давно разыскивающий дочь по обвинению в растрате, а мать — в соучастии. А над стерней гулял холодный осенний ветер...

Девuца Анна Брумlikова очень подробно рассказала фирме «Гаррах и Гавелка» о своих обманутых надеждах, о тупости издателей. Несколько дюжин романов, написанных ею, — а они поистине были романами для народного чтения, ибо она, Анна Брумlikова, шла по стопам писателя Заградника-Бродского*, — блуждало по всевозможным издательствам, причем несколько десятков романов бесследно затерялось. Она привезла с собой образцы своего творчества — на вокзале ее ждет большой ящик романов для народного чтения.

Но фирму, конечно, больше интересовала сберкнижка. Оказалось, что сумму в сто пятьдесят тысяч крон

Анна Брумликера может снять со своего счета хоть сейчас. Ее тут же попросили снять эти деньги и привезти из Чехии в Братиславу. Оба владельца фирмы оказались настолько любезными, что сопровождали писательницу на всем ее пути, чтоб она не потерялась как-нибудь вместе с деньгами.

Когда наконец залог Анны Брумликовой очутился в кассе фирмы, был перевезен и ящик с романами для народного чтения, а писательнице указано место за столом в пустой конторе фирмы, где она могла продолжать свой творческий труд.

— Нужно будет оплатить ей на месяц вперед обеды и ужины, чтобы она не подохла прежде, чем ей все это надоест,— озабоченно произнес Гаррах.

— Издание одной ее новеллы в объеме шестидесяти четырех страниц обойдется нам в четыре тысячи крон, и если она за это время проест еще тысячу крон, все равно нам останется сто сорок пять тысяч крон от ее залога,—с добродушной улыбкой возразил Гавелка.

— А потом,— рассудительно продолжал Гаррах,— мы скажем ей, что ее книга не разошлась, что мы понесли большие убытки и теперь разорены, и отошлем ее обратно в Чехию,—пусть, мол, попытается там создать что-нибудь получше.

— Я представлял себе,— добавил Гавелка,— что писателей с залогом явится больше, ведь было же недавно объявление в газете: «Уплачу десять тысяч крон тому, кто издаст мои стихи». Но, как кажется, эта полуграмотная голытьба рассчитывает только на гонорар.

— Когда мы ее выставим,— сказал Гаррах, отличавшийся поистине коммерческой гибкостью,— придется придумать что-нибудь другое. Словакия — это новая Америка, только немного поглупее. Надо бы открыть здесь какого-нибудь святого и источник с чудотворной водой и наладить производство мощей. Но пока эта женщина с нами, отдохнем немного.

Девушка Анна Брумликера отнюдь не заслуживала, чтобы о ней так думали. Для обоих предпринимателей наступили ужасные времена, ибо Анна Брумликера читала им вслух либретто своих романов для народного чтения. Однажды они заперли ее в конторе, но она выса-

дила дверь и, застигнув обоих concessionеров в кафе, снова как ни в чем не бывало принялась читать им наброски своих будущих произведений. Они нигде не могли от нее укрыться. Анна Брумликова находила их всюду, начиная от самых гнусных притонов дунайского порта и кончая первоклассными ресторанами. Все, что она им читала, были вещи до крайности трагические и трогательные, где порок всегда получал заслуженное наказание.

Один слесарь украл у своего хозяина велосипед, чтобы выручить деньги для азартной карточной игры. Об этом он цинично рассказывает своей любовнице — и тотчас после этого опрокидывает на себя кастрюлю с кипящей водой.

Один барон, дав клятву жениться, соблазняет учительницу промышленной школы. При последнем свидании у нее дома, во время которого барон сатанински хохочет над слезами обманутой жертвы, — он, поскользнувшись на пороге, падает грудью на рабочий столик, где лежит вязанье, и пронзает себе сердце вязальной спицей.

Сын прачки-вдовы пытается выманить у нее последние сбережения; в ссоре он ударяет по лицу родную мать — и тут же, выходя из дому, гибнет под колесами грузовика.

Укротитель зверей, задумав убить прима-балерину цирка, отвергшую его домогательства, заманивает ее в клетку белых медведей, которые, однако, сожрали его самого; все это время несчастная балерина стояла среди белых медведей на коленях, склонившись над бранными останками коварного укротителя, и с ревом хищников смешивалась ее громкая молитва: «Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое...»

Гаррах и Гавелка не плакали — они вопили во все горло. Потом на губах у них выступала пена, и они уже только скулили.

Теперь они целыми днями пропадали на Дунае, катаясь на лодке, на которой чувствовали себя в относительной безопасности; так продолжалось до того дня, когда они заметили вдруг, что к их лодке приближается девица Анна Брумликова, разрезая воду в прекрасном испанском стиле. Писательница была в голубом купальном

костюме; в зубах, подобно псу, приносящему из воды поноску, она держала столь знакомую им тетрадь в черном переплете с красным обрезом.

Фирма «Гаррах и Гавелка» яростно навалилась на весла, но Анна Брумликowa ускорила темп и настигала их с неотвратимой быстротой.

Когда она полезла в лодку, Гаррах встал, перекрестился и ахнул ее веслом по голове.

Она выпустила изо рта тетрадь, которая поплыла по речной глади к югу и утонула.

Но возмездие не заставило себя долго ждать. В это время над Дунаем испытывали новый тип гидроплана, который как раз пролетал над лодкой фирмы «Гаррах и Гавелка». Пропеллером оторвало головы обоим компаньонам.

Так закончила свое существование фирма «Гаррах и Гавелка».

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И «НАРОДНИ ЛИСТЫ»

Главный редактор газеты «Народни листы» в задумчивости вышел из кабинета и вступил в соседнюю комнату, где, погруженный в тяжкие мысли, сидел несчастный обозреватель, которому поручено было писать комментарии к Генуэзской конференции *.

— Нам нужно,—произнес главный редактор, приблизившись к столу обозревателя,— нечто... нечто... нечто, так сказать, сильное, так сказать, нечто еще сильнее, чтобы не померкла наша старая слава «Марианской гаубицы». Правда, пан коллега, вы честно старались травить Россию, но все это еще ничто.

— Позвольте,—сказал обозреватель,— я уже и сам думал об этом, ведь мы, собственно, все только подогреваем старые побасенки. Согласитесь, пан шеф, работы на меня навалено столько, что очень трудно и сложно выдумать что-то новое. Я разговаривал уже об этом с Виктором Дыком *. Ему тоже ничего не приходит в голову. Тем не менее я думаю, мы уже хорошо ославили Россию!

Главный редактор сел за стол напротив обозревателя и, вертя большими пальцами рук, заговорил весьма внушительно:

— Ах, боже мой, сколько еще разных комбинаций! Надо просто вспомнить и учесть то, что мы уже выдумали. Итак, вы писали, что большевики на немецкие деньги разложили русскую армию, затянули войну на год, писали о Брест-Литовском мире и о свирепых матросах, разгоняющих Учредительное собрание, о подкупленных петроградских полках, о китайцах, латышах, венграх и нем-

цах, которые помогли большевикам захватить власть — и все.

— Простите, пан шеф,— перебил его обозреватель,— вы забыли, а ведь я писал еще, что они захватили власть с помощью уголовников, выпущенных из тюрем,— эта мысль явилась мне между одиннадцатью и двенадцатью ночи. Я бы выдумал, пожалуй, еще что-нибудь поострее, так ведь из типографии поминутно звонили, чтоб я сдавал в набор... Да вы и сами отлично знаете, пан шеф: я делаю что могу. Кто убил Амфитеатрова * и Аркадия Аверченко? Я — в прошлом году! А Кронштадт, захвативший Москву,— тоже мое дело!

Обозреватель встал и, прохаживаясь по комнате, взволнованно говорил:

— Кто превратил Ленина в еврея, пан шеф? А кто сделал генерала Брусилова * евреем, подкупленным немцами? Кто превратил Врангеля в мученика, я или доктор Крамарж? У кого чрезвычайка перебила всех чехов в России — у вас? Пан шеф, вы всегда доводили меня до крайностей! Сегодня у меня Горький повешен чрезвычайкой, а завтра он обращается ко всей Европе по поводу голода в России! У меня большевики расстреляли Кропоткина и Короленко, а они меж тем спокойно живут после этого еще два года, и когда наконец действительно умирают от старости, сама «Русс-унион» * публикует телеграммы, что похороны их состоялись на счет государства.

Так трудно работать, пан шеф. Верите ли, когда я после ночного дежурства, измученный сидением в редакции, прихожу домой, два часа не могу заснуть, все выдумываю что-нибудь такое против Советской России. И все никакого толку. Иной раз столько народу перебьешь руками большевиков, что кричишь во сне со страху...

— Да вы успокойтесь, коллега,— перебил его главный редактор.— Мы все вас ценим, в этой области вы, конечно, наиболее способный сотрудник редакции, но я должен сказать вам, что именно теперь, когда заседает Генуэзская конференция, вы должны удвоить вашу энергию. Наша травля Советской России должна быть колоссальной, она должна ошеломлять. Наверное, вы сами понимаете, что сейчас, после выступления Чичерина *, пи-

сать о запломбированных вагонах уже не имеет никакого смысла. Надо придумать что-то такое, что поистине поразит весь мир, надо вскрыть всю гнусность русской Советской власти. Китайцы, латыши, венгры, евреи, немцы — это все слабо, коллега, это пфф, ничто, водичка. Народ надо бить молотом по голове, а не поить его липовым чаем. Этого требует момент. Генуэзская конференция — это вам не престольный праздник или деревенское гулянье. Если уж сам Ллойд Джордж на приеме, устроенном шведским министром Брантингом, и то не знал, что сказать о Генуэзской конференции после того сюрприза, который нам преподнес этот негодяй Чичерин, — то мы теперь обязаны выступить не с водичкой, а с керосином! Только что мы толковали об этом в секретариате редакции. Надо чем-то ошеломить республику! Ваш долг теперь — отличиться и поразить не только общественность, но и нас самих, все акционерное общество нашего издательства, всю типографию!

Главный редактор встал, крепко стиснул руку обозревателя и бросил, уходя:

— Так что с интересом жду вашу завтрашнюю статью. Не допускайте, чтоб вас посрамила «Народни политика»! И так их Станислав Николау сильно конкурирует с нами своими проклятыми комментариями.

Когда главный редактор удалился, обозреватель опустил голову на руки и пребывал в такой позиции более получаса; потом он взял карандаш и написал на полосках бумаги роскошную статью, которая и впрямь ошеломила не только акционерную типографию газеты «Народни листы» и ее подписчиков, но и весь культурный мир.

Статья была не слишком длинной, зато содержательной:

СОЗДАТЕЛЬ «АННЫ КАРЕИНОЙ» ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
МЫСЛИТЕЛЬ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ РАССТРЕЛЯН
БОЛЬШЕВИКАМИ В МОСКВЕ ЗА НЕСОГЛАСИЕ С ЧИЧЕРИНЫМ

Генуэзская конференция обрела свою трагедию! Нет более в живых Льва Николаевича Толстого!

Захватчики государственной власти на Руси, люди самых низких моральных устоев, навсегда замкнули уста величайшего из русских людей, Льва Николаевича Тол-

стого, который был схвачен за то, что пламенно протестовал против махинаций Чичерина на Генуэзской конференции за счет русского народа!

Шесть китайских наемников убили вчера в тюрьме московской чрезвычайки автора «Анны Карениной»! Подробности завтра.

Низко, с плачем склоняется весь культурный мир над изуродованным трупом великого философа!

Мы давно отговаривали наше правительство от участия в Генуэзской конференции.

И вот вам!

Подробности, увы, «завтра» не были сообщены, доктор Крамарж попытался покончить самоубийством, расторопный обозреватель получил годовой отпуск, а одна пражская издательская фирма — как в воду глядела — поместила в том же самом злополучном номере газеты «Народни листы» большое объявление о массовом издании собрания сочинений Льва Николаевича Толстого...

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

«И когда будет южный ветер, говорите:
зной будет; и бывает».

Еванг. от Луки, глава 12, ст. 55.

I

Есть предметы, факты, события, явления, которые оказывают на человека необычайно освежающее действие. Они составляют необходимый элемент человеческой радости. Без них жизнь человека стала бы дьявольски однообразной. Человечеству нужна борьба, чтобы сердца людские не уподобились Сахаре — равнина, плоскость, не на чем душу отвести, песок и верблюды... Поэтому-то человечество и выдумало муниципальные выборы.

Представим себе окружной центр, где имеются следующие политические партии:

- Партия спасителей народа;
- Партия прогрессивных национальных горизонтов;
- Народные минималисты;
- Национальные максималисты;
- Демократическая партия свободомыслящих;
- Свободомыслящая партия прогрессивных демократов;
- Социальные народные прогрессисты;
- Партия реалистических аграриев социалистического толка;
- Партия сельских демократов;
- Венцелидесовцы.

Что касается последней политической партии, то ее произвел на свет в состоянии невменяемости местный гражданин Августин Венцелидес, причем ядро ее составило общество любителей игры в кегли при отеле «У розы» и компания собутыльников «Кубки».

Пан Августин Венцелидес принадлежал первоначально к партии спасителей народа, к которой принадлежит и пан Хаура, который, однако, злостно нарушил единство партии, начав ни с того ни с сего продавать метр английского полотна на тридцать геллеров дешевле, чем пан Венцелидес.

Жители города прекрасно помнят, как после этого в уборных ресторанах стали появляться надписи: «Хаура — вор!» Пан Венцелидес не дал себе даже труда хоть немного изменить свой почерк — неосторожность, приведшая его на скамью подсудимых по обвинению в диффамации, вследствие чего он, как осужденный преступник, был исключен из числа членов муниципалитета и превратился в отщепенца.

А отсюда уже недалеко до создания собственной партии. Таково происхождение партии венцелидесовцев.

Муниципальные выборы в этом городе были назначены в связи с отставкой городского головы, являвшегося вождем партии прогрессивных национальных горизонтов. Несчастный занимался демагогией и тайно продал паровой плуг, принадлежавший городскому хозяйству. Кроме того, его обвиняли в том, что он в период запрета водить собак без намордника приобрел для своей собаки намордник на средства города, занеся соответствующую сумму в графу «Почтовые расходы». С ним пали члены муниципалитета, принадлежавшие не только к партии прогрессивных национальных горизонтов, но и к объединенному блоку демократических свободомыслящих, народных минималистов и национальных максималистов, которые отказались от своих мандатов, после того, как социальные народные прогрессисты выдвинули против блока грозное обвинение в том, что он, устроив пикник на берегу городского пруда, выловил оттуда всех лещей и сожрал даже всех мальков, приобретенных на средства налогоплательщиков. Подтверждением этого факта явилось то, что лидер национальных максималистов подавился, проглотив впопыхах маленького жареного карпа.

Коалиция рухнула. Отставки посыпались как из рога изобилия. От всех партий запахло тухлятиной. И вот как-то раз один местный житель, осведомившись у официанта в гостинице «У короны», что это за рыжий косой господин, который заказывает уже третью порцию рубца, получил в ответ:

— Этот рыжий косой записался у нас в книгу приезжих как правительственный комиссар. Мы уже дали знать в полицию: сейчас оттуда придут проверять у него документы.

Никто не пророк в своем отечестве. Утром сам окружной начальник нанес рыжему косому господину визит, и оказалось, что эта ошибка природы—действительно правительственный комиссар. Вдобавок выяснилось, что он ко всему еще хромой и питается исключительно рубцами—на основании теории, что в рубцах содержится пепсин.

Ошибка природы кушала рубец, глядя в окно гостиницы на распущенный муниципалитет и совещаясь с окружным начальником, причем через каждые два-три слова слышалось:

— У меня пувуар!¹

Урод назначил муниципальные выборы. Документация, избирательный аппарат, проверка полномочий, строгая проверка права голоса, всякие неприятности, мертвые встают из могил, чтобы потребовать участия в выборах...

Кандидатские списки. Переговоры политических партий. Пощечины при лунном сиянии, ночью, когда луна льет свой бледный свет и кого-то душат из-за того, что какой-то сторонник партии реалистических аграриев социалистического толка сказал о партии спасителей народа, что им бы только дорваться до казенного пирога.

Социальные народные прогрессисты и народные минималисты обмениваются пощечинами.

В одну из таких тихих ночей национальный прогрессивный горизонталист получил по морде от национального максималиста, которого, в свою очередь, где-то за углом сбил с ног свободомыслящий прогрессивный демократ.

¹ Pouvoir — власть (франц.).

Затем, в виде предисловия, на улицах появились официальные объявления о назначении новых выборов. После этого каждая партия выпустила простенькое обращение к своим сторонникам и расклеила его на улицах; в этом обращении она популярным языком разъясняла, что близятся перевыборы в местные муниципальные учреждения и каждому гражданину необходимо понять, что победить должна именно она.

Потом в органе свободомыслящих прогрессивных демократов «Голоса из Нучиц» появилась статья, которая, собственно, и положила начало настоящей заварухе. Статья была направлена против лидера социальных народных прогрессистов Юнеса и озаглавлена: «Образчик нравственного падения».

Начало было многообещающее:

«Одной из подлейших партий в нашем городе является партия социальных народных прогрессистов. Мы долго не решались написать слово «подлейших», но исключительно бесстыдное, лицемерное, гнусное и безнравственное поведение их лидера пана Юнеса убедило нас в том, что с шайкой пана Юнеса церемониться не приходится. Вчера к нам в редакцию, перед самым подписанием номера, явилась молодая девушка и, чуть не плача, сообщила, что пан Юнес выманил ее на прогулку за город к св. Вавржину и там, в бельведере, совратил, обещав жениться. Пан Юнес посулил ей даже (вы только представьте себе!), что она будет женой городского головы. А когда отец вышеупомянутой особы в четверг на прошлой неделе, в пять часов пополудни, попросил пана Юнеса назначить день свадьбы, этот развратник попросту выставил его за дверь, да еще крикнул ему вслед, что и не подумает жениться на какой-то потаскухе, добродетель которой не выдержала первой прогулки.

Вот какова она — пресловутая нравственность социальных народных прогрессистов! Волосы встают дыбом, когда подумаешь, что у этой партии были два представителя в городском совете и три — в финансовой комиссии, причем последние имели доступ к сейфу, где хранятся все городские поступления.

После этого не было бы ничего удивительного, если б наше городское хозяйство оказалось в самом критическом

положении: ведь эта партия за счет налогоплательщиков устраивала оргии с обманутыми неопытными девушками в разных бельведерах.

Не городским головой вам быть, пан Юнес, а главарем разбойников!

В следующем номере мы помещаем большую статью о казнокрадстве бывшего члена городского совета пана Пипиха. Само собой разумеется, пан Пипих — тоже социальный народный прогрессист, каким был и известный муниципальный проходимец и шулер, уголовник Книжек, к тому же еще лошадиный барышник и шурин известного владельца публичного дома «За рекой», причем этот последний, говорят, тоже выдвигается кандидатом по их списку!»

Этой статьей «Голосá из Нучиц» победоносно прорвали блокаду, и орган социальных народных прогрессистов «Общественные интересы» незамедлительно ответил им в специальном выпуске, поместив на первой странице набранное жирным шрифтом письмо пана Юнеса по поводу нападения, которому он подвергся. Пан Юнес начал с большим достоинством:

«В последнем номере пользующихся печальной славой «Голосов из Нучиц» их редактор, известный лжец и алкоголик пан Папик бросил ком грязи в мою седую голову. Этот субъект, гнушающийся честным трудом, позволил себе опубликовать обо мне нечто до такой степени нелепое, что, если бы статья его не затрагивала вопроса о муниципальных выборах, я отнесся бы к ней, как к бреду сумасшедшего, и потребовал бы водворения автора в больницу для умалишенных. Но в данном случае, в обстановке разгорающейся идейной предвыборной борьбы между определенными партиями, нельзя видеть в пане Папике только идиота, а необходимо признать его негодяем высшей марки, злостным клеветником и моральным вырожденком. Кто знает мою седую голову — а таких, конечно, много, — тому прекрасно известно, что я уже более сорока лет женат, и нет надобности повторять, что мое прошлое так же незапятнано, как мои седины. В городе и его окрестностях меня знает каждый ребенок — и вдруг на склоне моих дней является какой-то гнусный мерзавец, уже успевший получить по заслугам за свои бесчислен-

ные проделки, и осмеливается говорить мне в глаза, будто я на старости лет кого-то обесчестил. Не выйдет, господа! Наша предвыборная борьба должна протекать на определенном моральном уровне, и я от имени своей партии — социальных народных прогрессистов — прошу исполнительный комитет партии свободомыслящих прогрессивных демократов немедленно исключить из своих рядов, скажу напрямик, этого наглого бездельника, проходимца, негодяя и клеветника Папика. Со своей стороны заявляю, что подал на этого грязного субъекта жалобу, и в ближайшую сессию суда присяжных низкий моральный облик негодяя получит надлежащую оценку.

Йозеф Юнес,
«Шифер, кровельный толь,
цементная черепица».

Уже два часа ночи. Наверху в доме пана Венцелидеса еще горит свет. Пан Венцелидес сидит за столом и пишет листовку, направленную против всех партий. Время от времени он кричит в спальню жене:

— Как там было дело с этим национальным максималистом? Мне нужны факты! Украл у Гржинексов бутылку с уксусной эссенцией? Ах, это сделал двоюродный брат их служанки? Неважно: произошло у них в доме, и кончено. Эти национальные максималисты ни с чем не считаются.

Пан Венцелидес пишет дальше. Через минуту до спальни опять доносится его голос:

— Как было дело с тем сельским демократом, Маринка?..

А в гостинице «Корона» правительственный комиссар жует рубцы.

II

Характерно одно обстоятельство. Все партии в обращениях величали своих кандидатов известными, проверенными работниками, голосуя за которых избиратель сделает добро не только городу, но и самому себе, так как эти лица выше всего ставят пользу общества, а не удовлетворение собственного тщеславия.

Короче говоря, каждый из этих кандидатов был ангел, благороднейший человек, которому чужды обман и мошенничество.

Но тут-то и началась публичная исповедь. В листовках каждой из десяти политических партий вскрывалась и обнажалась подноготная кандидатов остальных партий. Отчетливо выявилось, что, по существу, лидеры всех без исключения политических партий в совокупности своей составляют славную компанию, которая заняла бы видное положение где-нибудь в Панкраце, Мирове или Борах*.

Горожане просто диву давались, какие подонки вершили в последнее время судьбы города.

Каждая партия посылала другим партиям, то есть их руководству, угрожающие письма и анонимки. Национальные прогрессивные горизонталисты, например, писали лидеру свободомыслящих прогрессивных демократов:

«Берегись, как бы результаты выборов не отразились на твоей заднице, так что трудно будет сидеть!»

А тот ответил руководителю национальных прогрессивных горизонталистов анонимным письмом:

«Предупреждаю тебя заранее, Франта: отойди в тень. Таких развратников, спекулянтов и босяков, как ты, надо устранять из общества! Отступишь, Франта, а не то я на тебя донесу, и тебя свезут прямо в Кутную Гору».

Демократическая партия свободомыслящих отправила национальным максималистам анонимное письмо следующего содержания:

«Пан Янота! Надеемся, что вы по получении этого письма заявите руководству своей партии о своем отказе баллотироваться; в противном случае один ваш добрый друг предаст гласности, что случилось с картофелем, предназначавшимся для городской бедноты!

С дружеским приветом

И. М.».

Анонимка, полученная лидером народных минималистов, была короткой:

«Вор! Смотри не показывайся на предвыборном собрании, а то я спрошу тебя: куда девались деньги за проданный сахар из городских запасов?»

Лидер демократической партии свободомыслящих был приятно удивлен, получив такое письмо:

«Милостивый государь! Меня, как давнишнего Вашего единомышленника, глубоко огорчил бесчестный поступок члена Вашей партии гонимого Семерака, которого Вы выставили первым кандидатом в своем списке. Он грубо злоупотребляет не только Вашим доверием, но и честью Вашей супруги. Я застал Вашу супругу в роше «На Марковой» в момент совершения прелюбодеяния с паном Семеракком. Удивляюсь, как Вы сами не замечаете, в какой измятой юбке возвращается Ваша жена домой с прогулки. Вы поступили бы абсолютно правильно, если бы публично надавали этому Вашему соратнику оплеух. Что я Вам не лгу, в этом Вы можете лучше всего убедиться, осведомившись у Вашей супруги, почему с 16 мая на той полянке «На Марковой» не растет трава.

Желаю Вам полного успеха в деле очистки Вашей партии от подобных элементов и остаюсь

Ваш старый единомышленник и товарищ по партии.

Угадайте, кто?»

Супруга лидера партии спасителей народа получила заказное письмо:

«Пани Киндлова! Когда Вы по утрам ходите в церковь, Ваш муж в это время водит к себе в подвал гимназисток. Он страдал этим гнусным пороком еще до Вашего знакомства с ним. Скажите ему, чтобы он не выставил своей кандидатуры, а то один отец подаст на него жалобу. Пока будьте здоровы и ждите продолжения, богомолочка!»

Примерно в это же время пан Венцелидес метался по комнате с распечатанным доплатным письмом:

«Бродяга! Теперь голоса выклянчиваешь? Видно, это у тебя в крови; ты ведь несколько лет тому назад в Нижней Австрии по миру ходил, за попрошайничество в

тюрьме сидел, и тебя оттуда в Недоухов по этапу пригнали, шута горохового! Занимайся, болван, кеглями, а в политику не суйся. Ты в ней понимаешь, как свинья в апельсинах. Тебе бы только кого обобрать, спекулянт этакий!»

Не был обойден и лидер партии сельских демократов. Какой-то член партии реалистических аграриев социалистического толка писал ему:

«Пепичек Погодный! То-то, поди, злишься, что в копилке Центральной школьной Матицы, которую ты слямзил в трактире «У Гарцулов» перед войной, оказалось всего несколько пятаков? Тебе бы прийти тогда в этот трактир неделкой раньше: там у нас было больше ста крон. Вот бы ты опять нализался! Помнишь, как во время войны гнилую картошку нам спускал? Но пришел наконец божий суд. Собирай скорей пожитки и ступай за границу искать жар-птицу!

Тот, кто хорошо тебя знает, и ты его тоже».

Говорю вам, это была грандиозная, всеобщая публичная исповедь.

Содержание анонимных писем мало-помалу становилось достоянием гласности, так как каждый пострадавший выпускал листовку, в которой обличал эту подлость, этот недостойный прием предвыборной борьбы. В типографии люди с ног сбились, работая сверхурочно, и одной из самых важных фигур стал типографский корректор, которого на каждом шагу останавливали и начинали спрашивать:

— Скажите, пан Бенке, нынче вы ничего не читали насчет меня? Ах, не говорите — «нет». По глазам вижу, что «да». До чего мы дошли с этой предвыборной борьбой!

Весь город был залеплен плакатами; в глаза кидались крупные буквы, образующие огромное слово: «Заявление!»

Самое скромное из этих заявлений звучало примерно так:

«С величайшим негодованием отвергаю утверждение моих политических врагов, будто я в 1913 году застраховал жену свою Марию Дртинову, урожд. Хлоупкову, на

сумму 25 000 крон, а 19 августа, в семь часов вечера, с корыстной целью утопил ее в городском пруду во время купания. Настоящим заявляю, что никогда не был женат, никогда никого не застраховывал и в указанный день находился в заключении при уголовном суде в Праге за публичное оскорбление действием полицейских служащих вскоре после моего приезда в Прагу для осмотра Градчан.

Штепан Дртина,
«Узоры для вышивания».

О том, какие обвинения были вообще возможны, говорит другое отчаянное заявление, выпущенное неким Кржиштой, который клянется, ссылаясь при этом на свидетелей, что никогда не выкапывал шпал на полотне северо-западной железной дороги и не продавал их оптом тому же железнодорожному ведомству, а также не занимался хищением телеграфных проводов на пльзеньском шоссе.

Эти разнообразные опровержения давали повод к новым обвинениям, отличавшимся иной раз большими подробностями, видоизменявшими либо дополнявшими первоначальные.

Повторные обвинения имели по большей части такой вид:

«Мы несказанно удивлены, что пан Гарцуба имел смелость и дерзость в ответ на наше обвинение выступить в свою защиту. Напомним ему в таком случае, что факт, о котором идет речь, имел место восемнадцать лет тому назад в Чаславе, где этот ловкач держал тогда галантерейный магазин, который он поджег 12 августа, в ночь со вторника на среду, повысив перед этим сумму страховки. В течение недели перед пожаром не проходило ночи, чтобы из магазина не выносились свертки с разным товаром, и мы ему точно напомним, что в воскресенье он унес домой канифас, в понедельник — мешковину, во вторник — камчатное, а в среду — английское полотно, в четверг — зефир, в пятницу — шелка, полотенца, носовые платки и салфетки, в субботу — носильное белье, в воскресенье — разные шерстяные материи на платья и отрез сукна, в понедельник — нитки и ленты, а в ночь со вторника на среду поджег свои пустые прилавки.

Да, пан Гарцуба, напрасно вы в своем «Ответе» высокомерно обзываете нас клеветниками: ведь мы вас еще пощадили, назвав довольно мягко — поджигателем. Нам прекрасно известно, что у вас кожа, как у бегемота, и вы опубликуете новый ответ. Посмотрим, что скажут избиратели. Они должны быть осведомлены, что, голосуя за Гарцубу, выберут своим представителем поджигателя, чуть не спалившего весь Часлав».

Пан Гарцуба нашел в себе смелость опубликовать новый «Ответ» и расклеить его по углам улиц на досках для объявлений:

«Я просто констатирую, что восемнадцать лет тому назад действительно жил в Чаславе, но не держал галантерейного магазина, а являлся представителем фабрики пробковых товаров в Клаштере над Огржи, так что у меня на складе не могло быть канифаса и т. п. Думаю, этого вполне достаточно — не для моего оправдания, так как я в нем не нуждаюсь, меня все знают, — а для полного осуждения всем известной партии политических лжецов и негодяев».

Но и на этом дело не кончилось. Нет, этого оказалось недостаточно. На него накинута с еще большим остервенением, и на другой же день на улицах появились плакаты:

ПРИЗНАНИЯ ПАНА ГАРЦУБЫ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕРТВЕЦ ИСПОВЕДУЕТСЯ

Мы привыкли к безнравственности своих политических противников и все же были поражены циничным признанием пана Гарцубы в том, что он действительно был в Чаславе, где поджег свой склад пробковых товаров, к чему готовился целую неделю, унося домой, в безопасное укрытие, тюки товаров. Чтобы освежить факты у него в памяти, предадим гласности хронологический перечень этих незаконных операций. В ночь на воскресенье третьего августа он перетащил к себе домой пробки, предназначенные для пивоваров и виноделов, для бутылок с минеральными водами, ликерами и для продажи вина в розлив. В понедельник похитил пробки для аптек и аптекарских магазинов. Во вторник ночью забрал соломенную упаковку для бутылок всякого рода, а также пробковые затычки и пробочки. В среду вывез целый воз пробко-

вых подстилок под линолеум, пробковых стелек для сапог, пробковых плавательных поясов, пробковых решетчатых циновок для ванн и бань и пробковых ручек для перьев; в четверг — цельные пробковые коврики и половики; в пятницу — пробковые мешки; в субботу — увез пробковые плитки, пробковую труху и отбросы; в воскресенье — пробковую термоизоляцию и в понедельник — пробковые прокладки для машин.

А двенадцатого весь склад был уже в огне. Вот факты, пан Гарцуба! Этими фактами мы спокойно и убедительно отвечаем на ваше развязное: «Вполне достаточно».

Ознакомившись с этим новым обвинением, пан Гарцуба до поздней ночи сидел, как осужденный перед казнью. На столе перед ним лежал лист бумаги, ничем не заполненный, если не считать заглавия, которое он с трудом сочинил к рассвету:

ОПРОВЕРЖЕНИЕ № 3

Начало светать, а лист все оставался чистым. У пана Гарцубы ум зашел за разум, и он в конце концов написал:

«В ответ на грубые нападки обращаюсь с просьбой к представителям судебных кругов навести обо мне справки на фабрике пробковых товаров в Клаштере над Огржи, в Блюннерсдорфе».

Это «Опровержение» оказалось тоже размноженным в виде плакатов, но в тот же день общественность была удивлена появлением новой надписи. На воротах ратуши кистью было намалевано:

БЫВШИИ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА ЮНЕС ЖРЕТ КОШЕКИ!

И рядом, на тротуаре перед ратушей, той же рукой:

ВЫБИРАЙТЕ ВЕНЦЕЛИДЕСА!

А в гостинице напротив ошибка природы — правительственный комиссар по-прежнему жевал рубцы...

III

Авторов анонимных писем вскоре разоблачили, и так как в каждой партии их оказалось не меньше чем по од-

ному, это стало даже считаться хорошим тоном. После их разоблачения все партии, словно сговорившись, выступили с заявлениями такого характера:

«Анонимные письма члена нашей партии — это все, что против нас имеется. Ничего другого в ущерб нам выдвинуть не могли...»

*

У коммивояжеров, останавливавшихся в этот период в городе и читавших все эти листовки, создавалось впечатление, что они попали в разбойничий притон; укладываясь спать у себя в номере гостиницы, они загораживали дверь шкафом и вообще принимали всевозможные меры предосторожности, а утром вставали пораньше и, не выспавшись, спешили уехать.

В городе должна была быть ярмарка, но народу съехалось очень мало: все были страшно напуганы.

«Там какие-то бандиты,—говорили в окрестностях.— Поедешь туда, а господа кандидаты зарежут тебя и ограбят».

IV

Не знаю, чем кончится избирательная кампания, но ко мне как раз приехал один тамошний житель и сказал, что по дороге на вокзал он видел, как в городе расклеивают новые плакаты, в которых сказано, что бывший заведующий городскими финансами страдает половым извращением и состоит в любовной связи с секретарем своей политической партии...

СЪЕЗД ЗЕМЛЯКОВ

I

Бывают люди, которые ни с того ни с сего сразу становятся известными. В течение ряда лет они ничем не выделялись, были обыкновенными, скромными гражданами, исправно выполняли свой долг по отношению к семье, государству и окружающим. И вдруг бедняга начинает чудить и вовлекает в свои чудачества все новых и новых людей.

Вообразит он, к примеру, что изобрел перпетуум мобиле, сообщит об этом в газеты, дети его становятся посмешищем для соучеников, а жена, которая вначале хвасталась: «Мой муж изобрел перпетуум мобиле»,— превращается в мишень для всевозможных оскорбительных намеков, и ей остается только утопиться. После этого в один прекрасный день изобретателя под предлогом, что с ним желает познакомиться министр по делам вероисповедания и просвещения, заманивают в карету и везут в изолятор.

Однако наихудшим видом помешательства является созыв съезда земляков, ибо, естественно, это помешательство затягивает в свои сети многих людей, которые родились в каком-то определенном месте, считаются земляками и в порыве тупоумия гордо произносят: «Я здешний уроженец»,— хотя, по существу, вовсе не их заслуга, что они вообще появились на свет божий.

Когда учитель Ерал приехал на каникулы в свое родное гнездо, никто не заметил в нем ничего особенного. Это был обыкновенный рассудительный человек, повсюду козыряющий своим благоразумием. Он вызвался произнести речь на торжествах в память Яна Гуса *, но задачу свою выполнил весьма неудачно, так как заранее написал текст, а читать его пришлось, когда уже стемнело, поэтому, ничего не видя, он произносил наобум какие-то бессвязные фразы, и так случилось, что в замешательстве приравнял Гуса к глупому Гонзе * из сказок, а на другой день страшно обиделся, когда один из слушателей сказал, что он наговорил массу ерунды.

С тех пор в местечке стали поговаривать: «Увидите, пан учитель Ерал выкинет еще какой-нибудь номер».

У него это прорвалось неожиданно-негаданно однажды после обеда, когда он сказал жене:

— Итак, я решил созвать съезд местных уроженцев.

Пани учительша расплакалась. Ее всхлипывания то и дело прерывал пан учитель:

— Да, я созову съезд местных уроженцев и по этому поводу напишу одноактную пьесу. Мы будем представлять умерших земляков, покажем, как они пьют пиво в ясеневом лесу, едят отварную свинину...

После небольшой паузы пан учитель продолжал:

— С этой свининой дело будет обстоять таким образом. У одного мастера из каменоломни поддыхает свинья, и те, что пьют пиво, пошлют сказать мяснику, что мастер, мол, просит его немедленно эту свинью прирезать, а жене своей приказывает отварить свинину и послать ее им. Затем придет сам мастер, наестся мяса, не зная, что ел собственную свинью, потом все выясняется, и на этом пьеса кончится.

В этот момент что-то тяжело рухнуло на пол; только через несколько часов пани учительша очнулась от обморока и тут же обратила отчаянный взор на пана учителя, который, сидя возле ее постели, говорил:

— Не волнуйся, милочка, я как раз составляю текст воззвания к съезду местных уроженцев.

К вечеру пани учительше настолько полегчало, что она встала с постели и смогла пойти к доктору, которому все объяснила. Доктор вначале поинтересовался, не был ли пан учитель пьян, затем спросил, не наблюдались ли у него раньше подобные приступы, и, наконец, осведомился, что он ел перед тем, как ему взбрело в голову созвать съезд земляков.

В конце концов оба пришли к заключению, что, видно, это случилось после грибов, так как пан учитель отличался между прочим тем, что собирал разные поганки, ядовитые грибы и сам готовил их.

— А они, безусловно, содержат токсины,— загадочно произнес доктор.— Средство против этого: рвота, слабительное, алкогольный напиток, лед на голову, горячий кофе. Сударыня, я дам вам три порошка, и вы незаметно всыпьте их ему в еду. Что у вас на ужин?

— Опять какие-то ядовитые грибы, пан доктор.

— Отлично,— сказал доктор,— это как раз то, что нужно!

III

Где земляки? Где местные уроженцы? Где земляки вообще?

Учителю Ералу казалось, что он созывает съезд земляков всего земного шара. Утром он просыпался мокрый, как мышь, и вспоминал сны: ему снился съезд земляков Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Праги и какого-то неизвестного городка в Новой Зеландии.

У местного полицейского инспектора пана Штепанека учитель Ерал взял адреса земляков, умерших лет тридцать тому назад за границей. Но ввиду их смерти приглашения они так и не получили.

Пан почтмейстер аккуратно поставлял инициатору съезда земляков возвращаемые на почту приглашения, на которых значилось: «Адресат умер», «Адресат неизвестен». А через две недели пришло письмо из Америки, перевод которого с английского звучал так: «Ваш земляк и адресат был повешен за убийство с целью ограбления и изнасилования негритянки в штате Иллинойс».

Разумеется, это не имело никакого значения, ибо если жива идея, то никакое сообщение о повешении земляка на далекой чужбине никого никогда не отпугнет.

Пришло несколько писем, где приглашенные земляки просили извинить, что не смогут приехать. Из Вены было получено три письма, в которых адресаты единодушно, словно сговорившись, писали, что из-за этого съезда могли бы потерять миллиард крон и что им на него наплевать.

Четверо приглашенных из разных мест республики требовали, чтобы им выслали денег на дорогу и гарантировали компенсацию расходов, связанных с поездкой, а они, мол, в благодарность охотно расскажут собравшимся о своих приключениях на чужбине и споют куплеты.

Пражское полицейское управление уведомило пана учителя Ерала, что на его земляка Индржиха Марека уже с 1906 года выдан ордер на арест за кражу пивных кружек и лжеприсягу.

Пришло также прошение от вдовы местного уроженца Валкауна. Вдова слезно просила общину дать ей ссуду в 600 крон для покупки мороженицы, чтобы летом она могла прокормиться.

Коммивояжер фирмы ликеров пан Гумера писал, что он приедет на съезд только в том случае, если для буфета при торжественном открытии съезда закажут ликеры его фирмы. При этом он приложил прејскурант.

Земляк Дурых прислал вместо себя доплатное письмо со страшными оскорблениями, возмущаясь, что только теперь, спустя столько лет, вдруг вспомнили о нем, а сами изгнали его из общины, обвинив в краже башенных часов на ратуше.

Произошли кое-какие недоразумения с отдельными приглашенными. Когда советовались с бургомистром, кого звать, углубились в далекое прошлое.

— Я точно знаю,— сказал бургомистр,— что много лет назад здесь жил купец Перглер, который позднее переехал в Космоносы.

По этому поводу космоносский дом для умалишенных ответил: «Прилагая полученное приглашение, извещаем,

что ваш земляк Карел Перглер скончался в нашем заведении 16 июля 1901 года. Когда его доставили к нам, все документы о месте его рождения были утеряны. Сам больной не мог сообщить, откуда он был привезен. На основе вашего извещения о месте рождения нашего пациента пересылаем материал ликвидационному отделу на предмет взыскания с вашей общины платы за содержание и лечение усопшего».

IV

В день съезда пан учитель Ерал ходил то на броумовскую, то на дольнотузскую дорогу смотреть, не идут ли или не едут ли приглашенные земляки.

Никого не было. Пан учитель Ерал вдруг вспомнил, что земляки могут прийти со стороны Малой Скалы, и послал свою жену на вершину холма смотреть в том направлении.

Пани учительша села на камень на самой высокой точке и расплакалась. После стольких лет счастливого супружества такая напасть!

Со стороны Малой Скалы тоже никто не шел. Учительша просидела в отчаянии два часа, затем посмотрела вниз на город и, увидев, что пан учитель Ерал залез на крышу ратуши и по случаю съезда земляков вывешивает государственный флаг, забилась в истерику. Спустившись с холма, она была встречена паном учителем. Дико сверкая глазами, он отвел ее в сторонку и отрывисто спросил:

— Сколько их идет?

— Гм,— ответила она небрежно,— возможно, они опоздали на поезд, приедут другим к вечеру, сюда со всех сторон прямое сообщение, нигде нет пересадки.

Учитель сразу так воодушевился, что побежал в трактир, где должна была состояться встреча с прибывшими земляками, чтобы выяснить, достаточно ли там столов и стульев.

Трактирщик ходил, как одуревшая овца. Он приготовил свыше 60 шницелей и чувствовал, что полностью прогорел: сейчас уже 6 часов, через два часа должно на-

чатся торжество, но до сих пор не явился ни один из приглашенных земляков.

А тут еще учитель Ерал, как назло, начал его донимать:

— Только чтобы шницелей хватило, понимаете, ведь большинство придет с семьями. Съезд земляков — незабываемое событие для каждого участника. Каждому земляку захочется разделить свою радость с близкими. Главное, побольше салата из огурцов, это лучше всего освежает после дороги, все явятся усталыми, ведь те, кто из Словакии, будут два дня в пути.

Отдав распоряжение, учитель Ерал отправился поглядеть еще разок на верхнюю и нижнюю дорогу. С одной стороны не было никого, с другой — виднелась группа людей, поднимающихся в гору, среди них выделялся человек в мундире.

Учитель Ерал побежал к бургомистру.

— Земляки уже здесь! — закричал он. И он не ошибся.

Это из Мирогоштиц переправляли в местную богадельню земляка и землячку — деда и бабушку Сохоровых.

Однако учитель Ерал об этой трагедии еще ничего не знал, так как был в это время дома, расхаживал по комнате и повторял по конспекту торжественное приветствие.

Было уже около восьми часов, а ни один земляк не появился.

В комнате звучал голос пана учителя:

— И поскольку, дорогие друзья, детство — это прекраснейшая пора жизни, приветствую вас на съезде и еще раз...

Рядом на кухне пани учительша прикладывала к заплаканным глазам мокрое полотенце.

V

В тот же день к вечеру городское жандармское управление получило сообщение, что из предварительного заключения при Коданском суде бежал местный уро-

женец Ченек Гроуда, имевший уже несколько судимостей; по-видимому, он направился на родину за какими-то деньгами. А незадолго до открытия вечера, в восемь часов, жандармерию предупредили, что какой-то неизвестный человек пробирается к городу, перелезая через заборы.

Так Ченек Гроуда прибыл на съезд земляков.

VI

На съезде земляков присутствовали только местные жители, которые ежедневно встречались в трактирах и на городской площади, даже не сознавая, что они земляки и что на такое собрание имеют право раз в десять лет.

Сегодня они пришли на вечер, как на какое-то зрелище; среди собравшихся было несколько пришельцев, как господа учителя и прочие, которых можно было причислить к «местным друзьям».

Трактирщик рвал на себе волосы, глядя на гору шницелей и бельевой бак, наполненный салатом из огурцов. А инициатор съезда, пан учитель Ерал, стоя рядом, вдыхал аромат жареного мяса и говорил:

— Как жаль, что я уже поел дома. У нас была молодая картошка с творогом. А хватит ли у вас шницелей?

Трактирщик что-то проворчал и в отчаянии вцепился зубами в кусок жаркого, затем вскочил, схватил в обе руки груды шницелей и угрожающе двинулся на пана учителя, который с наивностью ребенка твердил:

— Они еще придут, поэтому я и не открываю вечера. Наверняка сейчас новое расписание поездов.

В этот момент трактирщик накинулся на него и, захватывая ему в рот шницели, заорал:

— Жрите, пан учитель!

Это было хуже кляпа. Пан учитель посинел, стал задыхаться, свалился со стула на пол, а трактирщик в полном смысле слова завалил беднягу шницелями, после чего схватил бак с салатом из огурцов, опрокинул его на учителя и вбежал в зал с криком:

— Земляки, прошу к ужину!..

Съезд земляков имел неприятные последствия. Как только пан учитель поправился, он тут же уехал с дачи, а трактирщика отдали под суд, Ченек Гроуда прямо со съезда был препровожден жандармерией в Коданский суд, а пани учительша каждый день пристает с вопросом к учителю Ералу:

— Скажи мне, ради бога, что ты собираешься предпринять в будущем году?

Пан учитель молчит, но перед сном мечтает созвать в будущем году в Праге съезд земляков всей Пражской области, а там, даст бог, года через два созвать на горе Ржип и в окрестных равнинах съезд земляков всей Чехословацкой республики.

Порой из крошечной искры разгорается большое пламя...

ПОМОЖЕМ ДЕТКАМ ПОЗНАТЬ ПРИРОДУ

I

В принципе я не возражаю против загородных школьных экскурсий, как и против того, чтобы дети мучили животных, поскольку при этом проявляется превосходство человека над ними.

Если ты слопаешь лошадь, то без всякого угрызения совести почувствуешь, что одолел скотину, а если ты вытащишь несколько дюжин ребят на загородную прогулку, то наверняка порадуешься тому, что среди полей, лугов и рощ ты являешься господином над этими ошалелыми маленькими созданиями.

Пусть учителя простят мне этот мой рассказ. Я заранее приношу им извинения за то, что совершил подлость, в чем после прочтения последующих строк, безусловно, будет убеждено большинство читателей, которые еще не утратили чувства справедливости.

II

Вначале у меня не было решительно никакого злого умысла, и когда директор школы сообщил, что готовится экскурсия школьников к месту проектируемой плотины в долине Лабезского ручья, я выразил желание принять в ней участие. Экскурсия была назначена на субботу, а в среду директор школы подвернул ногу. Вправляя вывих, местный парикмахер сломал ему ногу в лодыжке, и

в пятницу, в больнице, ее пришлось отрезать уже по колено. Поэтому была исключена всякая возможность участия директора в субботней загородной прогулке школьников. Но так как дети готовились к этому событию уже более полугода и с нетерпением ждали его, я сказал, что сам смог бы отвести их в долину Лабезского ручья. Мое предложение было одобрено также местным школьным советом, который относился ко мне с полным доверием.

Весьма интересно, как быстро меняется мнение людей о характере человека, но еще интереснее то, что человек часто совершает какую-либо подлость, заранее о ней даже не думая. Действительно, у меня не было никаких дурных намерений, и те гнусные события, которые впоследствии произошли, развивались сами собой с того самого момента, как только мы вышли из школы.

III

Девочек и мальчиков было по дюжине, и стоило лишь взглянуть на них, чтобы заключить, что их отцы недавно вернулись с фронта. У каждого из участников прогулки был старый воинский вещевой мешок и фляжка. Одна девочка тащила с собой даже кусок полотна от военной палатки, один мальчик нес штык, и почти у половины всех детей были старые австрийские котелки. Со стороны все они походили на банду разбойников, так что мне самому показалось смешным, когда я назвал их «милые детки».

Итак, я выбрался с ними на лоно природы.

Милые детки не проявляли ни малейшего интереса к красотам природы. Не было никаких сомнений, что благоухающий скипидаром лес предоставлял им лишь одну поэтическую возможность — вырезать перочинным ножом гибкий прут или палку и колотить ими по головам и спинам товарищей.

Я решил дать им полную свободу действий и даже подстрекал их кричать и шуметь во всю мочь.

С этого момента из леса исчезли все певчие птицы: в паническом страхе они умчались в иные места.

Мы весело продирались лесной чащей, причем я вспоминал о тех загородных экскурсиях, в которых участво-

вал сам еще в ученические годы, когда наносимый нами ущерб был весьма незначительным, так как мы тащились по божьей природе, прилежно собирая растения для гербария и обалдевая от бесконечных ученых выкладок учителя Принца о пестиках.

Так как сей муж был противником всякого алкоголя, он заказал в ресторане для всех нас простоквашу, что имело ужасающие последствия, так как за полчаса до этого мы отдыхали под тенью деревьев у одного садовода и каждый из нас съел по меньшей мере по полкило черешен.

Наш обратный путь напоминал возвращение наполеоновской армии от Березины, когда, как установлено историей, войска были поражены дизентерией. Да и наш руководитель, господин учитель Принц, наложил полные штаны и в отчаянии без умолку твердил нам:

— Помните, мальчики, что водяная помненка ¹ растет у ручья и называется также незабудкой, о чем свидетельствует ее немецкое наименование Vergissmeinnicht ².

Это был вообще очень трезвый человек, а его рассуждения—еще более трезвыми. Если он что-либо говорил, то это была абсолютная правда, против которой ничего нельзя было возразить. Я вспоминаю, как категорически он утверждал, например, что на лугах растет трава, на полях — хлеба, а скалы — это сплошные камни. Та поучительная прогулка никогда не улетучится из моей памяти: ведь если человека в молодости собьет автомобиль, он будет вспоминать об этом всю жизнь.

Невольно я сравнивал тогдашние наши детские слабенькие фигурки с этими загоревшими, веселыми ребятами, похожими на албанских разбойников...

Сзади меня раздался крик, напоминающий гуронский рёв, и двое ребят притащили ко мне одного мальчика, держа его за руки и за ноги, а тот в это время кричал:

— Маржена ударила меня ногой в живот, и я не могу идти.

Пришлось сделать остановку и выяснить, кто явился зачинщиком этой сцены.

¹ Помнѣнка — незабудка (чешск.).

² Не забудь меня (нем.).

Обвиненная Маржена из четвертого класса посмотрела на меня своими голубыми глазами и сказала, что она только защищалась, потому что Пажоурек хотел отрезать ей ножом косу. Пажоурек возражал очень неуверенно, утверждая, что он только показал ей нож в намерении обменять его на медную заколку для волос. У мальчика была слишком богатая фантазия, так как при осмотре головы Марженки никакой медной заколки обнаружено не было.

Я собрал всех детей на просеке и предложил им самим решить, кто прав, а кто виноват.

— Милые детки,— произнес я,— установим полевой суд. Надеюсь, что все в сборе.

У меня был список всех участников экскурсии, и тут я обнаружил, что не хватает двух мальчиков и одной девочки. Мальчики знали об исчезнувшей девочке и доверительно сообщили мне, что Анежка полчаса тому назад попала в лисий капкан, когда по своим надобностям полезла в кусты, но они ее там оставили, поскольку она не кричала.

Девочки, в свою очередь, знали о двух исчезнувших мальчиках и столь же доверительно сообщили мне, что те учатся ставить силки на зайцев: они видели, как это делали в прошлом году скауты.

Создалась необходимость отложить полевой суд над Марженой и Пажоурком, чтобы освободить девочку из лисьего капкана и оказать ей первую помощь.

Мы нашли ее минут через пятнадцать и тут же установили, почему она не кричала: в капкан попала только юбка, и девочка боялась пошевелиться, чтобы не разорвать ее.

— Я подумала,— сказала спасенная со стоическим спокойствием,— что если новый пан учитель вернется с ребятами домой, а меня с ними не будет, мама побежит искать и, когда найдет, начнет меня пороть.

И девочка вдруг заревела и начала кричать:

— Я больше так делать не буду! Я уж сюда не полезу, я пойду рядом!..

Так что я простил ей ее страшный проступок. Слова «новый учитель» сразу устранили ту неопределенность, которая, собственно говоря, существовала между мной

и детьми. Мальчик Хадруба тотчас же потянул меня за пиджак и сказал:

— Пан новый учитель, меня змея укусила, глядите, как все распухло.

Этот прохвост хотел перед всеми похвастаться встречей со змеей. А на самом деле его просто ужалила оса. Да и как бы змея залезла ему на самую шею!

Затем еще один мальчик подскочил ко мне с жалобой, что его одноклассник Маречек проглотил гусеницу, потом вытошнил ее и сунул ему за воротник.

С необыкновенной педагогической мудростью я предложил им самим разобраться в случившемся, после чего жалобщик удалился искать гусеницу, вероятно, для того, чтобы теперь самому проделать ту же процедуру и наказать Маречка.

Потом мы отправились за обоими пропавшими ребятами, которых подозревали в том, что они ставят силки на зайцев. Обвинение оказалось справедливым и правильно указывающим направление поисков.

Оба мальчика действительно играли в браконьеров. Один ставил силок, а другой изображал зайца, представляясь, что ему захлестнуло ногу, и, когда мы к ним подходили, тот, первый, как раз добывал второго. Так что мы правильно шли на крик.

Но здесь вина падает на родителей. В самом деле, каким образом в рюкзаке у первого мальчика оказался моток тонкой проволоки?

— Где ты это взял? — закричал я на него.

— На чердаке.

— Не так отвечаешь, дружок, — посоветовал я ему. — Тебе бы следовало сказать, что ты его нашел.

Тут в полемику со мной вступила одна глупая девчонка.

— Это неправильно, пан учитель, — сказала она. — Мы всегда во всем должны сознаваться, потому что если мы скажем неправду, то нас все равно кто-нибудь выведет на чистую воду.

— Милые детки, — сказал я, — знайте, что если кто-либо из вас делает что-нибудь плохое, то должен все делать так, чтобы этого никто не видел, и, кроме того, помнить об одном существенном обстоятельстве, а именно: не оставлять после себя никаких следов. Вот вам,

милые детки, наглядный пример. Существует такая наука, которая называется криминалистикой. Каждый, кто хочет совершить или уже совершил злодеяние, ведет с этой наукой яростную борьбу. Вы уже, наверное, слышали, милые детки, как опасно для того, кто совершил кражу со взломом, оставить на месте преступления оттиски своих пальцев. Эти оттиски фотографируются и потом становятся необыкновенно ценным документом, помогающим найти преступника. Поэтому, если мы хотим совершить кражу со взломом, то во имя разумной осторожности должны взять с собой перчатки. Но, милые детки, во время кражи нельзя волноваться, чтобы, скажем, не оставить перчатки в кармане, как уже случалось довольно часто. Перчатки необходимо надеть на руки. Нечто подобное следует учитывать и в другом случае — в случае с ищейкой. У этих животных настолько развито обоняние, что они могут найти преступника по следу. Поэтому очень полезно, милые детки, на месте преступления все облить керосином: собака это обнюхает и потом приведет сотрудника органов безопасности к ближайшему в округе керосиновому светильнику, или к керосиновой лавке, или к какой-нибудь старухе, которая страдает ревматизмом и натирает спину керосином.

Тут подал голос стоящий впереди Ерал. На вопрос, что ему надо, он ответил плаксивым тоном, полным отчаяния:

— А у нас нет никаких перчаток и керосина тоже нет, потому что у нас электричество.

Ученица четвертого класса Фабианова перебила его, обращаясь ко мне:

— Скажите, пожалуйста, а какие должны быть перчатки — кожаные или вязаные?

— Милые детки, — ответил я, — в любом случае кожаные. Лучше всего здесь подходят так называемые шведские перчатки. Вязаные перчатки для кражи не годятся, так как они оставляют после себя также определенные следы от материала и рисунка вязки.

Я разговаривал с ними, как учительница рукоделия, и наконец спросил, нет ли у кого еще каких-нибудь вопросов. Наглядно было видно, как работают детские головки. Девочки и мальчики сгрудились в небольшие

группки и начали советовать, причем с такой энергичной жестикуляцией, что у одного мальчонки кровь закапала из носа. В конце концов они договорились о вопросах.

Начал Фабиан:

— Когда уже все кончено, то перчатки надо выбросить?

— Выбросить,— ответил я.

От группы девочек заговорила Бернашкова. Это не был ни вопрос, ни определенное предложение. Она начала так:

— А что, если каждый намочил бы кожаные перчатки в керосине уже заранее, дома, чтобы не носить его с собой и не поливать все, керосин-то ведь дорого стоит?

Эта великолепная комбинация доказала, что женщины сообразительнее мужчин, потому что ни один мальчик до нее не додумался. Я увидел в этом достойную подражания бережливость маленькой хозяйки, помнящей об экономии у семейного очага. Потом был еще один вопрос ученика третьего класса Мотычки, свидетельствующий о здоровом логическом рассуждении:

— Во время кражи я должен быть босой, или на ноги тоже надо надеть перчатки?

Тут вмешалась проворная Кафкова из пятого класса:

— Ну не дурак ли? Мой дядя забрался на почту в носках, без перчаток и без керосина, и его до сих пор не нашли.

*

После этого мы продолжали наш поход. Когда мы вышли на шоссе, которое узкой извилистой лентой тянулось к долине, внизу на тропинке появился какой-то господин, который явно хотел добраться до нас коротким путем, но это ему не удалось, так как шедшие сзади девочки и мальчики начали бросать в него камнями. Между Витачком и Анежкой Гоубовой начался даже горячий спор. Был слышен возглас:

— Я в него попал!

А Гоубова пронзительно визжала:

— Нет, я в него попала!

Незнакомец действительно был ранен в ухо. В состоянии полной безнадежности он сидел на пне и кричал нам снизу:

— Я школьный инспектор Рупрехт. Какая школа проводит экскурсию? Подойдите ко мне, пан учитель!

— Вас это не касается,— громко отвечал я ему сверху.— А моя школа — самая образцовая в округе!

И, обращаясь к милым деткам, я скомандовал:

— Теперь все прячьтесь в лесу!

Пан школьный инспектор продолжал в отчаянии кричать, хотя мы были уже давно за рощей:

— Какая это школа?

Так вот, я рассказал вам эту мерзкую историю о школьной экскурсии. И чем дальше мы шли, тем гадостей было больше, так что я сам не хотел бы даже об этом рассказывать. Впрочем, всей этой историей теперь занимается министерство просвещения.

В АЛЬБОМ ГРАЖДАНИНУ МАХАРУ

В газетах, особенно последнее время, появляется множество жалоб на офицеров, которые раньше служили в австрийской армии, а затем были приняты в войска Чехословацкой республики, где сознательно или несознательно совершают такие же дурацкие поступки, какими прославились в частях императорско-королевской австрийской армии.

Время от времени газеты публикуют трагические сообщения о случаях шпионажа со стороны этих офицеров. При этом выяснилось любопытное обстоятельство, что самые жестокие офицеры, издевавшиеся во время австрийского владычества над нашими солдатами, занимают теперь более высокие посты, чем под черно-желтым флагом старой Австрии.

После этого открытия в трактирах велись интереснейшие разговоры. Оказалось, что дело этим не ограничивается.

Один сосед рассказал:

— Мой сын служит сейчас под командованием капитана, с которым я был во время войны в Сербии, когда мы наступали на Дрину. Тогда он застрелил из револьвера одного солдата нашей роты, который не мог идти, потому что у него выпятилась грыжа, оперированная за полтора года до того.

Обычно возмущаются также тем, что генеральный инспектор армии гражданин Махар по-прежнему спокойно разъезжает в автомобиле, словно само собой разумеется, что после разоблачения в прессе генерала, который

в австрийские времена отправлял на казнь наших ребят, а сейчас преспокойно служит в том же чине в армии нашей республики, гражданин Махар должен был запретить свой автомобиль в гараже, застрелить шофера, выпустить из бака весь бензин, прыгнуть в образовавшуюся лужу, чиркнуть спичкой и сжечь самого себя, декламируя при этом свое новое неореалистическое стихотворение:

Гудит огонь, вокруг вздымаясь,
Сим от всего я отрекаюсь,
И это к смерти привело.

Нет, гражданин Махар, не вздумайте следовать моему рецепту, ваше время еще не наступило. До этого еще не дошло. Покончить самоубийством успеете, когда этаким бывший австрийский генерал, служащий сейчас в нашей армии, прикажет привязать вас на два часа к дереву в Оленьем рву у Града...

*

В общем, не так уж плохо обстоит дело с офицерами, перешедшими к нам из австрийской армии. Большая часть из них добросовестно соблюдает интересы республики. Лишь среди высшего офицерства, перешедшего с австрийской службы, нам не хватает тех комических фигурок, которые давали так много поводов для различных смешных историй.

Вот если мы достигнем того же уровня, что при старой Австрии, тогда стоит об этом говорить.

Так, например, до сих пор в составе нашей армии нет такого генерала, как тот, что присутствовал в Кракове на медицинской комиссии по переосвидетельствованию офицеров. Когда штабной врач признал одного инженера-химика годным лишь к нестроевой службе, генерал приказал:

— Отправись строить мосты к Перемышлю!

— Ваше превосходительство, разрешите обратить ваше внимание на то, что я инженер-химик,— возразил побледневший офицер запаса.

— Плевать мне на это,— спокойно заявил генерал.— Все инженеры одинаковые, инженер должен все уметь!

На этой же комиссии проходил переосвидетельствование один офицер действительной службы, который при

битве у Комарова оглох. Его должны были освободить вчистую, но тот же генерал, председательствуя в комиссии, решил направить его на главную радиотелеграфную станцию в Перемышле, чтобы он там контролировал, правильно ли истолковываются сигналы радиотелеграфа.

Нет у нас пока и такого полковника, какой был в Бруке на Литаве.

Во время войны один пришедший из запаса поручик просил предоставить ему отпуск.

— На каком основании?! — рявкнул на него полковник.

— Господин полковник, я уже четырнадцать месяцев не был дома, — скромно ответил поручик. — Все время сражался на фронте, а моя жена должна вот-вот рожать.

Он тут же получил отпуск, и сам полковник был крестным отцом его ребенка.

Нет у нас и такого генерала, на которого обрушились бы все газеты.

Но это был еще довоенный генерал, тоже в Кракове.

Приехал он инспектировать казармы артиллеристов. Нашел там все в полном порядке.

Затем его повели на учебный плац за Червоны Камень. Он нашел и там все в полном порядке, кроме сортира, где установил, что планка, за которую для удобства держатся солдаты, прибита на десять сантиметров ниже, чем положено.

Он метал громы и молнии, тотчас же должны были сорвать старую планку, раздобыть новую и прибить ее в соответствии с предписаниями.

Генерал в полной форме уселся в сортире, оперся о новую планку и провозгласил:

— Вот видите, господа, так оно должно быть!

Едва успел он это сказать, как раздался треск — и генерал свалился в битком набитую нечистотами яму.

*

Если я зашел слишком далеко, прошу гражданина Махара извинить меня.

О МИССИОНЕРАХ

Чешско-Моравская возвышенность имеет вполне определенные достоинства. Между сливами и рождественским постом бывают поносы и кнедлики из сырой картошки, так называемые «босяки». Вслед за поносами и «босяками» приходят миссионеры — в самую пору свежквашеной капусты.

Они — такой же продукт предрождественского сезона, как и шинкованная капуста, с той лишь разницей, что миссионеров не кладут в бочки и не утаптывают босыми ногами. Они появляются на Чешско-Моравской возвышенности одновременно с появлением свинины на столах у жителей. Нелишним будет отметить и то обстоятельство, что для посещений своих они безошибочно выбирают самую подходящую пору, когда у верующих в рай и ад гуси уже хорошо откормлены.

Подлинная миссионерская идиаллия заключается в том, чтобы служитель божий мог как следует набить себе брюхо за счет прихожан. Фигура миссионера так живо напоминает о средневековье, что в интересах нашего музея следовало бы провести в Национальном собрании законопроект о том, чтобы все бродящие по республике миссионеры были немедленно пойманы, отпрепарированы и чучела их выставлены в витринах Музея рядом с другими историческими экспонатами.

Можно было бы, конечно, усовершенствовать этот законопроект, исходя из чисто экономических соображений, так как если изготовление чучела барсука обходится в настоящее время в полторы тысячи чешских крон, то из-

готовление чучела миссионера обошлось бы не менее чем в пятнадцать тысяч крон.

На этом основании я предложил бы держать их в спирту — как в среде, наиболее для них естественной.

Дело в том, что у всех миссионеров, с которыми мне приходилось сталкиваться на Чешско-Моравской возвышенности, были красные носы.

В тридцатых годах прошлого столетия в китайской провинции Су-Чжоу появился французский миссионер, принадлежавший к ордену иезуитов. Был он ревностен и неутомим в распространении правой веры и, прочно обосновавшись в городке Ма-Цзе, сумел создать среди тамошнего населения правоверную христианскую общину, в которую вступили, между прочим, несколько мандаринов, а также местный палач с четырьмя своими помощниками.

Миссионер говорил своей пастве такие проникновенные проповеди, что она с каждым днем все более укреплялась в христианской вере.

Однажды он рассказал своим новообращенным о том, как прекрасно и возвышенно принять мученическую смерть за веру и какая награда ждет того, кто пострадал за нее. Это высшая награда: такой человек бывает причислен к лику святых. Затем, описав подробно блаженство мучеников на небесах, миссионер ушел, а собравшиеся остались сидеть.

— Милые друзья, — обратился к ним главный мандарин, — все мы искренне любим досточтимого отца нашего, несмотря на то, что лицом он такой же, как белые дьяволы с Запада. Эту свою любовь к нему и благодарность мы должны доказать каким-нибудь подарком.

Тут все стали по очереди предлагать один одно, другой другое: кто — несколько штук съедобных собак чаучау, кто — парочку монгольских танцовщиц, кто — ведро рисовой водки сакэ и т. п. Наконец поднялся старший мандарин и ласково промолвил:

— Все это имеет лишь преходящую ценность. Разве досточтимый отец наш не говорил нам, что высшая и прекраснейшая награда за благочестивую жизнь — стать святым? И не говорил ли он также, что это непременно достигается мученической смертью? Пойдемте друзья,

отрубим голову досточтимому отцу нашему, сделаем его мучеником и подарим ему царство небесное.

Это предложение было принято с восторгом, и они повели ожесточенно сопротивляющегося миссионера за город, утешая его:

— Сейчас придем на место, досточтимый отец. Не успеешь шесть раз до двухсот досчитать, как станешь святым.

Последней мыслью несчастного миссионера, перед тем как ему отрубили голову, было: «Зачем я распустил язык насчет славы мучеников?»

После этого миссионеры обходили христиан из Ма-Цзе за сто верст. А христиане из Ма-Цзе до сих пор с радостью показывают путешественникам могилу несчастного миссионера, гордясь тем, что имеют святого собственной выделки — не какого-нибудь поддельного.

Говоря о набегах миссионеров на Чешско-Моравскую возвышенность, нельзя не упомянуть о том, как поступают с миссионерами туземцы Новой Гвинеи и Полинезии. Когда миссионер окончит свою проповедь, его привязывают за руки и за ноги к четырем врытым в землю кольям, осторожно вспаривают и тщательно потрошат; голову отрубают, вываривают отдельно, а череп обрабатывают в виде кубка, из которого крещенный миссионером вождь племени пьет в торжественных случаях.

Выпотрошенного миссионера шпигуют толстыми полосками мяса черепахи и начиняют особой разновидностью проса, смешанного с листочками сильно ароматического растения — катутуоры. Затем миссионера зашивают и медленно коптят над костром из ветвей кустарника пао, дым которого сообщает миссионеру очень нежный привкус. Установлено далее, что жители упомянутых островов выбрасывают внутренности миссионера, тогда как на Гебридских островах, наоборот, кишки миссионеров считаются лучшим лакомством и достаются только наиболее видным представителям племени.

Передают также, со ссылкой на заслуживающие доверия источники, что все эти процедуры совершаются над миссионерами после произнесения ими проповеди.

С другой стороны, епископ Лорренский в статье, опубликованной в «Журнале чешского духовенства» за 1837 год, жалуется, что в Новой Зеландии пять послан-

ных им миссионеров были съедены, не успев сказать ни слова.

В том же журнале помещен, очевидно, для жителей других архипелагов и стран, рецепт, как лучше жарить миссионеров. Рецепт этот связан с участием одного из вышеупомянутых подопечных епископа Лорренского. Выпотрошенный, как гусь, он был обмазан глиной — видимо, печной — и в таком виде опущен в большую грудку раскаленного пепла. Обожженная глина оказалась как бы естественным сотейником, в котором миссионер отлично зажарился, причем мясо сохранило всю свою сочность.

Оставим теперь эти сказочные острова Тихого океана и перенесемся к диким чукчам, чью негостеприимную родину далеко на Севере омывают ледяные волны Берингова пролива.

В этом погруженном в спячку краю пропали два миссионера, а потом выяснилось, что, после того как они выполнили свою миссию, окрестив одну семью чукчей, их разрезали на куски и наживляли этими кусками капканы для песцов, чьи шкурки чукчи выменивают на другие товары.

При сорокаградусном морозе мясо сохранялось в пригодном для этой цели состоянии всю зиму...

В сравнении с этим какую прекрасную смерть встретил недавно один миссионер в нашей стране, подавившись за ужином у приходского священника гусиной гузкой!

КАК Я ПОЛУЧАЛ ДЕНЬГИ, ПОСЛАННЫЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ

I

До недавнего времени я питал к почтовому ведомству весьма неприязненное чувство, которое никак не могла смягчить такая малоприятная часть моей корреспонденции, как, например, вызовы в уголовный суд по обвинению в двоеженстве, письма, вскрытые нашей тайной полицией; напоминания кредиторов, заканчивающиеся сентиментальным: «Со многим я в жизни смирился, однако желал хотя бы ответ от вас получить»; угрожающие и анонимные письма, настолько нудные, что не могли меня развеселить; одним словом, чтение такой корреспонденции — пустая трата времени; бросаешь эти послания в печь, не реагируешь на них и думаешь, как выражаются русские: «Наплевать!»

Тем не менее я все-таки уважаю почтовое ведомство, которое со времен Марии Терезии * претерпело ряд изменений: от смертной казни почтальонов за утерю запечатанного письма до введения почтовых и художественных открыток, от ликвидации почтовых станций с несчастными omnibusами до введения почтового поезда. Телефон, телеграф, снижение жалованья служащим — все эти реформы промчались так стремительно и великолепно в течение каких-нибудь двух столетий, что только дикарь не снимет шляпу перед почтовым ведомством, которое в недалеком будущем устроит у себя на крыше станцию беспроводного телеграфа, а во дворе, за сараем, — аэродром для посадки почтовых самолетов.

Еще во времена Марии Терезии простые смертные могли писать письма только раз в пять лет и с разрешения властей. Во втором томе австрийского уголовного кодекса от 1779 года имеется примечательный абзац «О запрещении писать письма».

Сельского жителя, который хотел бы каким-нибудь контрабандным путем отправить письмо по почте и делал первую попытку завести переписку, клали на лавку, и он получал палочные удары, количество которых закон устанавливал в строго математическом соотношении с величиной письма, после чего у него пропадала всякая охота с кем-нибудь переписываться.

Но ныне почтовое ведомство молча терпит, когда кому-нибудь придет в голову известить своих приятелей почтовой открыткой, что вчера на ужин он ел гузку индюка, или когда рассылают десятки художественных открыток с таким, например, вздорным содержанием: «Здесь очень красиво, радуюсь скорой встрече», «Места здесь прелестные, и уже второй день льет дождь».

Почтовое ведомство терпит даже причуды молодой мамыши, которая водит руку своего двухлетнего малыша по открытке и учит его надоедать дядюшкам сообщением, что он, Карличек, целует и обнимает их, что он послушный; терпит почта и то, что почтальон вручает вам массу писем с различными прейскурантами, предлагающими заказать себе вагон воска для натирки паркета в танцевальных залах, купить искусственный корм для поросят и фазанов, серию могильных крестов, вагоны булыжника для мостовой, километр проволочной ограды, паровые молотилки и локомобили, колодезные буры, в то время как вы, скажем, причетник храма святого Индржиха.

Последнее время пытались было значительным повышением почтового тарифа несколько ограничить частную корреспонденцию, но вряд ли это что-нибудь даст.

Расцвет почтового ведомства беспорен, стремление его к новым и новым реформам смело и возвышенно.

И если сейчас в моих глазах временно померкла его слава, если я ненадолго утратил веру в его достоинство и внешний блеск, это еще не означает, что я повернусь к бедняге спиной.

Видимо, пока что почтовое ведомство оказалось недостойным той любви, которую я питал к нему еще так недавно, но время излечивает все раны...

Разочарование наступило после того, как мне по моей просьбе выслали по телеграфу деньги.

II

Место, где произошло это весьма трагическое событие, находится примерно в 60 километрах от Праги, а от железнодорожной станции — в двух часах ходу. Почтовая контора в Пардубицах проводит с местной почтой интересные манипуляции, в силу которых наше почтовое отделение отрезано от всего мира и корреспонденцию с железнодорожной станции доставляют сюда самыми различными путями, так как в Пардубицах только и думают, что о великих переменах и реформах в доставке.

Почта приходит сюда два раза в день. В 10 часов утра появляется запряженная клячей повозка, напоминающая навозницу. Только вместо навоза там лежат посылки и письма. Это очень простой способ доставки почты. После 10 часов телега поворачивает и везет местную корреспонденцию в почтовую контору на железнодорожную станцию. В 3 или 4 часа оттуда является запыхавшийся, потный почтальон с новой почтой и тут же возвращается обратно, забрав, как и в первом случае, накопившуюся с 10 до 4 часов корреспонденцию; он мчится с нею два часа до городской почтовой конторы на станции. Все устроено так, что ни первая, ни вторая почта не успевает к почтовому поезду, а утренняя почта отправляется с железнодорожной станции до его прихода, так что утреннюю корреспонденцию вы получаете только к вечеру, а дневную — на следующий день и не имеете возможности отправить на нее ответ. Одним словом, реформа состоит в том, чтобы не успеть ни на один поезд, а поскольку ночью на станции не работают, то почту отправляют в Прагу утром, и только послезавтра вечерней почтой вы получите мое письмо, которое вам должны были доставить еще вчера до обеда. Когда надо что-то срочно сообщить, лучше идти в Прагу пешком. Если утром встать пораньше, то эти шестьдесят

30. Ярослав Гашек. Т. 5. · 465

километров можно играючи одолеть до 5 часов вечера.

Так как здесь, в местечке, телеграфа нет, то телеграммы приходят с железнодорожной станции по почте, как обычная корреспонденция. Скажем, утром кто-то пошлет мне из Праги телеграмму, но с железнодорожной станции ее могут переслать только на следующее утро, так что я получу ее лишь перед обедом. Со срочной телеграммой совсем другое дело. Ее нельзя посылать со станции почтой, как простую телеграмму.

Для этого существует специальный посыльный. Его приходится каждый раз разыскивать, чтобы послать со спешной депешей к нам на гору. Такую особо срочную телеграмму я получаю на третий день, если только найдется какая-нибудь баба, которая согласится за 8 крон потратить 4 часа, чтобы подняться на гору и спуститься с нее.

Недавно послали ко мне с одной такой злополучной срочной телеграммой бабу, уборщицу почтовой конторы. На полпути она подвернула ногу и со слезами приковыляла обратно. Тогда послали одну из ее внучек. Когда девчонка проходила вторую деревню, на нее напали собаки, она тоже вернулась обратно; на следующее утро зять этой почтенной старушенции вызвался доставить телеграмму наверх.

Зять дошел уже до третьей деревни, но в силу особых обстоятельств появился у меня со срочной телеграммой только на следующий день.

— Этот Фолта из Заборны мерзавец, — сказал он доверительно, вручая мне телеграмму. — Я уже был в третьей деревне и как раз подумал: вот дойдешь до карьера за лесом и через час будешь на месте, а он как раз остановился с лошадьми у трактира, заметил меня и кричит: «Эй, хромой черт, Моучек, давай выпьем по рюмочке, я тебя с престольного праздника не видел!» Ну что будешь делать? Старый фронтовой друг, добряк человек, старательный, таких днем с огнем не найдешь. Он хотел выпить с радости — вел домой из Хрудима лошадей, которых у него при мобилизации забрали. Так мы и проторчали там до ночи. Он взял у меня телеграмму и ни в какую не отдает, утром, мол, отдам, а сейчас волей-неволей придется тебе ехать со мной в

Заборну. Моя старуха угостит нас кофе с ромом и приготовит хороший кусок мяса, а утром, дескать, иди с телеграммой наверх, а поскольку он утром все равно поедет в лес за пнями, так меня немного подвезет. И вот привез меня на нижнюю пасеку.

На прощание нарочный с телеграммой-молнией сказал:

— Поверь, здесь с этими телеграммами хлопот не оберешься...

Он безнадежно махнул рукой и добавил трагическим тоном:

— Вообще почта... С этой почтой здесь вроде как от всего мира отрезан.

Эту страшную трагическую истину хорошо усвоили местные жители, и ягде я не видел такого безразличного отношения к почте, как здесь.

У одного здешнего торговца есть свой почтовый ящик в городе, и он каждый день посылает туда ученика взять или отослать письма. Ученик-мученик топает три часа в город и три часа обратно, но при обмене письмами торговец тем самым экономит два с половиной дня.

Вообще-то местные жители не пишут писем, а уж если кто надумает послать письмецо, то ждет оказии, чтобы отправить его прямо в Прагу.

У меня дело обстоит иначе. Я люблю риск и поэтому однажды написал своему компаньону в Прагу, чтобы он перевел мне телеграфом 3 тысячи крон, поскольку деньги у меня кончились.

III

Послать деньги телеграфом — дело весьма простое, легкое и необременительное. Но получить их здесь — значит пройти ряд мытарств и бесконечных сложнейших перипетий.

Телеграфный перевод доходит сюда, как обычная телеграмма, то есть через два, в крайнем случае через три дня.

Я не ошибся, рассчитав день получения перевода. И когда с обычной почтой пришло телеграфное извещение, что мне надлежит выплатить 3 тысячи крон, ровно в половине одиннадцатого у меня появился почтальон, вручил мне две открытки и сел.

— Мы получили на ваше имя,— сказал он растерянно,— телеграфный перевод на три тысячи крон.— Он сунул руку в сумку, положил на стол стокроновую бумажку и по-прежнему растерянно произнес: — У нас нет такой суммы. Пан почтмейстер кланяется вам и пока посылает сто крон. Как только соберем остальные...

Он встал и в дверях сказал:

— Ох-ох! Горе одно...

Перед обедом зашел ко мне пан почтмейстер. Вначале он в общих чертах поговорил об инфлуэнце, венгерской муке, затем перешел на почтовые манипуляции при выплате денежных переводов. У почты нет своих фондов. Городская почтовая контора не посылает сюда никаких денег. Расчет простой: местные жители отправляют деньги, здешняя почта их принимает и когда сюда приходят указания выплатить кому-то определенную сумму, выплачивает их из принятых денежных переводов. В конце месяца подводится итог и остаток отсылается с квитанциями.

И он несколько раз подряд повторил:

— Это весьма просто! Простейшая бухгалтерия! Никакой сложности! Все как на ладони!

И торжественно добавил:

— У нас сейчас нет трех тысяч крон, посланных вам по телеграфу, но мы соберем их. Почему бы людям не посылать отсюда деньги? Есть здесь поместье, у владельца — текущий счет. Продаст управляющий немного картошки, и мы тут же сможем выплатить вам деньги. Затем у нас есть потребительский кооператив. Уже бог знает сколько времени он никуда не посылает денег. Со дня на день жду, что он начнет выплачивать за сахар. Кооператив нам, мы вам, из рук в руки!

Он вынул кошелек.

— Вот, только что получил. Нижний мясник послал в страховое общество взнос в сумме 70 крон. Вот они. 70 крон целиком, всего с той сотней вы имеете 170 крон. Вам следует еще 2830. Почта гарантирует выплату, но не надо было запрашивать телеграфный перевод. По времени он идет, как почтовый, а стоит куда дороже.

После обеда,— продолжал он мягко,— ожидаю, что с пивоваренного завода будут оформлять новую подписку на моды, и рассчитываю, что Шилерам придет

посылка наложенным платежом. Уже две недели тому назад они открыткой заказали дюжину полотенец, в конце масленицы старшую дочь замуж выдают. Вот вам еще 160 крон.

Садовник Титера, — значительно и торжественно произнес он, поднимаясь со стула, — уже две недели как должен уплатить питомнику за саженцы. Ему дважды напоминали об этом из Мнихова Градиште. Вот вам еще 320 крон.

Он снова сел.

— Вы, наверное, слышали, что молодой Замастил должен платить за ребенка в Писек. Все удивляются, как эта девица сумела соблазнить его. Он уже два месяца не посылал денег. Вот вам 600 крон. И священник задолжал Моравии за церковное вино 240 крон.

И, явно собираясь уходить, почтмейстер с непреодолимым оптимизмом провозгласил:

— Денег у нас хоть отбавляй!

К вечеру ко мне постучал почтальон. Выражение его лица было необычайно серьезно.

— Пан почтмейстер, — сказал он решительно, — посылает вам еще 50 крон. Они от верхнего Сверака, музыканта. Он выплачивает Лантнеру в Праге за гобой. Играть на нем босяк не умеет, да я ему еще кое-что должен. Во время войны, в самые тяжелые дни, он продал мне три ковриги хлеба за 50 гульденов. Да еще смеялся надо мной, что его не проведешь.

Взгляд почтальона остановился на моем письменном столе, где лежали несколько густо исписанных страниц рукописи.

— Опять посылать будете, — сказал он с отчаянием. — И опять вам пришлют деньги? С ума сойдешь! Пан почтмейстер снова погнал меня спросить у пана директора, когда он оформит подписку на «Народни листы». Мол, трехмесячная подписка уже кончилась. От пана директора пойду к Кутине в Бейчкарну напомнить, что уже три недели тому назад он собирался отправить поземельный налог. А купцу Пршеносилу уже три раза напоминали о налоге с оборота.

Он ушел, пессимистически обронив в дверях, как утром:

— Ох-ох! Горе одно...

На следующий день до трех часов положение не изменилось.

В два часа меня навестил пан почтмейстер. Вид у него был необычайно бодрый, как у адвоката, клиента которого, вопреки всем его ожиданиям, оправдал суд присяжных.

— Неделю тому назад вы заказали башмаки сапожнику Сеставе, — сказал он, дружески похлопав меня по плечу. — Вечером они будут готовы, но, — он поднял правую руку, — за них уже заплачено, пан писатель! Я сам заплатил. Стоили они 240 крон. Сапожник Сеставы должен через неделю послать деньги за кожу в Иглаву, так что эти 240 крон он вычтет. Не беспокойтесь, — сказал он успокаивающе, словно я возражал. — Я все точно подсчитываю.

Он сунул руку в карман и вынул записную книжку.

— Мы завели на вас, пан писатель, счет. Учитывая сапожника, я уже выплатил вам 460 крон из трех тысяч, так что почта остается должна вам из вашего телеграфного перевода 2540 крон. В государственных учреждениях должен быть порядок...

Он помолчал, и на его лице появилось такое милое и приятное выражение, словно он хотел сообщить мне нечто необычайно радостное.

— Вы уже решили? — спросил он. — Я имею в виду фисгармонию. Помните, конечно, как на последнем балу в «Беседе» вы говорили, что единственное, что вам хотелось бы приобрести, так это фисгармонию. Да, да, пан писатель, вы еще тогда сказали: «Фисгармония напоминает мне орган. Иметь дома орган или фисгармонию — это одно и то же». Потом вы поспорили с паном окружным начальником, он возражал вам, и вы хотели выбросить его в окно, поскольку он утверждал, что опять заказал новые пластинки для своего граммофона, а граммофон у него еще довоенный. Но дело не в этом. Недавно брат написал мне из Находа, что продал бы свою фисгармонию, доставшуюся ему от отца. Хочет купить для дочери пианино в рассрочку. А фисгармонию он отдал бы за две тысячи крон с доставкой.

Я уже подсчитал, — сказал он после паузы, показывая мне записную книжку, — что если бы вы купили фисгармонию — а с братом я уж как-нибудь рассчитался бы, —

так почта останется должна вам из телеграфного перевода только 540 крон.

Я уверил его, что был тогда пьян в стельку, как и пан окружной начальник, и сейчас, когда я абсолютно трезв, могу сказать только одно: что не знаю более дурацкого, глупого, скотского, идиотского и неприятного музыкального инструмента, чем фисгармония. Это все равно, что иметь дома оркестр.

— Я в этом не сведущ,— печально сказал пан почтмейстер и попрощался.

Когда разносили вечернюю почту, ко мне постучал почтальон. Он был серьезнее, чем вчера.

— Кутина из Бейчкарни,— сказал он угрюмо,— не хочет платить поземельный налог. Пан директор оформил трехмесячную подписку на «Народни листы» в Пардубицах, когда ездил навестить свою замужнюю дочь. Пан почтмейстер кланяется и посылает вам в счет телеграфного перевода 24 кроны. Портной Зоубек надумал заказать у одного пражского еврея две дюжины пуговиц. Но когда он пришел в пять часов на почту и заполнял переводный бланк, я указал ему, что существуют и христианские фирмы, изготавливающие пуговицы.

В тот вечер я разговаривал с паном почтмейстером в трактире «У Пецаров». Когда мы случайно одновременно вышли на минутку за дверь посмотреть на звезды, он подошел ко мне и прошептал:

— Пейте что хотите. Я все велю записать на мой счет. Старый Пецар, трактирщик, должен мне еще 400 крон за поросенка, которого моя жена продала ему перед святым Вацлавом. Пейте в свое удовольствие, я вычту из вашего перевода.

Когда под утро мы прощались, пан почтмейстер писал в своей записной книжке какие-то каракули, из которых я с трудом выяснил, что из причитающейся мне суммы в 2 516 крон он вычел 172 кроны. Я тут же рыцарски заявил, что плачу и за него в благодарность за все его старания и заботы о моем телеграфном переводе.

На следующий день до обеда почта не доставила мне ничего нового.

Однако озабоченный почтальон все же появился, вручил мне письмо четырехдневной давности, в котором некая редакция извещала, что гонорар за статью вы-

сылает мне почтой, и, не пускаясь в долгие разговоры, лишь коротко заметил:

— Все норовят держать деньги дома. За целое утро мы продали почтовых марок всего на 5 крон 20 геллеров.

Пробегая глазами письмо, я небрежно сказал на это:

— Не повезло мне, пошли я статью в другую редакцию, получил бы 600 крон, а эта извещает, что выслала только 420.

Почтальон в дверях пробурчал:

— Проклятая жизнь! Кооператив посылает деньги на сахар денежным письмом. Ну и пройдохи!

Когда вечером ко мне заглянул пан почтмейстер, я ничуть не удивился. В моих глазах он был уже только частью сложной почтовой манипуляции. Пан почтмейстер принес мне весьма утешительные известия.

Он только что говорил с управляющим помещьем. Тот продал картошку и едет в Брно лично вручить деньги помещику.

Почтмейстер был подавлен и уже не изъяснялся литературным языком.

— Парень глуп, как пень,— с возмущением сказал он.— Половину денег по дороге пропьет и продует в карты.

Он откашлялся и с выражением мученика тихо произнес:

— Вечерней почтой, пан писатель, на ваше имя пришло два новых снежных перевода. Один на 420 крон, а другой...

Не успев назвать сумму, пан почтмейстер вдруг сделал движение, словно искал под кроватью башмаки: Он так и остался на коленях перед постелью, неподвижно уставившись на покрывало. Взгляд его не изменился до прихода доктора, который констатировал паралич.

Из уважения к почтовому ведомству я закрыл пану почтмейстеру глаза и похоронил его за свой счет.

Вновь назначенный почтмейстер дал мне честное слово, что весной его родители продадут корову и он немедленно выплатит мне телеграфный перевод.

Старый почтальон, пессимист, который ходил ко мне, повесился в почтовом сортире.

ДУШЕНЬКА ЯРОСЛАВА ГАШЕКА РАССКАЗЫВАЕТ:
«КАК Я УМЕРЛА»

Когда мое тело расстреляли в Будейовицах за государственную измену, которую мы с ним совершили в припадке белой горячки, полетела я, чистая душенька доброго Ярослава Гашека, к небу.

Вы, наверно, помните еще этого милого молодого человека? Он почитал государя императора, писал разные глупости и был в обличье розовый. Однажды он сказал нечто такое, с чем никто не согласился. Тогда этого лояльного мужа обвинили в государственной измене и прикончили.

О нем, вероятно, можно было бы говорить как о жертве, говорили же только как о забулдыге.

Но поскольку буквы «ж» и «з» стоят в алфавите рядом, я была спокойна. Весело подпрыгивала я и пела: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля!» Просто так — с радости.

Радость моя была возвышенна, но кратковременна...

Перед небесными вратами теснились неисчислимые толпы. В то время как я протискивалась вперед, чтобы поскорее вкусить райского блаженства, меня вдруг схватила за рубашку военная полиция. Это было нечто среднее между архангелом и императорско-королевским полицейским.

— Эй, пехотинец! — крикнуло мне небесное явление.— А значишься ты в списках погибших? Ну-ка предъяви свои документы!

У меня не было никаких документов, и я попыталась кое-как отвертеться:

— Осмеюсь доложить, меня только что застрелили в Будейовицах. Я не знала, что на это нужно подтверждение.

Небожитель хмуро посмотрел на меня:

— Кому ты сказки рассказываешь? Меня не проведешь! Стою здесь с тех самых пор, как непокорные ангелы нарушили дисциплину. После всемирного потопа у меня была служба в приемочной канцелярии. Я пропускать за небесные врата невинно убиенных младенцев. Видел я и Орлеанскую деву. О ней-то я мог бы кое-что порассказать!.. Я открывал врата Наполеону!..

А что касается тебя, так ты это не очень ловко придумала со своими Будейовицами. Думаешь, я не знаю географии? Я же вижу, что ты из того «голубинового народа», который все время где-нибудь дерется. Видно птицу по полету! Не больно-то нам интересно сверхурочно тут из-за вас работать! Тебе каждый сопливый ангелочек скажет, что в Будейовицах в это время никакого фронта не было. Тут тебе не санаторий! Катись-ка отсюда! Марш назад в роту!

Заживо я принадлежала человеку, который выше всего на свете почитал начальство и законы. Заживо я никогда не имела дела с полицейскими. Поэтому я и после смерти послушно повернулась и полетела назад, в Будейовицы. На месте казни я нашла свое мертвое тело и скорбно воссоединилась с ним в императорско-королевского пехотинца.

Пехотинец был бравым солдатом, держался поближе к кухне и своими кулинарными познаниями приводил в смятение повара. Ел он за двоих, пил за троих.

Дивным промыслом божьим суждено ему было наконец пасть на русском фронте. Убедившись, что он действительно мертв, я грустно села на его ранец и задумалась... Была я опять свободна, как говорится, разведена со своим телом. Но не было у меня на это никакого документа.

Вокруг простиралась печальная разрытая равнина... При свете месяца я вдруг увидела приближающегося человека. Это был ксендз. Он собирал у мертвых документы и вещи.

Я обрадовалась, что теперь он установит мою смерть и запишет об этом где нужно. Но подойдя уже совсем

близко ко мне, он вдруг плюнул и, проворчав: «Проклятая жизнь!», — пошел прочь.

Мое тело мутными глазами смотрело в небо. Я заплакала: никто мне не поверит, что я умерла. Я не решилась вновь предстать перед вратами вечности и влезла снова в своего пехотинца, чтобы дожидаться более надежного способа смерти.

На счастье вскоре после этого мое тело наполнилось до бесчувствия и погибло в драке с пьяными матросами. Произошло это, надо полагать, где-нибудь около моря, насколько можно судить по присутствию матросов.

Я покинула свой труп и отправилась искать какой-нибудь документ, подтверждающий, что я в самом деле умерла. На этот раз я действовала по определенному плану, что помогло мне обнаружить в одной известной чешской газете некролог о себе, написанный в форме фельетона. И было в нем о моем бедном теле все самое наихудшее, что только можно придумать, согласно чешской поговорке: «О мертвых либо ничего, либо дурное!»

Заживо я также много писала о разных людях и не раз говорила о своих ближних кое-что ядовитое. Но я всегда писала только о живых и только о том, с чем человек выступал перед обществом. Грязного белья я никогда не трогала. Не сообщала, например, что пан Н. Н. имеет любовницу или что он там-то и там-то был в пьяном виде. Для меня достаточно было сообщить, что он выступал с тем-то и с тем-то.

В посмертном воспоминании, которое посвятил мне мой «приятель», я именуюсь пьяницей и акробатом в жизни. Использовано здесь и словечко «шут». Но «Гашек-шашек»¹ — так меня дразнили на улице еще в детстве, до того, как я начала ходить в школу. Поэтому меня это слово не удивило. Было там также, что у «шашека Гашека» пухлые детские руки. Я быстренько заглянула дальше, не указано ли еще, что у меня под ногтями грязь и когда я в последний раз мыла ноги. Но этот исторический факт там вообще не был упомянут.

В полночь я забралась в каморку к автору пасквиля. Он лежал на постели в ботинках и храпел изо

¹ Ш а ш е к — по-чешски шут.

всех сил. Очень мне хотелось дать ему здоровую пощечину, так, чтобы за его злоязычными устами не осталось ни одного зуба. Но, поскольку я была мертвой, а мое тело с перебитыми пухлыми руками лежало во Владивостоке, я так ничего и не сделала моему «приятелю».

С некрологом под саваном полетела я снова к небу. Перед входом уже не было такой давки, как раньше. Слышалась главным образом русская речь. Одна душенька спросила меня:

— Ты откуда?

— Из Владивостока.

— Большевик или белогвардеец?

— Я большевик или белогвардеец, как тебе нравится, — ответила я весьма дипломатично.

— А что с тобой случилось? Чрезвычайка?

Я осторожно вытащила свой некролог и с вежливой улыбкой показала его спрашивающей душе: «Читайте!»

Душенька прочитала, покачала головой, вынула из кармана завернутый в промасленную газетную бумагу кусок хлеба, подсунула газету к моим глазам и насмешливо расхохоталась:

— Так мы, значит, земляки. Я — Коуделка из Вршовиц. А ну-ка, почитай, что тут написано.

Я несмело посмотрела на бумагу. В глаза мне бросилась заметка «Слухи о мнимой смерти Ярослава Гашека».

Там было написано, что Ярослав Гашек, возможно, действительно опился, но что это не было еще в последний раз. В общем, известие о моей смерти было опровергнуто.

У меня от горя затряслись колени, и я стрелой помчалась прямо во Владивосток. Улетая, я еще успела услышать, как душенька из Вршовиц кричала мне вслед:

— Шляются тут возле порядочных людей всякие проходимцы!

Совсем упав духом, пристроилась я к своему телу. Оно уже начало попахивать. Я грустно посмотрела на свой высокий лоб, на прчятный нос, и было мне очень горько, что в некрологе писалось только о моих руках.

Слезы брызнули из моих глаз — пришлось высморкаться в саван. Мне стало вдруг так обидно, что мое тело убили матросы, и я громко воскликнула: «Боже, каждый

имеет после смерти покой, и только я — нет! А ведь был он такой приятный человек, этот пан Гашек — так, во всяком случае, нам с ним казалось, и так мы с ним дружно жили!»

Вдоволь нагоревавшись, взвалила я свое троекратно мертвое тело на спину и отправилась с ним по свету.

На первом же углу улицы бросился мне в глаза ордер на арест, отпечатанный на большом плакате. Прочитав его, я поняла, что речь идет обо мне и о том, что я несу на своей спине. Сложила я тогда свои останки под этот ордер, села сама напротив и стала ждать, когда кто-нибудь окончательно уберет меня со света.

Вскоре меня застрелили и повесили за государственную измену. На этот раз я имела уже официальный документ (чешско-немецкий, а не немецко-чешский) и была допущена наконец за врата вечности.

Здесь меня ожидал допрос:

— Кем была при жизни?

Покраснев и потупившись, я ответила:

— К тридцати пяти годам я имела за собой восемнадцать лет прилежной плодотворной работы. До 1914 года я наводняла своими сатирами, юморесками и рассказами все чешские журналы. У меня был широкий круг читателей. Я заполняла целые номера юмористических журналов, прикрываясь всевозможными псевдонимами. Но мои читатели в большинстве случаев меня узнавали. Поэтому я наивно считала себя писателем.

— К чему эти длинные рассуждения! Кем была на самом деле?

Я смутилась, нащупала в кармане некролог и выкрикнула в замешательстве:

— Извините, пьщницей с пухлыми руками!

— Откуда родом?

— Мыдловары, округ Глубока.

— Родилась?

— В 1883-м.

Тут меня поглотило море вечности...

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые в настоящем томе произведения Гашека 1914—1922 годов раскрывают сложный путь, пройденный им за это время и тот перелом в жизни и творчестве писателя, который был связан с его участием в первой мировой войне и гражданской войне в России.

Основные этапы творческого пути Гашека этих лет, различные как по своей политической направленности, так и по особенностям художественного воплощения сатирического замысла, отражены в принятой нами периодизации его творчества.

Рассказы 1914—1915 годов дают представление об антиклерикальной сатире Гашека («Урок закона божьего» и др.), о сатирическом обличении бюрократического государственного аппарата и буржуазных партий («Дело о взятке практиканта Бахуры», «Букетик незабудок на могилу национально-социальной партии»).

Они существенно дополняют созданную писателем на протяжении пятнадцати довоенных лет «сатирическую энциклопедию» жизни чешского народа под властью австрийской монархии.

В начале 1915 года Гашек был призван в армию и в скором времени отправлен на фронт, где, воспользовавшись первым же удобным случаем, сдался в плен русским (24. IX. 1915). После нескольких месяцев пребывания в лагерях для военнопленных весной 1916 года он вступил в Чешскую дружину¹ и вскоре стал ведущим сотрудником газеты «Чехослован», издаваемой киевским отделением Союза чехословацких обществ в России.

Рассказы 1916—1917 годов, как и вся политическая и журналистская деятельность писателя в это время, служили одной цели — мобилизации всех сил чехословацкого движения в России на разгром Австро-Венгрии. Отсюда острота обличения австрийской монархии («Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I», «Карл был в Праге») и всех уклоняющихся от вооруженной борьбы против нее («Судьба пана Гурта»).

Из напечатанного Гашеком в «Чехословане» публикуются лишь лучшие рассказы, в которых с наибольшей силой проявился его сатирический талант, не скованный теперь австрийской цензурой.

¹ К сентябрю 1917 года чехословацкие воинские части, так называемые легионы, выросли в крупную военную силу — Отдельный Чехословацкий корпус численностью до 30 тыс. человек.

Остальная часть творчества Гашека легионерских лет — в большинстве своем агитационная публицистика — представляет в настоящее время лишь исторический и биографический интерес.

Октябрьская революция и вызванный ею размах революционного движения в Европе содействовали освобождению мировоззрения писателя от влияния буржуазного национализма. В феврале 1918 года, когда командование корпуса, заняв явно контрреволюционные позиции, поставило все чехословацкое войско под «охранную руку» Антанты, писатель порвал с легионами и переехал из Киева в Москву.

В марте 1918 года Гашек стал членом Коммунистической партии и вступил в Красную Армию. После недолгого сотрудничества в газете чехословацких левых социал-демократов «Прукопник», он по заданию партийной организации выехал в Самару для агитационной работы среди легионеров. Здесь Гашек и возглавляемая им группа печатали воззвания и листовки, проводили митинги, сформировали интернациональный отряд Красной Армии, создали местную партийную организацию.

Когда началась контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса и белочехи овладели Самарой (8. VI. 1918), Гашек задержался в городе, уничтожая документы, которые не должны были попасть в руки врагам, и вынужден был в одиночку пробиваться к своим. Позднее он описал свое блуждание по захваченной белогвардейцами Самарской губернии в неоконченном рассказе «Юбилейное воспоминание».

Новая, подлинно героическая полоса жизни Гашека, связанная с его политической работой в Красной Армии в самые опасные для молодой Советской республики годы, началась с прибытием в Симбирск.

В середине октября 1918 года Реввоенсовет Восточного фронта направил Гашека «организатором» в Бугульму, где писатель вскоре стал помощником военного коменданта города, а в январе 1919 года Политотдел 5-й армии назначил его заведующим типографией газеты «Наш путь», которая начала выходить в освобожденной от белых Уфе.

Первый редактор «Нашего пути» В. В. Сорокин писал о появлении Гашека в редакции:

«...Внешне скромный, внимательный, лет 35—38 на вид, Гашек производил впечатление культурного и прямого человека, меткого на слово, знающего и любящего газетную работу...

...Он быстро наладил своевременный выпуск армейской газеты и вскоре принял в ней деятельное участие как автор фельетонов на политические и злободневные темы». (Вас. Сорокин. Воспоминания о Ярославе Гашеке. «Славяне» № 6, 1957, стр. 43).

Статьи и фельетоны во фронтовой печати (1919—1920) Гашек писал по-русски.

Из обширного наследия Гашека — фронтового журналиста мы публикуем наиболее значимые фельетоны и те статьи, которые в сборниках произведений писателя еще не печатались.

Сотрудничество в армейских газетах было далеко не единственной, хотя и очень важной стороной политической работы

Гашека. По его инициативе все коммунисты-иностранцы, служившие в 5-й армии или находившиеся в районе ее действий, были объединены в единую организацию — «Иностранную партию коммунистов», секретарем которой был избран Гашек; он же стал и редактором газеты этой партии «Красная Европа».

В сентябре 1919 года Гашек был назначен заведующим Иностранной секцией Политотдела 5-й армии, а несколько позднее (после преобразования секции в Интернациональное отделение) — начальником Интернационального отделения и редактором его печатных органов.

Проведение собраний, митингов, бесед, субботников, печатание (на нескольких языках) газет, воззваний, листовок, политической литературы, организация политучебы, формирование интернациональных отрядов Красной Армии, подготовка иностранцев к отправке на родину — все это находилось в ведении Интернационального отделения.

Но наилучшее представление обо всем объеме работы Гашека дает его письмо из Иркутска 17. IX. 1920 к председателю Чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) Салату Петрику:

«Если бы я захотел рассказать и написать, какие я занимал «должности» и что вообще делал, не хватило бы всего имеющегося у нас в Иркутске небольшого запаса бумаги. Сейчас я, например, начальник организационно-осведомительного отдела 5-й армии...

Кроме того, я редактор и издатель трех газет: немецкой «Штурм», в которую сам пишу статьи; венгерской «Рогам», где у меня есть сотрудники, и бурято-монгольской «Ур» («Заря»), в которую пишу все статьи, не пугайся, не по-монгольски, а по-русски, у меня есть свои переводчики. Сейчас на мне еще сидит РВС Армии (Революционный Военный Совет), требуя, чтобы я издавал китайско-корейскую газету...

...Мне всегда дают очень много работы, и, когда я думаю, что уже больше никто ничего не сможет изобрести, что бы я мог еще сделать, появляются обстоятельства, которые опять принуждают работать еще и еще. Я вообще не ропщу, потому что все это нужно для революции...»

В этой обстановке напряженной, самоотверженной, «нужной для революции» работы рождались и зажигательные статьи Гашека, полные веры в скорое торжество мировой революции («Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?»), и язвительные фельетоны, посвященные потерпевшим крах интервентам и прогоревшим белогвардейским генералам («Англо-французы в Сибири», «Вопль из Японии»), и деловые заметки о неотложных практических вопросах политической работы в армии («Чем болен аппарат экспедиции»). Без богатейшего опыта революционной борьбы, который приобрел писатель на фронтах гражданской войны в России, он не смог бы создать своей гениальной народной эпопеи о brave солдате Швейке.

По решению высших чехословацких партийных органов в России, которые предполагали использовать Гашека на партийной работе в Кладно, он в конце декабря 1920 года вернулся на родину. К этому времени волна революций, прокатившаяся по всей Евро-

пе, начала спадать. В Чехословацкой республике установилась диктатура буржуазии, которой удалось разгромить массовое декабрьское выступление чешских рабочих и заточить в тюрьмы руководителей кладненских горняков. В этих условиях Гашек не имел возможности приступить к партийной работе в Кладно. Тем более, что еще не утратил силы ордер на его арест, выданный в июле 1918 года военно-полевым судом чехословацкого войска в Омске (см. «Душенька Ярослава Гашека рассказывает...»). За ним была установлена постоянная слежка тайной полицией (см. «Донесения агента государственного розыска Яндака»). Не встретил Гашек поддержки и со стороны левых социал-демократов, знавших его только по довоенной деятельности. В довершение всего непрерывную травлю писателя вела буржуазная и право-социалистическая печать, обвиняя его в измене родине, убийстве легионеров и прочих «смертных грехах» (см. «Моя исповедь»).

Укрывшись под маской «старого довоенного Гашека» — завсегдатая трактиров и пивных, писатель начал тяжелую борьбу за свое существование и за те идеалы, которые еще так недавно он отстаивал с оружием в руках.

Появляется серия его *рассказов и фельетонов (1920—1922)*, вскрывающих антинародный, буржуазный характер Чехословацкой республики («Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа», «Какие я писал бы передовицы, если б был редактором правительственного органа», разоблачающих клевету буржуазной печати на Советскую Россию, на большевиков и на него как «красного комиссара» («Идиллия винного погребка», «Генуэзская конференция и «Народни листы»)).

Особое место в послевоенном творчестве Гашека занимают рассказы, созданные на основе воспоминаний о работе в Советской России.

Первое время Гашека буквально осаждали буржуазные издатели, требуя сенсационных разоблачений большевиков и суля высокие гонорары, но обширный цикл его юморесок о Бугульме, которому он дал иронический подзаголовок «О тайнах моего пребывания в России», ни в какой степени не оказался «лакомым куском» для жаждущей сенсаций о «зверствах большевиков» буржуазной публики.

В веселой, непринужденной манере, совмещая очень точно описанные бытовые детали с гротескным изображением характеров и ситуаций, Гашек воссоздает напряженную обстановку прифронтового города, первые шаги Советской власти, борьбу с белогвардейщиной, преодоление внутренних трудностей в рядах Красной Армии, связанных с изживанием партизанщины, анархии и самоуправления.

Мастерство Гашека — художника-сатирика и юмориста, с таким блеском проявившееся в бугульминском цикле, сближает рассказы этого цикла с романом «Похожения бравого солдата Швейка», который достойно завершает его многолетний и многотрудный путь человека и писателя.

РАССКАЗЫ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

РАССКАЗЫ 1914 — 1915

ПЕРЕД УХОДОМ НА ПЕНСИЮ

«Дельницка бесидка» — приложение к газете «Право лиду» № 4, 24. I. 1914 г.

«Право лиду» — центральный орган социал-демократической партии.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 6. ...она не знала аориста.— *Аорист* — особая глагольная форма прошедшего времени в некоторых языках (старослав., древн. греч.).

Стр. 8. ...во времена Иосифа Прекрасного так досаждали Египту.— То есть в библейские времена. Согласно Библии, Иосиф Прекрасный, сын патриарха Иакова, был продан своими братьями в Египет, где достиг высокого положения при дворе фараона.

ПОСТНЫЙ ДЕНЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ ДОМЕ

«Весела Прага» № 3, 1. III. 1914 г.

«Весела Прага» — юмористический ежемесячный журнал бульварного типа, издавался в 1905—1916 годах.

БУКЕТИК НЕЗАБУДОК НА МОГИЛУ
НАЦИОНАЛЬНО-СОЦИАЛЬНОЙ ПАРТИИ

«Копршивы» № 6, 26. III. 1914 г.

«Копршивы» («Крапива») — социал-демократический сатирический еженедельный журнал. Начал выходить с 1909 года.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 14. ...брат *Шефрна*.— Члены национально-социальной партии называли друг друга «братьями».

«Ческе слово» — газета, центральный орган национально-социальной партии, начала выходить с 1907 года. Гашек работал в ней с ноября 1911 по февраль 1912 года.

Д-р Карел Швига — депутат парламента и земского сейма от национально-социальной партии. В марте 1914 года газета «Народни листы» выступила с разоблачением Швига как многолетнего платного агента пражской тайной полиции, что было подтверждено документами и свидетельскими показаниями. Швига подал на газету в суд, обвиняя редакцию в клевете и оскорблении личности. Но реабилитировать себя ему не удалось: дело кончилось тем, что его лишили депутатского мандата и он вынужден был даже сменить фамилию.

Стр. 15. «Свет звиржат» («Мир животных») — научно-популярный журнал, издававшийся с 1897 года Вацлавом Фуксом. Гашек был редактором этого журнала в 1909—1910 годах.

Стр. 16. ...но я опаздываю на поезд.— Намек на первоначальное заявление Швиги, что он не имеет времени заняться обвинениями, выдвинутыми против него газетой «Народни листы», так как «торопится на поезд, на котором должен ехать за своей семьей» в Адрию.

«Злата гуса» — гостиница и ресторан на Вацлавской площади в Праге; некоторое время была резиденцией руководства национально-социальной партии.

Стр. 17. Национальный Совет был основан в 1900 году, состоял из представителей буржуазных националистических партий.

Депутаты от национально-социальной партии.— Депутаты парламента: Война, Стршибрный, Фресл, Клофач, Хоц, Лысый, Гюбшман.

Гатина, Алоис — депутат парламента от национально-социальной партии и редактор молодежной газеты этой партии «Младе проуды» (1901—1909), которая систематически вела антимилицаристскую пропаганду. За свою антимилицаристскую деятельность Гатина был в 1911 году присужден к двухгодичному тюремному заключению.

«Боуда» — известный в то время ресторан на Целетной улице.

Стр. 18. Симоидес, Алоис; Богач, Вацлав — руководящие работники аппарата национально-социальной партии.

Стр. 19. ...в государственной тайной полиции есть Славичек и национально-социальная партия также имеет Славичка.— Славичек, Карел — полицейский чиновник, «прославившийся» преследованиями чешских патриотов и социалистов. Славичек, Ян — депутат парламента от национально-социальной партии.

КОЕ-ЧТО О СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТАХ

Газета «Право лиду» № 96, 7.IV.1914 г.

На русский язык переводится впервые.

УРОК ЗАКОНА БОЖЬЕГО

Журнал «Копршивы» № 7, 9.IV.1914 г.

РОМАН БОЖЕНКИ ГРАФНЕТРОВОЙ

Журнал «Гумористицке листы» № 15, 24, IV.1914 г.

Стр. 29. ...законченной суфражисткой.— Движение суфражисток, требовавших предоставления женщинам избирательных прав, возникло в Англии во второй половине XIX века.

...вели себя хуже башибузуков.— Борьба суфражисток нередко носила скандальный характер.

Стр. 31. «...и вовсе не прекрасная».— Речь идет о героях трагедии Гете «Фауст»; Гретхен отвергает обращение к ней Фауста «барышня», поскольку так называли лишь девушек дворянского происхождения, а она принадлежала к мещанскому сословию.

...против рыжих детей Генриха.— Английский король Генрих VI; в ходе Столетней войны с Францией в руки англичан по-

пала преданная французскими феодалами народная героиня Франции Жанна д'Арк («Орлеанская дева»).

Стромовка — парк в Праге на левом берегу Влтавы, бывший королевский лес-заповедник.

Стр. 32. *Смихов* — рабочий район в Праге на левом берегу Влтавы.

КАК Я ТОРГОВАЛ СОБАКАМИ

Журнал «Светозор» № 31, 17.IV и № 33, 1.V. 1914 г.

Рассказ основан на подлинных фактах из биографии Гашека. Уволенный из редакции журнала «Свет звиржат», Гашек открыл собственную контору по продаже собак, дав ей наименование «Кинологический институт». Но, не обладая ни в малейшей степени коммерческими способностями, писатель вскоре потерпел на этом поприще полное крушение.

Стр. 39. ...собака была из *Жижкова*. — *Жижков* — окраинный рабочий район Праги на правом берегу Влтавы, а Школьная улица, где *Чижек* якобы купил собаку, находится на другом конце города.

Стр. 40. *Брандыс* — небольшой городок недалеко от Праги.

ДЕЛО О ВЗЯТКЕ ПРАКТИКАНТА БАХУРЫ

Журнал «Копршивы» № 10, 21.V. 1914 г.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 44. *Мала Страна* — один из старейших районов Праги, расположенный на левом берегу Влтавы.

Стр. 45. ...господин *Любош Ержабек* мог бы порадоваться этому. — *Ержабек* — депутат чешского сейма; много внимания уделял охране памятников старины.

СТРАСТНОЕ ЖЕЛАНИЕ

«Дельница бесидка» — приложение к газете «Право лиду» № 21, 24.V. 1914 г.

Стр. 52. *Фома Кемпийский* (1379—1471) — средневековый писатель-богослов, автор ряда религиозных трактатов («О подражании Христу» и др.), проповедовавших смирение и аскетизм.

МАЛЕНЬКИЙ ЧАРОДЕЙ

Журнал «Гумористицке листы» № 21, 5.VI. 1914 г.

РАССКАЗ О МЕРТВОМ ИЗБИРАТЕЛЕ

Журнал «Копршивы» № 13, 2.VII. 1914 г.

Стр. 62. *Либень* — поселок с большим количеством промышленных предприятий, в настоящее время — район Праги.

Стр. 63. «*Свадебные рубашки*» — баллада чешского поэта К. Я. Эрбена (1811—1870).

СТРАДАНИЯ ВОСПИТАТЕЛЯ

Журнал «Гумористичке листы» № 32, 14.VIII.1914 г.

Стр. 66. ...от Бероуна до Пршибрама.— Расстояние между этими городами — 35 км.

Стр. 68. «*Quo vadis?*» («Куда идешь?») — название исторического романа из эпохи раннего христианства известного польского писателя Г. Сенкевича (1846—1916). На русский язык роман был переведен под заглавием «Камо грядеши?».

Стр. 69. Горжовице — небольшой городок в 20 километрах от Бероуна.

ОПАСНЫЙ РАБОТНИК

Журнал «Гумористичке листы» № 34, 28.VIII.1914 г.

Стр. 73. ...чем сидеть в «Унионке». — Кофейня «Унион» (или «Унионка») находилась на проспекте Фердинанда (теперешний Национальный проспект) в Праге.

ЖЕРТВА УЛИЧНОЙ ЛОТЕРЕИ

«Юмористический календарь Вилимка на 1915 год», Прага, Й. Р. Вилимек, стр. 57—59.

Стр. 83. ...пожертвует эти гроши на Матицу.— «Матица чешка» — чешское патриотическое общество, ставившее своей задачей развитие чешской национальной культуры; основано в 1813 году.

СЫСКНАЯ КОНТОРА ПАНА ЗВИЧИНЫ

Журнал «Гумористичке листы» № 5, 29.I.1915 г.

Стр. 87. ...плетет корзинки в Панкраце — то есть сидит в тюрьме Панкрац и выполняет принудительную арестантскую работу.

Стр. 89. Олоферн, Юдифь.— Согласно библии, Юдифь спасла еврейский народ во время осады крепости Ветилуи, отрубив голову Олоферну, военачальнику вавилонского царя Навуходоносора.

МОЯ ДОРОГАЯ ПРИЯТЕЛЬНИЦА ЮЛЬЧА

Журнал «Злата Прага» № 28, 23.IV; № 29, 30.IV; № 30, 7.V.1915 г.

Стр. 91. ...зверем, описанным в Апокалипсисе.— Апокалипсис — древнейшее раннехристианское произведение, содержащее, в частности, описание фантастического устрашающего образа «зверя».

РАССКАЗЫ 1916—1917

СУДЬБА ПАНА ГУРТА

Газета «Чехослован» (Киев) № 17, 10.VII.1916 г.

На русский язык переводится впервые.

Стр. 110. ...пообещали *шпангле*.—Шпангле (нем.)—кандалы. Правая рука наказуемого приковывалась на короткую цепь к левой ноге.

Стр. 112. ...о *зверинце в Шёнбрунне*.—Шёнбрунн—императорский дворец близ Вены, резиденция австрийских императоров. В дворцовом парке находился небольшой зверинец.

Гашек отождествляет шёнбруннский зверинец с императорским домом.

ПОВЕСТЬ О ПОРТРЕТЕ ИМПЕРАТОРА ФРАНЦА-ИОСИФА I

Газета «Чехослован» № 18, 17.VII.1916 г.

Стр. 115. «*Народни политика*»—правая буржуазная, широко распространенная газета; издавалась с 1883 по 1945 год.

«*Глас народа*»—буржуазный еженедельник партии старочехов, издававшийся Й. Е. Баштиржем.

Стр. 118. ...*сражался за Австрию под Кустоццей*.—В битве у Кустоцци—селение в Ломбардии—24.VI.1866 г. австрийские войска нанесли решительное поражение итальянской армии.

ИТОГ ПОХОДА КАПИТАНА АЛЬЗЕРБАХА

Газета «Чехослован» № 21, 7.VIII.1916 г.

Стр. 122. *Бардейов*—город в северной Словакии, недалеко от Дукельского перевала.

ПО СТОПАМ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ

Газета «Чехослован» № 23, 21.VIII.1916 г.

Стр. 123. ...*получить разрешение торговать в табачной лавке*.—В Австро-Венгрии существовала государственная монополия на торговлю табаком. Право торговать в табачных лавочках (трафиках) обычно давалось инвалидам войны.

Стр. 125. ...*был пьян так, как это полагалось по закону*—то есть был пьян до такой степени, что мог быть официально признан невменяемым, а тем самым не отвечающим за свои поступки.

Стр. 126. «*Худяс*» («Бедняк»), «*Нова Омладина*» («Новая Молодежь») — Газеты, издававшиеся анархистами. Гашек сотрудничал в них в 1906—1907 годах.

Стр. 127. *Опоченский и Розенцвейг-Муар*—Опоченский, Густав (1881—1949)—чешский поэт и писатель, друг Гашека, написавший о нем книгу воспоминаний «Четверть столетия с Ярославом Гашеком» (Вимперк, 1948). *Розенцвейг-Муар*— малоизвестный чешский поэт, близкий к анархистам, приятель Гашека.

Стр. 129. *Меня зовут Александр Машек*.—Александр Машек—реальное лицо, агент пражской тайной полиции и провокатор, считался «специалистом» по анархистскому движению.

ШКОЛА ДЛЯ СЫЩИКОВ

Газета «Чехослован» № 43, 22.X.1917 г.

Стр. 131. *Арестовав добродушного анархиста Каху...*—Каха,

Михал — известный чешский анархист. Издавал газету «Праце» («Труд»).

...при покойном *Кршикаве*.— *Кршикава* был до войны директором пражского полицейского управления.

...значение битвы при *Белой горе*.— В битве при *Белой горе* в 1620 году чешские войска потерпели поражение от армии Фердинанда II Габсбурга, и Чехия на несколько столетий утратила свою государственную независимость.

Стр. 132. ...могли бы вчера прочесть в «*Политичке*» — газета «Народни политика».

...месяц тюрьмы с двумя постными днями.— В Австрии существовало наказание: заключенного два раза в месяц оставляли без пищи.

Стр. 134. ...о казнях на *Староместской площади*.— Двадцать семь руководителей восстания 1618 года были казнены императором Фердинандом II 21 июня 1621 года на *Староместской площади* в Праге после поражения чехов у *Белой горы*.

КАРЛ БЫЛ В ПРАГЕ

Газета «Чехослован» № 44, 29.X.1917 г.

Стр. 137. ...*Чешского университета*.— Указом австрийского правительства от 10 апреля 1881 года *Пражский университет* был разделен на два — чешский и немецкий.

Стр. 138. ...*Павел Киш из «Богемии»*.— «*Богемия*» — немецкая газета шовинистического характера, издававшаяся в Праге с 1857 года. В годы 1906—1913 в ней работал известный немецкий писатель и журналист («Неистовый репортер») Эгон Эрвин Киш (1885—1948), а не Павел Киш, как ошибочно пишет Гашек.

Стр. 140. «*Чех*».— Газета «*Чех*» (1869—1932) — главный печатный орган чешского клерикализма.

Стр. 141. *Д-р Браф*, Альбин — профессор университета, министр в кабинете Бинерта (1908—1911).

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Газета «Чехослован» № 47, 19.XI.1917 г.

Стр. 144. «*Нейе Фрейе Прессе*».— Венская буржуазная газета либерального направления, основана в 1864 году.

...барон *Гауч*, фон Франкентурн, Пауль (1851—1918) — австрийский реакционный государственный деятель, в 1897—1898 и в 1905—1906 годах — премьер-министр Австрии.

...граф *Бадени*, Казимир Феликс (1846—1909).— Австрийский государственный деятель, в 1895 году — премьер-министр Австрии. Пытался смягчить национальные противоречия. Политика Бадени вызвала открытое сопротивление со стороны пангерманистов. В ноябре 1897 года он вынужден был выйти в отставку.

Стр. 149. ...к *полицейскому советнику Оличу*.— Полицейский советник Олич был членом подпольного антиавстрийского общества.

РАЗГОВОР С ГОРЖИЦКИМ ОКРУЖНЫМ НАЧАЛЬНИКОМ

Газета «Чехослован» № 48, 26.XI.1917 г.

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ В СОВЕТСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ 1919—1920

В статьях и фельетонах Гашека, которые он писал по-русски, полностью сохранена орфография и особенности написания оригинала.

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУЯ

«Наш путь» № 3, 14.I.1919 г.

Газета «Наш путь», орган Политотдела 5-й армии Восточного фронта. начала выходить 11 января 1919 года в Уфе.

«Из дневника уфимского буржуя» — первый фельетон Гашека, опубликованный в советской печати, и первый, написанный им по-русски.

Стр. 155. *Народная армия* — так белогвардейцы называли свою контрреволюционную армию.

Вильсон, Вудро (1856—1924) — президент США в годы 1913—1921, один из главных вдохновителей и организаторов вооруженной интервенции и блокады Советской России в 1918—1920 годах.

Стр. 156. *...Братья-чехословаки...* — Обращение «брат» было принято в чехословацких легионах; оно насаждалось реакционным командованием корпуса в целях маскировки социальных противоречий внутри чехословацкого войска. Гашек употребляет это обращение в ироническом смысле.

ТРАГЕДИЯ ОДНОГО ПОПА

Газета «Наш путь» № 6, 17.I.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 158. *...генерал Войцеховский...* — царский офицер, командир III полка чехословацкого корпуса, колчаковский генерал.

УФИМСКИЙ ИВАН ИВАНОВИЧ

Газета «Наш путь» № 31, 16.II.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 161. *Дугов А. И. (1864—1921)* — полковник генерального штаба царской армии, белогвардейский атаман Оренбургского казачьего полка, дважды поднимавший на восстание кулацкие слои оренбургского казачества. После разгрома своей армии в начале 1920 года бежал в Китай.

ТВОРЧЕСТВО ЭСЕРОВ

Газета «Наш путь» № 39, 26.II.1919 г.

Стр. 163. «Армия и народ», «Уфимский вестник» — эсеровские белогвардейские газеты.

Стр. 164. ...восстановить связь с коалицией Согласия — то есть со странами Антанты — блока империалистических государств (Англии, Франции и России). После победы Октябрьской революции державы Антанты начали вооруженную интервенцию в Советскую Россию.

ЗАМОРОЖЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ

Газета «Наш путь» № 46, 6.III.1919 г.

ОБ УФИМСКОМ РАЗБОЙНИКЕ, ЛАВОЧНИКЕ БУЛАКУЛИНЕ

Газета «Наш путь» № 49, 9.III.1919 г.

ИЗ ДНЕВНИКА УФИМСКОГО БУРЖУА

Газета «Наш путь» № 54, 22.III.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Этот фельетон является продолжением первого фельетона Гашека («Из дневника уфимского буржуа»), опубликованного в «Нашем пути» 14.I.1919 года. Слово «буржуа» вместо «буржуя» употреблено самим автором.

ДНЕВНИК ПОПА МАЛЮТЫ

Газета «Красный стрелок» № 63, 9.VII.1919 г.

«Красный стрелок» — орган Политотдела 5-й армии; так была переименована газета «Наш путь», под новым названием начала выходить с 15.IV.1919 года.

Печатается по тексту газеты.

В МАСТЕРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Газета «Красный стрелок» № 80, 29.VII.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 177. ...занят комитетом Иностранной партии (коммунистов-большевиков). — Иностранная партия коммунистов (большевиков) была создана по инициативе Гашека в январе 1919 года в Уфе. Она объединяла всех коммунистов-иностранцев, служивших в 5-й армии. Гашек был избран секретарем новой организации.

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ В СИБИРИ

Газета «Красный стрелок» № 106, 6.IX.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 179. ...«Маньчжурия Дей Нью».— Слово «Маньчжурия» Гашек пишет по-разному: «Манджурия», «Манчжурия». Мы ввели однообразное написание— в соответствии с принятым в настоящее время — «Маньчжурия».

...на политическом рынке Лиги народов.— Лига наций создана в 1919 году на Парижской мирной конференции держав-победительниц в первой мировой войне. Вопреки принятому на конференции уставу, определявшему деятельность Лиги в качестве инструмента мира, фактически она превратилась в антисоветское орудие в руках англо-французских империалистов. В дальнейшем тексте Гашек называет ее то «Лигой народов», то «Лигой наций».

ВОПЛЬ ИЗ ЯПОНИИ

Газета «Красный стрелок» № 123, 26.IX.1919 г.

Печатается по тексту газеты.

Стр. 183. *Клемансо, Жорж Бенжамен (1841—1929)* — французский реакционный политический деятель, в годы 1906—1920 неоднократно возглавлял французское правительство, один из главных организаторов интервенции и гражданской войны в России.

Ллойд Джордж, Давид (1863—1945) — английский государственный деятель, лидер либералов, с 1916 по 1922 год — премьер-министр Великобритании. Играл значительную роль в подготовке английским империализмом первой мировой войны. Был одним из организаторов вооруженной интервенции и блокады Советской России, добивался ее расчленения.

ЧТО СТАНЕТ С ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ?

Впервые опубликовано 11.I.1920 года в газете «Всемирная революция» («Вилагфоррадалом»), издававшейся Иностранной секцией Политотдела 5-й армии в Омске на русском и венгерском языках. Статья была написана Гашеком по-русски. Долгое время о ее существовании не знали ни советские, ни чешские исследователи Гашека, и лишь недавно она была обнаружена историком Ю. Н. Щербаковым в журнале венгерских политэмигрантов в СССР «Шарло эш Калапач» («Серп и Молот») № 7, 1932 г. (на венгерском языке). Перевод с венгерского сделан по тексту журнала.

Стр. 184. ...*Карл Габсбург бежал.*— *Карл I Габсбург (1887—1922)* — после смерти Франца-Иосифа I — австрийский император (1916—1918). С распадом Австро-Венгрии и созданием Чехословацкой республики был лишен престола и бежал за границу. В 1921 году дважды пытался произвести монархический переворот в Венгрии; был интернирован Антантой на острове Мадейра, где и умер.

Немец и Виктор — представители правого крыла чешской социал-демократической партии.

Доктор Крамарж, профессор Масарик.— *Крамарж, Карел*

(1860—1937) — крупный чешский фабрикант и политический деятель; в Австро-Венгрии — депутат от младочешской партии в австрийском парламенте, после 28.X.1918 года — премьер-министр первого правительства Чехословацкой республики. *Масарик*, Томаш Гарриг (1850—1937) — чешский политический деятель. В 1882—1914 годах — профессор философии Пражского университета. Основатель либерально-буржуазной «Чешской народной (реалистической) партии» (1900). В 1914 году эмигрировал из Австро-Венгрии, возглавив за границей чешские эмигрантские организации. Создавал в странах Антанты чехословацкие воинские части. С 1920 по 1935 год — президент Чехословацкой республики.

Стр. 186. ...в Кладно... образовался Рабочий совет.—Под влиянием Октябрьской революции в крупных промышленных центрах Австро-Венгрии с конца 1917 года стали возникать первые Рабочие советы (в Вене, Будапеште, Праге); 18 ноября 1917 года был создан Окружной рабочий совет в Кладно. Летом 1919 года кладненские горняки организовали Объединенный районный Совет рабочих депутатов, который установил свой контроль над всей Кладненской областью. Без согласования с ним местные органы власти, войска и полиция не могли предпринимать никаких действий.

ЖЕРТВА НЕМЕЦКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

«Рогам-Штурм» № 8, 10. IV.1920 г.

Газета «Рогам-Штурм», печатавшаяся на немецком и венгерском языках, издавалась Иностранной секцией Политотдела 5-й армии, с 8-го номера — Интернациональным отделением Политотдела 5-й армии в Красноярске. Гашек был ответственным редактором второй газеты.

Перевод сделан с немецкого оригинала.

Стр. 188. ...генерал фон Тирпиту освободил Берлин.—Альфред фон Тирпиту (1849—1930) — один из реакционнейших представителей германского империализма. Вместе с упоминающимся ниже помещиком-монархистом Вольфгангом фон Каппом (1858—1922) возглавлял контрреволюционный переворот в Германии в марте 1920 года — «капповский путч», ликвидированный единодушным выступлением немецкого рабочего класса.

Стр. 189. Сохрани нам, боже правый, Цезаря и отчий край! — начальная строка австрийского монархического гимна.

...черной и желтой.— Цвета австрийской монархии.

ЧЕШСКИЙ ВОПРОС

«Власть труда» № 132, 21. IV.1920 г.

Газета «Власть труда» — орган Иркутского Губернского Комитета РКП(б) и Иркутского Революционного Комитета.

Стр. 190. ...генерал Жанен Морис — в годы первой мировой войны глава французской военной миссии при царской ставке, во время гражданской войны — командующий войсками интервентов в Сибири.

Договор чехо-войск с представителями Советской власти.— Соглашение о перемирии между командованием 5-й армии и командованием чехословацкого корпуса было подписано 7.II.1920 года. По условиям соглашения советское командование обеспечивало быстрое завершение эвакуации корпуса, чехословацкое же командование обязывалось прекратить всякую помощь белогвардейским частям, воюющим против Советской республики.

...Солдаты встретили офицеров...лозунгом «добот».— В чешском языке есть простонародное разговорное выражение «праскноути до бот» (prásknouťi do bot), соответствующее русскому «удрать». Оказавшиеся в Сибири в безвыходном положении, уставшие, морально опустошенные, разуверившиеся в своем начальстве, солдаты чехословацкого корпуса мечтали лишь об одном — «удрать» скорее домой. Тогда-то в солдатской массе и родился лозунг «Дó бот Сибирж!» («Прочь из Сибири!»), или даже просто «Дó бот!», который Гашек переводит словом «наплевать».

Стр. 191. *...так называемый Центр...*— Речь идет о созданном в Иркутске после разгрома Колчака эсеро-меньшевистском Политическом центре, который усиленно поддерживался интервентами, но, просуществовав всего несколько дней (от 4.I до 22.I.1920 г.), был вынужден сдать свою власть Иркутскому Ревкому.

К ПРАЗДНИКУ

Газета «Красный стрелок» № 125, 27.VI.1920 г.

Статья была написана Гашеком в связи с предстоящим вручением 5-й армии почетного революционного Красного Знамени ВЦИК.

Печатается по тексту газеты.

БЕЛЫЕ О 5-Й АРМИИ

Газета «Красный стрелок» № 167, 15.VIII.1920 г.

Статья посвящена второй годовщине существования 5-й армии Восточного фронта.

ЧЕМ БОЛЕН АППАРАТ ЭКСПЕДИЦИИ

Бюллетень «Вестник Поарма 5» № 2—3, 22.X.1920 г., стр. 21—22.

Печатается по тексту бюллетеня.

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ

1920—1922

ЮБИЛЕЙНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Рассказ был написан Гашеком весной 1921 года, к третьей годовщине с начала его работы в Коммунистической партии

и Красной Армии, отсюда и заголовок — «Юбилейное воспоминание». Он не был закончен. Опубликован в журнале «Гост до дому» (№ 4, 1956).

Стр. 199. ...армия контрреволюционного Учредительного собрания (у Гашека было написано «Национального собрания»).— В 1918 году в Самаре был создан так называемый Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), состоявший из эсеров. Возникший под покровительством иностранных интервентов, Комуч проводил в Поволжье политику террора и репрессий: были уничтожены тысячи людей, подозреваемых в сочувствии большевикам, несколько тысяч брошены в тюрьмы и затем отправлены в Сибирь; из них больше половины погибло в «поездах смерти».

КОМЕНДАНТ ГОРОДА БУГУЛЬМЫ

Газета «Трибуна» № 19, 23.I.1921 г.

Стр. 203. *Комендант города Бугульмы.*— Гашек был в действительности не комендантом, а помощником коменданта города Бугульмы.

Каюров В. Н. (1876—1936) — член большевистской партии с 1900 года, в 1918—1920 годах — заместитель заведующего Политотделом Реввоенсовета Восточного фронта.

Стр. 205. *Жижка, Ян из Троцнова (ок. 1360—1424)* — выдающийся чешский полководец и политический деятель эпохи гуситских войн, национальный герой чешского народа.

АДЪЮТАНТ КОМЕНДАНТА ГОРОДА БУГУЛЬМЫ

Газета «Трибуна» № 25, 30.I.1921 г.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Газета «Трибуна» № 31, 6.II.1921 г.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ

Газета «Трибуна» № 37, 13.II.1921 г.

Стр. 220. *Самбор* и упоминающийся ниже *Сокаль* — города в Галиции.

Стр. 222. *Каппель В. О.* — царский генерал, член штаба адмирала Колчака.

СЛАВНЫЕ ДНИ БУГУЛЬМЫ

Газета «Трибуна» № 39, 16.II.1921 г.

Стр. 223. ...поражением под *Ватерлоо*.— В битве под Ватерлоо (селение в Бельгии) 18.VI.1815 года Наполеон потерпел поражение от англо-голландских и прусских войск под командованием Веллингтона и Блюхера.

НОВАЯ ОПАСНОСТЬ

Газета «Трибуна» № 43, 20.II.1921 г.

ПОТЕМКИНСКИЕ ДЕРЕВНИ

Газета «Трибуна» № 48, 26.II.1921 г.

ЗАТРУДНЕНИЯ С ПЛЕННЫМИ

Газета «Трибуна» № 57, 9.III.1921 г.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

Газета «Трибуна» № 61, 13.III.1921 г.

Стр. 241. ...написал немецкий поэт, завершая одно из своих двустуший.— Речь идет о так называемых «Ксениях» — сатирических двустушиях Гете и Шиллера.

Стр. 242. Сорокин, Василий Васильевич (ум. в 1961) — один из старейших рабочих корреспондентов «Правды» дооктябрьского периода, был первым редактором газеты «Наш путь», затем председателем Ревтрибунала Восточного фронта. Написал о Гашеке воспоминания.

...Каледин А. М. (1861—1918) — генерал царской армии, в конце 1917— начале 1918 года, пользуясь всемерной поддержкой стран Антанты и США, возглавлял контрреволюцию на Дону («каледищина»).

ЧЖЕН-СИ, ВЫСШАЯ ПРАВДА

Газета «Трибуна» № 84, 10.IV.1921 г.

Стр. 246. ...с буфера Восточно-Сибирской республики.— Буферное государство, возникшее в ходе гражданской войны на Дальнем Востоке России, названо Гашеком неточно: речь идет о буржуазно-демократической Дальневосточной республике. Создание этого искусственного («буферного») государства отвечало в то время интересам Советской России, так как предотвращало вооруженное столкновение с Японией, оккупировавшей Дальневосточный край. Дальневосточная республика существовала с 6 апреля 1920 года до 14 ноября 1922 года, когда вошла в состав РСФСР.

Стр. 248. ...времен первой династии.— Первая (ханьская) династия правила в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

...во времена пятой династии.— Годы правления пятой династии (сун) — 960—1279 г. н. э.

И ОТРЯХНУЛ ПРАХ ОТ НОГ СВОИХ...

Газета «Ческе слово» (вечерний выпуск) № 1, 3.I; № 3, 5.I; № 8, 12.I; № 15, 20.I; № 19, 25.I; № 25, 1.II.1921 г.

Стр. 258. ...издавал в окрестностях Ямбура татаро-башкирскую газету.— Ямбург — старое (до 1922 г.) название города Кингисепп в Ленинградской области. Гашек здесь не работал. «Татаро-башкирскую» (вернее, бурят-монгольскую) газету «Ур» («Заря») он издавал в Сибири.

...путешествовал под чужим именем с фальшивыми документами.— Действительно, Гашек возвращался на родину под чужим именем. Перед отъездом из Советской России ему был выдан паспорт на имя бывшего австрийского военнопленного Юзефа Штейдла.

Стр. 264. *Транслейтания*.— После преобразования Австрии в двуединое государство Австро-Венгрию (1867) так стала называться та часть империи, которая была расположена на востоке и северо-востоке от реки Лейты (Литавы), то есть Венгрия, Словакия, Хорватия и Трансильвания.

Стр. 271. ...дух доктора *Фоустки* и профессора *Батека*.— Профессор Карлова университета *Фоустка*, *Бржетислав* и химик *Батек*, Александр были известны в Чехии своей борьбой против алкоголя.

Стр. 272. *Кек-уок* — негритянский танец.

Стр. 275. ...как на прудах в *Гостиварже*.— Гостиварж — поселок под Прагой, в настоящее время входит в черту города.

ИСТОРИЯ ЗАСЛУГ ПАНА ЯНКО КРИЖА

Впервые напечатан в сборнике Гашека «Две дюжины рассказов», Прага, Й. Отто, 1920 г.

Стр. 277. ...*Яношик* трижды обошел в пляске свою виселицу.— *Юрай Яношик* из Терхова (1688—1713), словацкий крестьянин, участник антигабсбургского восстания в Венгрии в начале XVIII века, руководимого *Ференцем Ракоци* (1676—1735). После поражения восстания стал атаманом «збойницкой» (разбойничьей) дружины, боровшейся против национального и феодального гнета. Образ *Яношика* стал легендарным. Согласно одному из преданий, *Яношик*, приговоренный к смерти, попросил разрешения в последний раз проплясать перед виселицей «збойницкий» танец и три раза обошел в пляске свою виселицу.

Стр. 278. *Гурбан*, *Йозеф Милослав* — словацкий политический деятель, один из руководителей словацкого восстания против венгерской революции 1848—1849 годов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ БАБАМА

Впервые напечатан в сборнике «Две дюжины рассказов», Прага, Й. Отто, 1920 г.

Стр. 283. ...*Мармарошского комитата*.— Комитат — административно-территориальный округ в Венгрии.

Стр. 289. *Древняя Дакия* — в древности область, занимавшая территорию между рекой Тиссой, Карпатами и реками Дунаем и Прутом (нынешняя Румынская Народная Республика и частично — Федеративная Народная Республика Югославия); получила свое название от имени обитавших там племен (даков) фракийского происхождения.

КАК Я ВСТРЕТИЛСЯ С АВТОРОМ НЕКРОЛОГА ОБО МНЕ

Газета «Трибуна» № 13, 16.I.1921 г.

Стр. 291. ...убит различными организациями и отдельными

лицами.— После мобилизации Гашека в австро-венгерскую армию по Праге не раз разносились слухи о его смерти: вначале говорили, что он расстрелян в Чешских Будейовицах за дезертирство, позднее (когда Гашек сдался в русский плен) в газетах появилось сообщение о его расстреле за государственную измену. В связи с вступлением Гашека в Красную Армию, когда командование чехословацкого корпуса издало в Омске приказ о его аресте (опубликованный и в пражских газетах), по столице разнеслась весть, что legionеры повесили Гашека на телеграфном столбе. Ходили по Праге слухи и о том, что он убит в пьяной драке с матросами — то ли в Одессе, то ли во Владивостоке — и даже, что за измену большевикам он погребен ими заживо. В связи с этими слухами в газетах время от времени появлялись и соответствующие некрологи, обычно порочащего характера, отражавшие отношение к Гашеку буржуазных кругов Чехословакии.

ВОЗЛЮБИМ ВРАГОВ НАШИХ

Журнал «Копршивы» № 3, 19.1.1921 г.

Стр. 295. ...В одном из недавних номеров газеты «Час»... — «Час» — буржуазно-либеральная газета; с 1900 г. орган масариковской реалистической партии; порочащая Гашека статья была напечатана в № 3 от 5.1.1921 г.

...прошудировав Калига, Йозефа Кожишка. Калига, Исидор (1858—1924) — чешский педагог и моралист, директор женского педагогического училища в Оломоуце. Кожишек, Йозеф (1861—1933) — чешский педагог и детский писатель.

Стр. 296. ...Армия спасения — реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в Англии в 1865 году; в Чехословакии существовала с 1919 года. В своей организационной структуре копирует военные армии: в ней есть «солдаты», «офицеры», «генералы» и пр.

Кунте, Ладислав (1874—1945) — чешский буржуазный журналист, в 1920—1923 годах — главный редактор «Часа».

Стр. 297. ...красную гвардию.— Речь идет о выступлении чешских рабочих в декабре 1920 года, когда вся страна была охвачена всеобщей забастовкой и происходили кровопролитные стычки с полицией. В Кладно был установлен рабочий контроль над всеми предприятиями Кладненского района, производилась конфискация помещичьих имений и были взяты под рабочий контроль все государственные учреждения города.

ПОЕДИНОК С АРМИЕЙ СПАСЕНИЯ

Журнал «Копршивы» № 4, 26.1.1921 г.

МОЯ ИСПОВЕДЬ

Газета «Ческе слово» (вечерний выпуск) № 22, 28.1.1921 г.

Стр. 304. «28 октября» — реакционная газета (1920—1923), редакторы которой — Модрачек и Гудец — были в числе инициа-

торов публичной травли Гашека по его возвращении на родину.

Стр. 305. «*Научный словарь Отто*» — чешская энциклопедия, издававшаяся Отто в 1888—1908 годах и дополненная в 1930—1940 годах.

Стр. 306. Князь Тун-Гогенштейн Франтишек Антонин (1847—1916) — австрийский реакционный государственный деятель, в годы 1889—1896 и 1911—1915 — наместник Чехии, в 1898—1899 годах — премьер-министр Австрии; в 1911 году получил титул князя.

..*Ту девушку... убил не Гильснер, а я.* — Гашек имеет в виду нашумевший процесс по делу еврея Гильснера из закарпатского местечка Польна, обвиненного в убийстве девушки, совершенном якобы в ритуальных целях.

Стр. 307. *Партия прогрессивных социалистов* — немногочисленная правооппортунистическая группа выходцев из социал-демократической партии, созданная Модрачком и Гудцем (1919—1923).

КАК Я РЕДАКТИРОВАЛ ЖУРНАЛ «ОБОЗРЕНИЕ ДЛЯ ЧЕШСКИХ ЖЕНЩИН И ДЕВУШЕК»

Журнал «Копршивы» № 5, 2.II.1921 г.

Стр. 308. *Ольга Фастрова* (род. в 1876 году) — чешская буржуазная журналистка и писательница. Подписывалась псевдонимом «Ивонна», вела в газете «Народни политика» отдел «Женское обозрение».

Стр. 311. *...имеющая влиятельных знакомых... на Градчанах* — то есть среди политиков, близких президенту Масарику. На Градчанах находится резиденция президента.

Стр. 312. *Министр Брдлик.* — *Брдлик*, Владислав — тогдашний министр земледелия.

ОТДЕЛ ПИСЕМ В «НАРОДНИ ПОЛИТИКЕ»

Газета «Ческе слово» № 32, 8.II.1921 г.

Стр. 314. *...в понедельник у Музея* — то есть у Национального музея.

ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИИ В «НАРОДНИ ПОЛИТИКЕ»

Газета «Ческе слово» (вечерний выпуск) № 39, 18.II.1921 г.

Стр. 317. *...по саду Богниц.* — В Богницах под Прагой психиатрическая лечебница.

ПРОТОКОЛ II СЪЕЗДА ПАРТИИ УМЕРЕННОГО ПРОГРЕССА В РАМКАХ ЗАКОНА

Сатирический журнал «Сршатец» № 13, 10.II.1921 г.

Стр. 321. *...к возвращению Конопиште бедным сироткам эрцгерцога Фердинанда.* — Конопиште — селение близ Праги, где находился замок и земельные владения эрцгерцога Франца Ферди-

нанда фон Эсте, убитого в Сараеве,— было объявлено собственностью Чехословацкой республики.

Стр. 323. *Бенеш, Эдуард* (1884—1948) — лидер буржуазной национально-социалистической партии Чехословакии; в 1918—1935 годах — министр иностранных дел.

Махар, Йозеф Сватоплук (1864—1942) — чешский поэт; выступал с острой критикой австрийской бюрократии и клерикалов, выражал сочувствие рабочему движению, после создания Чехословацкой республики примкнул к лагерю буржуазной реакции, занимал пост инспектора чехословацкой армии.

...*Марианская гаубица* — историческое орудие, хранившееся на улице Марианске градбы в Праге. Марианской гаубицей Гашек иронически окрестил газету «Народни листы».

БУРЖУИ РАМЗЕЛИК

Газета «Трибуна» № 58, 10.III.1921 г.
На русский язык переводится впервые.

ИСТРЕБЛЕНИЕ ПРАКТИКАНТОВ ЭКСПЕДИТОРСКОЙ ФИРМЫ «КОВКАН»

Газета «Трибуна» № 73, 27.III.1921 г.

Стр. 332. ...*направился прямо в «Трою»* — Троя — часть Праги на правом берегу Влтавы, там находится старый замок и парк.

Стр. 334. *Дом представительства* — здание в Праге, в котором происходили торжественные приемы, концерты и пр. Достроено к 1908 году.

МЫТАРСТВА ЛИТЕРАТОРА

Газета «Трибуна» № 84, 10.IV.1921 г.

Стр. 337. «*Сиринокс*» («Свирель») — кружок молодых литераторов декадентского направления, группировавшихся вокруг журнала «Модерни жivot» (1901—1902). Некоторое время собрания кружка посещал Гашек и его друзья — Ладислав Гаек, Йозеф Мах, Иржи Маген и др. Организатором и председателем кружка был двоюродный брат Гашека Роман Гашек.

КАКИЕ Я ПИСАЛ БЫ ПЕРЕДОВИЦЫ, ЕСЛИ БЫ БЫЛ РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА

«*Дельница бесидка*» — приложение к газете «Руде право» № 98, 28.IV.1921 г.

Острота иронии этого рассказа усиливается тем, что писатель почти полностью повторил здесь свой старый, опубликованный в 1909 году в «Карикатурах» фельетон «Всюду хорошо, а дома лучше», обличавший австрийскую монархию. Этим автор подчеркивал, что сложившееся чехословацкое государство мало отличается от свергнутого режима и что в практике подавления народных масс оно очень многое от него унаследовало.

Стр. 344. *Бехине, Рудольф* (1881—1949) — один из лидеров чешских правых социал-демократов, редактор газеты «Право лиду» (1921—1925), министр нескольких составов правительства Чехословацкой республики.

Стр. 349. *Альфа, Адольф*, настоящее имя Адольф Эмиль Вахек (1881—1948) — чешский писатель.

ИДИЛЛИЯ ВИННОГО ПОГРЕБКА

Газета «Руде право» № 89, 17.IV.1921 г.

Стр. 352. *Николау, Станислав* (род. 1878) — чешский реакционный публицист, сотрудник газеты «Народни политика».

«*Пражски вечерник*» — газета клерикальной партии антикоммунистического и антисоветского направления.

Немцова, Божена (1820—1862) — выдающаяся чешская писательница. Автор переведенной на многие языки повести «Бабушка».

Гейдук, Адольф (1835—1923) — чешский поэт; обращался главным образом к сельской тематике, пропагандист чешско-словацкого единства.

Тршебивский, Вацлав Бенеш (1849—1884) — чешский писатель, автор исторических романов и повестей.

Арбес, Якуб (1840—1914) — чешский писатель и публицист. О своих встречах с Арбесом в трактуре «У златого литру» неоднократно упоминает Гашек в книге «История партии умеренного прогресса в рамках закона».

Красногорская, Элишка (1847—1926) — чешская писательница и поэтесса, участница движения за женское равноправие, одна из редакторов газеты «Женске листы» (1873).

Чех, Сватоплук (1846—1908) — известный чешский поэт и писатель, посвятивший свое творчество борьбе за национальное и социальное освобождение народа. Наиболее значительные произведения — сатирическая повесть «Путешествие пана Броучека в XV столетие» (1888) и поэма «Песни раба» (1894).

Врхлицкий, Ярослав (наст. имя Фрида Эмиль) (1853—1912) — выдающийся чешский поэт, драматург и переводчик. Лучшие его произведения — комедия «Ночь на Карлштейне» (1884), поэтические сборники «Сельские баллады» (1885), «Моя родина» (1888).

Пелант, Карел (1874—1925) — чешский журналист и общественный деятель, один из основателей и руководителей атеистического и антиклерикального движения «Свободная мысль» в Чехии, редактор журнала «Вольна мышленка».

Стр. 353. *Тэффи Н. А.* (1872—1952) — русская буржуазная писательница-юмористка. После Октябрьской революции эмигрировала за границу.

Стр. 354. ...*приговора кладненским забастовщикам.*— Речь идет о судебном процессе в марте — апреле 1921 года над участниками декабрьской всеобщей забастовки, сопровождавшейся уличными стычками с полицией, а в Кладно — и захватом правительственных учреждений, помещичьих имений, установлением рабочего контроля на предприятиях и передачей власти местным рабочим Советам. Четырнадцать руководителей декабрьского движения в Кладно,

во главе с Антонином Заптоцким (1884—1957) были осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ДОМА, НА УЛИЦЕ, В УЧРЕЖДЕНИЯХ.
В МАГАЗИНАХ, В ТЕАТРЕ, В АЭРОПЛАНЕ
И НА ФУТБОЛЬНОМ МАТЧЕ

Газета «Трибуна» № 99, 28.IV.1921 г.
Стр. 356. *Лаудова-Горжицова, Мария* (1869—1931) — чешская артистка и журналистка, выступавшая со статьями о правилах поведения в обществе в газете партии аграрников «Венков».

Гут-Ярковский, Иржи Станислав (1861—1943) — чешский буржуазный педагог и писатель, автор книги о правилах хорошего тона — (1914); с 1919 по 1921 год был «церемониймейстером» при канцелярии президента Масарика.

СОЛИДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Газета «Трибуна» № 108, 8.V.1921 г.
Стр. 363. *Каролинум и Клементинум*. — *Каролинум* — основное здание Карлова университета, построено в 1363 году. *Клементинум* — комплекс зданий, состоящий из бывшего монастыря св. Клементя и трех церквей, в XVI веке был передан иезуитскому колледжу, в настоящее время здесь находятся крупнейшие пражские библиотеки.

ЧТО Я ПОСОВЕТОВАЛ БЫ КОММУНИСТАМ, БУДЬ Я ГЛАВНЫМ
РЕДАКТОРОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ОРГАНА
«ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ РЕСПУБЛИКА»

Газета «Руде право» № 107, 8.V.1921 г.
Стр. 369. «*Пражске уржедни новины*» — официальный орган австрийского, а с 1918 года чехословацкого правительства (1825—1864 и 1895—1919). С 1920 по 1938 год газета печаталась под названием «Чехословацкая республика» («Ческословенска република»).

...а если что и сгнило в Датском королевстве... — Перефразировка известного выражения Гамлета из одноименной трагедии Шекспира: «Все гнило в Датском королевстве». (Действие I, явление 4.)

Стр. 370. ...как это было, например, в *Трианове*. — В начале 1921 года в *Трианове* по приказанию капитана Отакара Фридриха сержант Арношт Новачек застрелил за пустячную провинность солдата Людвика Германа, члена социал-демократической левизны. Через короткий срок оба убийцы были оправданы и освобождены.

«Счастливый домашний очаг» — женский журнал мещанского характера, издававшийся Шимачеком.

Стр. 372. *Тусар, Властимил* (1877—1924) — премьер-министр Чехословацкой республики (1919—1920), председатель чешской социал-демократической партии (1920—1924), правый оппорту-

нист, проводивший политику соглашения с буржуазией и жестоко подавлявший революционные выступления рабочего класса.

МАРАФОНСКИЙ БЕГ

Газета «Трибуна» № 115, 18.V.1921 г.

Стр. 373. *Евгений Савойский* (1663—1736) — австрийский полководец, с 1698 года — фельдмаршал, прославившийся своими победами над Турцией и Францией.

Стр. 374. *Гордон Бенетт* — сын американского миллионера, основателя газеты «Нью-Йорк геральд» (осн. в 1835), финансировавшего экспедиции известного путешественника и исследователя африканского континента Стэнли (1841—1904), к Северному полюсу и другие.

ТОВАРИЩЕСКИЙ МАТЧ МЕЖДУ «ТИЛЛИНГЕН» И «ГОХШТАДТ»

Газета «Руде право» № 160, 10.VII.1921 г.

Стр. 382. *...битву под Верденом.* — Верден — город на северо-востоке Франции. В 1916 году под Верденом произошло одно из кровопролитнейших сражений первой мировой войны.

Стр. 388. «Славия», «Спарта» — чешские футбольные клубы.

ДОНЕСЕНИЕ АГЕНТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РОЗЫСКА ЯНДАКА (КЛИЧКА «ТРШЕБИЗСКИЙ»)

Газета «Руде право» № 278, 27.XI.1921 г.

Стр. 389. *Гайшман, Ян* — директор отделения пропаганды чехословацкого министерства внутренних дел, один из организаторов тайной полиции в Чехословацкой буржуазной республике.

Стр. 390. *...к Ангелу* — перекресток «У ангела» в рабочем районе Праги Смихове.

ГИД ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Впервые опубликован в сборнике Гашека «Конференция по разоружению и другие юморески». Прага. 1922 г.

Стр. 395. *...Липнице возле Немецкого Брода.* — Липнице-на-Сазаве — небольшой городок юго-восточной Чехии недалеко от Немецкого (ныне — Гавличкова) Брода, где Гашек провел последние годы жизни (с августа 1921 по январь 1923) и где он похоронен.

Стр. 397. *...сведения, которые дает Седлачек...* — Седлачек, Август (1843—1926) — чешский историк.

...зимний король Фридрих Пфальцки (1596—1632) — курфюрст Пфальца, глава немецких протестантов. В 1619 году он был избран на чешский престол восставшими против Фердинанда II Габсбурга чешскими сословиями. После поражения чешских войск под Белой горой (1620) Фридрих бежал, пробыв чешским королем всего один год; отсюда его прозвище «зимний король».

Стр. 398. *...один из этих Трчков был казнен вместе с Вальдштейном.* — Адам Трчка убит вместе с Вальдштейном в 1634 году.

Трчки — старинный чешский дворянский род, владел Липницким замком с середины XV века. *Вальдштейн* (Валленштейн) Альбрехт (1583—1634) — известный германский полководец времен Тридцатилетней войны (1618—1648), по национальности чех.

РАЗГОВОР С ЦЕНЗОРОМ

Газета «Руде право» № 17, 20.I.1922 г.

В основе рассказа лежат подлинные факты. Гашек написал в Липнице (в содружестве со своим приятелем, актером Э. А. Лоу-генем) две сатирические пьесы: «Министр и его дитя» и «От Праги до Братиславы за 365 дней». Обе пьесы были запрещены цензурой.

Стр. 400. *Кочавамбе* — город в Боливии, центр департамента. ...*Санта-Крус*, Андрес (1794—1865) — генерал, президент Боливии.

Ла-Паса — резиденция правительства.

Стр. 401. *Илларион Даса*, Красоле — президент Боливии в 1876—1879 годах.

Стр. 402. ...*разговор о заднице*. — Намек на обвинение Гашека буржуазной печатью в безразличности в связи с употреблением им в «Похождениях бравого солдата Швейка» простонародных слов и выражений.

Стр. 403. *Гонсалес Писарро* (1502—1548) — испанский конкистадор, брат завоевателя Перу — Франциско Писарро, совершил неудачную попытку объявить себя королем Перу.

Тупак Амару — последний вождь инков, восставших против испанского владычества в Перу; был захвачен испанцами в плен и казнен (ок. 1571 г.).

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Газета «Руде право» № 22, 26.I.1922 г.

Стр. 404. ...*времен будителей* — чешское национальное Возрождение (конец XVIII — первая половина XIX в.).

Стр. 405. *Винаржицкий*, Карел Алоис (1803—1869) — чешский поэт и переводчик.

Яблонский (настоящее имя Карел Эуген Тупый; 1813—1881) — поэт и писатель, автор многочисленных нравоучительных повестей.

ХРЕСТОМАТИЯ ПРИЯТНЫХ МАНЕР

Газета «Трибуна» № 35, 10.II. 1922 г.

Стр. 408. *Книге*, Адольф (1752—1796) — немецкий писатель, автор романов, драм и публицистических статей на темы морали.

Стр. 410. ...*смотри «Гуть» № 28*. — Гашек отсылает к чешской энциклопедии — «Научный словарь Отто». Здесь содержится перечисление чешских поселков с названием «Гуть». Под номером 28 сообщается: «Гуть Склена, или Стегров — село в северо-восточной Чехии».

Подлипская, Софья (1833—1897) — чешская писательница, автор нравоучительных романов, деятельница чешского женского движения.

Стр. 412. *Жупан* — здесь глава (правитель) жупы — административного округа у некоторых славянских народов.

Стр. 415. «*Народни листы*» — чешская буржуазная газета (1861—1941); с 1874 года — центральный орган национальной партии свободомыслящих (младочехи).

КРАХ ФИРМЫ «ГАРРАХ И ГАВЕЛКА»

«Дельницака бесидка» — приложение к газете «Руде право» № 90, 16.IV.1922 г.

Стр. 416. ...*подвесную канатную дорогу на Кривань*. — Кривань — одна из самых высоких гор в Татрах.

Стр. 418. *Глинка*, Андрей (1864—1938) — словацкий католический священник, ярый националист, основатель профашистской Словацкой народной партии (людовцы), требовавшей отделения Словакии от Чехии.

Стр. 419. *Заградник-Бродский*, Богумил (1862—1939) — священник, сотрудник католических газет, автор ряда религиозных брошюр.

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И «НАРОДНИ ЛИСТЫ»

Газета «Руде право» № 95, 23.IV.1922 г.

Стр. 423. *Генуэзская конференция* — происходила в Генуе с 10.IV по 19.V.1922 г. Предметом ее обсуждения были экономические и финансовые проблемы послевоенной Европы. Стремясь взять реванш за поражение в вооруженной борьбе против Советской России, империалистические державы пытались принудить здесь Советское правительство к далеко идущим экономическим и политическим уступкам. Советская делегация, возглавляемая Г. В. Чичериным, сорвала эти планы.

Дык, Виктор (1877—1931) — чешский поэт, в годы первой мировой войны — автор патриотических стихов, после создания Чехословацкой республики оказался в лагере реакции.

Стр. 424. *Амфитеатров* А. В. (1862—1923) — русский писатель; после Октябрьской революции эмигрировал за границу, в 1921—1922 годах жил в Праге.

Брусилов А. А. (1853—1926) — генерал царской армии, командовал русским наступлением на Юго-Западном фронте в 1916 году; после Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти.

«*Русс-унион*» — Российское телеграфное агентство (РОСТА).

...*после выступления Чичерина*. — Имеется в виду предложение Советского правительства о всеобщем разоружении, внесенное на Генуэзской конференции главой советской делегации Г. В. Чичериным.

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ

Газета «Лидове новины» № 358, 20.VII.1922 г.

Стр. 433. ...в Панкраце, Мирове или Борах — тюрьмы в Праге, на Мораве и в Пльзене.

СЪЕЗД ЗЕМЛЯКОВ

Газета «Лидове новины» № 413, 19.VIII.1922 г.

Стр. 441. Ян Гус (1369—1415) — вождь реформации в Чехии, вдохновитель антифеодального, национально-освободительного движения чешского народа (гуситское революционное движение); в 1415 году по приговору церковного собора в Констанце был сожжен на костре как «нераскаявшийся еретик».

Гонза — популярный герой чешских народных сказок, напоминающий Иванушку-дурачка.

ПОМОЖЕМ ДЕТКАМ ПОЗНАТЬ ПРИРОДУ

Газета «Ческе слово» № 153, 30.VIII. 1922 г.

В АЛЬБОМ ГРАЖДАНИНУ МАХАРУ

Газета «Ческе слово» № 235, 5.XII.1922 г.

О МИССИОНЕРАХ

Газета «Ческе слово» № 252, 24.XII. 1922 г.

КАК Я ПОЛУЧАЛ ДЕНЬГИ, ПОСЛАННЫЕ ПО ТЕЛЕГРАФУ

«Юмористический календарь Вилимка» Прага, 1923 г.

Стр. 463. Мария-Терезия (1717—1780) — императрица «Священной Римской империи» из династии Габсбургов.

ДУШЕНЬКА ЯРОСЛАВА ГАШЕКА РАССКАЗЫВАЕТ: «КАК Я УМЕРЛА»

При жизни писателя рассказ не был напечатан. Впервые он появился в книге приятеля Гашека Франты Сауэра, выступившего под псевдонимом Франтишка Кисель; (см. Фр. Кисела «Франта Габан из Жижкова», Прага, Л. Шотек, 1923).

С. Востокова

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПРОИЗВЕДЕНИИ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА,
ВКЛЮЧЕННЫХ В 1—5 ТОМА СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИИ

	Том	Стр.
Австрийская таможня	4	217
Адъютант коменданта города Бугульмы	5	209
Амстердамский торговец человечиною	3	382
Англо-французы в Сибири	5	179
Анонимное письмо	4	124
Антиправительственная афера в Хорватии	3	315
Археологические изыскания Бабама	5	283
Афера Пеланта	4	375
Барон и его пес	4	306
Барышня Зюссова, чешская дева Орлеанская	4	369
Белые о 5-й армии	5	193
«Берите, берите, служивый!»	3	326
Бескорыстные дружбы	4	325
Благотворительность	3	302
Благотворительный фонд пана Каубле	4	44
Бравый солдат Швейк	2	385
1. Поход Швейка против Италии		
2. Швейк закупает церковное вино		
3. Решение медицинской комиссии о бравом солдате Швейке		
4. Бравый солдат Швейк учится об- ращаться с пироксилином		
5. Бравый солдат Швейк в воздушном флоте		
Бравый солдат Швейк в воздушном флоте	2	400
Бравый солдат Швейк в плену	2	305
Бравый солдат Швейк учится обращаться с пироксилином	2	396

	Том	Стр.
Букетик незабудок на могилу национально-социальной партии	5	14
Бунт арестанта Шейбы	3	191
Буржуй Рамзелик	5	325
В аду	4	113
В альбом гражданину Махару	5	456
В бюро сыска	4	332
В Гавличковых садах	4	27
В деревне у реки Рабы...	3	276
Величайший писатель чешский Ярослав Гашек	4	372
Вена, его превосходительству министру финансов, рыцарю Билинскому	4	12
В заброшенной уборной	4	24
Вино лесов, вино земляничное	3	11
В мастерской контрреволюции	5	177
Возлюбим врагов наших	5	295
Вопль из Японии	5	182
Воскресное занимательное приложение	4	191
Восточная сказка	3	64
Восхождение на Мозерншпице	3	178
В родных местах	4	49
Вшивая история	3	135
Гей, Маркал	3	71
Генуэзская конференция и «Народни листы»	5	423
Герой	3	296
Гид для иностранцев	5	393
Гид для иностранцев в швабском городе Нейбурге	4	286
Господин Глоац — борец за права народа	3	140
Грех патера Ондржея	3	292
Двадцать лет тому назад	5	144
Дедушка Янчар	3	247
Дело государственной важности	4	90
Дело о взятке практиканта Бахуры	5	44
День выборов	4	387
Деятельность современного дипломата	4	282
Дневник попа Малюты	5	174
Добросовестный цензор Свобода	4	141
Донесение агента государственного розыска Яндака (кличка «Тршебизский»)	5	389
Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «Как я умерла»	5	473
Жертва немецкой контрреволюции в Сибири	5	187
Жертва уличной лотереи	5	81
Животные и чудеса	3	336

	Том	Стр.
Забастовка преступников	4	63
Замороженные чиновники	5	166
Заседание верхней палаты	4	95
Затмение солнца	4	224
Заторская канония	3	26
Затруднения с пленными	5	236
Збойник за Магурой	3	21
Злоключения избирателя	3	211
Идиллия в аду	3	228
Идиллия винного погребка	5	351
Идиллия кукурузного поля	3	18
Из дневника уфимского буржуа	5	171
Из дневника уфимского буржуа	5	154
Из записок австрийского офицера	4	322
Изумительное чудо святого Эвергарда	3	240
Интервью связанного офицера	4	178
И отряхнул прах от ног своих...	5	258
Исповедь государственного изменника, или тайна Петршинского бастиона	4	135
История жизни	3	204
История заслуг пана Янко Крижа	5	277
История партии умеренного прогресса в рамках закона (сб.)	4	354
История поросенка Ксавера	3	235
Истребление практикантов экспедиторской фирмы «Кобкан»	5	329
Итог похода капитана Альзербеха	5	119
Казначей партии Эдуард Дробилек	4	366
Как Балушка научился врать	4	310
Как бережливые спасли отчаявшегося	4	352
Как в Варнавитском монастыре служили молебен за доктора Функа	3	340
Как вести себя дома, на улице, в учреждениях, в магазинах, в театре, в аэроплане и на футбольном матче	5	356
Как дедушка Перунко вешался	3	38
Как мой друг Ключка рисовал святую Аполену	3	346
Как мы с отцом законоучителем заботились о крещении африканских негритят	3	321
Как пан Мазуха мстил за поруганную супружескую честь	4	117
Как черти ограбили монастырь святого Томаша	3	83
Как Юрайда сделался атеистом	3	286

	Том	Стр.
Как я встретился с автором некролога обо мне	5	291
Как я выбыл из национально-социальной пар- тии	4	208
Как я получал деньги, посланные по теле- графу	5	463
Как я пришивал пуговицу к брюкам	4	259
Как я редактировал журнал «Обозрение для чешских женщин и девушек»	5	308
Как я спас жизнь одному человеку	4	302
Как я торговал собаками	5	34
Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа	5	341
Камень жизни	4	15
Карл был в Праге	5	137
Катастрофа на шахте	3	223
Клинопись	3	56
Когда спросили старые стены	4	161
Когда цветут черешни	4	315
Кое-что о судебных экспертах	5	21
Комендант города Бугульмы	5	203
Конец святого Юро	4	234
К празднику	5	192
Краткое содержание уголовного романа	4	231
Крах фирмы «Гаррах и Гавелка»	5	416
Крестины	3	47
Крестный ход	5	214
Лекция о реабилитации животных	4	384
Лечение ревматизма укусами пчел	3	158
«Любовь, любовь, ты всемогуща»	4	244
Маленький чародей	5	54
Манифест партии умеренного прогресса в рамках закона	4	381
Марафонский бег	5	373
Милосердные самаритяне	3	79
Мой домохозяин Петранек	3	185
Мой друг Ганушка	4	347
Монастырь в Бецкове	4	36
Моя дорогая приятельница Юльча	5	91
Моя исповедь	5	304
Муниципальные выборы	5	427
Мытарства литератора	5	336
Мятеж в австрийском флоте	4	99
Над озером Балатон	3	117
Наследство Шафранека	4	120
Наш дом	3	60
Небесная сказка	3	343

	Том	Стр.
Немецкие астрономы	4	157
Непоколебимый католик дедушка Шафлер в день выборов	4	153
Неприличные календари	4	9
Нет больше романтики в Гемере	3	52
Новая опасность	5	227
Нравоучительный рассказ	3	311
О миссионерах	5	459
О святом Гильдульфе	3	306
Об искренней дружбе	4	340
Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине	5	168
Опасный работник	5	72
Осиротевшее дитя и его таинственная мать	3	251
Отдел объявлений в «Народни политике»	5	316
Отдел писем в «Народни политике»	5	313
Падение кабинета Бинерта	4	88
Пан Маржинек боится мобилизации	4	279
Пан Флорентин и Хохолка	4	195
Партия растет, но ее бьют	4	360
Первое мая советника Мацковика	3	333
Первомайский праздник маленького Франтишка	3	166
Перед Революционным Трибуналом Восточного фронта	5	241
Перед уходом на пенсию	5	5
Перемена фамилии	5	404
Печальная история с котом	4	149
Печальная участь вокзальной миссии	4	182
По следам убийцы	3	377
По стопам тайной полиции	5	123
Повесть о портрете императора Франца- Иосифа I	5	114
Поединок с Армией спасения	5	299
Поиски убийцы	4	72
Помещение для собраний новой партии	4	363
Поминальная свеча	3	93
Поможем деткам познать природу	5	448
Помолвка в нашей семье	4	173
Поп и мулла	4	269
После коронации	4	319
Пособие неимущим литераторам	4	239
Постный день в исправительном доме	5	10
Потемкинские деревни	5	231
Поход Швейка против Италии	2	385

Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны		
Части первая и вторая	1	5, 221
Части третья и четвертая	2	7, 225
Похождения Дьюлы Какони	3	31
Предвыборное выступление цыгана Шаваню	3	67
Преследование новой партии правительственными кругами	4	356
Преступная авантюра пана Тевлина	4	199
Приключение вора Шейбы	4	295
Приключения школьного инспектора Калоуса	3	371
Пример из жизни	3	75
Проблема любви	4	80
Протокол II съезда Партии умеренного прогресса в рамках закона	5	320
Пятидесятилетний юбилей газеты «Народни листы»	4	104
Пятнадцатый номер	4	272
Разговор с горжицким окружным начальником	5	150
Разговор с маленьким Милой	4	255
Разговор с цензором	5	400
Рассказ о доблестном шведском солдате	3	149
Рассказ о мертвом избирателе	5	62
Революционер Зиглозер	4	378
Рекламная сцена	3	97
Решение медицинской комиссии о braveм солдате Швейке	2	393
Рождественский вечер в приюте	3	386
Роман Боженки Графнетровой	5	29
Румынский король охотится на медведей	3	368
Святотатец в Хотеборжи	4	266
Сельская идиллия	3	5
Сердечное поздравление с именинами	4	127
Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра	4	187
Славные дни Бугульмы	5	223
Служебное рвение Штепана Бриха, сборщика пошлины на пражском мосту	4	131
Смерть горца	3	8
Смерть сатаны	4	109
Солидное предприятие	5	362
Солитер княгини	4	54
Сословное различие	4	228
Спасен	4	5
Способ господина полицмейстера	4	168
Старший полицейский комиссар Вагнер	4	335
Страдания воспитателя	5	66
Страстное желание	5	50

	Том	Стр.
Стратегические затруднения	5	219
Судебный исполнитель Янчар	4	251
Судебный процесс по делу Хама, сына Ноя	4	19
Судьба пана Гурта	5	110
Суп для бедных детей	4	59
Сыскная контора пана Звичины	5	86
Сыщик Паточка	4	248
Съезд земляков	5	440
Тайна исповеди	3	263
Творчество эсеров	5	163
Товарищеский матч между «Тиллинген» и «Гохштадт»	5	380
Трагедия одного попа	5	157
Трагическая кончина гимназиста Петишки	4	39
Трагическое фиаско певицы Карневаль	4	83
Траур дворника Якубека	4	275
Трубка патера Иордана	3	171
Убийцы перед судом	3	153
Удивительное происшествие с Франгишком Махулкой, практикантом магистрата	3	359
Удивительные приключения графа Худры- мудрыдеса	3	270
«Умер Мачек, умер...»	3	216
Урок закона божьего	5	25
Уфимский Иван Иванович	5	160
Учитель Петр	3	259
Фасоль	3	131
Финансовый кризис	4	69
Фиолетовый гром	4	328
Фуражка пехотинца Трунца	3	353
Халуте	3	145
Хвала богу	4	138
Хищение людей	3	122
Хозяйственные реформы барона Клейнгампла	4	220
Хрестоматия приятных манер	5	408
Цыганская история	3	103
Цыганская поэзия	3	45
Чаган-Куренский рассказ	4	144
Частный сыщик Гупфельд	4	203
Чем болен аппарат экспедиции	5	196
Через тридцать лет	3	42

	Том	Стр.
Чешский вопрос	5	190
Чжен-си, высшая правда	5	246
Что происходит, когда человек отрекается от церкви	4	214
Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой?	5	184
Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного ор- гана «Чехословацкая республика»	5	368
Швейк закупает церковное вино	2	388
Школа для сыщиков	5	131
Юбилей служанки Анны	3	231
Юбилейное воспоминание	5	199
Юный император и кошка	3	329
Я варю яйца всмятку	4	263

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ, СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ

РАССКАЗЫ 1914—1915

Перед уходом на пенсию. Перевод В. Чешихиной	5
Постный день в исправительном доме. Перевод Т. Мироновой	10
Букетик незабудок на могилу национально-социальной партии. Перевод В. Чешихиной	14
Кое-что о судебных экспертах. Перевод В. Чешихиной	21
Урок закона божьего. Перевод Д. Горбова	25
Роман Боженки Графнетровой. Перевод Д. Горбова	29
Как я торговал собаками. Перевод Д. Горбова	34
Дело о взятке практиканта Бахуры. Перевод В. Чешихиной	44
Страстное желание. Перевод Е. Аникст	50
Маленький чародей. Перевод В. Мартемьяновой	54
Рассказ о мертвом избирателе. Перевод Д. Горбова	62
Страдания воспитателя. Перевод Д. Горбова	66
Опасный работник. Перевод В. Мартемьяновой	72
Жертва уличной лотереи. Перевод Ил. Граковой	81
Сыскная контора пана Звичины. Перевод В. Мартемьяновой	86
Моя дорогая приятельница Юльча. Перевод Р. Разумовой	91

РАССКАЗЫ 1916—1917

Судьба пана Гурта. Перевод Н. Аросевой	110
Повесть о портрете императора Франца-Иосифа I. Перевод В. Чешихиной	114
Итог похода капитана Альзербеха. Перевод Н. Аросевой	119
По стопам тайной полиции. Перевод П. Богатырева	123
Школа для сыщиков. Перевод П. Богатырева	131
Карл был в Праге. Перевод Н. Аросевой	137
Двадцать лет тому назад. Перевод П. Богатырева	144
Разговор с горжицким окружным начальником. Перевод Ю. Молочковского	150

СТАТЬИ И ФЕЛЬЕТОНЫ
В СОВЕТСКОЙ ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ
1919—1920

Из дневника уфимского буржуа. <i>Написано по-русски</i>	154
Трагедия одного попа. <i>Написано по-русски</i>	157
Уфимский Иван Иванович. <i>Написано по-русски</i>	160
Творчество эсеров. <i>Написано по-русски</i>	163
Замороженные чиновники. <i>Написано по-русски</i>	166
Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине. <i>Написано по-русски</i>	168
Из дневника уфимского буржуа. <i>Написано по-русски</i>	171
Дневник попа Малюты. <i>Написано по-русски</i>	174
В мастерской контрреволюции. <i>Написано по-русски</i>	177
Англо-французы в Сибири. <i>Написано по-русски</i>	179
Вопль из Японии. <i>Написано по-русски</i>	182
Что станет с Чехословацкой буржуазной республикой? <i>Перевод с венгерского И. Салимона</i>	184
Жертва немецкой контрреволюции в Сибири. <i>Перевод с немецкого Н. Аросевой</i>	187
Чешский вопрос. <i>Написано по-русски</i>	190
К празднику. <i>Написано по-русски</i>	192
Белые о 5-й армии. <i>Написано по-русски</i>	193
Чем болен аппарат экспедиции. <i>Написано по-русски</i>	196

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ 1920—1922

Юбилейное воспоминание. <i>Перевод И. Ивановой</i>	199
Комендант города Бугульмы. <i>Перевод С. Востоковой</i>	203
Адъютант коменданта города Бугульмы. <i>Перевод С. Востоковой</i>	209
Крестный ход. <i>Перевод С. Востоковой</i>	214
Стратегические затруднения. <i>Перевод С. Востоковой</i>	219
Славные дни Бугульмы. <i>Перевод С. Востоковой</i>	223
Новая опасность. <i>Перевод С. Востоковой</i>	227
Потемкинские деревни. <i>Перевод С. Востоковой</i>	231
Затруднения с пленными. <i>Перевод С. Востоковой</i>	236
Перед Революционным Трибуналом Восточного фронта. <i>Перевод С. Востоковой</i>	241
Чжен-си, высшая правда. <i>Перевод Д. Горбова</i>	246
И отряхнул прах от ног своих... <i>Перевод Н. Аросевой</i>	258
История заслуг пана Янко Крижа. <i>Перевод Т. Мироновой</i>	277
Археологические изыскания Бабама. <i>Перевод В. Савицкого</i>	283
Как я встретился с автором некролога обо мне. <i>Перевод П. Богатырева</i>	291
Возлюбим врагов наших. <i>Перевод Д. Горбова</i>	295
Поединок с Армией спасения. <i>Перевод С. Востоковой</i>	299
Моя исповедь. <i>Перевод Д. Горбова</i>	304
Как я редактировал журнал «Обозрение для чешских женщин и девушек». <i>Перевод Т. Мироновой</i>	308
Отдел писем в «Народни политике». <i>Перевод Д. Горбова</i>	313
Отдел объявлений в «Народни политике». <i>Перевод Д. Горбова</i>	316

Протокол II съезда Партии умеренного прогресса в рамках закона. Перевод Д. Горбова	320
Буржуй Рамзелик. Перевод Е. Аникст	325
Истребление практикантов экспедиторской фирмы «Кобкан». Перевод Ил. Граковой	329
Мытарства литератора. Перевод Р. Разумовой	336
Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа. Перевод Д. Горбова	341
Идиллия винного погребка. Перевод Е. Аникст	351
Как вести себя дома, на улице, в учреждениях, в магазинах, в театре, в аэроплане и на футбольном матче. Перевод Ил. Граковой	356
Солидное предприятие. Перевод Р. Разумовой	362
Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа «Чехословацкая республика». Перевод Н. Розовой	368
Марафонский бег. Перевод Р. Разумовой	373
Товарищеский матч между «Тиллинген» и «Гохштадт». Перевод Е. Аникст	380
Донесение агента государственного розыска Яндака (кличка «Тршебизский»). Перевод Д. Горбова	389
Гид для иностранцев. Перевод И. Ивановой	393
Разговор с цензором. Перевод Д. Горбова	400
Перемена фамилии. Перевод Ю. Гаврилова	404
Хрестоматия приятных манер. Перевод Ил. Граковой	408
Крах фирмы «Гаррах и Гавелка». Перевод Н. Качуровского	416
Генуэзская конференция и «Народни листы». Перевод Н. Аросевой	423
Муниципальные выборы. Перевод Д. Горбова	427
Съезд земляков. Перевод Е. Аникст	440
Поможем деткам познать природу. Перевод Т. Мироновой	448
В альбом гражданину Махару. Перевод Р. Разумовой	456
О миссионерах. Перевод Д. Горбова	459
Как я получал деньги, посланные по телеграфу. Перевод Е. Аникст	463
Душенька Ярослава Гашека рассказывает: «Как я умерла». Перевод С. Востоковой	473
Примечания	478
Алфавитный указатель произведений Ярослава Гашека, включенных в 1—5 тт. собрания сочинений	505

Ярослав Гашек.
Собрание сочинений в 5 томах.
Том V.

Редактор тома
С. Востокова
Технический редактор
А. Шагарина

Подп. к печ. 25/V 1966 г. Тираж 210 000 экз.
Изд. № 1010. Зак. 414. Форм. бум. 84×108¹/₃₂.
Физ. печ. л. 16,126 + 4 вкл. иллюстраций.
Условных печ. л. 27,51. Уч.-изд. л. 25,89.
Цена 90 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, улица
«Правды», 24.